Strawberry Heroes
Shining Hearts
2012

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Данный текст представляет собой мою попытку литературной обработки визуальной новеллы «Katawa Shoujo». Я постараюсь, чтобы получилось достаточно читабельно. Ну и не убегать в сторону от сюжета. Сами понимаете, тут адаптирован только один рут из возможных…

- Страшный Человек
  - Пролог
  - Глава 1 Вход на сцену слева
  - Глава 2 Небольшой разговор
  - Глава 3 Теория эволюции ланчей
  - Глава 4 Другой зелёный
  - Глава пятая Превосходя ожидания
  - Глава шестая Поддержка
  - Глава седьмая Карнавал
  - Глава восьмая Да здравствует спорт! А я помираю…
  - Глава девятая Настоящая Эми
  - Глава десятая Письмо и пикник
  - Глава одиннадцатая Кошмар и надежда
  - Глава двенадцатая Первое свидание
  - Глава тринадцатая Вверх, вниз и снова вверх
  - Глава четырнадцатая Кладовка
  - Глава пятнадцатая Фантомные боли
  - Глава шестнадцатая Шёпот прошлого
- notes
  - 1

Страшный Человек
Caged Hearts [1]

Пролог

Лёгкий ветерок колыхал голые ветви над головой, заставляя их шуметь, словно деревянные колокольчики. По такой погоде звук выходил слегка зловещим.

Летом в этом месте любят уединяться парочки. Густые зелёные своды крон надёжно укрывают их от взглядов учителей и остальных учеников. Но сейчас, в середине зимы, у меня создалось такое впечатление, будто я стою под кучей хвороста. Не самое приятное впечатление, надо признать.

Сложив ладони, я дышал на них и яростно тёр друг о друга, чтобы они не онемели на таком морозе.

— Сколько мне ещё ждать? Я уверен, что в записке говорилось: «В 16:00», — пробормотал я себе под нос.

Записку с просьбой о встрече я обнаружил в своём учебнике по математике, и, честно говоря, был удивлён. Во-первых, я никак не ожидал её получить, а во-вторых — в некоторой степени, это было нарушение традиции. В самом деле, традиционно записки с просьбой о встрече принято подбрасывать в шкафчики для сменной обуви, но в учебник?

Вообще, насколько мне известно, записки подбрасываются обычно в двух случаях. Либо со мной хотят подраться, либо… поговорить о своих чувствах. Человек я неконфликтный, вовсе не какой-нибудь знаменитый на весь район хулиган, так что я склонялся ко второму варианту.

Неужели…?

Да, скорее всего, именно так. Тон записки, место встречи… Вот только подписи не было. Единственное, что можно утверждать наверняка — в этом замешан кто-то из моих одноклассниц. Любой парень в нашем классе не стал бы изобретать такие хитрые ходы и просто отдал бы мне записку из рук в руки. Но учебник — это оригинально. Интересно, это идея автора или гонца, и не являются ли они одной и той же личностью?

Пока я размышлял над смыслом записки, снегопад постепенно усиливался.

Казалось, что весь мир замер в оцепенении, навеки скован холодом, и время остановилось. Всё небо затянуто тучами, непрестанно усыпающими землю, деревья и меня мириадами невесомых снежинок. Только их падение ещё доказывало мне, что время всё-таки движется.

Хруст шагов по свежему снегу нарушил царящую тишину и заставил меня вздрогнуть. Кто-то приближается сзади. Тот (очень

надеюсь, что *ma*), кого я здесь жду?

— Хи… Хисао? Ты пришёл?

Неуверенный, едва слышный вопрос, заданный нежным девичьим голосом, звучащим с затаённой надеждой, заставил моё сердце сладко сжаться. Этот голос был прекрасно знаком мне. Сотни раз я слышал, как его обладательница обращается к кому-то другому. А сейчас — ко мне, лично.

Она так часто мне снилась… или это и есть сон? Ведь не может же быть, чтобы…

Чувствуя, как сердце бьётся всё сильнее, я обернулся к девушке:

— Иванако? Я получил записку с просьбой придти сюда… Она от тебя?

Ну, разумеется, от неё, раз она здесь. Ками-сама, ну почему я говорю эту глупость? Ведь с утра старался придумать подходящую моменту фразу — а в итоге вышло только эта банальщина. Туго у меня с фантазией. Но, блин, тут любые слова из головы вылетят, если на встречу тебя позвала самая красивая девушка в классе, к которой, к тому же, ты неровно дышишь уже с полгода!

Остаётся только надеяться, что у меня не слишком идиотское выражение лица.

Иванако смущённо потупилась и тихо произнесла:

— Эм… да. Я попросила подругу передать тебе эту записку. Рада, что ты получил её.

Взволнованный её застенчивой радостной улыбкой, я замер, не в силах пошевелить ни единым мускулом. Только сердце неистово билось, словно стремилось выскочить из груди прямо к ней.

— Ну… э-э… вот мы и здесь. На морозе…

Опять несу всякий вздор. Но я слишком взволнован происходящим.

Ветер вновь принялся качать ветви. Их нестройный шум звучал словно райская музыка для моих ушей.

Иванако слегка вздрогнула от порыва ветра, выпрямилась и глубоко вздохнула. Похоже, она набиралась смелости для того, чтобы что-то мне сказать.

Наши взгляды встретились — и я почувствовал, что теряю голову. Она неспешно играла прядью своих длинных тёмных волос в смущении.

Всё это время тревожное биение моего сердца только усиливалось.

Что за? Я внезапно услышал шум крови в ушах, а со зрением начало твориться что-то странное. Какие нелепые красные

вспышки перед глазами, которых тут просто не могло быть…

Горло свело судорогой; и я сильно сомневался, что в тот момент был способен выдавить из себя хоть слово.

— Знаешь… я хотела спросить… Не хочешь ли ты встречаться со мной? — с надеждой спросила девушка, глядя мне прямо в глаза.

Это оно? Неужели это то самое признание, на которое я втайне надеялся, но не смел озвучить даже мысленно?

Я хочу, я согласен, я очень хочу сказать «да»… но мои голосовые связки словно натянуты до предела, и я мог только тяжело дышать, стоя как истукан. Ну почему я замер? Сердце стучит как бешеное, и кажется, даже чуть сильнее, чем должно было бы.

— … Хисао? — осторожно переспросила Иванако.

Пытаясь помассировать горло, я попытался поднять руки, но в них словно впились тысячи игл, отзываясь жгучей болью. Надо что-то сказать. Надо дать ей понять, что я согласен.

— Хисао?! — теперь её голос звучал уже испуганно.

Моё тело словно оцепенело, широко открытые глаза метались в ужасе. Красные вспышки перед глазами уже сливаются в единую пелену…

Что со мной?

— ХИСАО!

Внезапно стук в груди прекратился, и мои колени подкосились.

Что?

Полог из голых ветвей, хмурое зимнее небо, Иванако, бегущая ко мне — весь мир вокруг неотвратимо погружался во тьму.

Последнее, что я запомнил, прежде чем меня поглотило забытьё — плачущий голос Иванако, зовущий на помощь и непрерывный шум ветвей на ветру…

* * *

После моего сердечного приступа прошло четыре месяца.

За это время разы, которые я покидал палату без присмотра медиков, можно было сосчитать по пальцам одной руки.

Четыре месяца — довольно долгий срок, когда остаёшься наедине со своими мыслями. У меня было достаточно времени, чтобы смириться со своим положением.

Аритмия.

Странное слово. Незнакомое, чужое. Такое, с которым не

хочется иметь ничего общего. Я, конечно, слышал его раньше, но никогда не интересовался точным значением и уж тем более помыслить не мог о том, чтобы отнести его к себе.

Редкая болезнь. Вызывает перебои в работе сердца, иногда заставляя его биться слишком быстро. Не исключён и летальный исход. Очевидно, что эта болезнь у меня была уже давно. Мне сказали, что это просто чудо, что я смог прожить так долго безо всяких происшествий.

Чудо ли это? Мне кажется, что так врачи просто хотели заставить меня чуть больше ценить свою жизнь.

Однако это нисколько меня не ободрило.

Думаю, мои родители были отрясены куда сильнее меня. Их обоих чуть удар не хватил. Ну, я так думаю. Мне, конечно, ничего такого не говорили, но и отец и мать тогда выглядели довольно неважно.

У меня, по крайней мере, был целый день, чтобы переварить это. Для них же это стало полнейшей неожиданностью. Они готовы были даже продать дом, чтобы заплатить за лекарство от этой болезни.

Но, вот ведь какая штука — лекарства не существует. Такого, чтобы исцелило раз и навсегда. Не лечится аритмия окончательно, а носит хронический характер.

Из-за позднего обнаружения… этого состояния, я должен был оставаться в больнице до полного восстановления.

Вначале, когда ко мне начали приходить посетители, в основном одноклассники, казалось, будто они по мне скучают… Примерно неделю палата была полна цветов, воздушных шаров и открыток. Но вскоре поток навещавших меня людей стал редеть, и все их подарки с пожеланиями скорейшего выздоровления понемногу иссякли.

Я понял, что единственной причиной, по которой я получил так много открыток и цветов, было то, что выражение сочувствия ко мне превратили в задание для класса.

Может, некоторые и правда волновались, но я сомневаюсь в этом. Даже с самого начала ко мне приходили нечасто. К концу первого месяца меня продолжали регулярно навещать лишь родители.

Иванако перестала приходить последней.

Спустя полтора месяца я перестал видеть её в больнице. В любом случае, нам не о чем было разговаривать. Мы никогда больше не касались темы, которая свела нас в тот снежный день.

Больница?

Это точно не то место, где я хотел бы жить.

Доктора и медсёстры казались столь отстранёнными и

безликими. Этого как-то не замечаешь, когда приходишь в больницу ненадолго, но стоит здесь задержаться на сколько-нибудь длительный период — и это буквально бросается в глаза. Я понимал, что мой случай уникален только для меня, что у них здесь ещё сотни пациентов с похожими и ещё худшими проблемами, но всё равно, от подобной… профессиональной деформации становилось как-то не по себе, когда я об этом задумывался.

На протяжении первого месяца, каждый раз, когда я встречал главного кардиолога, я спрашивал хотя бы о приблизительной дате, когда я смогу покинуть больницу.

Он никогда не отвечал прямо, говоря только, что надо подождать и понять, насколько эффективно идёт лечение и насколько успешно прошла операция. Поэтому мне оставалось лишь наблюдать, как шрам, оставшийся на моей груди после операции, со временем меняется. Он казался мне клеймом, оставленным судьбой.

Я продолжал спрашивать кардиолога о сроках моей выписки, но уже практически не надеялся услышать ответ, поэтому его отсутствие меня не разочаровывало. То, какие слова он использовал, уходя от ответа, по крайней мере, оставляли мне хоть какую-то надежду. Пусть даже и призрачную.

В какой-то момент я перестал смотреть телевизор. Не знаю почему. Просто перестал, и всё.

Возможно, в моей ситуации это был неподходящий способ ухода от реальности.

Вместо этого я начал читать. В больнице была небольшая «библиотека», которая, впрочем, больше походила на кладовку. Я поглощал книгу за книгой, проглатывая по небольшой стопке, и возвращался за добавкой.

Внезапно я обнаружил, что мне нравится чтение, я даже немного пристрастился к нему. Я стал чувствовать себя голым без книги в руках.

Мне так нравились все эти истории… Японские и зарубежные романы, детективы, фантастика и приключения. Неторопливо-тягучие как патока — и стремительные, как разряд молнии или взмах клинка…

Так я и жил.

Дни становились всё более одинокими, различались только погода за окном и обложка книги у меня в руках. Время словно превратилось в какую-то клейкую массу, в которой я увязал, вместо того, чтобы плыть дальше.

Я не замечал, как пролетают недели. Случалось, я даже не знал, какое сегодня число. Экзамены, выпускной, начало нового

учебного года — всё это незаметно прошло мимо меня и осознавалось мной уже постфактум. И то — без особого пиетета. Даже то, что собственный день рождения я провёл в больнице, не вызвало у меня особых эмоций.

Но иногда окружающая действительность вдруг пробивалась через барьер безразличия, которым я себя окружил. Страницы книги начинали казаться острыми и жгли руки, а тяжесть в груди становилась невыносимой. Я вынужден был откладывать книгу и просто лежать некоторое время, глядя в потолок, словно собираясь заплакать.

Но это случалось нечасто.

Да я даже не мог плакать.

* * *

Сегодня ко мне с улыбкой на лице пришёл доктор. Странно, но я постоянно забываю его имя. Он казался слегка взволнованным, словно пытался порадоваться и от моего имени тоже.

Мои родители тоже здесь были. В последний раз они приходили несколько дней назад. Почему они пришли сегодня? Они даже одеты были как-то по-праздничному. Сегодня должно произойти что-то особенное? Не слишком похоже на вечеринку. А вдруг выписка?!

Нет, это слишком уж хорошая новость, чтобы оказаться правдой.

Начался привычный ритуал главного кардиолога: он не спеша разложил бумаги на столе, а затем убрал их в сторону, словно подчёркивая бессмысленность этого действия.

Он небрежно сел на край соседней койки и пару мгновений смотрел мне в глаза.

— Здравствуй, Хисао, — наконец произнёс он. — Как ты себя чувствуешь?

Я промолчал, но слегка улыбнулся в ответ. А то он сам не знает — последний осмотр был всего пару часов назад. Да и вопрос этот, если честно, надоел мне до чёртиков.

— Думаю, ты уже можешь вернуться домой, — продолжил кардиолог. — Твоё сердце стало сильнее, и, если ты будешь соблюдать некоторые меры предосторожности, всё будет в порядке. Мы определились с необходимыми для тебя лекарствами. Я отдам рецепт твоему отцу.

Доктор протянул ему лист бумаги, пока я пытался осознать, что именно она сказал. Всё-таки, меня выписывают? Это правда?

Наконец-то моё состояние пришло в норму!

Когда отец пробежался глазами по рецепту, его лицо приняло каменное выражение.

— Так много… — пробормотал он.

Я взял листок у него из рук, чтобы посмотреть самому, и ошеломлённо замер. Как мне было ещё на это реагировать?

Меня будто по голове огрели.

Абсурдно длинный список лекарств, смотрящий на меня с листа бумаги, казался неприступной крепостью. Текст сливался в сплошное море букв.

Это безумие.

Побочные эффекты, лекарства, которые могут заменять друг друга, противопоказания и дозировки перечислены строка за строкой с холодной точностью.

Я пытался разобрать, что там написано, но тщетно. Я не смог понять ни слова. Попытки сделать это лишь вызывали раздражение. И дело было не только в почерке кардиолога — я совершенно не разбирался в фармакологии и названия лекарств для меня были не понятнее, чем абстрактная живопись.

Всё это… каждый день, на всю мою оставшуюся жизнь?

— Боюсь, это всё, что мы пока можем сделать. Однако постоянно появляются новые лекарства, и я не удивлюсь, если с годами список уменьшиться, — вздохнул доктор.

С годами… Каким образом это должно было вселить в меня уверенность? Я бы чувствовал себя спокойнее, если бы он промолчал. Какие ещё годы? Время для меня своё значение как-то подрастеряло, и я не видел особой разницы между «послезавтра» и «никогда».

— И ещё. Я поговорил с твоими родителями, и мы решили, что тебе лучше не возвращаться в твою старую школу, — между тем продолжал говорить доктор.

Что?!

Кровь бросилась мне в лицо. Как это я не вернусь в свою школу?

— Хисао, пожалуйста, успокойся. Послушай, что скажет доктор, — попросил меня отец.

Успокоиться? Раз он попросил об этом, значит, прекрасно понимал, что я буду недоволен. Я что, перевожусь на домашнее обучение? Снова сидеть весь день в четырёх стенах в одиночестве? Нет, не хочу!

Но все мои проявления беспокойства игнорировались.

— Мы все понимаем, что твое образование — это главное. Вместе с тем, оставлять тебя без медицинского присмотра будет неразумным. По крайней мере, пока мы не убедимся, что эти

лекарства тебе подходят. Так что я поговорил с твоими родителями о переводе. Речь идёт о школе «Ямаку», созданной специально для учащихся с ограниченными физическими возможностями, — сказал доктор.

С ограниченными возможностями? Что? Получается, я… теперь тоже из этой категории, так?

— Их медперсонал работает круглосуточно, и всего в нескольких минутах находится престижная больница. Большинство студентов живёт в общежитии при школе. Считай это своего рода престижной частной школой. Она организована так, чтобы ученики могли научиться самостоятельности, и при этом помощь всегда находилась неподалёку.

«Самостоятельности»? Это школа для детей-инвалидов. Не пытайтесь это скрыть!

Будь она на самом деле такой «свободной», там бы не было постоянного медицинского надзора, и наличие поблизости больницы не было бы включено в её рекламу.

— Конечно, тебе решать, идти туда или нет. Но… мы с мамой не сможем обучать тебя дома. Мы ездили туда пару недель назад и внимательно присмотрелись к ней. Думаю, тебе там понравится, — подключился к разговору отец, серьёзно и грустно глядя на меня.

Кажется, у меня и правда нет выбора.

— Люди с такой проблемой, как у тебя, обычно живут дольше, чем с другими сердечными заболеваниями. Однажды тебе понадобится работа, и это хорошая возможность продолжить обучение.

Это не возможность, не смейте называть это возможностью. Какая это к чертям возможность? Я плохо понимал, что мне говорят, потому что в тот момент будущее казалось мне туманной и совершенно безрадостной картиной.

Доктор внушал мне:

— Ты должен радоваться такому шансу. Я помню, как ты хотел снова вернуться в школу, и пусть это не та же самая…

Специальная школа… Это же…Оскорбление. Вот что я хотел сказать. Это шаг назад.

— Это не то, о чём ты думаешь, — возразил отец. Кажется, он понял, о чём я думаю по одному моему взгляду. — Все ученики там ведут достаточно активный образ жизни, каждый по-своему. Школа создана специально для ребят, которые продолжают жить свое жизнью и учиться, но нуждаются в небольшой помощи… того или иного рода.

— Твой отец прав. И немалое число выпускников этой школы достигли поразительно многого. Инвалидность не должна

препятствовать развитию человека. Один мой коллега из другой больницы — их выпускник, — весомо заметил доктор.

Мне было плевать. Инвалидность не должна препятствовать развитию? Как раз препятствием она и является. Какой ещё коллега из другой больницы? Вы думаете, меня это сейчас волнует?

Меня ужасно разозлило, что столь важное решение было принято за меня. Но что я мог поделать? О нормальной жизни теперь не могло быть и речи.

Забавно: я всегда думал, что моя жизнь довольно скучна, но теперь мне её не хватало.

Я хотел протестовать, но мне оставалось только списать мою вялую реакцию на шок или усталость. Я мог бы закричать что я, несмотря ни на что, хочу вернуться в старую школу. Но нет.

Я молчал, потому что знаю, что это бесполезно.

Инвалид. Я.

Неизлечимо болен.

Школа с постоянным медицинским присмотром.

Я окинул взглядом свою палату, и меня охватила усталость от всего этого. От больницы, от докторов, от процедур — всего. Здесь нет ничего, что заставило бы меня изменить настрой.

Выбора действительно не было. Я знал это, но мысль о том, чтобы пойти в школу для инвалидов… Какая она вообще? Очень трудно было думать об этом в позитивном ключе. Очень трудно было поверить в то, что я больше не нормальный человек.

Но я должен попытаться.

Новое начало — не так уж и плохо.

Это всё, о чём я мог думать, чтобы заставить себя пережить это. По крайней мере, у меня оставалось ещё хоть что-то, даже спецшкола всё же лучше, чем ничего. Это новое начало, не всё ещё для меня потеряно. Я не мог позволить себе думать иначе.

Я хотя бы должен увидеть, на что будет похожа моя новая жизнь.

Я внимательно посмотрел на доктора. На отца. На так и не проронившую ни слова маму, тем не менее, внимательно наблюдавшую за мной во время всего разговора.

Нельзя отступать даже ни разу не попробовав.

— Хорошо. Я всё понял. Я буду учиться в «Ямаку».

Глава 1 Вход на сцену слева

Ворота выглядели слишком напыщенно.

Впрочем, ворота часто производят подобное впечатление, но эти выделялись особенно. Красный кирпич, чёрное кованое железо и серая лепнина составляли, на мой, надо признать, довольно-таки предвзятый взгляд, совершенно негостеприимную композицию. Я задумался над тем, должны ли школьные ворота вызывать подобные эмоции, но не смог придти ни к чему определённому. Наверное, всё же нет.

Конечно, я не собирался вечно тут стоять и думать о воротах. Так что я прошёл в них быстрым шагом, что оказалось довольно приятно. Двигаться по жизни вперёд вообще приятно.

Я направился к главному корпусу интерната «Ямаку», где кто-то должен меня встретить. Один, потому что родители отвозили мои вещи в общежитие. Почему именно так — я не понял, но с родителями решил не спорить, хотя предпочёл бы заселяться сам. Наверное, потому, что выписали меня в субботу, в воскресенье я собирал вещи и готовился к переезду, а сегодня уже понедельник, и с сегодняшнего дня я уже приступаю к обучению в «Ямаку».

Вокруг всё было покрыто пышной зеленью.

На обычные школьные клумбы, к которым я привык, местное окружение похоже не было. Скорее, напоминало парк с чистыми дорожками, вьющимися между деревьев, запахом свежеподстриженной травы — со всем тем, что делает парк парком.

Мне сразу пришли на ум слова «стерильный» и «гигиеничный». И меня передёрнуло от свежих воспоминаний. Сдаётся мне, что ещё долго больницы не будут вызывать во мне никаких светлых чувств.

«Выбрось это из головы. Оставайся непредвзятым. Это твоя новая жизнь — прими её такой, какая она есть», — вот что я говорил себе, шагая по дороге к своей новой школе.

За кронами деревьев виднелись очертания нескольких больших зданий. Их слишком было много, и они были необычайно велики для простой школы.

Зрелище оказалось совершенно непривычным и совсем не соответствующим моим прежним представлениям об учебных заведениях.

Весь этот вид почему-то вызывал у меня неприязнь. Пусть мне и говорили, что это теперь моя школа, но я чувствовал себя здесь чужим. Насильно выдернутым из привычной мне среды обитания и помещённым сюда, как в зоопарк.

Интересно, правдиво ли это впечатление или оно является результатом моего предубеждения?

Кстати, я до сих пор не встретил ни души. Становилось как-то жутковато, как в мистических романах.

Мне уже хотелось увидеть кого угодно, лишь бы избавиться от ощущения, что я попал в другое измерение. Ну, кроме, разве что откровенных представителей того самого другого измерения вроде призраков или гоблинов.

Шумящие на ветру деревья и пышная сверкающая зелень вокруг отвлекли моё внимание. Мне снова подумалось о больницах, где «операционные окрашены в зелёный цвет, потому что он успокаивает». Так почему же, несмотря на всю эту зелень, мне так тревожно?

Уже дойдя до главного корпуса, я внезапно осознал причину заминки у ворот. Там у меня был последний шанс повернуть назад, пусть мне и некуда возвращаться. Но когда я вошёл, пути назад не осталось.

С этой мыслью, по-прежнему волнуясь, я отворяю парадную дверь.

Когда я вошёл, меня сразу заметил высокий, слегка сутулый мужчина. Неудивительно: кроме нас в вестибюле никого не было. Вероятно, это тот самый человек, которому было поручено меня встретить.

— Ты, наверное… Ни… На… Ники? — обратился мужчина ко мне, когда я подошёл к нему. Голос у него звучал хрипловато и слегка отстранённо. Как будто мыслями он был где-то далеко.

— Накай, — уточнил я свою фамилию.

— Да, именно. Отлично, — оживился незнакомец. — Я твой классный руководитель и учитель естественных наук. Меня зовут Акио Муто. Добро пожаловать.

Классный руководитель вышел встретить новичка? Необычно, в моей старой школе такого не было.

Я с интересом посмотрел на своего нового учителя.

Муто был очень высоким и худым человеком для японца. Я и сам немаленький, но он возвышался надо мной примерно на полголовы, если не больше. Пожалуй, его рост составлял около ста восьмидесяти сантиметров. Узкое, вытянутое лицо, лёгкая небритость, чуть рассеянный взгляд… Пожалуй, он лучше смотрелся бы в лабораторном халате, чем в своей нынешней одежде. Тёмные рубашка, брюки и галстук, а также коричный длинный пиджак придавали ему слегка мрачноватый вид.

В целом, учитель мне понравился, хотя и выглядел не как учитель, а, скорее, как усталый частный детектив из какого-нибудь криминального романа.

Мы обменялись небрежным рукопожатием, и он посмотрел на часы.

— Тебе следует зайти в медкабинет, но сейчас на это нет времени.

— Ага. Наверное, я туда загляну попозже?

Не поверите, но я даже обрадовался, что в кои-то веки у меня нашлись более важные дела, чем медицинский осмотр.

— Да, после обеда было бы замечательно, — кивнул Муто. — Сейчас нам нужно представить тебя одноклассникам. Они уже ждут.

Ждут меня? Я не люблю быть в центре внимания, но, в подобной ситуации это неизбежно. Всё-таки не каждый день в классе появляются новые лица, особенно если это происходит не в первый месяц с начала занятий. Впрочем, это же школа для инвалидов, кто знает, как часто не везёт другим ребятам, когда они оказываются здесь. Вряд ли болезни и несчастные случаи любезно ждут до каникул или выходных.

Беспокойство о том, какой мне окажут приём, снова заставило меня нервничать, и в результате я пропустил мимо ушей практически всё, что говорил мне учитель.

— Ты хочешь сам представиться классу? — спросил меня Муто. Судя по интонации, это его действительно интересовало.

— Да, конечно. В смысле, мне кажется, что так принято, — пожал я плечами. На самом деле, разницы я не видел в упор.

— Разумеется. Просто не все любят быть в центре внимания, — пояснил учитель.

Наверное, я один из этих людей, но лучше бы мне произвести первое впечатление самостоятельно. Как говорится, никогда не выпадает второй шанс произвести первое впечатление. Надеюсь, что не налажаю.

— Бывает, но для меня это не проблема, — ответил я.

— Ну, тогда пойдём, — одобрительно кивнул мне Муто. Мой ответ ему явно понравился.

Когда я поднимался за учителем по лестнице, сердце бешеным стуком в груди напомнило о причине моего появления здесь.

Так, спокойно, Хисао. Ты уже в гораздо лучшем состоянии, чем был. Это самое обычное волнение, испытываемое любым человеком, вне зависимости от того, есть у него проблемы с сердцем или нет.

Третья дверь третьего этажа была помечена как класс 3–3.

Муто открыл её и вошёл внутрь. Я же немного замешкался.

— Всем доброе утро, — раздался его голос уже из кабинета. — Извиняюсь, что снова опоздал.

Снова? Интересно…

У самых дверей меня в очередной раз охватило сомнение.

Ну же, соберись, тряпка! Я понимаю, что это важный шаг, но…Наверное, нет причин так сильно переживать, по крайней мере, пока.

Я вошёл в класс следом за учителем и огляделся, стараясь не встречаться с любопытными взглядами моих новых одноклассников.

В классе оказалось довольно просторно: высокий потолок и широкие проходы между партами. Доска занимала всю стену, а из-за больших, старомодного вида окон, расположенных на уровне головы, она казалась ещё больше. Простые деревянные парты с полочками для книг. Простые деревянные стулья с металлическим каркасом. Незамысловато и эффективно.

Я повернулся лицом к ученикам. На первый взгляд они выглядели так же, как и ученики любой другой школы. Но тогда почему они здесь?

Наверное, их недуги не видны на первый взгляд, как и у меня. Потом я заметил, что у одной из девочек не хватает большого пальца на правой руке. Это немного обескураживало. Значит, моё предположение не слишком соответствует истине.

Вопреки нормальной практике слушать, когда кто-то говорит о тебе, примерно с середин речи мои мысли начали заглушать слова учителя, представляющего меня классу.

Я поймал на себе робкий взгляд девочки, сидящей на последнем ряду. Меня привлёк блеск её прямых длинных волос. Заметив, что я смотрю, она быстро закрывает лицо руками, будто пытаясь стать невидимой.

Дальше сидел какой-то парень с тростью, прислонённой к шкафчикам. Странно видеть кого-то столь молодого с тростью.

Другая девочка совершала какие странные движения руками. Язык жестов? Она бросила на меня взгляд поверх очков и снова вернулась к своему занятию. Она довольно мила, как и её соседка — весёлого вида девчонка с розовыми волосами. Её трудно не заметить — не знаю, как я не обратил на неё внимания, когда зашёл в класс…

Розовые волосы? Вы серьёзно?

— … пожалуйста, поприветствуйте нашего нового ученика, — закончил свою речь учитель.

Он начал аплодировать, и все вторили ему, кроме однорукой девочки в первом ряду. Стараясь скрыть свою растерянность, я поклоном поблагодарил всех за эти незаслуженные аплодисменты.

После этого в классе повисла пауза, намекавшая мне, что

следовало, наконец, что-то сказать.

— Ну… Я — Хисао Накай.

И что ещё? Как всегда, в ответственные моменты я несколько растерялся.

— Я увлекаюсь чтением и футболом. Надеюсь, что мы поладим, хоть я здесь и новенький.

Увлекался футболом. Спорт для меня теперь под запретом. А к чтению я пристрастился уже в больнице, но пусть лучше меня расстреляют, чем я признаюсь в этом перед всем классом.

А потом что?

Я ужасно скучен. Совершенно типичная презентация. Надо придумать что-нибудь ещё. Что-нибудь поинтереснее. Но в итоге я так ничего и не сказал, и учитель продолжает за меня. Как всегда. Некоторые вещи не меняются, и от этой мысли мне стало немного полегче.

Впрочем, кажется, все удовлетворились и той малостью, что я рассказал. Несколько девочек начали перешёптываться, бросая на меня взгляды. Что ж, могло быть и хуже.

Я слушал, как учитель бубнит о том, что нам стоит подружиться, а сам смотрел по сторонам.

Кажется, все внимательно его слушали, и, когда он закончил, снова раздались аплодисменты, что выглядело довольно странно. В этот раз захлопала даже девочка из первого ряда, ладошкой здоровой руки по запястью другой руки, которая оканчивалась перебинтованной культей.

Меня начало слегка мутить.

Непривычно. Очень непривычно. И зачем я здесь?

— Сегодня мы будем работать в группах, так что у тебя будет шанс пообщаться с ребятами. Как ты на это смотришь? — внимательно посмотрел на меня Муто.

— Отлично.

— Хорошо, ты будешь работать с Хакамити. Она — староста класса. Она ответит на все твои вопросы. Кто бы сделал это лучше неё, верно? — неловко улыбнулся он.

Мне-то откуда знать?

Учитель раздал нам задания и объявил, что мы будем работать в группах по трое.

Внезапно я понял, что не знаю, кто из моих новых одноклассниц Хакамити. Чёрт. Учитель, кажется, заметил мою растерянность и поспешил придти на помощь.

— А, точно. Хакамити вон там. Сидзунэ Хакамити.

Как только он назвал её имя, симпатичная девочка с ярко-розовыми волосами и золотыми глазами энергично замахала мне рукой. Я сел рядом с ней у окна.

— Привет, ты, наверное, Хакамити, да? Приятно познакомиться, — обратился я к ней.

Розововолосая немедленно расхохоталась.

В чём дело? Её смех застал меня врасплох. Что я такого сказал.

— Я тоже рада познакомиться! Но! Я не Хакамити, я Миша. Хакамити — вот! Ситтян!

Хихикая, Миша указала на девочку, сидящую рядом с ней — ту, что пользовалась языком жестов. Похоже, она наблюдала за мной всё это время. Она безразлично кивнула мне, давая понять, что осведомлена о моём присутствии, но это её не слишком волнует.

У неё были короткие, аккуратно уложенные волосы и тёмно-синие глаза, смотревшие то изучающее, то равнодушно, поверх овальных очков на изящном носике.

— Рад познакомиться.

Она тут же обратила взгляд к Мише, которая улыбнулась и сделала пару быстрых движений руками.

Хакамити кивнула и ответила подруге несколькими жестами.

Получается, одна из них глухая, а вторая — переводчик? Что ж, буду знать. Кстати, Миша - это ведь прозвище, а имени своего она мне так и не назвала. Впрочем, это не к спеху.

Я задумался над тем, не пошутил ли учитель насчёт «пообщаться с ребятами» и «она расскажете тебе всё». С одной стороны, вроде бы юмор тут и есть, причём, чёрный. С другой — Муто не выглядел человеком, способным на такие нелепые розыгрыши. Больше было похоже на то, что он просто забыл, что привычный для всего класса факт окажется сюрпризом для меня.

— Я вижу, ты немного сбит с толку, да? Да? — затараторила Миша. — Но я понимаю, почему ты принял меня за Ситтян! Ситтян — глухонемая, а я передаю сообщения от неё и для неё. Я словно переводчик! Она говорит, что ей тоже приятно с тобой познакомиться!

Ну, это я уже и так понял, но спасибо за пояснение.

«Ситтян» что-то сказала на языке жестов.

— Ты ведь новый ученик, да? Конечно же, да, Ситтян! Если бы он им не был, то не было бы смысла в том его выступлении перед классом, правильно? Правильно! Похоже, он очень интересный человек, правда? Мы знали, что должен придти новенький, но не думали, что это будет сегодня. Так скоро! Да, Хиттян? — Похоже, что Миша говорила сразу за двоих, озвучивая одновременно Хакамити и вставляя свои реплики. Получалось довольно забавно.

Одновременно со своими словами она активно

жестикулировала, видимо для того, чтобы подруга была в курсе дела.

Как она меня назвала? Хиттян…?

— Угу, тебе идёт, не правда ли? — довольно подтвердила Миша.

Я сказал это вслух? Это просто от неожиданности. Мне никогда не нравилась эта кличка. Отдаёт чем-то детсадовским.

— Не вижу, каким образом, — отказался я.

— Идёт! Ты выглядишь точно так, как я себе представляла! — воскликнула Миша.

Жесты её подруги и её довольное лицо не предвещали ничего хорошего…

— Ха-ха-ха! Да-да, ты выглядишь в точности, как Хиттян!

Ну вот, я так и знал.

— Интересно, почему все так считают…

Хакамити постучала пальцами по столу, привлекая внимание Миши. Затем они начали жестикулировать так оживлённо, что движения их рук стали практически неразличимы.

Миша выглядела немного ошеломлённо:

— Аха-ха! Ой, прости! Ситтян просит передать, что она — староста класса, и, если тебе нужно о чём-то узнать, можешь её спрашивать.

Староста? Что ж, вполне логично доверить новичка именно старосте класса, особенно, если староста — девочка. Но вот то, что к ней будет прилагаться столь энергичная особа, предположить заранее я не мог.

— Как тебе школа? Мы можем показать тебе окрестности, если ты не успел ещё побродить… и ознакомиться? Со всем самостоятельно! — Миша на мгновение спотыкается на трудном слове, невольно выделив его на фоне в целом беглого перевода.

— Спасибо, это было бы здорово. Я как приехал — сразу отправился в класс, — кивнул я.

Сидзунэ нахмурилась.

— Ха-ха-ха! Нехорошо! Нужно заранее как можно больше узнавать о местах, в которые собираешься отправиться. И это касается не только школы! Всегда! Даже если это поход в магазин! — со смехом переводила Миша. — Так ведь, Ситтян? Ха-ха-ха!

Узнавать о местах, в которые отправляешься? Я так никогда не поступал, точнее, никогда не заботился о таких вопросах. Знакомые места я знал и так. Довольствоваться чужим впечатлением о незнакомых не хотелось. А в «Ямаку» я вообще не желал никогда бывать и услышал о ней только от главного кардиолога.

Я не желал этого перевода, просто кое-как мирился с ним.

Я ничего не произнёс вслух, и Миша сделала несколько жестов, под конец, пожав плечами. Что это было? Видимо, что-то обо мне.

Я почувствовал себя так, будто сел мимо стула. Они улыбались, но это её пожатие плечами неожиданно сильно меня задело.

— Ты какой-то грустный, с тобой всё в порядке? — неожиданно заботливо поинтересовалась Миша.

Хакамити в свою сделала несколько жестов.

— Пожалуйста, не пойми меня неправильно! Ненавижу, когда люди боятся задавать вопросы! Ведь только так и можно научиться чему-либо — спрашивая! Просить помощи совершенно нормально, так же, как и нуждаться в ней! Прекрати выглядеть так, словно ты только что провалился на экзамене! Ва-ха-ха-ха! — Интересно, сколь экспрессии в речи старосты было на самом деле и сколько привнесла от себя переводчица?

— Хорошо.

Староста что-то показала на пальцах Мише.

— А, и ещё: тебе необязательно обращаться к Ситтян официально типа «Хакамити» или «староста»! Можешь звать её просто Ситтян! — воскликнула Миша.

Судя по выражению её лица, «Ситтян» была против.

— А-ха-ха! Ладно, наверное, это слишком нескромно. Может, «Сидзунэ» будет лучше?

Энергичный кивок и несколько жестов.

— Угу, угу! «Сидзунэ» подходит!

— Хех, ладно. Мне так будет намного проще, — согласился я.

Мне стало гораздо спокойнее. Они казались столь дружелюбными, что я почувствовал себя дураком за свой недавний страх. Особенно из-за Сидзунэ, которая, как я думал, будет слишком строгой.

То есть, она такая и есть. Просто не настолько, насколько я опасался.

Сидзунэ нахмурилась и толкнула соседку в бок.

— А? Точно, мы же ещё даже не притронулись к заданию! Надо сейчас же начинать работать, иначе Ситтян рассердится.

— К тому же, задание довольно большое, так что если мы не начнём сейчас, то не успеем до конца урока, — вздохнул я.

— Ва-ха-ха! И это тоже!

Сидзунэ нетерпеливо смотрела на нас. Не требовалось знать язык жестов, чтобы понять этот взгляд.

— Ладно-ладно, я понял.

Староста слегка улыбнулась.

— После занятий мы сможем погулять вместе. Сегодня такой хороший день! Ладно?

Над заданием действительно приходится поработать: оно весьма трудное и чересчур большое.

И всё же, начав с опозданием, мы закончили работу раньше всех в классе. Сидзунэ и Миша и правда весьма способные.

Однако они абсолютно разные. Староста спокойная и деловая, каковой и выглядит, Миша же гораздо более весёлая и легкомысленная. И совсем не такая усидчивая.

По правде говоря, они выполнили большую часть работы. Мне от этого стало как-то неловко. Впрочем, после четырёх месяцев в больнице, неудивительно, что я несколько отвык от обычных школьных занятий.

На башне с часами пробил колокол, возвещая конец урока. Настало время ланча.

Мне ничего не остаётся, кроме как последовать за Мишей, которая повела меня в коридор и дальше, вниз по лестнице. Сидзунэ следовала прямо за мной.

Мы спустились на самый нижний этаж, ещё ниже того вестибюля, где я встретил Муто.

Как и везде в этой школе, в столовой много свободного места, а её современное убранство контрастировало со старинной архитектурой самого здания. Большие арочные окна смотрели во двор, в сторону главных ворот.

— Это — столовая! — воскликнула Миша, обводя помещение широким жестом.

Энергичное утверждение столь очевидного факта заставило людей вокруг оглянуться на нас, но Мише, кажется, всё равно, и мы спокойно встали в очередь. Похоже, её неплохо знают в школе. Впрочем, я скорее бы удивился, если бы её не знали.

Меню сначала поразило меня широтой ассортимента, но вскоре я понял, что большинство блюд были предназначены для учеников с определённой диетой. Как мило. Я будто снова попал в больницу, где порции отмерялись с математической точностью, чтобы выдать нужную пациенту дозировку.

Аппетит пропал мгновенно. Я выбрал себе первое попавшееся блюдо, даже не поняв током, что именно я собрался есть, и, последовав за Сидзунэ к столику, сел напротив неё.

Пока я безразлично ковырялся в еде, которую предпочёл бы вовсе не есть, Миша толкнула меня в бок и указала на Сидзунэ.

Та что-то показывала мне руками, и я изобразил на лице вежливое недоумение.

Я не знаю языка жестов, так что всё равно ничего не понял. Но, может быть, так принято — смотреть не на переводчика, а на

того, кто к тебе обращается?

— Ты хочешь о чём-нибудь узнать?

— Например?

— О чём угодно! Ведь мы — твои проводники, так что не стесняйся спрашивать, если есть о чём!

— Хм, интересно… Ах, да. В этой школе есть библиотека? В последнее время я увлёкся чтением, так что хотел бы туда сходить.

С одной стороны, чтение слегка напоминало мне ор больнице, с другой — за ним я совершенно забывал о своём недуге. Плюс оно было хоть какой-то ниточкой, соединяющей меня с прошлым.

Миша одарила меня хмурым взглядом, давшим понять, что она не считает чтение здоровой привычкой, но затем улыбка снова вернулась к ней.

— Есть! На втором этаже, мы потом тебе покажем!

— Спасибо.

Я возвращаюсь к еде, а девочки тем временем общаются между собой.

Девочки начинают оживлённо жестикулировать, косясь на меня, но Миша воздерживается от перевода.

Может, обсуждают какие-то девчачьи секреты?

Я быстро понял, что беседы на языке жестов недостаточно, чтобы заполнить тишину.

И отчего Мише не понравилась моя любовь к чтению? Я же никому не навязываю своего мнения.

Мы рано вернулись в класс, но, оказалось, что мы уже не первые.

Тёмноволосая девочка, которую я заметил ранее, склонилась над своей партой в последнем ряду. Она слегка подпрыгнула на месте, когда Миша вломилась в класс с изяществом носорога, и ещё глубже вжалась в стул. Я издалека почувствовал исходящее от неё напряжение, будто из-за нашего присутствия она медленно начала превращаться в камень.

Не обратив на это никакого внимания, Сидзунэ и Миша прошли мимо неё на свои места, всё так же продолжая свою безмолвную беседу.

Но я продолжал думать о ней, пока класс медленно заполняется учениками, и наконец приходит учитель.

Странно было вновь вливаться в ритм школьной жизни: будто мой мозг помнил, что это такое, но тело позабыло, как это делается.

К концу занятий я уже начал зевать и считать оставшиеся минуты. Нехорошо так уставать в первый же день. Наверное, всё

дело в долгом пребывании в больнице. Я физически ощущал вялость и бессилие.

Наконец-то звенит последний звонок.

Занятия на сегодня окончены.

Сидевшие рядом Миша и Сидзунэ обменялись несколькими жестами. После небольшой заминки Миша повернулась ко мне:

— К сожалению, мы не сможем остаться и показать тебе окрестности, Хиттян. У нас много работы на сегодня, поэтому нам уже пора. Ты и сам найдёшь дорогу, я не сомневаюсь, — объяснила она бодрые жесты Сидзунэ.

— Эй, постойте! Учитель сказал, что мне надо зайти в медкабинет. Где он находится? — спохватился я. А то сейчас убегут девушки по своим делам, а мне что прикажете делать? Спрашивать у каждого встречного направление или просить проводить? С моим везением, первый, кто мне встретится, будет передвигаться на костылях, и до медпункта я доберусь уже к ночи.

— Вот как? Ну, думаю, это мы сможем тебе показать! Пошли, у медиков отдельное здание, так что нам надо выйти на улицу, — задумчиво согласилась Миша.

Мы присоединились к потоку учеников, спускавшихся вниз по лестнице и далее, на улицу. По пути девочки показывали мне кабинеты других старших классов, находящихся на нашем этаже.

Выйдя на улицу, они направились к небольшому строению рядом со школой. Оно было построено в том же стиле, что и главное здание, поэтому казалось его неотъемлемой частью.

— Это административный корпус. Внутри — много важных служебных помещений, таких как офис интерната «Ямаку» и медкабинет. Тут даже бассейн есть! — указала розововолосая девушка. И как ей разрешили выкрасить волосы в такой цвет? И как, интересно не возражает против этого староста?

— Это что — тоже служебное помещение? — с каменным лицом уточнил я.

Сидзунэ нахмурилась.

— Не глупи, Хиттян! Он нужен для физиотерапии, конечно. В общем, медицинские кабинеты тоже находятся тут. Кабинет, который тебе нужен — на первом этаже. Дальше ты и сам найдёшь дорогу, да? Тогда мы пойдём. До завтра! — помахала мне рукой Миша.

Сидзунэ просто кивнула.

— Ага, спасибо. Пока, — прощался я уже со спинами девушек, одна из которых услать меня просто не могла.

Целое здание для персонала, никак не связанного с обучением? Наверное, для такого места это необходимо.

Например, если у кого-то прихватит сердце. Однако, тут серьёзно заботятся о здоровье учеников, учитывая больницу поблизости.

Я вошёл внутрь, надеясь, что это и правда будет лишь краткий визит, как и говорил учитель.

На белой двери с зелёным крестом была прибита табличка с надписью: «Главный фельдшер Судзуки Рюхей».

Я постучал в дверь, и мне в ответ раздался неразборчивый возглас.

Приняв его за приглашение войти, я открыл дверь.

Кабинет оказался сравнительно небольшим и в нём странно пахло. Странно даже для меня, привычного к больничным запахам.

Когда я вошёл, ко мне развернулся сидящий в офисном кресле приветливый мужчина.

На его столе царил порядок, но под ним находилась корзина, переполненная использованными медицинскими принадлежностями вроде пластырей и ватных тампонов, а на столе виднелись следы по меньшей мере дюжины кружек из-под кофе.

Похоже, что за здоровьем учеников господин главный фельдшер следит заметно лучше, чем за состоянием своего стола.

— Добрый день! Чем могу помочь? — Он выглядел молодо и немного сурово, однако ямочки на щеках начисто стирали это впечатление, когда он улыбался.

— Кхм, это вы — фельдшер? Господин Судзуки Рюхей?

Он улыбнулся с видом человека, который не раз слышал подобный вопрос:

— Ну да. Так написано на двери, разве нет? Можешь обращаться ко мне по имени или просто «фельдшер», как и все остальные.

Конечно. Я с некоторым трудом прогнал смущение, поняв, что мне следует пожать протянутую им руку. Его рукопожатие оказалось крепким и дружеским. Любят здесь руки пожимать, однако. Словно мы и не в Японии, а где-нибудь на Западе.

— Да… эм, Судзуки-сан, я новый ученик, и мой классный руководитель сказал зайти к вам. Меня зовут Хисао Накай.

Фельдшер оживился и щёлкнул пальцами.

— А, тот самый Накай! Я читал твою медицинскую карту с утра. Хроническая аритмия, не так ли?

Он жестом указал мне сесть в кресло напротив него.

— Ну да, — подтвердил я, усаживаясь и стараясь устроиться поудобнее. Кресло это как раз позволяло.

— Отлично. Думаю, тебе уже вкратце рассказали о школе, так что я быстренько пройдусь по основным пунктам. У нас тут есть

все необходимые службы, в основном предназначенные для физиотерапии и тому подобного. Поблизости всегда есть кто-нибудь из персонала, даже ночью, так что не стесняйся обращаться к нам, если возникнут проблемы, — весело сказал Судзуки-сан.

Тот самый знаменитый медперсонал с круглосуточным дежурством. Как ж, слышали.

— Ух ты. Прямо как в больнице, — безразлично протянул я.

— Ну не совсем. К примеру, мы не проводим тут операции на мозге, — подмигнул он.

Его шутка была столь неуместна, что я не понял, зачем он вообще это сказал.

— Да уж. Просто мне непривычно такое количество медперсонала в школе, — я рефлекторно передёрнул плечами. — Очень уж больницу напоминает.

— Ничего-ничего, скоро привыкнешь, — бодро отозвался фельдшер.

Я не был бы так в этом уверен, однако не посчитал нужным оповещать его об этом. Кто знает, кто из нас в итоге окажется прав.

— Давай-ка я снова найду твою медкарту… — усмехнулся Судзуки-сан. А он, похоже, весёлый человек. Во всяком случае, повеселее, чем Муто. И снова не соответствует тому образу, который заранее сложился в моей голове. Тенденция, однако…

Пока он что-то искал в компьютере и тасует пачки бумаг на столе, я осматривался вокруг.

Обстановка представляла собой воплощённую заурядность. Бежевые стены и потолок, пол, покрытый тёмно-серым ламинатом, и оборудование, которое ожидаешь увидеть в кабинете у любого школьного медработника. Даже нелепые плакаты, призывавшие меня правильно питаться — три раза в день и полным набором продуктов — висели на каждой стене.

Фельдшер с довольной улыбкой извлёк из кипы бумаг толстенную папку и открыл её.

— Так, ты уже принимаешь лекарства от аритмии, просто не забывай делать это утром и вечером, иначе от них будет мало пользы. Помимо этого… ты занимаешься спортом? Активным? Например, не знаю… боксом?

Он снова улыбнулся собственной шутке, но я опять на неё не ответил. Мне начинало казаться, что у кого-то в этой комнате странное чувство юмора, и это определённо не я.

— Ну, я, бывало, играл в футбол с одноклассниками.

— Ясно. Боюсь, мне придётся порекомендовать тебе, воздержаться от этого, по крайне мере на время обучения здесь.

— Угу, — кивнул я со скучающим выражением лица.

Он приподнял брови в ответ на мою вялую реакцию, но меня и в самом деле не особенно заботил запрет пинать мяч. Всё равно, я делал это не из-за горячей любви к спорту, а просто чтобы убить время. И чтобы не отрываться от дружеской компании.

— Любой удар в область сердца для тебя очень опасен, и рисковать схлопотать очередной приступ, было бы не очень хорошей идеей, — Судзуки-сан стал несколько серьёзнее. — Предыдущий приступ тоже был вызван ударом? В бумагах об этом не упоминается.

— Ну… не совсем.

Я уклонился от ответа, и он серьёзно посмотрел на меня поверх бумаг. Вы что, реально ждёте от меня, чтобы я признался вам в том, что угодил на операционный стол после того, как мне призналась девушка, да? Чтобы он снова начал шутить? Благодарю покорно.

— Но всё равно тебе нужно поддерживать пользу, и кое-какие упражнения пойдут на пользу. Как я уже сказал, у нас есть кабинет физиотерапии, но я не думаю, что в твоём случае она столь необходима. Просто регулярно выполняй простые упражнения. Небольшие прогулки или даже бег трусцой, скакалка, и тому подобное. Например, плавание. У нас тут есть бассейн, — доверительно сообщил мне главный медработник.

— Мне уже сказали, спасибо.

— Да? Очень хорошо. В любом случае, хоть я и уверен, что тебе это уже говорили, будь осторожен и не переутомляйся, — погрозил мне пальцем фельдшер, чтобы подчеркнуть важность своих слов. Впрочем, я действительно слышал это уже тысячу раз.

В смысле, про «будь осторожен». Про бассейн, который ни разу не служебное помещение я услышал от Миши буквально несколько минут назад.

— Никакого ненужного риска. Береги себя, — серьёзно повторил Судзуки-сан.

— Хорошо, обязательно.

Он еще раз пробежал глазами по моим бумагам и отложил их на край стола, по-видимому, удовлетворённый.

— Хорошо. Тогда всё. Приходи, если что-нибудь понадобится.

Меня выпроводили так скоро, что я не успел опомниться. И правда, краткий визит.

* * *

Передо мной открылся вид на главное и административное

здания. Впрочем, на мой взгляд, они выглядели практически одинаковые.

Зато я впервые смог спокойно рассмотреть других учеников, поэтому я просто стоял и наблюдал, как люди выходят из школы и расходятся по своим делам — в общежитие или к воротам, за территорию. Кажется, они все знали, куда им нужно.

И я всё ещё думал, что большинство из них не выглядели настолько «особенными», чтобы ходить в специальную школу. Да и я тоже. Это делает меня одним из них? Одним из нас?

Я тоже должен идти, пока меня не потеряли.

Пора было ужинать, но я чувствовал себя скорее уставшим, чем голодным. Пожалуй, лучше лягу сегодня спать пораньше.

Пока я нехотя плёлся к общежитию, удаляясь от главного здания, усталость во мне только нарастала. И это была не приятная усталость от хорошо выполненной работы, а прекрасно знакомая мне болезненная. Надеюсь, что вскоре забуду про неё, как про страшный сон.

Между школой и общежитием раскинулся небольшой сад. Кусты, цветы и наполнявший воздух запах свежескошенной травы. Сквозь усталость мне пришла в голову мысль, что запах казался таким непривычным просто потому, что я давно не был на улице.

Общежитие оказалось большим старомодным строением из красного кирпича, таким же помпезным, как и всё в это школе. Я толкнул дверь и вошёл внутрь.

С трудом выловив из кармана ключ, зацепившийся за подкладку, я отправился искать свою комнату.

— Комната 1-1-9…

Несмотря на весь внешний антураж, внутри здание общежития выглядело современным, функциональным и скучным. Как и в главном здании, просторные коридоры, широкие двери и лифты в коридорах были приспособлены для инвалидных колясок. Логично, но непривычно и слегка напряжно.

Я заглянул в первую попавшуюся комнату, где несколько учеников смотрели телевизор. Один из них кивнул мне и бросил «привет», прежде чем вновь отвернуться к экрану. Видимо, общительны тут только девушки. Что ж, меня это вполне устраивает. Тем более, что от телевизора я заметно отвык, как и от больших компаний.

Я поднялся на второй этаж.

Здесь коридор разветвлялся на небольшие блоки. В каждом из этих блоков были расположены четыре комнаты и общие туалет и душевая. Примерно в середине коридора одного из них я отыскал и комнату 119.

Таблички с именами, расположенные на дверях напротив

моей пусты. Видимо, нас тут только двое.

Из-под двери комнаты 117 виднелась полоска света, и я тихонько постучал туда.

— Эй, есть кто дома?

Судя по табличке, этого человека зовут Сэто Кэндзи. Ну что ж, будем знакомиться.

Внутри послышалась невнятная возня, а затем я услышал щелчки гораздо большего количества замков, чем можно было ожидать. Через мгновение дверь со скрипом открылась.

На пороге стоял парень в очках. Он пристально смотрел на меня сквозь свои невероятно толстые линзы. Несмотря на конец весны, его шея была замотана красно-жёлтым шарфом. Честное слово, будь у него ещё шрам на лбу, я решил бы, что парень косплеит Гарри Поттера.

— Кто там? — подозрительно осведомился «косплеер». Голос у него оказался резким и пронзительным.

Он что, слепой? Нет, видимо, не совсем, иначе, зачем ему очки…

Сосед подошёл ко мне так близко, что наши носы чуть не соприкоснулись. От него воняло чесноком, и я невольно поморщился, надеясь, что этого «Поттер» не увидит.

— Хисао Накай. Я буду жить в соседней комнате. Я подумал, что мне следует предста…

Его лицо неожиданно прояснилось, и он, отступив назад, с улыбкой протянул руку куда-то в область моей диафрагмы:

— О, привет чувак. Я Кэндзи.

— Привет, — я с некоторой опаской пожал его потную ладонь, слегка опешив от резкой перемены его настроения и столь пылкого приветствия.

— В твоей комнате были недавно какие-то подозрительные люди, — сообщил Кэндзи многозначительным тоном, слегка понизив голос.

— Вероятно, это были мои родители, — пожал я плечами.

Ну а кто же ещё, кроме них? Хотя, для него они совершенно посторонние люди, и вполне могли оказаться подозрительными, особенно, если «Гарри Поттер» их толком и не видел.

— Родители? Ты уверен? Ведь это могли быть и какие-то другие люди. Никогда не стоит судить о книге по обложке.

Это неуместное сравнение повисло между нами, пока я пытался придумать, что бы такого ответить.

— Вероятность этого достаточно высока, — спокойно произнёс я.

Он вздрогнул и сделал неопределённый жест руками:

— Да ты храбрец, Хисао. А вот я бы не стал доверять

вероятности. Единственный, кому я доверяю — это я сам.

— Значит, у тебя нет оснований доверять и моим словам.

Он ненадолго задумался.

— Верно подмечено. Чёрт, а ты умнее, чем кажешься. Возможно. Как ты выглядишь? Надеюсь, не как какой-нибудь умник? — Кэндзи прищурился и снова наклонился ко мне, однако я отступил назад. — Ладно, не важно.

Он развернулся, замешкавшись на мгновение, чтобы нашарить дверную ручку, и захлопнул за собой дверь. И, судя по звукам, снова заперся на все свои замки. И зачем ему столько?

Даже не знаю, повезло мне с соседом или не очень.

Я вставил ключ в замочную скважину комнаты 119 и повернул его.

Что ж, на ближайший год эта комната станет моим новым домом. Унылые бежевые стены, белое постельное бельё, стол из какого-то светлого дерева. Уродливые занавески. Ничья комната. Лишённая всякой индивидуальности, как больничная палата.

Рядом с кроватью валялись мои сумки, уже гораздо более пустые, чем были с утра, а открытый шкаф был забит моей одеждой. Я заметил и несколько комплектов школьной формы. Завтра нужно будет обязательно надеть её, а то в своей повседневной одежде я, наверное, смотрелся белой вороной. А я не люблю слишком уж выделяться из коллектива… даже из такого. Одинаковая же форма даёт же какое-то иррациональное ощущение сопричастности.

К рукаву одной из рубашек была приколота записка:

> *Привет, Хиттян. Мы распаковали твои вещи и заправили постель. Нам сказали, чтобы ты заглянул завтра к заведующему, если они не подойдут. Если возникнут проблемы, ты всегда можешь позвонить нам.*
>
> *С любовью, мама и папа.*

Опять Хиттян! Если бы я не знал, что это невозможно, я бы подумал, что родители сговорились с Мишей. Или я и в сама деле выгляжу как «Хиттян»? Не хотелось бы…

Ну, по крайней мере, мне не нужно беспокоиться о распаковке вещей, хотя я надеялся, что можно будет ненадолго занять себя этим.

Было ещё довольно рано, но совершенно измотанный, я положил записку на стол и лёг.

Растянувшись на кровати, я захотел почитать что-нибудь, но книг с собой я не взял. Очевидно, это сказывалась больничная привычка читать, когда больше нечем было заняться.

Во мне нарастало странное беспокойство, в конце концов,

заставившее меня встать.

Может, это из-за стресса? Я нервничал перед тем, как попасть сюда, и затем весь сегодняшний день. Наверное, продолжаю нервничать и сейчас.

Чёрт, мне надо как-то отвлечься, чтобы не быть постоянно таким скованным.

Завтра пойду и возьму пару книг в библиотеке. Непременно так сделаю.

А пока…

Моё внимание привлекли аккуратно расставленные на прикроватном столике пузырьки с лекарствами. Я взял один из них и потряс, просто чтобы услышать, как загремит содержимое, а затем прочёл приклеенную этикетку.

Хисао Накай.
Две таблетки в день, чтобы оставаться в живых.

На самом деле, надпись немного другая, но смысл примерно такой.

Это ненормально, когда твоя жизнь зависит от лекарств. Меня это раздражает, но разве у меня есть выбор?

Со вздохом я приступил к своему новому ежедневному ритуалу приёма нужного количества таблеток, внимательно следя за дозировкой.

Я снова лёг и стал смотреть на пустой, такой незнакомый потолок, чувствуя внутри пустоту и неуверенность.

Потолок продолжал казаться чужим и тогда, когда комната погрузилась во тьму, а длинные тени протянулись по стенам словно пальцы. Но постель стала чуть более уютной по сравнению с тем холодом, который считался тут комнатной температурой: смявшиеся простыни образовали подобие тёплого гнезда.

Скоро потолок превратился в смутную тень и начал выглядеть как любой другой потолок ночью, оставшись единственной вещью, которую я ещё мог различить.

Ночь звала меня в сон, и я снова почувствовал, как по моей спине ползёт холод от страха и неизвестности.

Я уплывал всё дальше от знакомого мне мира.

Глава 2 Небольшой разговор

Я проснулся в незнакомой комнате. Прошлым вечером я забыл занавесить окно, поэтому светло-серый потолок был залит ярким утренним светом.

Я забыл, да?

Это ведь моя комната? Моя комната…

Уже третья за этот год комната, которую я должен был считать своей. Вокруг были расставлены мои вещи, а это значит, что комната действительно моя. Мои сумки на полу. Мои новые учебники на столе. Мои бесчисленные лекарства на тумбочке.

Совершенно верно. Теперь я живу тут.

С минуту раздумывая, я глядел на пузырьки, затем взял один из них, вытряхнул таблетку, а вторую выдавил из блистера. Быстро запивая их глотком воды, я старался не думать о том, как может быть вредна вся эта химия. Хотя, вроде бы какие-то из моих таблеток были призваны нивелировать вредное влияние других препаратов на мою печень и желудок? Надеюсь, что я правильно помню это, дополнительных проблем со здоровьем мне не нужно. Одного сердца вполне достаточно.

Моя форма висела в шкафу. Я вылез из-под одеяла и, потянувшись, принялся одеваться. Надевать новую школьную форму — всё равно, что примерять чужие вещи. Синтетический запах стирального порошка ударил мне в нос так, что едва не чихнул, но ощущать свежесть новой одежды было всё же приятно. Форма как форма. Не сильно отличается от той, которую я носил раньше. То же можно сказать и об остальном. Пока что здесь мало что отличалось от обычной школы.

Только люди.

Я припомнил свой вчерашний разговор с Кэндзи, смешливость Миши и яростную жестикуляцию Сидзунэ. Пока что я познакомился только с тремя учениками. Может быть, они и не совсем обычные, но я был уверен, что это скорее исключение. Или именно такие люди и были здесь нормальными?

Что здесь вообще считается нормальным? Чем люди занимаются? Я не видел, чтобы кто-нибудь слонялся по школе после занятий, так что, наверное, тут есть кружки. Если так, может стоить вступить в какой-нибудь?

На протяжении всего урока этот вопрос не выходил у меня из головы, и поэтому, когда мы снова поделились на группы, я решился задать его Сидзунэ. В конце концов, она ведь говорила, что я могу спрашивать её обо всём, что меня интересует.

Сидзунэ скрестила руки на груди и медленно перевела взгляд

на Мишу, увлечённо стиравшую ластик на конце карандаша до получения идеально гладкой поверхности.

— А-ха-ха! Извини. Ситтян! Ты что-то хотела? — отозвалась Миша.

Сидзунэ жестами обрисовала ей суть вопроса.

— А… Вот оно что! Хм… хороший вопрос. Хиттян.

Первое, о чём я подумал — она не знает ответа. Но, может, я слишком категоричен. В любом случае, Миша, пожалуйста, не давай подтверждения моей догадке. В любом случае, я так и не понял, отвечала ли сейчас Миша сама или только озвучивала Сидзунэ.

— Точно! У нас всех поощряют вступать в кружки. Многие так и делают, потому что тут всё равно заняться нечем. Ещё есть школьные мероприятия, вроде фестиваля, который будет через несколько дней. Почти все ученики принимают участие в его подготовке по мере своих сил. Так что! Ты перевёлся в очень интересное время… может, и для тебя найдётся занятие!

— Я не против. А в честь чего фестиваль? — полюбопытствовал я. Дело принимало интересный оборот. Отчасти это объясняло невысокий интерес ко мне одноклассников — все были в предвкушении.

Миша замерла.

— Ва-ха-ха-ха! Я не знаю, Хиттян, дело в том, что это — местный праздник, а я нездешняя, поэтому…. — Миша в растерянности обратилась к Сидзунэ, кажется, прося её о помощи. Сидзунэ величественно поправила очки и начала уверенно и быстро жестикулировать.

— Что? А…Да какая разница? — Миша набрала воздух в лёгкие и с несоразмерной торжественностью и громкостью озвучила Сидзунэ. Слишком громко. К нам обернулось уже несколько человек.

— Потише нельзя? — слегка поморщившись попросил я.

— Люди эволюционируют с каждым новым поколением! Вместе с ними неизбежно изменится и смысл фестиваля! Сейчас главное — это вкусная еда и весёлые аттракционы, в которых можно что-нибудь выиграть! Ха-ха-ха-ха! — воскликнула Миша.

Учитель, пристально глянув на нас, громко откашлялся, при этом похлопывая длинной деревянной указкой по ладони словно дубинкой. Вспомнив, наконец, где находится, Миша едва сдержала вскрик и замолкла. Сидзунэ, нисколько не смутившись, только отмахнулась.

Последовала новая серия жестов.

— Уже середина урока, и пора бы приступать к работе. Точно, Ситтян! — расшифровала Миша. — Что? Точно! Хиттян, ты

спросил потому что хочешь вступить в кружок?

Может, это была всего лишь игра моего воображения, но мне показалось, что девочки подозрительно переглянулись. Интонация Миши также изменилась… хотя она и так постоянно менялась.

— Да, я подумывал об этом.

Миша и Сидзунэ снова переглянулись.

Я собрался уже спросить, не собираются ли они чего предложить, но моё внимание отвлекает чья-то тёмная фигура, которую я уловил боковым зрением.

Краем глаза я заметил, как девочка с длинными тёмными волосами встала из-за парты и беззвучно выскользнула за дверь. Непохоже, чтобы она работала в какой-то из групп, и никто, кроме меня, не обратил на неё внимания.

Я повернулся к учителю, который тоже видел, как она уходила. Почему он ничего не сказал? Это вообще нормально? А может, ей как раз пришло время каких-нибудь медицинских процедур?

(Миша): — Хиттян? Что-то не так?

Моё замешательство настолько очевидно? Или Миша заметила, как я смотрел на ту девочку?

— Нет, всё в порядке, — помотал я головой.

— Отлично! Значит, у тебя нет никаких планов на большую перемену? — Миша почему-то потёрла руки, а Сидзунэ подозрительно оживилась. Что они, замыслили? Вообще-то я собирался пойти в библиотеку, взять пару книжек, но туда я ещё успею зайти.

— … Да нет, в принципе.

— Тогда давай поедим вместе?

— Давай.

— Ура! А-ха-ха-ха! Отлично, Хиттян! Здорово!

Оставшаяся часть урока прошла без происшествий. Длинноволосая девочка так и не вернулась в класс. Я не успел придумать, куда бы она могла пропасть, когда учитель объявил, что пришла пора сдавать работы.

Сидзунэ, похоже, была расстроена, что мы едва успели завершить работу в срок. Я же обрадовался, что мы вообще закончили. Это ведь не соревнование какое-нибудь.

— Ещё как соревнование, Хиттян! — возразила розововласка.

Я что сказал это вслух? Надо быть поосторожнее, а то с моим языком ещё сболтну что-то не то.

— Не может быть, — возразил я.

— Да ну? — хитро прищурилась Миша.

— Ну да.

Я давно приметил, что Миша всегда сопровождала жестами не только свои слова, но и реплики окружающих — со стороны это выглядело очень забавно. Очевидно, это для того, чтобы Сидзунэ понимала, что происходит вокруг. Её взгляд постоянно переключался на меня с Мишиных рук и обратно.

Я не совсем понимал, на кого мне нужно смотреть. Разговор шёл через Мишу, но, может быть, я должен был обращаться к Сидзунэ? Я привык смотреть на того, чей голос слышу, но… Сидзунэ не могла меня слышать, но было бы неуважением говорить с ней только через Мишу. Впрочем, разве она не делала так же? Но при этом она смотрела на меня… Это обескураживало, и к этому, видимо, мне ещё придётся привыкать.

— Это не соревнование, потому что соревнование — это борьба за призы. Нет приза — нет и соревнования, — пояснил я свою точку зрения.

Глаза Сидзунэ вспыхнули. Она смотрела на меня так, словно я бросил ей вызов. Похоже, для неё это действительно являлось состязанием.

Я никогда раньше не замечал, насколько завораживает тёмная синева её глаз.

— Уверен, Хиттян? — спросила Миша.

— Абсолютно.

— Ха-ха-ха! Ты неправ, Хиттян. Потому что! Я не хочу быть самой медленной в классе. Поэтому ставка — уверенность в своих силах, а приз — подтверждение моих способностей Ва-ха-ха-ха-ха! — при переводе Миша явно была в восторге от своей подруги.

Сидзунэ поправила очки, всем видом выражая уверенность в своих словах.

Я бы ещё поспорил, но тут прозвенел звонок. Вскочив, Миша подхватила сумку и в нетерпении повернулась ко мне. Чего это она? А, точно. Я чуть не забыл, что собирался с ними перекусить.

— Где хочешь поесть? — спросила Миша, взглянув на руки старосты.

— … в столовой? — заломил бровь я. Как будто я знаю удобные местечки в «Ямаку» сразу после перевода. Да и если бы выяснял заранее, как скорее всего, сделала бы Сидзунэ — это информация была не того рода, чтобы её печатали буклетах. Тут всё надо узнавать либо от живых людей, либо на личном.

— Ха-ха-ха! Так банально… Ладно! Пошли!

Банально? Да, пожалуй… В прежней школе у меня было своё местечко на открытом воздухе позади здания, где я обычно ел. Отличное место — жаль, что я нашёл его только в конце первого года. Интересно, есть ли здесь что-то подобное? Должно быть, Миша это и имела в виду.

Сидзунэ и Миша притащили меня в столовую, как ни странно, полупустую. Видимо, многие и правда предпочитали есть в классе или на улице. Я видел коробки с ланчами у некоторых одноклассников. После еды Миша вернулась к разговору, который мы начали в классе.

— Итак, Хиттян, ты хотел узнать о кружках и всяком таком, да? Да? — начала она в своей уже привычной мне быстрой манере.

Хакамити с улыбкой что-то ей показала на пальцах.

— Да. Ситтян! Думаю, лучше сначала спросить! — согласилась хохотушка с подругой.

Кивнув друг другу, они снова повернулись ко мне. Миша выпрямилась, будто собралась произнести речь:

— Хиттян, у тебя есть какое-нибудь увлечение?

— Раньше я игра в футбол, но без особого интереса. И никогда ни за кого не болел. В последнее время я стал много читать, — пожал я плечами. Вообще-то я вчера говорил об этом, когда представлялся классу. Ах, да, Сидзунэ же глухая, а Миша вполне могла в этот момент отвлечься…

— Хм… — протянула Миша. — Здесь есть литературный кружок, да, Ситтян? Да! Но! Кажется, у них нет свободных мест. Извини, Хиттян… Они очень популярны.

Ну, естественно. Чтение — это настоящее спасение от скуки и уныния в больнице, уверен, со мной согласятся большинство учеников.

Сидзунэ продолжала улыбаться.

— А, да! Что самое главное, Хиттян, не значит ли это, что у тебя нет других идей? — спросила Миша.

— В самом деле, нет.

Жесты.

— Хорошо! Отлично! Это отлично. Хиттян! Замечательно! Ха-ха-ха! Ва-ха-ха-ха-ха! — видно было, как сразу обрадовались обе девушки.

— Почему это так уж прям замечательно? — я подозрительно прищурился. Вот прям нюхом чую, что они что-то замыслили.

— Да неважно. Дело в том, Хиттян, что кроме кружков и приближающегося фестиваля здесь есть ещё такая вещь… Школьный совет!

Понятно. Не знал, что в этой школе есть ученический совет. Хотя непонятно, зачем они разыграли целый спектакль, чтобы сообщить мне об этом? Они и сами заметили, что перестарались: Сидзунэ немного смущается, а Миша заливается смехом.

Сидзунэ тут же попыталась взять разговор под контроль, если можно так выразиться — ведь говорила она всё равно через

Мишу.

— Ха-ха-ха! Хм? Да, да… Хиттян, может, тебе стоит вступить в Школьный совет? Им могут пригодиться новые люди. Да! Точно! Тебе точно надо вступить! — затараторила Миша, видимо, надеясь взять своё напором.

— Зачем?

— Ну, например, затем, чтобы каждый день быть вместе, Хиттян! Мы с Ситтян тоже в Совете. И Ситтян — его председатель, — сообщила Миша с улыбкой до ушей.

Хм… Как я и подозревал, у них есть свой интерес в этом разговоре. А Хакамити у нас мало того, что староста, так ещё и председатель. Однако…

Словно прочитав мои мысли, Сидзунэ быстро поправила очки и что-то «сказала» Мише.

— Ха-ха-ха! Конечно, мы не пытаемся убедить тебя вступить только потому, что нам так нужно, и не станем наста… — засмеялась Миша.

— Так значит, ты признаёшь, что… — прокурорским тоном прервал я её.

Жесты.

— А-ха-ха! Нет! Мы ничего не признаём! — весело защищалась Миша. — Я имею в виду, Хиттян, что было бы здорово, если бы ты вступил, мы были бы очень рады. Но дело не только в этом. Вступление в Совет — это проявление здорового интереса к школьным делам. Да! Это так. Хиттян. Кроме того, разве ты не хочешь после школы проводить время с нами, Хиттян?

Не могу определить, говорила ли она искренне или просто так хорошо притворялась. Обе, кажется, пытались быть со мной как можно милее… Хотя они и так очень милы…

— Ну что ж…

— Итак, решено! Добро пожаловать в Школьный совет, Хиттян! — у них снова случился прилив энтузиазма. Слишком преждевременно, на мой взгляд.

— Что? Нет. Нет! — запротестовал я. Они что, с ума сошли или испытывают такую острую нехватку в людях? Все от них, наверное, уже шарахаются — так в новичка вцепились, пока он толком ни во что вникнуть не успел?!

— Ууу… Видишь, Ситтян? Я же говорила, что будет не так просто, — разочарованно протянула Миша.

Сидзунэ усмехнулась.

— Угу! Конечно, если бы всё прошло легко, было бы даже скучно. А, да! Ситтян теперь должна мне конфетку! — вновь заулыбалась розововласка.

— Вы что, поспорили? Эй, моя жизнь не игра! — возмутился я.

Похоже, Сидзунэ заинтриговали мои слова. В её глазах вспыхнул огонёк азарта. Азартный человек у власти? Эй, пожалуйста, спасите меня, кто-нибудь, а?

— Ва-ха-ха! А это мысль, Хиттян. Давай сыграем в игру! — засмеялась Миша.

— Я не об этом, — возразил я.

— Как насчёт «богач-бедняк», Хиттян? Если проиграешь — должен будешь вступить в Совет! — провокационно предложила Миша.

— Нет, однозначно нет.

Она меня вообще слушает?

— Уу, почему нет? — она скорчила печальную мордочку. Не сработает!

— Ну, потому что у вас обеих одна и та же цель — затащить меня в Школьный совет, так?

— Ага! — довольно кивнула девушка.

— А мне это не нужно. Значит, вы можете объединиться, и я окажусь в проигрышном положении. Поэтому я не буду играть, — твёрдо заявил я.

Сидзунэ нахмурилась. Кажется, играть ей очень хочется.

— Хиттян! Я крайне оскорблена! Ты не доверяешь нам настолько, что думаешь, будто мы способны на нечто столь и-из-во-рот-ли-во-е? Печально слышать от тебя такое… — с некоторым трудом донесла до меня её слова Миша.

— Извини?

Сложно сказать, где заканчиваются слова Сидзунэ, и начинаются Мишины мысли.

Жесты.

(Миша): — Чтобы загладить свою вину перед девушкой, чьи чувства ты оскорбил, ты определённо должен вступить в Школьный Совет!

— Нет!

Такой дешёвый шантаж со мной не пройдет.

— Тогда как насчёт партии в бумажный футбол вместо «богач-бедняк»? — предложила Миша.

— Бумажный футбол? — спросил я, чтобы потянуть время.

— Да! Это игра, в которую играю в Америке! Ты делаешь бумажный треугольник и пытаешься забить им гол в ворота, которые другой игрок делает из своих пальцев! Разве не круто? Это настоящий поединок, Хиттян! — позитив моей одноклассницы можно было запросто экспортировать куда-нибудь в Китай. Хватило бы с избытком на весь их миллиард с лишком.

Сидзунэ идея подруги не слишком вдохновила, судя по её лицу.

— … и в него играют школьники в младшей и средней школе. Ситтян? А-ха-ха! Значит, эта игра, отличающая мальчиков от мужчин!

— Скорее, мальчиков помладше от мальчиков постарше. В любом случае, в неё я тоже играть не буду. Раз вы о ней знаете, значит, хорошо в неё играете, — хмыкнул я.

— Ха-ха-ха! Да, да, это так! Как ты догадался, Хиттян?

Сидзунэ мрачно посмотрела на Мишу, и это навело меня на мысль о том, что та не должна была с такой готовностью в этом сознаваться. Не скажу, что мне понравились их попытки навязать своё предложение, но мне стало интересно, чем же здесь занимается Школьный совет. Я не состоял в нём в прежней школе и даже не был знаком с кем-то из его членов. Кроме того, Сидзунэ и Миша мне вроде как нравились, так что, возможно, это не такая уж плохая идея.

Кажется, Хакамити только что внесла своё предложение.

— Ладно, Хиттян, тогда как насчёт «Риска»? это такая игра в мировое господство!

— Не знаю такой.

В самом деле, не знаю. Но не могу же я знать обо всех играх на свете?

— Она очень интересная, Хиттян. Борьба за власть над миром, армии, войны и всё такое! — с энтузиазмом расписывала Миша, хитро поглядывая на меня.

Сидзунэ, должно быть, хороша в этом деле. Это как раз в её стиле.

— Если хочешь, можем сыграть после школы.

Сидзунэ вздохнула и проделал серию жестов.

— А, да, Ситтян? Можем сыграть просто на интерес, Хиттян. Ситтян давно не играла, поэтому, если захочешь, поиграем безо всяких условий.

— Ну, хорошо… — согласился я. Как там говорилось? Не беги от снайпера — умрёшь уставшим?

— Хорошо! Хорошо, хорошо! Превосходно! Тогда увидимся после школы в кабинете Школьного совета, Хиттян! — обрадовалась Миша.

— Стоп, почему там? — меня снова обуяли нехорошие подозрения.

— Потому что! Там набор для игры. Ва-ха-ха-ха-ха! — она показала мне язык.

Я состроил недовольную гримасу, но лишь для вида. В конце концов, я согласился, уяснив для Сидзунэ, что моё согласие не

подразумевало под собой ничего, кроме желания сыграть.

Ланч закончился, и мы вернулись в класс.

После ланча длинноволосая девочка вернулась в класс и молча заняла своё место. Её снова то ли не замечали, то ли игнорировали. Я хотел спросить об этом у Миши, но побоялся показаться чересчур любопытным.

После занятий Сидзунэ и Миша настигли и окружили меня в вестибюле первого этажа, отрезав пути к отступлению с обоих флангов. Я был немного уязвлён, хотя и подумывал о побеге. Тем не менее, меня насторожил тот факт, что им пришлось быть настолько бдительными, — видимо, от них вот так сбежало уже немало народу.

— Что за конвой? Я чувствую себя неуютно, — передёрнул я плечами.

Словно опасный преступник, сопровождаемый в камеру. Или на эшафот.

— Ва-ха-ха-ха! Что-то не так, Хиттян? — рассмеялась Миша.

Сидзунэ коварно усмехнулась.

— Вот-вот, мы же просто собирались поиграть в «Риск», забыл?

Не знаю, Миша, это выглядит достаточно зловеще. Я начиню думать, что как только мы сядем играть, вы свяжете меня и будете пытать, пока я не стану молить о вступлении в Школьный совет. Это, конечно, маловероятно, но всё же… От них как будто всего можно ожидать.

Добраться до места было несложно: всего два поворота — и мы уже у кабинета Совета.

— И всё? Из-за какой-то мелочи — так на меня давить? Глупо как-то, — удивился я.

— Неправда, Хиттян. Ситтян говорит, что, когда жизнь человека под угрозой, он может проявить сверхспособности, — возразила мне переводчица, лукаво переглянувшись со старостой.

— Жизнь под угрозой? — я едва сдержался от того, чтобы судорожно вздохнуть. Хоть бы мои мысли о пытках так и остались пустой фантазией…

Миша невозмутимо что-то сказала Сидзунэ, и та, с загадочным выражением лица спрятала руки за спину. Какой самодовольный у неё вид.

— Мм, хм-хм-хм…

Миша начала весело напевать, притворяясь, что не услышала меня. Прекрати это немедленно! У тебя, в отличие от Сидзунэ, нет оправданий!

Сидзунэ тем временем открыла дверь в кабинет Школьного совета — просторную комнату со строгой обстановкой без всяких

излишеств. В центре стоял большой стол, окружённой стульями, а чуть в стороне — стол поменьше, который, как я понял, принадлежал Сидзунэ. Ещё несколько парт со стульями находились вдоль стены. Вероятно, просто на всякий случай. Кроме этой мебели, комнате практически нечем было похвастаться. Пара шкафов и полок, набитых старыми школьными документами и папками, — вот, в общем-то и всё, что в ней находилось.

Какое мрачное помещение. Могли бы хоть что-нибудь вроде горшочка с цветами поставить. Но больше всего в глаза мне бросилось то, что мы здесь были одни.

— Мы слишком рано? — спросил я, оглядываясь по сторонам. Когда ещё мне доведётся побывать в кабинете Школьного совета… если я, конечно, не изменю своего мнения?

— Не-ет, — помотала головой.

— Что значит «нет»? Сегодня, кроме нас больше никто не придёт?

— Так точно, — и на меня уставились два улыбающихся девичьих лица. Прежде, чем я успеваю спросить, почему так получилось. Сидзунэ очень энергично хлопнула в ладоши.

— Хиттян, давай играть в «Риск»! Ты ведь обещал, правда? Теперь тебе придётся! Ха-ха-ха! Да-да-да! Хочешь узнать правила? Я расскажу, пока мы тут всё готовим!

В это время Сидзунэ ала из шкафа нечто, напоминающее настольную игру, и бросила на стол.

Выглядела игра, пожалуй, очень интересно.

Миша начала с несвойственной ей медлительностью путано объяснять основные правила, но Сидзунэ, не вытерпев, вмешалась, резким взмахом руки провозглашая начало игры.

Агрессивный настрой Сидзунэ передался и мне. Я наконец-то проникся духом соперничества, которого не было и в помине, когда я соглашался на участие в игре.

Посреди игры, в то время, как я пытался продумать защиту от атак сразу на два фронта, Сидзунэ нарушила ход моих мыслей, пытаясь привлечь моё внимание постукиванием пальцами о край стола. Выглядела она при этом не слишком удовлетворенной.

— Хиттян, Ситтян хочет заметить, что ты слишком долго думаешь над своими ходами. Ещё Ситтян говорит, что оставит тебе Австралию, если ты согласишься вступить в Совет! — радостно сообщила Миша.

— Я думал, это просто игра, безо всякого подтекста.

Факт того, что она начала трясти этим предложением у меня перед носом, означал, что она догадалась о моём желании выиграть.

— И всё равно — нет!

Сидзунэ заметно повеселела.

— Ситтян восхищена твоим боевым духом и обещает быть великодушным диктатором, который пощадит твой народ, если ты согласишься вступить в Совет! Ха-ха-ха-ха! — доложила Миша.

— Ты слишком азартная, Сидзунэ, — укоризненно покачал я головой.

Кажется, она восприняла это как комплимент.

— Я ожидал, что председатель Школьного совета будет более… благожелательным.

— Бла-го-же-ла-тель-ным? — с недоумением переспросила Миша. Похоже, она не знала, что означает это слово или как оно показывается жестами, поэтому взяла лист бумаги и написала его для Сидзунэ, которая в ответ показала несколько жестов.

Миша прижала указательный палец к виску, словно пытаясь впечатать это слово в свою память. Ну-ну, постарайся, хохотушка.

Внезапно Сидзунэ разразилась потоком жестов. Миша выглядела ошеломлённой той скоростью, с которой Сидзунэ жестикулировала.

— Ах, пожалуйста, помедленнее, Ситтян… Хм, Хиттян! Ситтян говорит, что ты проиграешь!

— Скажи ей, что я разрушу её империю своим восстанием, — твёрдо заявил я. Игра увлекла меня, и уступать я не собирался.

— А… Хорошо… — согласилась Миша.

Сидзунэ явно была в восторге. Её глаза сверкали детским озорством и вообще, выглядела она как ребёнок, дорвавшийся до сладостей и знающий, что сможет съесть столько, сколько в неё влезет. Староста сделала несколько жестов.

— Она говорит, что, если ты продолжишь так играть, у тебя нет шансов. Ни единого! — суфлировала верная Миша.

Она или издевалась надо мной, или пыталась спровоцировать.

Но мне нечего было терять, поэтому следовало на самом деле попробовать новую тактику. Может, если я распределю силы и попробую контролировать больше территорий, то смогу получить преимущество? Сидзунэ сосредоточилась на завоевании целых народов, так что если я пожертвую своими владениями на материке, то смогу завоевать больше маленьких стран. Стоило попытаться.

Но через несколько ходов я всё равно проигрываю.

Сидзунэ поправила очки и отпраздновала победу, торжествующе взмахнув в воздухе кулачком. Вид у неё был очень довольный.

— Я победила, я победила! Ура! — озвучила её Миша.

— Спасибо, я и без перевода понял, — хмыкнул я. Уж это-то я понять в состоянии. Выражение лица — всё-таки не язык жестов. А то читал я однажды, как один мужчина пытался в пустыне жестами объяснить встречному караванщику, что очень устал и хочет пить, а тот воспринял это… минутку, припомню, как то, что «его обозвали плешивым пьяницей, не знающим имени отца и не помнящим рода, да ещё и сожительствующем с собственной косоглазой верблюдицей».

— Ва-ха-ха! Не расстраивайся так, Хиттян! — рассмеялась Миша. — Ты, как мне кажется, старался изо всех сил! Однако твоих сил пока недостаточно! Уж кто-то, а я в таком разбираюсь! Ты неплохо справлялся, особенно учитывая то, что сегодня ты играл впервые!

Сидзунэ подмигнула мне.

— Хиттян, атаковать Исландию и Северную Африку одновременно было смелым ходом. Ситтян впечатлена!

— Великие люди — это те, кто отваживается на смелые ходы, и преодолевают все препятствия! Полпути уже пройдено; разве это не замечательно, Хиттян? — клянусь, что если бы Сидзунэ могла говорить, то эти слова из её уст прозвучали заметно внушительнее, чем из привычных к улыбкам и смеху губок её подруги.

— Но одного лишь потенциала недостаточно! В нём нет смысла, если ты не осмелишься сделать первый шаг и идти вперёд. Я хотела бы увидеть больше. Ты права Ситтян, но ты так требовательна… вздохнула Миша.

Сидзунэ подалась вперёд и её игривость сменилась той серьёзностью, которую я от неё ожидал с самого начала.

— Хиттян, ты хочешь присоединиться к Школьному совету? — теперь голос Миши был спокойным и уверенным. Не теряете время попусту, да? Но…

Я в школе только второй день и сомневаюсь, что стоит так скоро делать какой-либо выбор.

Я ещё даже не взглянул на остальные кружки. Хотя я был бы не прочь проводить время с Сидзунэ и Мишей. Мне нужно больше времени, прежде чем я смогу решить наверняка.

— Возможно. Я сообщу попозже.

— Хорошо. Хиттян! Но я надеюсь, ты сказал это не для того, чтобы не расстраивать нас, — всё так же серьёзно сказала Миша.

— Ни в коем случае.

— Правда? Хиттян, если ты соберёшься сказать это, это должно быть окончательное решение и безо всяких сомнений!

— Знаю-знаю. Я, по меньшей мере должен взять реванш за сегодняшнее, — улыбнулся я.

Сидзунэ озорно улыбнулась в ответ, поворачивая нож в ране, которую нанесло мне поражение.

Взглянув на настенные часы, я осознал, что прошло гораздо больше времени, чем я собирался здесь провести.

— А теперь простите, но я хотел зайти в библиотеку. Она ведь ещё открыта?

Почесав затылок, Сидзунэ что-то прожестикулировала в сторону Миши. Так сложно определить, открыта ли библиотека, когда часы висят рядом? Или, великий и ужасный председатель Школьного совета просто не в курсе сама?

— Должна бы, если библиотекарь ещё там, — пожала плечами Миша. — Думаю, ты права Ситтян. Мы пришли к мнению, что она открыта. Она на втором этаже, мимо не пройдёшь. Хочешь, мы тебя туда проводим?

— Нет, спасибо. До завтра.

— Пока-пока! — улыбнулись мне одноклассницы на прощание.

Всего один лестничный пролёт, и я уже столкнулся с неожиданными проблемами. Второй этаж оказался точной копией третьего. Передо мной простирался очередной широкий прямой коридор. И отыскать тут библиотеку была задача намного более сложная, чем я изначально считал. Помимо пронумерованных классов, здесь находилось ещё множество дверей безо всяких обозначений. Библиотека за одной из них? Или где-то дальше?

Остановившись на втором, я решился иди наугад.

За углом я обнаружил незакрытую дверь. Она была приоткрыта совсем чуть-чуть — ровно настолько, чтобы было заметно, что тут не заперто. Я полагал, что дверь школьной библиотеки должна быть гостеприимно распахнутой, но сейчас меня обнадёживал и этот маленький зазор.

По крайней мере, внутри должен быть кто-то, у кого я мог спросить дорогу, пусть мне и неловко.

Нервничая и готовясь отпрянуть в любой момент, я осторожно толкнул дверь кончиками пальцев. В этой школе я чувствовал себя посторонним. Меня постоянно преследовало ощущение, что я здесь чужой, поэтому я даже такую простую вещь боялся сделать неправильно.

Скрип двери напоминал кряхтенье человека, пробуждающегося от долгого сна, хотя она поддалась моему толчку неожиданно легко. Чтобы побыстрее увидеть комнату, я заглянул внутрь, но робкое приветствие замерло у меня на устах. Такого… я не ожидал.

Я рассеяно распахнул дверь настежь. Всё моё внимание приковала к себе одинокая фигура в центре комнаты. Я

безмолвно застыл в дверном проёме, уставившись на удивительно красивую девушку.

Оценив ситуацию, девушка аккуратно поставила чашку с чаем на стол и открыла глаза, не глядя, однако, в мою сторону:

— Приветствую. Могу я чем-нибудь помочь?

Она сидела, глядя перед собой, и, казалось, не слова, а лишь движения её губ нарушали покой. Из-за её неподвижности звук мягкого, размеренного голоса будто бы звучал сам по себе. Она выглядела как иностранка (японок-блондинок в природе вроде бы не существует, если только они не крашеные), но всё же сильно отличалась от тех иностранцев, что я встречал раньше. Кроме того, она — самая высокая девушка, которую я когда-либо видел.

— Прошу прощения за вторжение, я тут немного… потерялся.

Она слегка промедлила с ответом. Все ёё слова и движения были точны и грациозны, словно движения в танце.

— Не желаешь ли присесть? — спросила девушка.

Это было… неожиданно, учитывая то, как я к ней ворвался.

— Эммм… спасибо.

Я не спеша занял место за столом напротив неё. Между нами стояла чашка с чаем. Она не следила за мной взглядом, что… вместе с туманной дымкой в её глазах говорила о проблемах со зрением, как у Кэндзи.

Кстати, говорила она без какого-либо акцента. Вероятно, она наполовину японка.

Я был удивлён её собранностью и тем спокойствием, что царило в комнате. Даже молчание здесь не вызывало обычной для меня неловкости. Атмосфера была совсем иная, нежели в кабинете Школьного Совета.

— Полагаю, ты недавно перевёлся в «Ямаку»? — мягко спросила меня блондинка.

— А, да. Только вчера.

Я почувствовал кожей, как мои неуклюжие слова контрастировали с изяществом её речи. Её благородный сдержанный поклон усугубил это чувство ещё больше. Я ответил на него, хотя тут же осознал бессмысленность этого действия.

— Меня зовут Лилли Сато. Приятно познакомиться… — первой представилась она.

— Хисао. Хисао Накай, — отрекомендовался я.

Она кивнула и указала в сторону чашки.

— Не желаешь ли чаю? — спросила Сато.

— Да, конечно.

Как бы обидно мне ни было, я не мог полностью соответствовать галантности её манер.

На мою просьбу Лилли спокойно кивнула.

Не говоря ни слова, она встала и заварила вторую чашку чая, используя припасы, разложенные вдоль полок. Раз за разом, наливая, Лилли легко касалась чётким и отточенным движением левой руки то чайника, то чашки. Кажется, будто она выполняла эти действия уже десятки раз. Я чуть наклонился и, выглядывая из-за её спины, увидел, что она проверяет уровень воды в чашке своим длинным изящным пальчиком.

Одно дело — видеть людей с различными физическими недостатками на уроках, и совсем другое — наблюдать, как они адаптируются в быту. Сидзунэ и Миша без проблем работали сообща, общаясь со мной. Лилли, на мой взгляд, тоже нашла решение для проблем, о которых я даже не задумывался. Я почувствовал себя слегка виноватым из-за того, что ей пришлось всё делать самой… Впрочем, судя по всему, ей больше нравилось быть радушной хозяйкой, готовя мне напиток.

— Итак… — начала Лилли. Её мягкий голос прерывает моё безмолвное наблюдение. — Что именно ты искал? В этот кабинет не так часто заходят после занятий.

— Школьную библиотеку. Сидзунэ и Ми… то есть, мои одноклассницы сказали, что она на этом этаже.

Кивнув, она закончила наливать воду в чашку и, судя по металлическому звону, начала помешивать в ней ложкой.

— Я знаю Хакамити-сан — думаю, её знают почти все ученики. Но раз вы с ней одноклассники, значит, ты тоже в классе 3–3, верно? — сказала Лилли.

— Именно. Кабинет естественных наук Муто, — подтвердил я, машинально кивнув головой и тут же мысленно обругав себя за нелепость этого жеста.

Она хихикнула, и, положив чайную ложку, медленно направилась к столу с чашкой и блюдцем в руках.

— Он такой оригинал. Его здесь любят — думаю, и тебе он скоро тоже понравится, — сказала девушка.

Что ж, она права. Действительно, Муто тот ещё оригинал. И я ему уже симпатизирую.

Я аккуратно взял чашку и сделал пробный глоток. На самом деле я больше люблю кофе, но сейчас не лучший момент упоминать об этом. Тем более что запах у чая был довольно приятным. Не думаю, что мне будет противно его пить. Скорее — наоборот.

— Спасибо, Сато. Очень вкусный чай.

Она с улыбкой отмахнулась.

— Пожалуйста, зови меня Лилли. Не нужно формальностей. — И она произнесла это чрезвычайно благовоспитанным тоном. Ну да ладно. Думаю, стоит узнать о

ней побольше, ведь она так старается мне угодить. Тем более, что мысленно я уже начал звать её Лилли.

— А из какого ты класса? Третий год обучения, да?

— Именно. Кабинет 3–2, на том же этаже, что и ваш. Нас учит Мияги. Это класс для учеников с проблемами со зрением.

— Вижу. То есть, прошу прощения…

Страшно захотелось стукнуть себя по лбу за такую промашку. Хотя, судя по выражению её лица, это вовсе её не задело. В отличие от меня. Здесь я постоянно попадаю впросак.

— Что ты, что ты! Не нужно стараться подбирать из-за меня слова, — тихонько улыбнулась девушка. А она красивая. По-моему, гораздо красивее, чем члены Школьного совета… те, что я видел. Или я просто так поражён её внешностью с непривычки?

— Да, конечно. Извини, я здесь новенький и постоянно это всем показываю.

— Твоё окружение полностью изменилось, и мне не в чем винить тебя. Не буду говорить за всех, но многие смирились со своим состоянием, — успокоила меня Сато.

Думаю, она входит в их число. Эта беседа смущала меня, и я попытался сменить тему.

— Ты здесь часто пьёшь чай? Место действительно очень хорошее.

Наверное, для неё эта комната — как мой уголок, где я любил перекусывать, позади здания в старой школе.

— Я часто прихожу сюда во время ланча. Мои обязанности старосты класса не оставляют времени на кружки и прочее, так что мы с подругой используем эту комнату для чаепитий, — ответила Лилли.

Староста, значит? Она и Сидзунэ — две полные противоположности. Сидзунэ резкая и энергичная, Лилли же спокойная и расслабленная, почти надменная. Так что, думаю, от неё можно будет услышать более непредвзятое мнение о школьных кружках.

— А какие кружки тут вообще есть? — решил уточнить я. Миша и Сидзунэ как-то очень ловко свернули с этой темы, а Лилли выглядела более словоохотливой.

— Хммм… У нас наиболее популярны кружки лёгкой атлетики и бейсбола, а также кружок книголюбов, расположенный возле библиотеки. Есть и множество мелких, как, например, кружок рисования и музыкальный кружок, — не торопясь перечислила девушка.

Перспектива вступления куда-либо сразу после перевода выглядела для меня не слишком привлекательно. Интересно, действует ли здесь то же правило насчет кружков, что и в моей

прежней школе…

— Членство в кружке обязательно?

— Нет, просто желательно, — покачала головой девушка.

— Хорошо. Гора с плеч.

Кажется, я с ней слишком разоткровенничался. Это её немного позабавило.

Мы с Лилли, наконец, начали пить чай, пока он окончательно не остыл.

Через какое-то время, взглянув Лилли через плечо, я заметил, что из окна уже струится закатный оранжевый свет. Даже здесь время не стояло на месте, несмотря на очаровательное ощущение обратного.

— М-да, время быстро пролетело, — неторопливо протянул я.

— Прости? — переспросила Лилли. Точно. Она же слепая. И, конечно, не могла увидеть, что солнце садится.

— Кажется, солнце клонится к закату.

Мне показалось, это стало для неё неожиданностью. Видимо, она тоже потеряла счёт времени.

— Извини, Хисао. Я не хотела тебя так задерживать, — повинилась Лилли.

Я попытался развеять её беспокойство:

— Да нет, ничего страшного. Библиотека ведь ещё открыта?

Она умолкла и ненадолго задумалась. Эх, стоило задать этот вопрос Сидзунэ, когда был шанс. Впрочем, и Лилли, наверняка, может на него ответить.

— Верно. Она открыта до половины седьмого по будням.

Беглый взгляд на часы подтвердил, что у меня ещё достаточно времени.

— Хмм, в таком случае, я пойду. Приятно было поболтать, Лилли, — попрощался я.

Сохраняя всё ту же благочестивую позу, она с вежливой улыбкой кивнула мне.

— Взаимно. Кстати… может быть, мне стоит проводить тебя в библиотеку? — вдруг оживилась Сато.

— Нет-нет, ты и так очень помогла мне. Думаю, я без труда её отыщу.

Ну, если только навык ориентирования на местности меня не подведёт. А такое нередко случается.

— Это нисколько меня не затруднит: я как раз собиралась поговорить с библиотекарем. Могу представить тебя ей, — предложила Лилли.

Всё лучше и лучше. От такого предложения сложно отказаться.

— Было бы здорово, раз ты не против. Спасибо.

Она осторожно встала и, взяв прислонённую к её сумке трость, последовала за мной. Её трость гораздо тоньше и длиннее, чем у моего одноклассника. Наверное, потому что она использовала её чтобы ориентироваться в пространстве, а не для опоры при ходьбе.

Направляясь в библиотеку, мы вышли из чайной комнаты и оказались в пустом коридоре. Я шёл не торопясь, подстраиваясь под её неспешные шаги. Спустя некоторое время, мы подошли к двери помещения, расположенного ровно в центре здания, а не в каком-нибудь крыле. Странная планировка.

— Дамы вперёд.

Она признательно улыбнулась в ответ на это жест и зашла внутрь.

Слева от входа располагался стол библиотекаря, книжные полки ровными рядами стояли по правую руку. По сравнению с библиотекой моей прежней школы, эта показалась мне просто огромной. Запах старых книг придавал этому месту, можно сказать, дух старины.

Читателей в этот час здесь почти не было: все гуляли или отдыхали в общежитии.

— Юко, ты здесь? — Лилли задала этот вопрос в пустоту, потому что библиотекаря, кажется, не было на месте, а Лилли этого, конечно, не могла видеть.

Но, к моему удивлению, ответ всё же последовал. Из-под стола библиотекаря раздаётся звук удара, а следом за ним тихий стон.

— Ай-яй-яй!

Голос принадлежал девушке, которая уже выбралась из-под стола и теперь стояла перед нами, неуклюже потирая затылок.

— Привет, Лилли. Чем могу помочь? — Она старалась, чтобы её голос звучал как ни в чём ни бывало.

— Добрый день. Что произошло? Я слышала какой-то странный звук, — обратилась к ней моя спутница.

— Ничего. Я всего лишь немного ушиблась. Видишь ли, я уронила ластик под стол, пока искала, упал и карандаш, я стала искать и его, а потом пришла ты и позвала меня так неожиданно…

— Прошу прощения. Ты в порядке? Я не нарочно… — извинилась Лилли. Её лицо приняло обеспокоенное выражение.

— Всё нормально! Я в полном порядке, не переживай из-за меня. Это ерунда, со мной и похуже бывало. — библиотекарь спешно прервала извинения Лилли, словно отвергала саму возможность, что шишка на голове может её хоть сколько-нибудь беспокоить. — Да. Бывало и похуже, хе-хе-хе…

Она нервно перебирала пальцами, а с лица Лилли никак не сходило встревоженное выражение; затем Юко без видимой причины начала перекладывать с места на место какие-то бумаги.

Юко была немного ниже Лилли, на покрытом веснушками носике небрежно сидели очки. Её облик идеально соответствовал стереотипам о внешнем виде библиотекаря. Ну, кроме, разве что выражения лица — никогда не встречал таких нервных библиотекарей.

— Ах, да, Лилли, ты получила моё сообщение? — робко спросила Юко.

— Сообщение… хмм… — девушка задумалась. — А, о том, что прибыли новые зарубежные книги?

— Именно! Именно! Наконец-то их доставили! — возликовала библиотекарь — Невероятно, что так долго, но…

Внезапно прервав своё ликование, она обратила внимание на меня, отчасти — я почти уверен — чтобы сменить тему разговора.

— Ой, простите, я вас не сразу заметила! Вы хотели взять книгу? Или вернуть? Извините! Извините!

Такая резкая смена настроения сбила меня с толку.

— Он пришёл со мной. Юко, это Хисао, новый ученик. Хисао, это Юко, школьный библиотекарь, — представила нас друг Лилли.

— Приятно познакомиться, — поклонился я.

— Хисао. Верно. Хисао. Я тоже рада познакомиться, Хисао, — она явно пыталась отпечатать моё имя у себя в голове. Это радовало и немного тревожило одновременно.

— Юко часто заказывает для меня книги на Брайле. Ты не расскажешь Хисао о библиотеке?

Невинное предложение Лилли повергло библиотекаря в панику.

— Я… умоляю, Лилли, я не смогу. Я не знаю, что именно его интересует. Это слишком большая ответственность.

Я совершенно не понял, каким боком это может считаться ответственностью, но она выглядела так, будто скорее сгорит на месте, чем покажет мне полки с ранобэ. Или с любыми другими книгами. К своему изумлению я понял, что искренне надеюсь на то, что это обычное состояние Юко, а не вызванное моим присутствием.

— Но… — попыталась что-то сказать Лилли.

— А здесь много книг на Брайле? — Я попытался спасти ситуацию, спросив первое, что пришло в голову. Отчасти это сработало: Юко… не то чтобы пришла в себя, но стала держаться чуть более расслабленно.

— Ну… думаю примерно треть или четверть библиотеки

«Ямаку» — либо на Брайле, либо в аудиоформате, — слегка нахмурилась библиотекарь, припоминая.

Резонно, учитывая количество слепых учеников. Особенно аудио. Признаюсь, до этого я мог бы и не додуматься на месте руководства школы.

— А как вообще получилось, что библиотека настолько обширная?

— Ммм, ну мы регулярно получаем новые книги, потому что у школы хорошее финансирование. Наверное, так. На книги тратится больше денег, чем на мою зарплату, а мне их потом приходится ещё по полкам расставлять. Книги ужасно тяжёлые и расставлять их так трудно, что я иногда хочу уволиться, — объяснения Юко по сути были ничем не завуалированной жалобой на состояние дел.

За этими откровениями последовало неловкое молчание. Почему молчала моя спутница - не знаю. Я же как обычно не представлял, что тут можно сказать уместного.

— Мм, я, пожалуй, пойду, осмотрюсь.

Думаю, для всех будет лучше, если этот разговор завершится сейчас.

— Очень хорошо, — согласилась Сато. — А пока, Юко, я бы хотела забрать те книги, если ты не против.

Моё первое впечатление оправдалось: библиотека была удивительно большой.

Прогуливаясь узкими коридорами между книжными стеллажами, я изучал корешки книг, время от времени вытаскивая какую-нибудь, чтобы прочитать аннотацию и забрать, если книга казалась мне интересной. Через несколько минут у меня набралась уже порядочная стопка. Думаю, проблем с выбором у меня здесь точно не возникнет.

Это место было пропитано знакомой мне атмосферой. Несмотря на множество книг с крупным шрифтом и на Брайле, это была настоящая библиотека, какой я привык видеть её. Казалось, что безмятежность комнаты, в который мы с Лилли пили чай, перебралась сюда вместе с нами. Или она была здесь всегда?

Благодаря этому ощущению ко мне вернулось прежнее умиротворение.

Дойдя до конца прохода, я увидел несколько парт, поставленных для занятий. Но любопытство вело меня дальше, вперёд, где я обнаружил уютный уголок за стеллажами. В то время, как в остальных частях библиотеки можно было изредка встретить читающего или украдкой спящего ученика, эта часть выглядела безлюдной.

Но, оглядевшись по сторонам, я заметил кое-кого знакомого на одном из пуфов.

Тёмноволосая девочка из моего класса, та самая, что ушла с середины урока. Она читала книгу, и очень увлечённо, судя по тому, как она уткнулась в неё носом. Сегодняшним своим поведением она произвела впечатление скорее хулиганки, нежели «книжного червя». Её таинственное исчезновение из класса породило у меня кучу вопросов.

Интерес медленно, но верно брал своё, и я сам не заметил, как направился в её сторону.

Думаю, ничего страшного, если я ей представлюсь. Она же, в конце концов, моя одноклассница, правильно?

Подойдя к соседнему пуфу, я осторожно сел и положил книги рядом.

Девочка вздрогнула и испуганно посмотрела на меня из-под чёлки. Впервые я увидел её так близко — в классе она сидела на последней парте и явно старалась не привлекать к себе внимания. Под длинной густой челкой, по меньшей мере, треть лица, если не половина, была покрыта серьёзными шрамами. Я бросил взгляд на шрамы, неосознанно пытаясь увидеть их сквозь волосы, и случайно встретился с ней глазами.

Идиот, сколько раз я говорил себе, что нельзя так пялиться на людей, это неприлично. А она, похоже, и вовсе не хочет, чтобы на неё смотрели. Немудрено, с такими-то шрамами. Несколько секунд меня раздирали противоречивые чувства. Хотелось выяснить происхождение отметин на её лице и пожалеть её.

Смутившись, я поспешил перевести взгляд на её книгу, впрочем, сразу сообразив, что так будет только хуже. Я несколько секунд собирался с мыслями, пока не вспомнил, наконец, зачем я к ней подошёл.

— Извини, не хотел тебя напугать.

— Ни… ничего страшного, — еле слышно проговорила она, прикрывая лицо открытой книгой. По её перепуганному виду нельзя было сказать, что ей не страшно, но я решил не зацикливаться на этом.

— Так, мм… ты не против, если я тут присяду?

Кажется, она пребывала в смятении, но наконец, нашла в себе силы едва заметно кивнуть:

— Х… хорошо.

Я сел рядом с ней, а она робко спрятала лицо за книгой. «Жизнь Пи»… Никогда не слышал о такой.

— Это, ээ… опять же, извиняюсь, что напугал. Я Хисао, — представился я. Снова подводит меня мой язык и мои мысли. Хорошо ещё, что по всей форме докладывать не начал, как при

знакомстве с классом.

Она выглянула из-за книги, медля с ответом.

— Я… знаю. Мы… мы в одном… одном классе, — она говорила, запинаясь и так тихо, что её едва было слышно даже в безмолвии библиотеки. Думаю, я ошибся, приняв её за хулиганку. — Х-х-ханако. Я Ханако.

Я едва сдержался, чтобы не ляпнуть какую-нибудь банальщину вроде «какое красивое имя», но это действительно, единственное, что пришло мне в голову в тот момент. Я чувствую себя идиотом. Все тут уже наверняка привыкли к тому, что у каждого есть свои особенности, а я один напрягаюсь и нервничаю из-за такой ерунды.

— Не буду отвлекать тебя. Я… просто посмотрю книжки, если ты не против.

Она чуть кивнула, вздохнув с облегчением.

Я начал изучать обложки и оглавления книг, которые взял, а она вернулась к чтению.

Наступило неловкое молчание.

Я продолжал украдкой смотреть в её сторону, пытаясь увидеть скрытые под россыпью тёмных волос шрамы. Через какое-то время я заметил, что она тоже поглядывала на меня, лишь притворяясь погружённой в книгу. Но в её взгляде не было и намёка на любопытство; он метался, словно испуганный кролик.

Когда наши глаза, наконец, встретились, произошла цепная реакция. Она резко вскочила с пуфа и глубоко вздохнула. Такое ощущение, будто в Ханако попала молния или в моих глазах она увидела нечто жуткое.

— Я… Я… Я… — заикаясь начала она.

— Я…? — недоумённо переспросил я. В чём дело?

— Ядолжнаидтиуменядела! — Без предупреждения Ханако сорвалась с места и побежала к выходу. Её действия застигли меня врасплох, что дало ей немалую фору, прежде чем я отправился в погоню.

Что это было? Паническая атака? Нервный припадок? А вдруг ей плохо и требуется помочь?

Когда я добежал до стойки библиотекаря, её уже нигде не было видно. Лилли и Юко беззаботно болтали чуть в стороне. Понимая, что я ни за что не догоню Ханако, я подошёл к ним.

— Эй, вы не видели… ээ… не заметили пробегавшую мимо девочку?

Дурацкий вопрос, если честно. Выход — вот оно, и если Ханако не умеет телепортироваться, то должна была пронестись прямо мимо них.

— М, возможно… как она выглядела? — протянула Юко.

— Длинные тёмные волосы. Немного стеснительная. И у неё были… ну… шрамы… на лице, — как мог, описал я беглянку.

— Уж не о Ханако ли ты говоришь? — встревожилась Лилли. О, она знает её? Очень хорошо.

— Да, именно о ней. Я увидел, как она читала, и хотел поговорить с ней, но, думаю, я её спугнул или что-то вроде того., - попытался я объяснить ситуацию.

— Ах, боже мой. Юко, с твоего позволения, мне лучше пойти найти её, — вздохнула Лилли.

— К-конечно. Я просто подожду тут с книгами, — поспешно согласилась библиотекарь.

— Эй, что происходит? Моя помощь не требуется?

— Извини, но я объясню тебе всё в другой раз. И спасибо, но с этим я разберусь сама, — отказалась Лилли.

— Ладно. Тогда до встречи…

Лилли стремительно схватила свою трость и поспешила прочь, оставив меня наедине с Юко. А не совершил ли я ошибки, отпустив девушку одну? Может, там всё-таки могла бы пригодиться и моя помощь? Или нет? Ладно, Лилли Ханако знает гораздо лучше, чем я и, думаю, возникни во мне нужда, то она непременно позвала бы меня с собой.

— Думаю, я никогда не научусь себя здесь вести. Я сделал что-то неправильно? — вздохнул я. Неужели ко всему этому можно привыкнуть? Я словно на другую планету попал.

— А что ты сделал? — спросила меня Юко.

— Ничего! Я просто смотрел книги, а она внезапно вскочила и убежала. Самое оскорбительное, что я мог сделать — пару раз посмотреть в её сторону.

— Ну, она очень робкая девочка. Тебе надо быть с ней осторожным. Она может очень сильно нервничать, потому что не привыкла общаться с людьми.

— По-моему это немного… ненормально, — ляпнул я, и прикусил язык. А сам-то ты нормальный, Хисао Накай, а, раз от тебя так девушки бегают?

— Может быть…но уж такая она и тут ничего не поделаешь, наверно, — слова Юко прозвучали не слишком убедительно, но, возможно, тут такое в порядке вещей. У каждого тут свои проблемы, иначе они сюда бы не попали.

— Но… как же мне тогда вести себя с этими люди? Держаться как ни в чём ни бывало будет лицемерно. Как будто я пытаюсь не обращать внимания на очевидную проблему, — вопросил я, подняв глаза к потолку, словно надеясь отыскать там инструкции. Надежды мои не оправдались — ровный слой побелки никак не мог дать мне подсказок по поводу общения с местными

учениками.

Юко начала ёрзать, будто хотела что-то сказать, но никак не могла решиться.

— Думаю, это проблема только в том случае, если ты её так воспринимаешь, — наконец пробормотала она.

Вероятно, она не слишком сдержана. Я лишь слегка улыбнулся, и она тут же залилась краской.

— Ч… Что? Я сказала глупость? — забеспокоилась Юко.

— Нет-нет, наоборот, это очень мудро. Наверное, ты права: дело, скорее, во мне, — уверил я её.

К этому нечего было добавить. Чтобы заполнить тишину, Юко начала перебирать на столе какие-то бумаги. Я заметил, что люди, у которых водятся бумаги на столе, любят это дело. Главный кардиолог, Судзуки-сан, Юко.

— Ты выбрал какие-нибудь книги? Мне скоро закрываться. То есть, библиотека закрывается. Но закрыть её должна я. Надеюсь, это не причинит тебе неудобств?

— А, да, я взял несколько книг, но оставил их там, потому что…Короче, сейчас принесу.

Я вернулся за стопкой книг, оставленной у пуфов, где мы столкнулись с Ханако, и отнёс их к столу библиотекаря.

— Ух. Ты так много читаешь? — удивилась Юко.

— Честно говоря, сам удивляюсь, когда задумываюсь над этим. Последние несколько месяцев у меня было много свободного времени, и я просто… начал читать, чтобы убить время. Больше я ничего и не мог, — развёл я руками.

— Ясно.

Больше она не произнесла ни слова, молча оформляя выдачу книг.

Видимо, это тут и зовётся тактом.

Глава 3 Теория эволюции ланчей

Удерживая стопку книг одной рукой, я нащупал в кармане ключ от двери. Внезапно раздавшийся из-за спины звук заставил меня вздрогнуть, и я чуть не уронил и книги, и ключ, который почти уже вставил в замок.

— Кто это?

Я повернулся на голос. Это был Кэндзи, мой новый сосед. Похоже, он находился в хорошем расположении духа, но отсвет очков в темноте придавал ему зловещий вид.

— Всего лишь я, — облегчённо выдохнул я в ответ.

Он промолчал, нервно облизывая губы.

— Какой ещё «я»? Не знаю никаких «я». Снова какой-то новенький? — Его речь вдруг стала быстрой и напряжённой. Не узнал меня? Ах, да, Кэндзи же почти слеп, а мой голос слишком мало слышал, чтобы так сразу запомнить.

— Да… но мы уже встречались. Вчера, — осторожно напомнил я ему.

— Не думаю. Я бы запомнил того, кого видел только вчера. Когда это было? Какой сегодня день? — возразил Кэндзи.

Я ничего не ответил. Он что, так шутит? Или у него проблемы с памятью?

— Докажи, что мы уже встречались! — потребовал сосед напряжённым голосом. Чувствовалось, что сейчас он переживает стресс.

— Ты живёшь напротив. Тебя зовут Кэндзи, — мягко начал я, стараясь не повышать голос. Нельзя будоражить больных… особенно тех, у кого могут быть проблемы с головой.

Кэндзи отскочил назад, его глаза вдруг наполнились страхом и недоумением. Ну, насколько я мог рассмотреть за толстенными очками.

— Откуда ты знаешь моё имя? Чёрт, это может значить только одно из двух: либо мы и правда встречались, и я забыл об этом, либо ты шпион. — Он сделал паузу. — Шпион-экстрасенс.

Он заметался взглядом по сторонам, пытаясь заглянуть в комнату за моей спиной, хотя у меня сложилось впечатление, что он едва ли видел что-то через свои толстенные очки. Из дружелюбного его настроение менее чем за минуту превратилось в маниакальное.

— Я не экстрасенс, — отрезал я, подумав, что в таком случае просто не столкнулся бы с соседом, когда у него такое переменчивое состояние духа. У экстрасенсов вроде бы очень круто развита интуиция, чтобы избегать подобных сцен, да?

— Откуда мне знать? Я не умею читать мысли… — Кэндзи осуждающе направил палец мне в лицо, — … в отличие от тебя!

Да с чего он вообще взял эту ересь?

— Прекрати, чувак. Мы вчера встречались. Да что с тобой? Я живу в этой комнате.

— Ложь, — твёрдо возразил Кэндзи. — Если ты считаешь, что сможешь выдать себя за Хисао только потому, что у меня проблемы со зрением, ты глубоко ошибаешься. Ты даже на него не похож. То есть сходство очень, очень отдалённое. Разве что издалека, но кого ты пытаешься обмануть?

Мне захотелось его за плечи и встряхнуть. Я раздражённо потёр глаза и вздохнул. Этот парень начинает меня раздражать.

— Стой на месте, — велел он мне.

Кэндзи начал аккуратно, шаг за шагом, приближаться. Я стоял ровно, чтобы не спровоцировать его… Хотя сомневаюсь, что он смог бы причинить много вреда. А впрочем, кто его знает. Вдруг он и укусить может, и придётся уколы от бешенства делать?

— А, стоп, теперь вижу. Блин, это и правда ты, — как мне показалось, с некоторым разочарованием вздохнул «Поттер», тщательно изучив моё лицо. Тяжело вздохнув ещё раз, а затем и ещё раз, я на всякий случай отошёл назад. От греха подальше.

— Как жизнь, чувак? Ты неважно выглядишь… кажется. Что случилось?

— Ничего особенного. Просто со мной приключилась дурацкая история. Точнее, даже несколько, не считая этой. Я не могу наладить нормальный контакт с людьми здесь и не могу понять, во мне дело или в них.

Не знаю, зачем я это всё начал рассказывать Кэндзи. Ведь с ним у нас тоже, вроде не налажены отношения. И судя по перепадам его настроения, не уверен, что наладятся достаточно быстро. К таким людям я совершенно не привык.

— Это печально, чувак. Кстати, прости за то, что назвал тебя шпионом-экстрасенсом и прочее: лучше перебдеть, чем недобдеть. Такова наша жестокая реальность, — важно заметил сосед. Думаю, у Кэндзи реальность всё-таки какая-то своя. Не пересекающаяся с моей, как минимум. — Понимаешь, так уж устроен мир. В нём нет справедливости. Понимаешь? Но даже проигрывая я выигрываю, потому что усвоил урок.

— … ты это вообще к чему? — озадачился я. Философских сентенций от него сложно было ожидать. Нет, можно было, конечно, но несколько иного плана. Более абстрактного, так скажем.

— Проехали, — резко отмахнулся он. — Так что стряслось?

Почему такой угрюмый? Ты ведь угрюмый?

— Да ничего. Просто спугнул одну девушку. Она в прямом смысле слова убежала от меня. Думаю, я сам виноват. Просто… не привык к здешним порядкам.

— Девушку? Симпатичную? — каким-то неестественно напряжённым голосом задал вопрос Кэндзи.

Симпатичную? Сложный вопрос. У неё красивая фигура и поистине роскошные волосы… но лицо… Думаю, можно ответить по-всякому. Нет. Всё-таки надо быть справедливым к бедняжке. Если не обращать особо внимания на шрамы, то она очень даже ничего.

— Да, она симпатичная, — признал я.

— Так и знал! — моментально помрачнел Кэндзи. — Тут много милашек. Просто парадоксальное количество… Я считаю, что это один из тёмных секретов нашей школы. Я пытался предупредить, но слушал ли ты…

Не припоминаю подобных предупреждений. Может быть, он *хотел* меня предупредить, но не сделал этого. Но о чём?

— Тёмных секретов?

— Да, тёмных секретов. Чрезвычайно тёмных. Как чёрная дыра. Ты заметил, что девушек в этой школе, пусть ненамного, но явно больше, чем парней? Примерно шестьдесят к сорока. — Он отвернулся, устремив взгляд вдаль. — Почему так? На первый взгляд всё в порядке, но это же разница в целых двадцать процентов! Можно было бы подумать, что школа с такой кучей женщин — мечта любого мужчины. Но нет! То, что я сейчас скажу, сорвёт тебе башню. Ты готов?

Я не знал, к чему всё это, но решил, что не слишком много потеряю, если не стану его слушать. Слишком уж его слова стали напоминать рекламу какого-то триллера.

— Нет, не готов, — я уже взялся за дверную ручку, но Кэндзи продолжал говорить — очевидно его самого перспектива сноса моей башни волновала мало.

— Я считаю, что эта школа — поле битвы, — вещал Кэндзи проникновенным тоном. — Отсюда начнётся феминистское нашествие. Неравенство численности мужчин и женщин — верный знак того, что они преуспели. Если «холодная» война станет «горячей», у них будет численный перевес. И это лишь очередной бой в бесконечной войне против феминистских сил… Они повсюду. В Японии женщин больше, чем мужчин. Пока соотношение не 60 к 40, но, чувак, это только вопрос времени… Даже в Америке женщин — большинство. Они набирают мощь. Исторически, наращение военных сил всегда было верным знаком надвигающейся войны. Япония — это только первый шаг. Наша

экономика очень крута, а сама страна, хоть и небольшая и изолированная, всё же играет огромную роль в тихоокеанской политике. Идеальная цель. Они коварны… Как и подобает женщинам. Настанет день, когда…

Кэндзи угрожающе замолк.

— Вот почему им нельзя доверять. Они обманут тебя, а потом убьют, так же, как убили меня. Тебя ждёт та же участь.

— Да чёрта с два… — Я не смог сдержаться, и произнёс это вслух. Я ошибся в жанре. Это не триллер, это пропаганда, что ещё хуже.

— Эй, какого чёрта это значит?! — возмутился сосед.

— И это ты меня спрашиваешь? — Ничего лучше в качестве ответа мне в голову не пришло.

— И что? Ты не должен был так реагировать на мою речь! Это чертовски грубо. Так на чём я остановился? Ах, да, великий феминистский заговор.

— Стой! Прекрати! Я давно уже перестал понимать, о чём ты. Начиная где-то с «феминистского нашествия», — выставил я вперёд руки, не заботясь о том, что собеседник вовсе мог не увидеть моего жеста.

— Сложно воспринять на слух? Ничего. У меня в комнате есть кое-какие графики. И модели. Любишь модели? — вкрадчиво спросил он, напоминаю торгового агента.

— Никаких моделей, — поспешно возразил я. Не люблю я таки штуки.

— Не любишь модели, ладно. Но против графиков ты ничего не имеешь, да? — Он говорил энергично, не дожидаясь моих ответов, при этом внушительно и грозно жестикулирует, словно античный оратор.

Какой-то он чудаковатый. А ведь я поначалу принял его за вполне нормального парня. Как минимум чудаковатый, если не сказать сильнее. Вроде в проспекте говорилось, что тут обучают инвалидов тела, а не духа… Поэтому предположим для вящего спокойствия, что у парня просто небольшой сдвиг по фазе. Ничего такого страшного.

— О чём задумался, чувак? — прервал мои мысли объект моего опасения.

— О том, каково это — быть последним здравомыслящим человеком в безумном мире, — машинально откликнулся.

Кэндзи нахмурился и выглядел от этого глубоко расстроенным:

— Ты про себя, да? Это невозможно, ибо я — последний здравомыслящий в безумном мире. Это моя мечта, а ты не можешь так просто украсть у человека мечту. Какого чёрта? Не

может быть двух последних здравомыслящих. Тогда нельзя было бы сказать «последний»… а это как раз самое важное! Должен остаться только один. Как в том иностранном фильме, где должен был остаться лишь один, и один чувак и остался, потому что в этом была вся суть.

Я никогда раньше не видел, чтобы человек так самозабвенно и с таким жаром отстаивал какой-то пустяк. Ну, для моего соседа, кажется, эта тема вовсе не пустяк, но меня он что-то не убедил.

— Ну ладно, если ты подождёшь, я вынесу графики. Ещё у меня есть список других тёмных и запутанных заговоров, за которыми стоит эта школа, запутанных как… Срочно закончи метафору. Будь другом.

— Всё, я пошёл спать. Время уже очень позднее.

— Что-то это не похоже на метафору, — нахмурился Кэндзи. — Ну и ладно. Ты мне нравишься. Похоже ты — классный чувак. Большинство людей ничего не понимают, когда я пытаюсь открыть им глаза на этот широкомасштабный феминистский заговор. Они отказываются принять истину, и это ужасно. До встречи.

Он похлопал меня по спине на прощание и исчез за дверью так быстро и тихо, будто прошёл сквозь неё, как призрак.

Я и не пытался переварить всё, что наговорил мне сейчас Кэндзи, а просто прошёл в свою комнату, скинул башмаки и упал на кровать лицом вниз. Прошло немало времени, прежде чем я пришёл в себя и принялся за домашнее задание. Это из-за простыней. В их приятной прохладе хотелось просто валяться с закрытыми глазами.

Эта школа казалась мне резервацией абсурда. Сокрытая на вершине горы, где обитатели — один причудливей другого. И мне тут совсем не место. Какая ирония: не удаётся вписаться в компанию, состоящую из людей, которые никуда не вписываются.

— Может быть, я слишком упорно стараюсь? — Я сказал это вслух, но легче от этого не стало — слова лишь отразились эхом от голых стен.

Впрочем, всё могло быть и хуже. По крайней мере, это место больше похоже на школу, чем на больницу, замаскированную под школу, как я думал вначале. Да и пейзаж красив.

Я приоткрыл один глаз, чтобы взглянуть на склянки с лекарствами, лежащие на письменном столе бок о бок с учебниками.

Может быть, это место даже слишком похоже на обычную школу.

* * *

Этим утром я чувствовал себя сильно утомлённым, возможно из-за того, что вчерашний день был столь выматывающим. Кроме того, я сегодня проснулся раньше времени. Непривычно и несколько неудобно.

В классе я поспешно поздоровался с Сидзунэ и Мишей и принялся решать задания с доски. Кажется, над примерами придётся сегодня попотеть. Но я не возражал, более того, был рад сложности. Сидзунэ и Миша могли начать требовать от меня ответа по поводу вступления в Школьный совет, хотя и прошёл всего день. С них сталось бы такое поведение. А ответить я пока не мог, поэтому нынешняя ситуация меня вполне устраивал.

Минут через десять после начала урока зашла Ханако и молча заняла своё место. Никто не смотрел на неё, даже учитель не обратил внимания на её опоздание. Он объявил, что мы снова делимся на группы. Повернувшись, я увидел, что Сидзунэ и Миша смотрят на меня. Сидзунэ мило, но в то же время угрожающе улыбалась мне, как бы говоря: «Вот ты и попался. Теперь не уйдёшь».

— Хиттян, выходит, мы снова вместе! Ур-ра! — возликовала Миша.

Миша повернулась ко мне, а Сидзунэ тем временем передвинула свою парту поближе к моей. Действительно, сбежать теперь можно было лишь выпрыгнув в окно. Увы, это неприемлемый вариант. И угораздило же меня занять ТО САМОЕ место у окна, где с вероятностью в девяносто процентов обычно сидит любой герой аниме про школу?

Сидзунэ, кажется, заметила моё беспокойство.

— Что-то не так, Хиттян? — посмотрела на меня Миша.

Староста выдала ей целый набор жестов для перевода.

— А, Хиттян, ты уже решил по поводу вчерашнего? Ты ведь обещал подумать о вступлении в Школьный совет. Всё в порядке, Хиттян. Вчера мы с Ситтян решили, что было бы невежливо требовать от тебя ответа так скоро, верно? Верно! Ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Очень рад, что вы можете посмеяться над моим положением. И ещё больше — тому, что вам известно, насколько настырными вы можете быть. Вот умей я телепортироваться как Ночной Змей из «Людей-Х» — так было бы вообще замечательно.

Вновь переключившись в «серьёзный режим», Сидзунэ демонстративно хлопнула по учебнику тыльной стороной ладони. Я пробежал глазами по заданию: нам предстояло в основном чтение, собственно задачек там и было-то всего две. Меня так и подмывало высказать что-нибудь относительно того, насколько излишня её спешка, учитывая объём работы. Правда, Сидзунэ,

видимо, было известно, насколько он мал, но это её попросту не волновало. Похоже, её волновало не столько количество, сколько само наличие работы. Ко всему она приступала с одинаковым рвением.

Отвлёкшись от чтения, я наткнулся взглядом на Ханако. Она решала задачи, судя по всему — в одиночку. Не припоминаю, чтобы она хоть раз работала с кем-нибудь, впрочем, неудивительно, учитывая, насколько она застенчива.

— Эй, а вон та девушка… — несмело начал я.

— А? Кто, Хиттян? — завертела головой Миша.

— Вон та. Ханако. Она всегда работает одна? — тихонько спросил я.

— Думаю да, Хиттян, — кивнула Миша. — Тебе её из-за этого жалко?

— Я просто подумал, не могла бы она поработать с нами, например? — не скажу, что жалко, но неудобство у меня возникает.

— Ммм… Нет, не думаю, что это хорошая идея, Хиттян.

— Почему же?

— Ситтян с ней не поладит, — вздохнула Миша. Вроде искренне.

— Почему?

Миша ушла от ответа, странно усмехнувшись: нервно, но всё с той же обычной для неё скачущей интонацией:

— По кочану, Хиттян.

В этот момент Сидзунэ отвлеклась на наш разговор; я только сейчас заметил, что всё это время Миша беспрестанно жестикулировала.

Сидзунэ подключилась к разговору в своей манере.

— Что, Ситтян? «Друг моего врага — мой враг»? Звучит слишком резко, я не буду этого говорить.

— Ты это уже сказала, — заметил.

— Знаю, Хиттян, это ничего, что ты подслушал! — улыбнулась Миша.

Видимо, так Миша обеспечивала справедливость в общении, ведь без неё я бы ни за что не понял, что хочет сказать Сидзунэ, и наоборот. Выходит, ещё одна причина, по которой Миша постоянно жестикулирует, — она хочет, чтобы Сидзунэ была в курсе всех разговоров, идущих, вокруг неё.

Сидзунэ была недовольна.

— Как бы то ни было, пора решать задачи, Хиттян.

Мы закончили раньше времени, и я решил спросить, есть ли поблизости местечко с меню поаппетитнее, чем в нашей столовой. На что Сидзунэ и Миша начали спорить о том, какой из

местных ресторанов лучше. Все они находились в городе, и мы вряд ли успевали сходить туда до начала следующего урока. И потом, там наверняка дорого.

Или они спорили ради удовольствия?

Они настолько были увлечены, что не заметили начала большой перемены.

Я посмотрел в конец класса через плечо… Похоже, она пересматривала свои конспекты с прошлого урока. Странное зрелище, на фоне того, как остальные заняты перерывом на ланч. Болтают, сплетничают, сдвигают парты. Те, у кого еда была с собой, общались с остальными, иногда прерываясь, чтобы отправить в рот очередную порцию.

По мере наблюдения за Ханако мне всё больше казалось, что я — единственный, кто её замечает. Как будто она была невидима для остальных, будто бы пряталась у всех на виду. Над ней издеваются? Или она отгородилась ото всех по собственному желанию? Я заметил, как она смотрела через плечо на заднюю дверь класса. И она не перелистывала страницу с тех пор, как я начал за ней наблюдать. Думаю, она ждёт кого-то.

Что же делать?

Я всё ещё чувствовал себя виноватым за то, что спугнул её вчера, так что, думаю, будет лучше сказать ей что-нибудь.

— Эм, привет, Ханако, — подошёл я к ней, осторожно, чтобы опять не спугнуть.

— Хи… Хисао? — нерешительно отозвалась Ханако. Что ж, по крайней мере, она помнит моё имя. Уже плюс.

— Это… я просто хотел извиниться за вчерашнее. Я не хотел тебя напугать, ничего такого. Просто я здесь новенький и думал, что надо бы познакомиться с одноклассниками.

Ханако подняла на меня взгляд, и я ещё раз заметил её шрамы. Немного сбивало с толку то, что издалека они были почти незаметными, а вблизи прямо-таки бросались в глаза.

— В… Всё в порядке. Это… это я виновата, — почти прошептала девушка.

— Да нет, никто не виноват, просто так уж вышло. Ты кого-то ждёшь? Я заметил, как ты смотрела на дверь… — я постарался поддержать диалог.

— Д-да… Лилли. — столь же робка ответила Ханако.

— А, ты имеешь в виду Лилли, слепую девушку? — я помнил, как она вчера решительно отправилась за убежавшей неизвестно куда Ханако.

Ханако слегка кивнула в ответ, а я задался вопросом, не является ли грубостью различать людей по типам их инвалидности, иди же здесь это считается нормальным?

Теперь понятно, почему Лилли вчера отправилась за ней.

— Мне она показалась приятной девушкой. Вы с ней подруги? — продолжал я.

— Д-да.

Она вновь встревожено поглядела через плечо, будто в надежде увидеть Лилли. Кажется, она опять начала нервничать из-за меня. Пожалуй, лучше заканчивать — мне не понравилось вытягивать из неё каждое слово точно клещами.

— Прости, если я снова тебя побеспокоил… — поклонился.

— Н-не в этом дело, — Ханако отрицательно помотала головой. — Просто лучше бы Лилли сюда не приходить…

— А, потому что ей трудно найти класс? — предположил я наиболее логичную вещь, пришедшую мне в голову.

— Нет… не совсем. — Ханако перевела взгляд в сторону Сидзунэ. Из-за старосты, да?

— Сидзунэ?

Она молча кивнула.

— Причём тут она? Они с Лилли не ладят? — удивился я.

Ханако покачала головой. Очевидно, она не очень хотела рассказывать об этом.

То, что Лилли не ладит с Сидзунэ, казалось в некотором роде естественным. Общение между ними не представлялось возможным. С Сидзунэ и так трудно разговаривать через Мишу, даже если видишь, кто из них жестикулирует.

Ханако была так сосредоточена на Сидзунэ, что я первым заметил Лилли в дверях.

— О, она тут, — привлёк я внимание одноклассницы к подруге.

Ханако развернулась и, увидев Лилли, побежала к двери.

— Лилли… — мне понравилось, как озарилось радостью личико Ханако. В этот момент она казалась счастливой.

— О, Ханако. Доброе утро, — приветствовала блондинка подругу. — Президент здесь?

— Д-да, — Ханако опять бросила взгляд через плечо на Сидзунэ, словно пытаясь удостовериться, что та их не слышит… Хотя это невозможно.

— Тогда, пожалуй, нам лучше уйти, — Лилли вздохнула, и в её тяжелом вздохе послышались нотки отчаяния. Похоже, между ними действительно была острая неприязнь. Мне было любопытно, но я не решился спросить об этом. Они сами рассказали бы, если бы захотели. Я здесь всего третий день; мне следует заводить друзей, а не пытаться выяснять причины чьей-либо вражды. В любом случае забавно было узнать, что даже тут случаются распри, как и в моей прежней школе. Хоть люди здесь

терпимее к другим, они всё равно умудряются досаждать друг другу.

— Привет, Лилли. Как ты? Извини, что тебе вчера пришлось убежать из-за меня… — я решил не упускать возможности и подошёл к девушкам.

— Боже мой, это Хисао? Я не знала, что ты здесь… — Лилли, кажется, была немного смущена, что так разоткровенничалась в моём присутствии. И я рад, что она сразу узнала мой голос. В отличие от Кэндзи.

— И-извини, Лилли. Я думала, ты поняла… — Ханако несколько сжалась, как будто допустила оплошность. Я почувствовал острый укол вины.

— Нет-нет, всё в порядке, Ханако. Хисао, пожалуйста, не беспокойся о вчерашнем, это было простое недоразумение, — успокаивающим тоном произнесла Сато.

— Ну… как скажешь. Я всё ещё не до конца освоился здесь, — вздохнул я.

— Думаю, что скоро ты поймёшь, что люди здесь снисходительнее, чем где-либо ещё. Если ты озадачен чем-то, то, пожалуйста, не стесняйся спрашивать.

— Хорошо, буду знать.

— Эм… Лилли… — Ханако осторожно подёргала ту за манжет, привлекая внимание к себе.

Лилли понимающе кивнула.

— Извини, Хисао, но нам пора, — развела она руками.

Видно было, что Ханако чувствовала себя напряжённо, да и Лилли была всё ещё немного смущена. Интересно, помогли ли хоть немного мои извинения?

— Вы не против, если я присоединюсь к вам? — Я, конечно, откровенно навязывался, но… Лилли, по-прежнему улыбаясь, тихонько хмыкнула.

— У нас наверняка найдётся для тебя местечко, правда, Ханако?

Ханако перевела взгляд на Лилли, на меня, а затем замерла, широко раскрыв глаза.

— К-конечно.

Видно было, что перспектива провести ланч кроме подруги ещё и в моей компании. Её отнюдь не вдохновляла. Но возражать она не решалась.

— Что ж, тогда пойдёмте?

Уверен, что Лилли не согласилась бы с такой лёгкостью, если бы могла увидеть, насколько испугана её подруга. Впрочем, всё уже решено.

Мы втроём покинули класс.

Лилли шла вдоль стены, легонько постукивая по ней тростью, Ханако держалась рядом, буквально обнимая её. Похоже, что Лилли было намного труднее перемещаться подобным образом, но, несмотря на это, она вовсе не возражала.

Как только мы свернули за угол, удар в грудь с силой несущегося на полной скорости поезда едва не сбил меня с ног. Ханако сдавленно вскрикнула от неожиданности. У меня в глазах начало темнеть.

— Ай! — я только и успел вознести ками короткую молитву, чтобы на этот раз всё обошлось.

Придя в себя, я встретил взгляд двух зелёных глаз размером с блюдца, удивлённо уставившихся на меня снизу. Они принадлежали виновнице столкновения — низенькой девочке с хвостиками на голове, которая валялась на полу передо мной и озабоченно хмурила брови. Она была одета в физкультурную форму, что было довольно странно для большой перемены.

…Однако больше всего в её внешности меня поразило то, что у неё не было ног. Точнее были, но не настоящие. Её бледные ножки, прекрасно видимые благодаря физкультурным шортикам (я, кажется, слегка покраснел) заканчивались чуть ниже колен, а голени и ступни заменяло устройство то ли из металла, то ли из пластика чёрного цвета. Это смотрелось чрезвычайно неестественно. На мгновение я даже забыл о боли в груди. Никогда в жизни подобных протезов не видел.

Девочка поморщилась, потёрла нос и вскочила.

— Вот чёрт… Эй, ты в порядке? Прости пожалуйста! Я бежала, а ты вдруг появился из ниоткуда… Прости, я нечаянно! — Она смотрела на меня виноватыми глазами, будто наказанный щенок. Я тут же забыл о всяком негодовании, ведь щеночки с таким вот взглядом — моя слабость. М-да, и, похоже, что девочки с таким вот милым выражением лица — тоже.

— Всё в порядке. Не волнуйся об этом… ай…

Хоть я и сказал, что всё в порядке, я понимал, что подобный удар — одна из сильнейших опасностей; в моей груди росла острая боль.

Не перегружать себя, не забывать про лекарства и, самое главное, опасаться ударов в грудь.

Я попытался помассировать солнечное сплетение, чтобы ослабить боль и задержал дыхание, чтобы услышать сердцебиение. Кажется, всё уже в порядке.

— Эй, позвать врача? — Взволнованный пронзительный голосок девочки окончательно привёл меня в чувство.

Простояв в оцепенении несколько секунд, я внезапно понял, что сложившийся пополам и с болезненной гримасой на лице я

выглядел куда хуже, чем чувствовал себя на самом деле. Чёрт, я слишком беспокоюсь о своём сердце.

— Эм… не стоит, я уже в порядке, — я нашёл в себе силы выпрямиться, потирая напоследок рёбра, и сделал глубокий вдох.

Она только что чуть не вышибла из меня дух. Но, похоже, всё цело. Будем считать, что на этот раз меня пронесло.

— Точно в порядке? Я тебя крепко стукнула, — всё ещё волновалась виновница столкновения.

— Всё нормально, я же сказал. Ничего не сломано. Жить буду, — успокоил я её. Нечего ей ещё из-за меня волноваться.

— Это хорошо! Я… — обрадовалась девочка с хвостиками.

— Хисао, что случилось? — подала голос Лилли.

Конечно, Лилли не была в курсе событий, но её голос звучал крайне взволнованно. Хотя в этой ситуации такое волнение было излишне. Всё равно она ничем не могла мне помочь.

— Кое-кто в меня врезался, но вроде ничего серьёзного. Всего лишь небольшой ушиб, — пояснил я.

— Ээ, извини, я нечаянно. Мне просто надо было срочно забрать кое-что, и я очень торопилась.

— Этот «кое-кто» — Эми, не так ли? — вздохнула Сато.

Маленькая девочка смущенно закашлялась и шаркнула «ногами», сделанными из какого-то металла или пластика, глядя на них, прежде чем сказать в ответ. Значит её зовут Эми, да?

— … привет Лилли. Привет, Ханако, — поздоровалась она.

Похоже, они знакомы.

— Пожалуйста, будь осторожнее. Ты достаточно крепкая, чтобы спокойно перенести такого рода происшествия, но в школе есть ученики, которые от подобного могут пострадать, — попросила её Лилли.

Девочка покраснела от стыда и начала мяться на месте, как ребёнок, которого отчитывают за плохое поведение. Это выглядело так мило, что я не смог сдержать улыбку.

Какой кавай…

— Я знаю! Я-я… эм… я просто…Ааа! Мне надо спешить! Учитель мне голову оторвёт! Я обещала помочь с распечатками, а вместо этого пошла бегать! Извините, но мне надо переодеться, и всё такое!

Прежде, чем мы успели что-либо произнести, Эми сорвалась с места и побежала дальше по коридору, который без неё стал гораздо тише.

— И часто здесь такое случается? — спросил я нейтральным тоном.

— Насчёт бега по коридорам в «Ямаку» особо строгие правила… но похоже это редко останавливает Эми, — Лилли

покачала головой и сдержанно улыбнулась. — Боюсь, не в наших силах как-то повлиять на неё. Что ж, пойдёмте.

Лилли отправилась дальше по коридору, и Ханако, спохватившись, последовала за ней. Я легко восстановил в памяти дорогу в комнату, которую эти двое использовали для чаепитий, поскольку был там только вчера.

Лилли и Ханако немедля принялись за подготовку к ланчу. Не успел я развязать свой узелок с едой, как Лилли достала термос и чайные пакетики, а Ханако уже разложила ланч.

— Так вот зачем вы сюда приходите почти каждый день.

— Да, мы с Ханако обычно едим здесь, — согласилась Лилли. — Для нас обеих это место — лучшее, что можно найти.

Учитывая, как Ханако реагировала на мои попытки пообщаться последние пару дней, я подумал, что это к лучшему. К тому же так Лилли удавалось урвать несколько минут тишины вдали от своего класса.

Я сел за стол последним, когда мой чай был уже налит.

Чем больше времени я проводил с ними, тем больше видел в них полную противоположность Миши и Сидзунэ. Резкая и прямолинейная манера общения Сидзунэ была заметна даже без голоса, а Миша могла найти общий язык с кем угодно. В то время как Лилли являла собой воплощение мягкости и учтивости, а Ханако — самая застенчивая девочка из всех, кого я знаю.

— Как тебе живётся в «Ямаку», Хисао? Кажется, тебя что-то беспокоило, — спросила Лилли.

— Я время от времени теряюсь, и на меня налетают в коридорах. В остальном всё не так уж плохо… — хмыкнул я. Иногда полезно отнестись к себе с юмором.

— Ты… ты очень плохо выглядел после столкновения. Ты точно… в порядке? — внезапно подала голос Ханако. Точно, она же в тот момент испугалась едва ли не больше меня самого, хотя и не знала, что я был буквально на грани жизни и смерти.

На какой-то момент меня охватило желание рассказать им о своей болезни, но я сдержался. Почему-то мне неловко было говорить об этом малознакомым людям, пусть они и настолько дружелюбны. Возможно, несколько позже, но ещё не сейчас. Я к этому пока не готов.

— Ерунда, просто опешил немного от неожиданности, — постарался я развеять опасения девушек.

Судя по выражению их лиц, они не поверили мне, но всё равно не настаивали на ответе, должно быть, из уважения к моей частной жизни. Полагаю, это одно из местных негласных правил: «не спрашивай». Даже если проблема была очевидна — как у Ханако, — всё равно были некие рамки, и история её

возникновения находилась за ними. У каждого было что-то, о чём ему неудобно говорить, и думаю, все здесь это понимали.

— Так, эм… вы давно здесь учитесь? Похоже, вы здесь неплохо ориентируетесь, — попытался я сменить тему.

— Хмм…ну, я здесь с начала старшей школы, но переехала в общежитие только год назад. Ханако тоже перевелась в начале старшей школы и сразу переехала в общежитие, если мне не изменяет память, — с готовностью подхватила Лилли.

— Верно… со старшей школы, — подтвердила Ханако.

— Тогда же вы и познакомились?

— Именно. Ханако живёт в соседней комнате, так что это вполне естественно, правда?

— П-правда, — улыбнулась девушка со шрамами.

— Да, конечно.

Соседство с кем-то, возможно, уже было достаточной причиной, чтобы подружиться, хотя думаю, слепота Лилли тоже сыграла в этом роль. Не могу себе представить, чтобы Ханако легко подружилась с кем-то, кому пришлось бы отводить взгляд от её шрамов.

Беседа иссякла, и мы принялись за ланч.

Прошло немого времени, и звон колокола возвестил окончание перерыва. Девушки убрали свои ланчи также быстро, как и доставали их, и я последовал их примеру.

— Думаю, мне пора идти. Ты пойдёшь с Хисао, Ханако? — спросила Лилли.

Ханако посмотрела на меня, и несколько мгновений ясно было видно, что она подумывала пропустить урок, возможно, просто чтобы не входить в класс вместе со мной.

— Д-да, — наконец согласила она.

Даже не знаю, что и думать. Ханако действительно очень легко задеть, если неправильно взглянуть на неё. От этого я тоже начал немного нервничать, но постарался отогнать это чувство, пытаясь вести себя как можно более естественно.

— Тогда нам надо торопиться. Судя по звонку, урок уже начался.

Наклонившись за тростью, Лилли кивнула нам на прощание, и мы с Ханако вышли первыми.

Мы быстро шли пустыми коридорами к нашим классам. Когда мы достигли дверей класса 3–2, в котором учится Лилли, та повернулась ко мне:

— Хисао, спасибо за то, что разделил с нами сегодня трапезу.

— И тебе спасибо, Лилли, — в ответ поблагодарил я её.

На этом наши пути разошлись; Лилли зашла в свой класс, оставив нас с Ханако, которая всё ещё выглядела так, словно

хотела сбежать.

— Ну что, ты уверена, что хочешь пойти на урок? — заботливо спросил я всем своим видом демонстрируя, что если она решит не ходить, то я ничем ей не воспрепятствую.

— Д-да, — несмело подтвердила она.

— Тогда ладно.

Мне хотелось сказать ей что-нибудь ещё, но сложно было придумать что-то уместное, да к тому и безопасное. И Лилли была права: чем дольше мы будем мешкать, тем больше потом придётся объяснять.

Я открыл заднюю дверь класса и вошёл.

Учитель посмотрел на меня и открыл рот, чтобы что-то сказать. Но когда за мной вошла Ханако, он просто кивнул нам и продолжил урок. Вот уже в третий раз опоздание Ханако игнорировалось. Определённо, этому должно было быть какое-то объяснение.

Мы прошли к своим местам, и я заметил, что Миша и Сидзунэ тоже отсутствовали. Интересно, это какое-то неофициальное соглашение с персоналом или «прерогатива» для особых учеников этой школы?

Стараясь не шуметь, я достал из сумки нужный учебник и начал нагонять остальных.

Урок прошёл спокойно. Вопреки моему первому впечатлению, Муто оказался неплохим учителем: ему удавалось интересно подать материал. Однако методика преподавания у него всё же странная: как будто он считал, что все мы гении от рождения.

С последним звонком я понял, что до конца дня мне абсолютно нечем заняться. Странно: в больнице у меня целые дни были свободными, но в этой школе задача по заполнению значительно меньшего количества времени казалась более трудной.

Все остальные ученики покинули класс, оставляя меня наедине с учителем.

Муто начал проверять листки с заданиями, над которыми мы сегодня работали, и делать в них пометки красной ручкой. На секунду оторвав взгляд от бумаг, он заметил меня и наморщил лоб.

— Ты что-то хотел, Накай? — осведомился Муто, внимательно глядя на меня.

Я вздрогнул от неожиданного обращения ко мне. Но, наверное, это естественно, что у нас завязалась беседа, ведь больше в классе никого не было.

— Эммм… ничего. Я думал, чем бы заняться после школы.

Учитель закрыл ручку колпачком и выровнял стопку бумаг, дважды постучав ей по столу. В этот момент своей педантичностью он напомнил мне Сидзунэ. Впрочем, его неторопливость и расслабленность сразу же стёрли это впечатление.

— И что надумал?

— Я хочу вступить в кружок, но пока не решил, в какой.

— Походи на собрания разных кружков — может, что и понравится, — предложил Муто. Резонно.

— Пожалуй… Но я…

Я не знал, стоило ли спрашивать об этом. А от пристального взгляда Муто желание говорить и вовсе начало пропадать. Но рано или поздно мне всё равно пришлось бы коснуться этой темы.

— Я не знаю, как вести себя с людьми… то есть с остальными учениками в этой школе. Я с ними общаюсь и всё такое, так что не подумайте, что я от них закрываюсь. Просто не могу взять в толк, как мне относиться к их инвалидности? Совсем не обращать на это внимание было бы невежливо, а игнорировать — как-то странно. В обоих случаях получится, что я веду себя неправильно.

Учитель рассеянно почесал щёку:

— Не стоит делать из этого проблему, вот и всё. Она существует лишь у тебя в голове. Ведь ты можешь нормально говорить с человеком вне зависимости от того, слеп он или нет. Прекрати постоянно думать об инвалидности собеседника. Все здешние ученики — обычные дети, что бы тебе ни казалось на первый взгляд.

Вчера Юко говорила мне то же самое. Конечно, они правы, но думать об этом — слишком тяжело. Как можно игнорировать, например, глухоту Сидзунэ, если общаться с ней возможно только через Мишу? Или Ханако… как посмотреть ей в лицо, не обращая внимания на шрамы?

— Но…

Меня прервал грохот распахнувшейся двери.

— Учитель! — Миша вломилась в кабинет, вскинув руку в бойком приветствии; её оглушительный возглас мог бы поднять мёртвых из могил. Она промаршировала к учительскому столу, размахивая руками в такт шагам.

Муто, оторопевший от громозвучного Мишиного вторжения, устало откинулся на спинку стула.

— Микадо.

Миша замерла, оглядываясь по сторонам: она явно не поняла, чем был вызван его сердитый тон. Минутку, Микадо — это её фамилия что ли?

— Да? — осторожно переспросила Миша.

— Я уже неоднократно просил тебя убавить громкость, — словно в тысячный раз сказал учитель.

— Да! — Ответ её был не менее громогласным, нежели приветствие.

Муто сдался, и устало протёр глаза:

— Ну, так что ты хотела?

— Мне… нам нужна помощь! У нас кончились материалы для фестивальных стендов! Это беда! — Она размахивала розовой полоской бумаги точно знаменем.

— Ну так… принесите ещё из кабинета рисования. В чём проблема? — не понял Муто. Или сделал вид, что не понял.

— Фанера! Вся проблема в фанере! — воскликнула Миша. — В прошлый раз, когда нам понадобилось больше, её запасы там уже подходили к концу, и мы просто взяли всю оставшуюся, и нам вроде бы хватило. А теперь её там совсем не осталось. Вы случайно не знаете, где есть ещё?

— Нет. Случайно не знаю, — мне показалось, или в голосе Муто промелькнуло какое-то мстительное удовлетворение?

— Ситтян… то есть президент, сказала, что учитель сможет помочь. Она ошиблась? — огорчилась Миша. Она не замечала, что у Муто был крайне страдальческий вид: будто он морщился всем своим существом. Пока шёл разговор, на учителя больно было смотреть. Словно ему сверлили череп, при этом включив на полную громкость поп-музыку. Я невольно содрогнулся, радуясь, что меня сверхактивная одноклассница пока что не заметила.

— Увы, я не в курсе, есть ли в школе фанера вообще. И я понятия не имею, где она может лежать, — да нет, похоже, не показалось.

Логичное заявление, кстати. В ведении учителя естественных наук, по-моему, должны быть химические реактивы и всякие приборы, вроде вольтметров, но никак не фанера.

— Ох-ох-о-о… что же мне делать?

— Попробуй разыскать господина Номию: он должен знать. Он, правда, скорее умрёт, чем расстанется с нею… но это уже отдельный вопрос.

Интересно, почему это неизвестный мне господин Номия так дорожит фанерой? Он что, школьный завхоз или что-то в этом роде? Или, может быть учитель рисования, раз в том кабинете хранится фанера? Поправка *хранилась* фанера. Школьный совет изъял всё, что там было.

— Ааа! Но я спешу! Мы слишком заняты! — Миша схватилась за голову и в отчаянии заметалась взглядом из стороны в сторону, даже не замечая, что смяла записку у себя в руках. — У меня даже нет времени искать всё это! Мы выбиваемся из графика

и у нас и так полно работы!

Муто пристально посмотрел на неё и вдруг улыбнулся. Лучше бы он этого не делал: улыбка была ему совершенно не к лицу. И что-то мне сильно не по себе, от этой улыбки.

— Может, вам найти временного помощника? — Он перевёл на меня сосредоточенный взгляд, как бы говоря: «Ну же, ступай, заведи друзей».

— Ээ… думаю, я мог бы вам помочь, — со вздохом шагнул я на амбразуру.

— Правда? Спасибо, Хиттян, ты такой милый! — возликовала Миша.

Она вдруг озадаченно замерла, глядя так, будто только что заметила моё присутствие, и даже удивлённо вскрикнула, указывая на меня пальцем:

— А что Хиттян делает здесь в такое время? Ведь уроки кончились, пора гулять и веселиться!

— У нас был небольшой разговор, — сказал Муто.

— Только не это! — Миша, похоже, была в панике. — Тебя оставили после уроков? У тебя неприятности, Хиттян?

— Нет, у меня всё в порядке.

— Учитель, у Хиттяна неприятности? — я же сказал, что всё в порядке, зачем переспрашивать по десять раз?

— Ничего подобного, — быстро отказался учитель.

Муто тяжело вздохнул, и я понял, что сейчас самое время избавить его от назойливой Миши. Чисто из мужской солидарности. И даже, несмотря на то, что он фактически перевалил проблему на мои плечи. Всё равно, мне течем было заняться.

— Итак, что вам нужно? — переключил я на себя внимание двуногой розововласой ракеты.

— Вот список. Если в кабинете рисования нет фанеры, я попробую поискать где-нибудь ещё.

Я неуверенно взял протянутую записку.

— Я помогу вам, но это не значит, что я готов вступить в Совет, ясно? — на всякий случай уточнил я.

— Ясно… Всё равно, спасибо, Хиттян. Только побыстрее: мы строим киоски прямо сейчас — надо спешить-спешить-спешить! — последние слова донеслись до нас уже из коридора, потому что она вылетела за дверь с первой космической скоростью и унеслась на поиски неуловимой фанеры.

Мы с учителем посмотрели друг на друга в молчаливом согласии.

— Радуйся, Накай, теперь тебе есть чем заняться, — жизнерадостно заявил Муто, воздев указательный палец к

потолку.

Пожалуйста, не надо так самодовольно смотреть на меня, учитель. Я же героически жертвую собой, спасая вас от розового чудовища — а вы так на меня смотрите.

Я внимательно прочёл записку. Мелким аккуратным почерком, принадлежавшим без сомнения Сидзунэ, на смятом листке был написан перечень необходимых для фестиваля материалов, от краски до фанеры. Я тяжело вздохнул:

— Тогда я пойду.

Я помахал списком учителю и вышел в коридор.

Глава 4 Другой зелёный

В ближайших к нашему кабинетах располагались классы 3–1 и 3–2 по правой стороне и 3–4 по левой, и все двери выглядят совершенно одинаково. Дальше по коридору с одинаковыми дверями находятся кабинеты, для проведения уроков, как я считал, не используемые. Наверное, кабинет кружка рисования где-то среди них.

Я аккуратно открыл последнюю в коридоре дверь и заглянул внутрь. За ней оказалась классная комната, но либо неубранная, либо вообще неиспользуемая. Я не ошибся дверью?

Парты и стулья, покрытые тонким слоем пыли, в беспорядке были расставлены по комнате. В углу стояло несколько мольбертов — похоже, я не ошибся. Комната была залита светом из огромных окон, на партах лежали тени. Облачка пыли танцевали в неподвижном воздухе, делая лучи света почти осязаемыми. Ради смеха я обратился к пустой комнате.

— Есть кто до…

Заметив что-то краем глаза, я остановился на середине фразы.

На парте сидела коротко стриженная девушка, к моему удивлению, в мужской школьной форме. Между пальцев ног у неё была зажата вилка, с нанизанным на неё кусочком еды. Такой необычный способ принятия пищи был вызван очевидным отсутствием у неё рук, но ещё больше меня ошеломило само её присутствие здесь. Как же я её раньше не заметил? Она сидела в углу неподвижно и на первый взгляд казалась предметом обстановки или статуей. Я сегодня что-то совсем невнимательный.

Девушка застыла на месте, уставившись на меня огромными зелёными глазами, как кролик в свете фар. Она смотрела, не отрываясь и держа вилку у открытого рта. Я, в свою очередь, смотрел на неё, разинув рот, внезапно вспомнив, что остановился на полуслове, и пытаясь решить, стоит ли заканчивать фразу.

Мы молча застыли в тишине, нарушаемой лишь ритмичным тиканьем настенных часов.

— Привет, — наконец-то сказала она. Девушка отправила вилку в рот и выжидательно на меня посмотрела, тщательно пережёвывая еду. Я почувствовал себя неловко.

— Мм… привет. Меня попросили забрать отсюда кое-что. Для фестивальных киосков, в смысле. Я не думал, что тут кто-то есть, — кое-как выдавил из себя я. За пару дней в «Ямаку» я уже успел слегка привыкнуть к видимым увечьям ребят, но к такому

зрелищу оказался не готов.

— Никого нет. Именно поэтому я тоже пришла сюда, — девушка наколола на вилку следующую порцию.

— Тогда разве это не значит, что здесь есть ты? — я задумчиво потёр подбородок.

Она приподняла брови, как бы сомневаясь в верности моего замечания.

— А ты наблюдательный. Полагаю, что так, — согласилась незнакомка. — А ты кто?

Прямолинейная девушка, не правда ли? Но в самом деле, я едва не забыл о манерах.

— Меня зовут Накай. Хисао Накай. Я только в понедельник перевёлся, — слегка поклонился я.

— А меня — Рин. Тэдзука Рин. Рин Тэдзука. Руку я тебе не пожму, но теперь мы хотя бы знаем, кто есть кто. Это здорово.

По её серьёзной манере разговора трудно было определить, шутила ли она насчёт рукопожатия. Шутки на эту тему показались совсем неуместными, и меня это обеспокоило. Пока я пытался выяснить, что уместно, а что нет, девушка потеряла ко мне интерес и перевела голодный взгляд на еду.

— Могу я продолжить ланч? Если ты не против моего присутствия, я не против твоего. Если тебе нужно что-то взять, всё хранится в конце класса. — еда Тэдзуку в этот момент явно интересовала гораздо больше моей скромной персоны.

— Конечно, продолжай. Но… ланч? Учебный день уже кончился, — я слегка растерялся от того, что она вообще задала мне этот вопрос. Как-никак вторженец и вообще новичок тут я.

— Тогда как бы ты это назвал? Нет специального слова для приёма пищи между ланчем и обедом, ведь так? Меня это тоже беспокоит, но я не знаю, какое слово подобрать.

— Не думаю, что между ланчем и обедом следует что-то есть, — я пожал плечами.

— Но я голодная, и иначе мою восхитительную еду пришлось бы выбросить, — возразила Рин, кинув голодный взгляд уже на меня. Я поёжился. — У меня тут карри. Очень вкусное.

Решительным движением Рин снова подняла зажатую между пальцами ноги вилку и, по меньшей мере, неучтиво, указывает её прямо на меня.

— Так что, Накай, какими судьбами ты здесь оказался?

— Как я уже сказал, мне поручили поискать некоторые вещи, я же всего как пару минут озвучил цель своего визита, разве нет?

— Нет, в школе, — мотнула головой Рин. — Судя по внешнему виду, ты, вроде, здоров. Проблема где-то внутри?

Я оказался в полнейшем замешательстве и не мог ничего из

себя выдавить. Вот так вот, в лоб. О причинах моего появления в «Ямаку» ещё никто не спрашивал, и я надеялся, что и не спросят.

— Я…

— Попробую угадать. Я хорошо угадываю, лучше, чем большинство людей. — Рин прервала меня прежде, чем я успел ответить на вопрос или как-то его обойти. Не знаю, что бы я выбрал. Я снова оказался перед этой проблемой. Я ещё никому не рассказывал здесь о своём недуге. Впрочем, возможно лишь потому, что об этом никто меня не спрашивал. У меня сложилось впечатление, что игнорирование таких вопросов было частью здешних общественных норм, как сказал учитель. Интересно, могут ли люди здесь найти общий язык? Наверное, не легче, чем любые обычные люди. Я не мог понять условия, в которых находились Сидзунэ или Лилли.

Разумеется, пока я об этом размышлял, Рин с глубокомысленным выражением лица продолжала обдумывать, что со мной не так. Она поместила вилку в рот и откинулась назад, устремив взгляд в потолок, как если бы там был написан ответ. Луч света из окна освещал её лицо, создавая на другой его половине маску тени.

— Вряд ли дело в твоей голове, а какая-нибудь кишечная проблема была бы банально-скучной, как мой обед. Да вдобавок, пресной. Должно быть, проблема у тебя в штанах! — внезапно заключила она.

Такое утверждение в духе пьяного Шерлока Холмса, а также полное отсутствие такта, с которым оно преподносилось, застало меня врасплох. Наверное, я неосознанно отстранился, потому что глаза Рин расширились от изумления и восторга.

— Так значит, я права! У тебя что-то не в порядке с причиндалами?

Это что, её обрадовало, что ли?! Всё ещё в шоке, но сознавая необходимость как-то отреагировать, я выдал первое, что пришло мне в голову.

— Нет! Ничего подобного! У меня проблемы с сердцем. Аритмия.

Я произнёс это. Скорее, конечно, выпалил, но всё же сказал вслух. То самое слово, которое сам избегал применять едва ли не с того самого момента, как впервые понял, что его относят ко мне.

Девушка скривила губки и сердито на меня посмотрела, будучи явно очень расстроенной.

— Как скучно. Проблема в штанах была бы куда более позорной.

Что это за реакция? Я едва не оскорбился, но был слишком

шокирован для этого и не слишком хорошо понимал, чего она от меня хотела.

— Извини, что подвёл, — сказал я, возможно, несколько более ядовито, чем было бы прилично.

— Я тебя прощаю. Просто я коллекционирую людей, и иметь человека с… ну, знаешь, такой проблемой, было бы очень здорово, — голос девушки приобрёл мечтательные нотки.

— Коллекционируешь людей? — повторил я следом за ней.

— Людей с разными проблемами, — невозмутимо уточнила Рин.

— Так ты что, просто… типа, ходишь и спрашиваешь у них, что с ними не так? — выпалил я самое дикое предположение, которое только могло приди мне на ум в тот момент и, как выяснилось, угадал.

— Именно так, — согласилась Рин.

— Понятно.

Говорить было больше не о чем, и Рин возобновила обед, а я продолжал думать над тем, что она сказала. Я впервые рассказал кому-то о своём недуге. Все остальные либо уже знали, либо слышали об этом от кого-то ещё. Или же им до настоящего момента необязательно было знать об этом, как и всем прочим ученикам этой школы.

Мне следует об этом упоминать при знакомстве? От меня этого ожидают? «Привет, меня зовут Хисао. У меня серьёзные проблемы с сердцем». Так мне теперь представляться людям? Как будто наши болезни характеризуют нас. Что за мерзкая идея? Или, может быть, у этой Тэдзуки просто странный интерес к подобным вещам?

Когда я пошёл в конец кабинета за вещами из Мишиного списка, мне представился шанс понаблюдать за Рин краем глаза. У неё были светло-каштановые, почти рыжие, коротко стриженые волосы. Без рук с длинными волосами было бы, наверно, трудно управиться. Из-за мужской школьной формы и отсутствия рук она выглядела очень худой, почти тощей. Она не отличалась особой привлекательность, выделяясь разве только темно-зелёными глазами, которыми она беспрестанно моргала из-под короткой чёлки даже когда ела. Из-за теней и расстояния создавалось такое впечатление, что они вообще не отражали свет, а, наоборот, поглощали его полностью, как глубокие колодцы. Движения её ног были столь же ловки, как и движения рук обычных людей, однако, когда ты смотришь на это, тебе может стать не по себе, особенно когда ногами едят. Во всяком случае, я себя почувствовал немного неловко. Я старался не думать о слове «неестественный», но уже поздно, да?

Я продолжал шарить по ящикам и полкам, но со временем молчание стало слишком неудобным, поэтому я попробовал разговорить эту странную девушку.

— Ты всегда ешь одна и так поздно? Или сюда заходят случайные посетители?

— Посетители… — Тэдзука задумалась. — Наверное, ты — мой первый случайный посетитель. Но я не всегда ем одна. Иногда я ем с определённым человеком на крыше, если она не носится где-нибудь.

— Носится? — я невольно потёр грудь, вспомнив вчерашнее столкновение. Стоп, это получается. Вчера я столкнулся с её подругой или бегающих по коридорам девушек *две* и, следовательно, опасность для меня возрастает вдвое?

— Она увлекается спортом, — уточнила Рин.

— Аа. — это всё, что пришло мне в голову в качестве ответа.

Мы снова погрузились в молчание, пока Рин доедала остатки своего обеда. Я посмотрел на свою поклажу, сверяясь с Мишиным списком. Похоже, я достал всё, за исключением фанеры.

— Эм… ну, думаю, я всё нашёл, — пробормотал я.

— Молодец. Можешь идти, я не возражаю, — улыбнулась Рин. — Я всё равно собиралась вздремнуть. Тебе ведь нужно делать с этими вещами то, что собирался? Или, — теперь в её голосе звучало искреннее любопытство, — может быть, тебе нравится наблюдать за спящими девушками?

— Ээ… — Я не был уверен, как это следует понимать, но Рин выглядела серьёзной. — Даже если бы и нравилось, думаю, мне пора. Ещё… Ещё увидимся, Тэдзука.

— Можешь звать меня Рин. Думаю, на данном этапе наших отношений я могу тебе такое позволить, великодушно разрешила девушка.

Я уже собирался уйти, но поддался внезапно нахлынувшему на меня желанию сказать что-то ещё. Хотя бы отплатить ей тем же.

— Хорошо, тогда я — Хисао.

— Тогда да, — согласилась девушка.

Рин смотрела на меня прямо в упор, но угрожающего чувства, которое обычно бывает в таких ситуациях, не возникало. Будто она на меня вовсе и не смотрела. Она пару раз моргнула, и я не смог понять, почему между нами внезапно повисла пауза.

— До встречи, Хисао.

Кажется, на её лице мелькнула тень улыбки.

Я тихо попятился вон из комнаты. Закрыв перед лицом дверь, я прошептал:

— Какая загадочная девушка…

Из класса приглушённо, нараспев послышалось:

— А я слышала!

Блин! Это я громко шептал или у неё слух острый?

— Что она слышала? — раздался у меня за спиной голос Миши.

Я вздрогнул от неожиданного появления одноклассницы, чьего приближения я не услышал, несмотря на тишину, царившую в коридоре. Каким-то образом она подобралась ко мне на расстояние прыжка, не издав ни звука. Аж мурашки от неё по коже. На мгновение я вспомнил про сумасбродную теорию Кэндзи о всемирном тайном обществе феминисток, но тут же отбросил эту мысль подальше. Сидзунэ, стоящая чуть поодаль от Миши, выглядела отчуждённо, поскольку не могла услышать замечания, привлёкшего внимания Миши, но Миша явно была возбуждена.

А что они тут делают? Я думал, что они будут ждать меня в кабинете Школьного совета?

— Нет, постой, важнее, кто там? Сегодня в кружке нет занятий, — Миша попыталась с любопытством выглянуть из-за меня, несмотря на то, что закрытая дверь всё равно не дала бы ей ничего увидеть.

— Что вы здесь делаете?

— Тебя так долго не было, что нам пришлось прийти и проверить, что случилось. Нехорошо, Хиттян. — Она погрозила мне пальцем. — Я нашла фанеру, но остального до сих пор не хватает, потому что ты — копуша.

Миша картинно надула губки.

— А, прости. Э… я всё нашёл, как раз собирался принести.

— Думаю, ты нас малость подвёл, Хиттян! — огорчённо сообщила мне розововолосая. — Интересно, кто это там с тобой был…

Миша что-то быстро сказала Сидзунэ, пару раз указав на своё ухо. Сидзунэ тут же протиснулась мимо меня к двери и распахнула её. Я мог только представить тот шок, который она сейчас испытает. С её трудолюбием и жизненными принципами ей не под силу было вынести дерзость, с которой некто осмелился портить школьно имущество, используя его в качестве поверхности для сна.

И действительно, она смотрела на Рин, застыв на месте, и только её плечи едва заметно дрожали, как мне показалось из-за подавляемой ярости. Вместо того чтобы взорваться, Сидзунэ, сделав несколько глубоких вздохов, поправив очки и с шумом захлопнув дверь, принялась неистово жестикулировать Мише. Может быть, она и взорвалась, только я этого не понял. На меня она тоже бросила тяжёлый взгляд, будто я был каким-то образов

виноват в том, что Рин спит на одном из столов. Надеюсь, у неё не возникло никаких сомнительных идей насчёт причин моей задержки. А то с этой парочки станется…

— Эй, — Голос Рин донёсся из-за закрытой двери, и через пару мгновений я понял, что для неё может быть проблематично открыть её. Я открыл дверь, Рин стояла прямо за ней и глядела на нас полузаинтересованно-полусонно.

— Привет.

Появление Тэдзуки нисколько не успокоило председателя Школьного совета.

— Тэдзука-сан, что это вы вытворяете? У вас нет абсолютно никакого права использовать школьное имущество для таких… ээ, постыдных? Занятий! — возмущённо озвучила Миша.

— Как внезапно народу-то прибыло. Не знала, что я так популярна, — Рин смотрела на нас с нескрываемым интересом.

Сложно сказать, была довольна она таким поворотом событий или нет. Во всяком случае, она игнорировала выговор Сидзунэ/Миши чуть более, чем полностью, так что им ничего не оставалось, кроме как оставить эту тему.

Сидзунэ постучала Мишу по плечу, указала ей на Рин и сделала несколько быстрых жестов.

— Неважно, насколько вы популярны, пожалуйста, больше так не делайте, — послушно повторила Миша. — Кстати, как продвигается ваш проект? К фестивалю всё будет готово?

Невзирая на давление, оказываемое ледяным взглядом Сидзунэ, Рин смотрела на них вполне непринуждённо и вообще безучастно.

— Я тоже постоянно над этим размышляю, — протянула Рин.

У меня создалось такое впечатление, что Тэдзука совершенно не помнила о существовании вышеупомянутого проекта, пока ей не напомнили.

— И? — поторопила её Миша.

— Задумаюсь над этим серьёзнее.

Когда Сидзунэ получила ответ Рин от Миши, то неудовлетворённо нахмурилась и сделала несколько резких жестов.

— Тэдзука-сан, пожалуйста, попытайтесь подойти к этому ответственнее. Будет катастрофой, если стена будет выглядеть так, будто кто-то швырнул в неё свой обед.

Стена? Какая ещё стена? С этим связан проект Рин?

Рин утвердительно кивнула:

— Обязательно задумаюсь серьёзнее.

Миша в ответ хихикнула, но Сидзунэ и не подумала этого делать даже после перевода. Она только покачала головой,

забрала у меня материалы и ушла в сопровождении Миши. Да, серьёзный человек Хакамити. Иногда даже чересчур серьёзный, как мне кажется.

Рин задумчиво хмурилась, наблюдая за удаляющимся дуэтом Школьного совета.

— Как грубо. Однако это правда. Мне надо закончить проект до выходных. Если не закончу, последствия будут печальными. Конец того мира, который мы знаем. Как конец недели, только ещё печальнее. Гора-аздо печальнее. Наверное, отложу свой сон. На необозримое будущее.

Я уже собрался спросить, над каким проектом она работает и что за апокалипсические последствия грозят не только ей, но и целому миру, но она успела уйти обратно в кабинет. Заинтригованный, я последовал за девушкой.

— Не мог бы ты мне помочь, раз ничем не занят? Банка с краской не влезает в мою сумку, но она мне нужна, — она легонько пнула огромную банку краски, лежащую на полу рядом со столом, на котором она сидела и спала. Та в ответ издала глухой звон.

Будучи джентльменом, я, естественно, поднял её. Тяжёлая. Килограмм пять будет, не меньше, а то и все восемь.

— Да, конечно. Куда её нужно отнести?

— В другое место, — равнодушно сообщила Рин.

С этими словами она вышла в коридор, и мы с банкой последовали за ней, поскольку особого выбора у нас не было. Теперь, когда Сидзунэ и Миша ушли, коридор был тих и пуст, и мы тоже направились к лестнице на другом его конце.

Каждые десять, или пятнадцать, или двадцать шагов мне приходилось перекладывать банку из одной руки в другую, потому что её тонкая дужка больно врезалась мне в ладонь. Ну, хоть руки благодаря этому меньше уставали.

Рин шла передо мной неровной походкой, под которую было трудно подстроиться, или, может быть, это я шёл странно из-за лишнего веса. Казалось, что кто-то из нас постоянно шёл то ли слишком медленно, то ли слишком быстро, и я не мог понять, кто именно.

Через два лестничных пролёта откуда ни возьмись, появилась проблема в виде фельдшера с его лисьей ухмылкой.

— О, Накай, какое совпадение! И Тэдзука, конечно, — приветствовал нас Судзуки-сан.

Он любезно кивнул Рин, которая не ответила на его приветствие, и повернулся ко мне, потому что явно хотел поговорить именно со мной.

— Я кое-что забыл упомянуть в понедельник.

Я кивнул в свою очередь и невозмутимо ждал его слов, потому что мне и в голову не приходило, чего бы он мог там забыть. Однако врезающаяся всё глубже в кожу дужка также не добавляла мне энтузиазма и позитива.

— Насчёт твоих лекарств. Поскольку ты перешёл на них не так давно, могут быть неожиданные побочные эффекты, в зависимости от которых нужно будет подкорректировать дозы или даже сменить лекарство. Я буду регулярно брать у тебя анализы, но я хочу, чтобы ты сообщал мне об отклонениях в твоём состоянии, — если ты понимаешь, о чём я. Тошнота, головная боль — что угодно. Приходи на приём, если что-нибудь случится, — предупредил меня фельдшер. Выглядел в этот момент он серьёзно.

— Хорошо, — согласился я.

— Так как дела? Всё в порядке?

Я сдался и опустил банку на пол, прежде чем ответить. Видимо, это займёт больше времени, чем могли бы выдержать мои бицепсы.

Я собирался ответить общей фразой, но осознал, как часто я делал это в последнее время. Другие люди у меня тоже об этом спрашивали. Учителя и ученики, мои родители, посетители, медсёстры и врачи в больнице — все казались обеспокоенными этим вопросом. Это было совершенно естественно для больницы, но для школы — как-то не очень. Но эта школа являлась исключением. Она была невелика, и отношения между учениками и преподавателями здесь были очень близкими. Во всяком случае, такое у меня возникло чувство. И в такую школу ученики переводились нечасто. От этой мысли у меня по спине побежали мурашки, но я всё равно дал стандартный ответ.

— Это замечательно. И ещё кое-что. Мои источники сообщили, что ты не был ни на школьном стадионе, ни в бассейне, так что я хочу поинтересоваться, выполняешь ли ты упражнения, которые я рекомендовал? — строго уточнил Судзуки-сан.

Конечно, нет, но такая постановка вопроса вызвала у меня ощущение, что я должен был с самого первого дня прямо-таки надрываться на беговых дорожках. Я этого не делал даже, будучи… хм… неосведомлённым о своём состоянии, а уж теперь…

— У вас есть шпионы? — подозрительно уточнил я, надеясь увести нашу беседу куда-нибудь в иное русло.

— Не совсем. Просто я со многими знаком, — усмехнулся фельдшер. — Но у нас другая тема разговора, не пытайся от неё увильнуть.

Эх, не прокатило…

— Ну, я вот как раз выполнял импровизированные упражнения — подъём тяжестей, — я несколько раз поднял и опустил банку, изображая жалкую пародию на культуриста, хоть она и врезалась болезненно мне в руку. Глупая ухмылка исчезла на секунду с его лица, а потом, как ни в чём ни бывало, вернулась на место.

— Тэдзука, позволь, мы с ним наедине поговорим?

Фельдшер схватил меня за плечо и, не дожидаясь разрешения Рин, в котором он и не нуждался, потащил меня в сторону.

— Когда я говорил тебе про упражнения, я не шутил. Я понимаю, что это только твоя первая неделя, но, пожалуйста, не умаляй их значимости. Привычки трудно сформировать, поэтому я так настойчиво этого от тебя требую. Чем больше ты будешь увиливать и откладывать, тем труднее потом придётся. И так со всем, например, с диетой. Можешь пообещать мне, впредь относиться к этому серьёзнее?

— Да, я обещаю. Определённо.

Он окинул меня изучающим взглядом, а затем пожал плечами, снова улыбаясь.

— Хорошо. Вот так-то лучше. Если ты завтра с утра пойдёшь на стадион, то встретишься с моим «шпионом», который наверняка не откажет тебе в консультации, если ты захочешь немного побегать, — Судзуки-сан лукаво мне подмигнул.

— Консультации? — осторожно уточнил я.

— Ещё увидимся.

Фельдшер ушёл без ответа, помахав рукой, а я подошёл к Рин, ждущей меня, праздно опёршись о стену коридора и разглядывая тусклые светильники на потолке. Даже когда я подошёл, она не отвела от них взгляда.

— Ты принимаешь лекарства от своей сердечной болячки? — спросила меня Тэдзука так, словно самый вопрос её и не интересовал.

— Ты подслушивала? — Мой тон был более обвиняющим, чем я планировал, будто я на неё ругался. Но если и так, я не хотел об этом говорить. Я только что её встретил и совершенно не знаю её. Это не её дело. Фельдшер, похоже, тоже незнаком с понятием врачебной тайны, раз говорит о таких вещах на людях. Но Рин ведь в этом не виновата. Я поглядел на неё, внезапно почувствовав себя виноватым, но Рин лишь смотрела куда-то через моё плечо, а её голова наклонена как у птички.

Эх.

Не знаю, почему для меня это так сложно. Чувство, будто есть какой-то непостижимый замок, не позволяющий мне быть более

откровенным в этом вопросе.

— … да. Они для моего сердца.

— Тебе от них лучше? — уточнила Рин.

— … нет. Не особо. Просто чуть менее плохо, — признался я.

Рин посмотрела на меня ещё немного, ничего не говоря и без каких-либо различимых эмоций. Я был благодарен ей, что она ничего не сказала. Думаю, я ещё не вполне привык ко всему этому. В больнице с этим было проще, но я ещё не разобрался, как жить «нормальной» жизнью со своим недугом.

Мы вышли из главного здания, и Рин повела меня в сторону общежитий по той странной помеси парка и школьного двора. Мы остановились у небольшого клочка зелени перед зданием общежития.

Общежитие было построено на небольшом возвышении, окружено стеной и несколькими деревьями, которые всем каждый раз приходилось обходить вокруг. Выяснилось, что вся стена, построенная из таких же кирпичей, что и само здание, была покрыта своего рода картиной.

Большая её часть была не более, чем наброском, — быстрые мазки, сделанные чёрной и белой красками по серой штукатурке, покрывающей практически всю длину стены, — но некоторые места выглядели более законченными. Тут можно было различить лица людей, ноги и руки. Однако я не мог с уверенностью сказать, что именно изображала картина в целом.

Стопки чего-то, напоминающего банки с красками, штабелями располагаются на земле вдоль стены.

— Видишь, работа над левой частью едва сдвинулась, — указала мне Рин. — Всё потому, что вчера у меня не было настроения, и я сдалась, а взамен пошла медитировать. И тут внезапно настало утро. Надо бы мне над ней поработать, но ребята из кружка рисования помогают с фонами и основными поверхностями лишь от случая к случаю — вот в чём проблема. Легче рисовать большие участки, когда много народу, с руками. Размах шире и дело идёт быстрее.

Совсем отходя от прежней темы, она взмахнула рукой… ну, или той её частью, которая у неё была, чтобы наглядно продемонстрировать, хотя я и так уже всё понял. Её белый рукав развевался по ветру, и мне пришла в голову мысль, что зрелище могло выйти печальнее, чем получалось. Но всё же в течение последних нескольких дней это заставляло меня чувствовать себя не в своей тарелке, как и практически любое напоминание об… особенностях учеников «Ямаку».

Девушка, конечно, не могла заметить моих мрачных чувств, как и того, что я перестал её слушать… и продолжала болтать:

— … и поэтому я пытаюсь выяснить, есть ли что-то, что нужно выяснять, и выяснить это прежде, чем будет слишком поздно, и всякая надежда будет потеряна.

— А почему надежда может потеряться? — тупо повторил я, пытаясь не показать ей, что пропустил её речь мимо ушей.

— Потому что краску надо нанести, потом она должна высохнуть, а потом быть закрашена слоем другой краски. На это нужно время, — Рин, наконец остановилась, по-видимому думая, что пришла к какому-то логическому заключению.

Эх, голова моя садовая… Ведь прослушал всё, совершенно. Попробую начать всё с самого начала.

— Так значит, это твой проект? Ты сделала… это? — я указал на разрисованную стену, чувствуя себя идиотом.

— Да. Да, — монотонно ответила Рин.

— Всё целиком? — моё мнение о собственном интеллектуальном уровне не изменилось ни на йоту.

— Да.

— Очень здорово, но… — я запнулся, вдруг почувствовав, что забрёл прямо в центр минного поля неполиткорректности.

— Всё нормально, можешь это произнести. Может быть, я даже не разозлюсь, — подбодрила меня Тэдзука.

Я сильно покраснел. Даже не знаю, что тут правильнее было бы сказать, если вообще можно было сказать что-то. Однако кажется, я куда более чувствительный, чем Рин. Действительно, очень неловко.

— Ты не хочешь спросить? — Девушка выглядела разочарованной.

— … как ты рисуешь без рук? — выдохнул я.

— Видишь, со мной легко говорить, правда? Рисую ногами, — на лице Рин заиграла улыбка. Вот только её интонации я не смог разобрать: то ли, довольная, то ли печальная, то ли вообще что-то третье…

— Я, в общем-то, догадался, но разве это не трудно? — я соврал. Я вообще об этом не думал. До этого момента.

— Ты догадлив, — я не понял. Это она серьёзно или издевается? — Как бы то ни было, думаю, нетрудно. Но, может быть, я просто уже привыкла.

Я и представить себе не мог, что она может быть художницей, но вспомнив, как мастерски она управлялась с вилкой за поеданием карри, решил, что и рисование, возможно, не представляет для неё проблем.

Больше по поводу нам сказать нечего.

— А при свете дня довольно ничего, — придирчиво оглядела Рин своё творчество. — Я боялась, что будет выглядеть слишком

плоско, но в конце концов вовсе нет. Думаю, вполне нормально. Я хотела посмотреть, как она выглядит при тусклом свете. Как, по-твоему — плоская?

— Ээ, ну, картины обычно плоские, выразил недоумение я. Искусством я раньше как-то не особо интересовался, поэтому не был уверен, что уловил суть вопроса.

— Не в этом смысле плоская, — поморщилась Рин. — Понимаешь, плоская. Как некоторые люди — без содержимого, без мяса там, где должно было бы быть. Я знаю нескольких девочек, у которых…

— Ладно, я понял. Но я ничем не могу помочь, потому что не слишком хорошо разбираюсь в искусстве. Я знаю немного художников или специальных терминов. Так что мне нечего сказать, — поспешно прервал я её. В принципе тема женских прелестей мне, как и любому нормальному парню была близка и интересна… Но говорить об их отсутствии, да ещё с девушкой, да ещё с такой — нет, к такому я решительно не был готов.

Рин пожала плечами, как бы говоря: «Ну, как знаешь», — и посмотрела в небо, как будто выискивая там что-то.

— Я не думала, что буду сегодня над ней работать, но если ты мне поможешь с красками, то дотемна успею что-нибудь сделать. Я хотела раздобыть галогенную лампу, как на стадионах, но тут нет ни одной.

Рин быстро привлекла меня к работе, как и Сидзунэ. Складывалось ощущение, что фестиваль — действительно серьёзное мероприятие, для которого была дорога каждая пара рук. В весёлое времечко меня угораздило перевестись, ничего не скажешь. Впрочем, я особо не возражал, хоть и был несколько ошеломлён здешней жизнью после больничной рутины.

— Почему бы и нет? Правда, не знаю, смогу ли я тебе чем-то помочь.

— Просто посмешивать краски, ты это сможешь. Наверное. У тебя есть проблемы с моторикой, как у… ну, знаешь, людей с такими проблемами? Может быть, церебральный паралич? — как мне показалось, в последнем вопросе Рин была затаённая надежда. Или тревога?

— Вроде бы нет. — Никогда за собой такого не замечал, и врачи точно об этом не упоминали.

— Ясно. Твоя сердечная болячка на это не влияет. — Ни с того ни с сего она бросила на меня лукавый взгляд.

— Никоим образом.

— Ну, тогда начнём, — и она села на пустой деревянный ящик и очень естественно взяла толстую кисть босой правой ногой.

Я открыл несколько банок и вылил немного их содержимого в пустые чаши для смешивания. Краска густо струилась из банок в чаши, как патока. Я мешал их, создавая забавные, гипнотизирующего вида спиральные узоры, которые быстро таяли друг в друге, образуя новый однородный цвет.

Рин приступила к работе, то и дело, прося у меня той или иной помощи. Находить разные кисти было сравнительно легко, а вот смешивать краски для получения определённого тона, который эта девушка, вероятно, видела у себя в голове — это показалось сущим адом. Она хотела точности до последнего миллиметра, прежде чем удовлетворялась результатом, но её инструкции были, по меньшей мере, туманны.

— Добавь пол-ливка зелёного, — велела Рин.

Я присел подобрать банку ярко-зелёной краски. Надеюсь, что не ошибся.

(Рин): — Другого зелёного. Этого зелёного.

Вот ведь. Я огляделся по сторонам. Какой же цвет она имела в виду? А, наверное, этот. Я аккуратно налил «другого зелёного» в чашу.

— Нет, это почти целый ливок. Больше белого. А зелёный сюда вообще подойдёт? — задумалась художница.

— Без понятия. Это же ты у нас художник, — отозвался я. Кто я такой, чтобы подсказывать автору в процессе творчества? Вот если бы это был, скажем, закон Гей-Люссака или число Авогадро…

В уголках её губ появилась тень улыбки.

— У тебя нет своего мнения?

— Нет, просто не знаю, как будет лучше. Совершенно не мой профиль.

(Рин): — Это ничего, потому что я только что поняла, как будет лучше. Добавь ещё белого.

После этого восклицания, я налил немного белого в чашу и перемешиваю. Цвет стал чуть-чуть… белее.

— Так не пойдёт, — Рин явно была недовольна и старалась донести до меня ясные ей одной критерии. — Он должен быть как… как цвет, когда ты просыпаешься и **знаешь**, что ты видел во сне смысл жизни, но не можешь его вспомнить. Может быть, это жёлтый…

Несмотря на неспособность намешать цвет «смены времён года» или ещё какой-нибудь вздор, который от меня требовался, я наслаждался творческим процессом больше, чем мог ожидать.

Рождение картины на оштукатуренной стене было похоже на чудо.

Я проводил время между смешиванием красок сидя на

корточках на тротуаре, и просто созерцая её работу. Поначалу у меня возникло неопределённое чувство, будто я стоял у неё над душой, вторгался в интимность акта творчества, но Рин, кажется, не было до этого никакого дела. Может быть, это всё моё воображение? Само её присутствие излучало совсем иную атмосферу, когда она терпеливо работала над деталями, покрывая слои краски новыми слоями и уверенно двигала ногой вдоль стены, добавляя новые формы. Когда мне удавалось добиться приемлемого цвета смеси красок, улыбка, которая при этом возникала у неё на лице, становилась, как ни странно, наградой для меня.

Не считая редких реплик во время обсуждения смесей, никто из нас подолгу не произносил ни слова. И даже эти короткие дискуссии вскоре превратились в кодовый язык: мы оба придумывали и использовали странные импровизированные слова для обозначения разных красок и оттенков, как если бы была какая-то необходимость беречь слова, дыхание и звуки.

А может, она и правда была? Никогда ещё я не находился в подобной обстановке, да ещё и рядом с таким эксцентричным человеком, поэтому не был уверен ни в своих чувствах, ни в мыслях. Тогда я был совершенно очарован.

Мы остались там до позднего вечера, пока не стало слишком темно, чтобы рисовать.

* * *

Назойливый звонок будильника вырвал меня из объятий сладкого утреннего сна.

Я лежал, пытаясь найти в себе силы выбраться из-под одеяла и выдумывая оправдания, почему же я всё ещё этого не сделал. Я был бы не прочь поваляться так весь день: после почти полугода в больнице школьные будни слишком выматывали меня, да и освоиться в столь необычном месте было чрезвычайно трудно. Но, хоть и казалось, что пропустить тут пару уроков проще простого, начинать новую школьную жизнь с прогулов — это определённо не лучшая идея. И фельдшер снова станет докучать нотациями о необходимости зарядки.

С этой мыслью я, наконец, поднялся с кровати и, проглотив утреннюю горсть таблеток, принялся натягивать свой старый спортивный костюм. Я был освобождён от физкультуры по состоянию здоровья, так что новую форму брать не стал. Ничто не мешало попросить её выдать, но одежда, в которой я раньше пинал мячик с друзьями, навевала приятные воспоминания.

Играть в футбол я в ней уже не мог, но, может, так она получит второй шанс. Почти как я.

Раз я решил всерьёз взяться за своё здоровье, то не время прохлаждаться. Начну с самых основ. В эти основы входило поддержание формы и укрепление сердца теми немногими способами, что были мне доступны. Может, так я смогу вернуть себе некое подобие обычной школьной жизни или хотя бы увеличу шанс не упасть замертво в любую минуту. Хотя, он и так не слишком высок, но всё-таки заметно выше, чем у любого другого человека, не имеющего проблем с сердцем.

Удивительно, что даже в такую рань на стадионе кто-то был. Более того — знакомое лицо. Девочка с ногами-протезами, которая вчера налетела на меня в коридоре, бежала по дорожке с необычной грацией механической газели.

У неё ещё какое-то короткое имя… не могу вспомнить.

Она бежала слегка вприпрыжку, металлические протезы ритмично звякали о землю. И что она тут забыла в такую рань? Неужели фельдшер и эту бедняжку заставил носиться тут с самого утра? Если б не его настырность, ну и моё здоровье, конечно, ноги бы моей здесь не было. Ну, во всяком случае, в такое время я бы точно на стадион не явился по доброй воле.

Я пришёл сюда пораньше только чтобы побыстрее разделаться с новой обязанностью. Было бы лучше, если бы никто не увидел мои жалкие потуги. Я бы ушёл от греха подальше, но на очередном повороте девушка, кажется, заметила меня. Не сбавляя темпа, она побежала в мою сторону, радостно махая ручкой.

— Доброе утро! Ты ведь Хисао, да? — Она улыбнулась, видимо довольная тем, что запомнила моё имя. — Ты, наверное, меня не помнишь? Эми! Мы столкнулись вчера в коридоре.

— Как я мог забыть столь, ээ… резкое знакомство? — изобразил я на лице радушную улыбку. А может, и не изобразил. Я на самом деле был рад её увидеть.

Эми виновато посмотрела на меня исподлобья, но лишь для виду, и, не сдержавшись, начала хихикать.

— Угу, извини за тот случай. Ещё раз.

— Ничего страшного, лишь бы такое приветствие не вошло у тебя в привычку, — хмыкнул я, мысленно добавив: «…потому что в таком случае наше приятное знакомство очень быстро кончится похоронами, что было бы весьма некстати».

— Вот и здорово! — обрадовалась Эми.

Не уверен, что она поняла юмор. И, надеюсь, не поняла и того, насколько он чёрный.

— Значит, «шпион», о котором говорил фельдшер — это

ты? — уточнил я свою догадку.

— Верно! — энтузиазм Эми бил через край. Рядом с ней даже Миша сошла бы за образец спокойствия. Хотя, как можно вообще сравнивать Мишу и этот великолепный образец кавая?

— О… Честно говоря, я ожидал, что это будет кто-то из медперсонала. — Действительно, такую вероятность я не исключал. Доверить одного инвалида другому — со стороны это смотрелось бы странно.

— Хочешь сказать, я не подхожу на роль шпиона? — Эми сделала вид, что обиделась, но я прекрасно видел в её глазах искорки смеха и сам готов был рассмеяться.

— Нет, просто я рад, что это именно ты. Я боялся, что он отправит кого-нибудь следить за каждым моим шагом. Ты ведь здесь не за этим?

— Не-а, я тут сама по себе. — фыркнула Эми. — Фельдшер просто спрашивал, не встречала ли я на стадионе «взъерошенного парня, шатающегося повсюду с потерянным видом».

— Так что же тебя сюда привело? — спросил я.

Эми приняла театральную позу, что при её росте смотрелось несколько комично:

— Тренировка!

— Какая? — я снова проявил себя «интеллектуалом». Блин, Хисао, ты что, всё ещё спишь, или при виде симпатичной девушки у тебя резко мозги отказали, а?

— Бег! — торжественно возвестила Эми, жмурясь от удовольствия.

— А… то есть, ты в кружке лёгкой атлетики? — уточнил я. Это предположение казалось весьма похожим на правду.

Эми энергично кивнула.

— Угу! Я самая лучшая бегунья! — гордо заявила она. Да ещё и самая скромная, как я погляжу.

— Эй, а ты не хочешь вступить? Бег — лучшая зарядка! — попыталась сагитировать меня «самая быстрая».

О, это не ко мне. Думаю, о таких подвижных упражнениях не может быть и речи. Только не в моём состоянии. Разве Судзуки-сан не предупредил её о моём сердце?

— Боюсь, я не настолько люблю бегать. Да и соревнования — это не по мне, знаешь ли, — отказался я.

Это правда, футболом я всё же не особо увлекался. Я и на поле-то выходил только потому, что там были мои друзья, и это была единственная причина. Уж точно не ради успехов на этом поприще.

Эми понимающе кивнула:

— Ясно, понятно. Не любишь, значит, соревнования и всё

такое. Но раз ты всё равно здесь, побегаем вместе?

— Ээ… конечно, давай.

Девушка выглядела очень довольной.

— Разомнёшься сперва?

— Настоящим мужчинам разминка не нужна, — я гордо выпятил грудь и слегка выдвинул вперёд нижнюю челюсть, пытаясь придать своей внешности хотя бы капельку брутальности. Надеюсь, Эми не станет надо мной смеяться. Почему-то выглядеть полным размазнёй в её присутствии меньше, чем в присутствии кого бы то ни было.

— Глупый! Всегда нужно начинать с разминки! — Эми сердито отчитала меня, но затем улыбнулась и наклонилась поближе.

— Я тоже ненавижу разминку. — Она вдруг издаёт смешок. — Чёрт, да мне ведь при этом даже растяжку ног делать не приходится!

Девушка пару раз подпрыгнула на протезах, которые оказались упругими, словно пружины. Ого, а по их виду и не скажешь, что они таковы. М-да, и зачем ей растяжка ног, в самом деле?

— Побежали! — задорно воскликнула она.

Итак, мы пустились бежать, и я тут же понял, что она вовсе не хвастала насчёт своих успехов. Эми двигалась уверенно и сосредоточенно, всецело отдаваясь бегу, в то время как я старался всё внимание уделять технике. Руки шире, да? И не опираться на пятки…

Я попытался поддерживать тот же темп, что и Эми, но это оказалось довольно трудно. Конечно, я был далеко не так хорош, как она. Может, Эми сможет помочь мне улучшить технику?

Больше чем на пару кругов меня сегодня не хватило, и я довольно скоро перешёл на шаг. Эми заметила, что я остановился, лишь обогнав меня на целый круг. Она остановилась возле меня. Её плечи двигались равномерно и ритмично, я же еле дышал.

— Ты уже всё? — уточнила Эми. Я слишком запыхался, чтобы понять, разочарована она моим результатом или не очень.

Я наклонился, схватившись за колени.

— Уфф… Да. Я сейчас не в лучшей форме, — да, это самая пристойная версия, которую я смог придумать, не раскрывая перед ней своей болезни.

Эми кивнула и задорно улыбнулась. Она вообще часто улыбается, что мне чрезвычайно в ней нравится.

— Главное — начать, правда же? Завтра постараешься пробежать чуть больше, а послезавтра ещё больше, а потом ещё и

ещё, и всё будет здорово! — с воодушевлением расписывала мне бегунья перспективы будущих тренировок. Только нежелание огорчать девушку удержало меня от скоростного уползания со стадиона.

— Буду иметь в виду. А сейчас я, пожалуй, пойду готовиться к урокам. Кстати, разве тебе не надо? — спохватился я, взглянув на наручные часы. Времени до уроков оставалось не так уж и много.

Эми беспечно пожала плечами.

— Так времени ещё полно.

Я отметил про себя, что при ней нет часов. Тогда откуда она могла знать, который час? Такое хорошее чувство времени, или бег для важнее уроков?

— Ты уверена?

Она снова беззаботно пожала плечами.

— Не совсем, но… Мне ведь надо пробежать хотя бы столько же, сколько обычно. До встречи, Хисао! — помахала она мне рукой на прощание.

— Угу, увидимся, — согласился я.

Не уверен в успешности сегодняшнего эксперимента, но всё же неплохо, что я смог чем-то заняться.

Как Эми правильно заметила, не всё удаётся с первого раза. «Без труда не выловишь и рыбку из пруда», так ведь?

Меня посетила обнадёживающая мысль, что я в первый раз сам сделал что-то для укрепления своего здоровья. И, надеюсь, не в последний.

Глава пятая Превосходя ожидания

Я отправился в общежитие, чтобы помыться и сменить одежду.

Меня одолевал соблазн принять по-настоящему долгий горячий душ: эта беготня всерьёз меня утомила; но мне хотелось попасть в класс до того, как в коридорах начнётся утренняя суматоха… И всё же в итоге я проторчал в душе дольше, чем собирался. Вытершись полотенцем, я вышел из душевой кабинки. Сквозь густую пелену пара ко мне приближался смутно знакомый силуэт, пробуждая во мне наихудшие предчувствия.

— Как оно?

— Эй, хватит меня так пугать! Что ты тут забыл? — возмутился я. По правде говоря, вопрос был совершенно дурацкий. Что же забыл голый парень в мужской душевой? Лыжи?

— Это я у тебя должен спросить. Чувак, я тебя повсюду искал, — парировал Кэндзи. Он был совершенно гол, но своих чудовищных очков так и не снял.

— Где это — «повсюду»? — удивился я.

Я решил не уточнять, не искал ли он меня прямо так, в чём мать родила. Это определённо не тот вопрос, ответ на который, я хотел бы знать. Более того — я бы ещё и приплатил за то, чтобы наверняка не знать всех обстоятельств. Вспомнив, что я сам всё ещё не одет, я поспешно прикрываюсь рубашкой, но Кэндзи, кажется, всё равно ничего не видит. Его очки напрочь запотели. Но почему он их не протирает? Неужели у него настолько плохое зрение, что буквально всё видится как в плотном тумане?

— Ну, знаешь, в твоей комнате… и, в общем-то, всё. Но ради этого мне, как видишь, пришлось встать с постели. Ладно, ближе к делу. Одолжишь мне немного денег? — Он рассеянно поводил взглядом по сторонам, стараясь выглядеть как можно более буднично. Но бесполезно, поскольку его намерения были столь же прозрачны, как и его огромные очки. Когда они не запотели от пара.

Мне было довольно неловко от того, что я вёл беседу как ни в чём ни бывало, стоя перед ним нагишом, и ещё больше смущало то, что он этого не видел. Да к тому же он и сам был без одежды. Я попытался отогнать это неловкое чувство, но безуспешно.

— Денег? Запросто, — причин отказывать ему я не видел.

— Супер, — обрадовался сосед.

— Постой-ка, а зачем они тебе?

— Ээ… Можешь одолжить мне их просто потому, что я был так любезен и не стал шарить по твоим карманам, пока ты был в

душе? Я мог, но проявил выдержку. Поэтому мои помыслы, как видишь, чисты. Так что будь другом, — напирал Кэндзи.

Помыслы человека, который с трудом сдерживает в себе желание обшарить чужие карманы, вряд ли можно было назвать чистыми. Да и скрытность Кэндзи напрочь отбивала желанием помогать ему. Прямо так я ему и сказал, едва удержавшись от оскорблений. Такое наглое вторжение в мою жизнь мне совершенно не понравилось.

— Ты меня серьёзно обидел, чувак, но, думаю, мне придётся принять твои правила, — насупился Кэндзи. — Я хочу заказать пиццу, и у меня набралась почти вся сумма. Теперь мне нужная твоя финансовая поддержка.

— Ты ведь поделишься, правда?

— Нет, — казалось, Кэндзи был удивлён вопросом.

— Ты серьёзно? — неверящим тоном уточнил я. Я, конечно, предполагал, что Кэндзи может быть замкнутым человеком с несколько нелогичным поведением, но подобного свинства за ним как-то не предполагал.

— Ага. Я бы поделился, но у тебя уроки и нет времени на пиццу.

— А у тебя?! — возвысил голос я, взывая к несуществующей совести голого собеседника.

— А я не пойду, — самодовольно возвестил Кэндзи. — Мне надо дождаться пиццу и заплатить парню. А потом съесть её. Это непросто. Нужно забирать пиццу украдкой, иначе все тебя увидят. Тебя и пиццу. И каждый попросит поделиться. Там, снаружи — жестокий мир, в котором каждый норовит отхватить кусок. И ты рискуешь остаться один, без пиццы, в этом суровом и равнодушном мире. Поверь, знаю по своему опыту. Каждый день я мечтаю о возмездии. Этим подлецам не удастся уйти от правосудия. Когда они осмелятся заказать пиццу, я буду рядом!

Кэндзи грозно поднял руку, будто собираясь начать вершить правосудие прямо здесь и сейчас.

— Но сейчас мне нужны всего-то четыреста йен. Пожалуйста! Ты — моя единственная надежда! Чтобы купить пиццу в магазине, придётся идти слишком далеко! Я стараюсь не покидать комнату без крайней необходимости. Сейчас я расскажу тебе, что случилось, когда я в последний раз вышел, забыв принять все меры предосторожности.

Я ошибаюсь, или Кэндзи кроме денег нужны были заодно и свободные уши? Во всяком случае, после моего согласия профинансировать его пищевую авантюру, моей реакцией он не интересовался.

— Я был снаружи, — заявил Кэндзи. — Не помню, что я там

делал. Что-то. Наверное, стоял. Может быть, размышлял при этом, как я там оказался. И вдруг, ни с того ни с сего, на меня свалилась эта напасть. Словно вспышка молнии, рассёкшая небо, словно нож, стремительно рассёкший пополам сэндвич, пролетавшая мимо птица осквернила мою макушку своим дерьмом. Это был второй раз в моей жизни, когда я испытал столь ужасное потрясение.

— А какой был первый? — сделал пытку прервать я говорливого парня.

Но он говорил дальше, не обращая на меня никакого внимания. Мне захотелось его встряхнуть. От желания дать ему по шее меня удерживали только его очки. Было бы простительно, если бы он так пытался поддержать моё любопытство, но мне показалось, он был неспособен слушать никого, кроме себя.

— Это было словно в кульминации какого-нибудь аниме, когда главный чувак сражается со своим соперником, и они в полёте скрещивают мечи, а всё вокруг пылает и взрывается, и всё это в самых пафосных ракурсах. Вот всё было точно так же, только с помётом.

— Ясно, — интерес к его словам я уже потерял.

— Поэтому мне нужны деньги. Тысячи йен должно хватить, — неожиданно деловито заключил очкарик. — Пожалуйста, чувак, не бросай меня в беде!

— Ты же говорил, что нужно всего четыреста? — нехорошо прищурился я. Он что, на счётчик меня поставить решил?

— … Ладно, — он скривился словно от зубной боли.

— Что? — мрачно спросил я.

— Ладно, я тебе их верну. Клянусь, — с тем же кислым видом сказал Кэндзи.

— Естественно, ведь это и значит «брать в долг», — я постарался вложить в голос как можно больше сарказма. Не знаю только, понял он меня или нет.

— Но я точно не знаю, когда смогу вернуть их, — попытался выкрутиться сосед.

— У тебя неделя, — твёрдо сказал я, глядя ему прямо в глаза.

— Ааарррггггххх! — Кэндзи вздрогнул всем телом и завыл, как умирающая корова, при этом его достоинство свободно болталось, ничем не прикрытое, что ужасало ещё больше. — Не жмись ты так насчёт денег, мы ведь братья по оружию, чувак. Мужикам и так живётся несладко. Ты знаешь, что мужчины-порнозвёзды зарабатывают в два раза меньше, чем женщины-порнозвёзды?

— Ну и что, ты же не порнозвезда, — хмыкнул я, недоверчиво косясь на него.

— А что, если я на стороне подрабатываю порнозвездой, пытаясь свести концы с концами, параллельно ведя борьбу с заговором феминисток? — запальчиво возразил Кэндзи. — А ты, гад, со мной и крохами не можешь поделиться! Никто меня не понимает. Никто.

Даже если предположить, что Кэндзи реально снимается в порно, то с учётом его женоненавистничества, это либо зоо, либо яой. Что одно, что другое на мой взгляд — одинаково мерзко. Сочувствия от меня очкарик не дождался бы по-любому. И потом, разве феминистки не выступают против порнографии?

— Опять ты про этот заговор?

— Это очень важно, — поправил он очки. — Тебе, может, и пофиг, но, чувак, это действительно серьёзно. Феминистки — самый опасный враг, с которым сталкивалось человечество. Если будешь неосторожен, однажды — бац! — проснёшься с ножом в горле.

— Как ты собираешься проснуться, будучи заколотым во сне? — живо заинтересовался я. Хотел бы я на это посмотреть…

— Женщины не особо умеют закалывать, — пренебрежительно заявил сосед.

— Ты же говорил, что нельзя их недооценивать, — поддел я его.

— Ну, я имел в виду, нельзя недооценивать их в целом, — не полез за словом в карман Кэндзи. — Поодиночке они неопасны, но, если бы началась война, где с одной стороны оказались бы мужчины, а с другой — феминистки, вот тогда начались бы неприятности. Грядёт день, когда все феминистки мира выйдут из своей сверхсекретной центральной международной штаб-квартиры и скажут: «Началось, ублюдки!».

— Это нелепо. Где, по-твоему, на планете можно спрятать крепость, которая вместила бы разом всех феминисток мира? — его фантазии, определённо, теряли связь с реальностью.

— А кто сказал, что она на нашей планете? — возразил Кэндзи.

Я отвернулся к зеркалу и начал строить гримасы, пытаясь найти ту, что наиболее точно выражала бы моё отношение ко всему этому бреду. Всё равно Кэндзи меня не видел.

Это, увы, также означало, что он продолжал нести всякую околесицу.

— Да, идёт война. Великая война, о которой пока знают лишь немногие, но скоро она захлестнёт весь мир! — Кэндзи вёл себя так, словно произносил с трибуны обличительную речь. — И тогда будет поздно о чём-то раздумывать. Решать, на чьей ты стороне, нужно прямо сейчас. Представь себе эту кровавую баню.

Бесконечную битву без чести и жалости. И я был близок к тому, чтобы сдаться. Когда феминистские орды заполучили подавляющее преимущество, я подумал, что дальнейшее сопротивление бесполезно… Но потом я понял, что всё будет кончено лишь тогда, когда я сдамся. Пусть я и последний здравомыслящий человек в безумном мире, я — основа всего сопротивления. Выстоять — это мой долг.

— Не завидую сопротивлению, основой которого является парень, голышом разглагольствующий посреди душевой о коварных заговорах мирового масштаба, — буркнул я себе под нос.

— Так ты одолжишь мне денег? — он загородил выход, воздух становился всё прохладнее, и я не хотел опоздать на урок, поэтому мне оставалось лишь согласиться.

— Зашибись! Спасибо, чувак. Нам надо будет как-нибудь сходить с тобой в боулинг, — получив подтверждение, сосед моментально подобрел. Не сказать, чтобы оно меня сильно воодушевило.

— Боулинг? — сквозь зубы переспросил я. Даже не подозревал об этом его увлечении.

— Да, это величайший вид спорта. Знаешь почему? Женщин-боулеров не существует. Боулинг — лишь для настоящих мужчин. Как думаешь, в боулинг мне лучше надеть розовую рубашку или светло-зелёную с цветочными узорами?

— Цвет рубашки как-то влияет на игру? — заинтересовался я.

— Возможно, — загадочно уронил Кэндзи.

— В общем, не забудь вернуть деньги, — лишний раз напомнил ему я.

— Я ведь могу расплатиться натурой, так?

Мне некогда было уточнять, что он имеет в виду. Да и страшновато, если честно. Мало ли что придёт в голову этому извращенцу…

— Не знаю. Мне пора на урок, а ты мешаешь мне пройти, — раздраженно ответил я ему.

— А, прости. Не буду задерживать, у самого дел по горло. Час пробил! — торжественно возвестил сосед.

— Какой ещё час?

— Мне ужасно нравится эта фраза, люблю её говорить по любому поводу. Но сейчас тот самый час и в самом деле пробил.

— Да какой час-то? — пытался понять я.

— Мне нужно принять душ. Выметайся. — велел он мне.

— Что я и собирался сделать. И вообще: душевая большая, кабинок всем хватит.

— И что? — заломил он бровь. — Мне надо быть одному,

иначе собьётся вся моя концентрация.

Даже думать не хочу, на чём он там собрался концентрироваться.

— Ясно. Но что, если кто-нибудь другой зайдёт?

— Я что-нибудь придумаю, — самоуверенно заявил Кэндзи.

Я скорчил свою обычную скептическую гримасу, но, отражённая в его очках, она выглядела чрезвычайно глупо. Впрочем, он, как всегда, ничего не заметил поэтому я оделся и поспешно вернулся в свою комнату, чувствуя себя так, будто с момента моего пробуждения прошла целая вечность.

Потраченное на него время уже не вернуть. Я ему как-нибудь отплачу за это.

Но сейчас надо спешить на урок.

Сегодня я вошёл в класс первым и понял, что пришёл слишком рано. Но всё же сидеть здесь одному двадцать минут куда лучше, чем мучиться, проводя их с Кэндзи.

От утомлённости в сочетании с разочарованием и скукой я чувствовал себя смертельно уставшим.

Отключившись буквально на секунду, я проснулся от удара головой о парту. Потирая лоб, я понял, что сейчас не стоит засыпать, а в будущем — приходить в класс так рано.

Наконец я услышал шаги в коридоре, и в дверном проёме появилась высокая фигура Лилли. Должно быть, она искала Ханако. Лилли нерешительно замерла в дверях, будто вампир, который не может войти, если его не пригласить. Надо бы позвать её, так как она, стоя там, выглядит покинутой. Однако она вошла по собственной воле, после того как расправила юбку и поправила воротник, как будто было важно выглядеть опрятно, когда входишь в наш класс.

— Извините, — она попробовала учтивым голосом обратиться к тихой комнате. Я догадывался, что из-за слепоты тишина её, возможно, тревожила, и поэтому нарушил молчание.

— Доброе утро, Лилли, — надеюсь, мой голос не был заспанным?

— Хисао? Доброе утро. Я не слышала, как ты вошёл, — насторожилась Лилли.

Интересно, ей показалось подозрительным, что я не сказал ничего раньше? Вероятно. Если бы я теперь сказал что-то неправдоподобное, это меня потопило бы.

— Ну, я был уже здесь, просто спал.

— Понятно. А ты сегодня случайно не видел Ханако? — с облегчением вздохнула Сато.

— Нет, она обычно приходит перед самым началом… Или после. Я могу ей что-нибудь передать, — прибавил я.

— В этом нет необходимости. Странно, но мне кажется, что мы сейчас с тобой одни в школе. Никого не слышала, пока сюда шла, — она покачала головой.

— Наверное, не стоило мне сегодня так рано вставать, — о пробежке я почему-то решил не упоминать. Должно быть оттого, что следом за ней последовала сцена в душе.

— Ты себя ругаешь за то, что другим не помешало бы сделать? — мягко спросила Лилли. — Пунктуальность — хорошая черта. По крайней мере, я так считаю. Сегодня суетливое утро. Близится фестиваль, а сегодня — последний срок регистрации мероприятий, сдачи бюджетных отчётов и прочих официальных бумаг. Такое ощущение, что все пытаются заполнить формы в последнюю минуту. Может быть, поэтому сегодня так тихо.

— Привет-привет! — В комнату как по сигналу суфлёра вошла Миша вместе с Сидзунэ, так громко крикнув, что Лилли заметно вздрогнула. — Привет, Хиттян!

— Привет.

Сидзунэ дружелюбно улыбнулась.

— Посмотрите, это же староста! Здрасьте! — я так и не понял, чего больше было в этих словах — радушия или сарказма. Лилли улыбнулась, видимо, позабавленная словом «посмотрите» от Миши (или Сидзунэ).

— Доброе утро, — вежливо ответила она.

Сидзунэ усмехнулась, глядя на свою коллегу.

— Ты, конечно, староста не этого класса, верно, верно? — вкрадчиво спросила Миша.

— Не этого, — Лилли осторожничала с ответами Сидзунэ больше, чем со мной на днях. Думаю, они не ладят.

Затем до меня дошло, что Лилли могла в действительности не знать, здесь ли Сидзунэ, и пыталась определить это, чтобы понять, с кем именно она разговаривает. Всё, что она знала, — это то, что говорит с Мишей, а поскольку они с Сидзунэ почти неразлучны, то, возможно, что на самом деле «говорила» именно Сидзунэ. Чёрт, как всё сложно. Я решил помочь Лилли, скорее, для собственного спокойствия.

— Ты сегодня рано, Сидзунэ, — приветствовал я её коротким поклоном.

Староста нахмурилась.

— Да ты ещё раньше нас пришёл! — Миша злобно надула щёки. Почему она злится? Ей передаются эмоции Сидзунэ? Однако неудивительно, что Сидзунэ не понравилась моя реплика. Действительно, я пришёл раньше них, так что подобную фразу, звучащую от меня, можно было истолковать, как угодно. Тем более Сидзунэ не могла определить смысл по тону. Пока я

оценивал, стоит ли мне извиниться, Сидзунэ продолжала.

— Староста! Хорошо, что ты здесь! Нам надо поговорить. Фестиваль уже через три дня, так? Остальные классы уже сдали свои отчёты по бюджету! Даже первоклашки! Все, кроме тебя! Ваха-ха! — половина впечатления от насмешливо-обличительной тирады Сидзунэ переводчица смазывает своим смехом, совершенно неуместным в данной ситуации.

— Ведь ещё есть время, чтобы сдать, верно? — спокойно уточнила Лилли.

Сидзунэ явно была недовольна.

— Сегодня! Сегодня — последний срок! — воскликнула Миша. — Ты как-то не торопишься, да? Если бы всё было, по-моему, я бы уже давно собрала все нужные документы, но кое-кто! решил сказать: «Пожалуйста, отодвиньте сроки!».

— Да, это была я, — подтвердила Лилли неестественно спокойным голосом. — Планировать что-то такого масштаба — нелёгкая задача и недели слишком мало, чтобы ожидать от целого класса полного её решения.

Особенно если это класс для слепых и слабовидящих мысленно добавил я, зная, что вслух этого лучше не произносить. Ещё неизвестно, кого это может оскорбить больше.

Хакамити возмущённо всплеснула руками.

— Хочешь знать, что труднее, чем распределить бюджет одного класса? Решать тот же вопрос для каждого класса в школе и ещё многое другое! Тот, кто это делает — я! — Миша, выпрямившись, подпёрла бока руками. Ух, как вжилась в роль. Однако Лилли не выглядела слишком радостной.

— Эй, Сидзунэ, не слишком ли ты с ней сурова? Ещё ведь есть целый день, — вмешался я в назревающий конфликт.

— Не надо, Хисао. Всё в порядке, — Лилли, кажется, обрадовалась, что я принял её сторону, но видимо, она была смущена мыслью о том, что, по моему мнению, она сама не может за себя постоять. — Если ты говоришь о бюджетной отчётности, то меня печалит, что ты думаешь, будто я забыла о ней. Я понимаю, как она важна.

— Тогда! Прошу, передай её мне, — лица Школьного совета приняли серьёзное выражение.

— Сидзунэ, у Лилли может не быть её с собой, — попытался урезонить я её.

— Она сейчас не здесь, — подтвердила мои слова Сато. — Я попросила двух учеников с ней разобраться. Учеников из моего класса.

Последнее предложение она, к моему удивлению, выделила особо. Она знала о попытках Сидзунэ и Миши затащить меня в

Школьный совет? Наверное, разошлись слухи, и теперь она использовала меня в качестве оружия против Сидзунэ. Становилось всё интереснее… Всё равно я был тут больше в роли безмолвного наблюдателя, чем участника.

— Это было твоей обязанностью! Бюджетную отчётность нельзя просто переложить на кого-то; держать всё под контролем — твоя работа как старосты! Подобное пренебрежение порядками — просто ужас! — Сидзунэ, похоже, начала злиться.

— Они были способны его завершить и сделали это, но недавно заболели, поэтому, не смогли придти в школу, чтобы вернуть его мне. Если хочешь, я от их имени извинюсь перед тобой за болезнь. — любезно предложила Лилли. Слишком уж любезно.

— Давай! — азартно согласилась Миша.

Хотя Миша и не поняла небольшую подколку Лилли, Сидзунэ было всё ясно, и она, кажется, разрывалась между тем, чтобы оскорбиться, и тем, чтобы возрадоваться возможности начать перепалку.

— Лилли, они разве не возле школы живут? Это же всего пять минут пешком. Что у них есть такого важного, что не даёт им выкроить и пяти минут из своего «плотного графика»… ради того, чтобы занести вещь, которая повлияет на веселье для всего их класса?

Лилли открыла рот, чтобы что-то сказать, но Сидзунэ заполнила паузу, начав яростно жестикулировать, размахивая руками как дирижёр. Миша пыталась изо всех сил передать ту же страсть, но не смогла избавиться от своего обычного весёлого тона. Результат получился интересным и в чём-то сюрреалистичным.

— И что это вообще за позиция? Я сказал, что это не то, что можно переложить на других; ты староста класса или нет? Назови мне имена тех двоих: им нужно занять твоё место, раз ты не можешь справиться даже с такой простой задачей.

— Мои обязанности не ограничиваются одной формой отчетности.

Тон Лилли стал немного нетерпеливым, но она хорошо скрывала от Сидзунэ своё волнение. Она не раскрывала свои карты. Зато Сидзунэ с улыбкой придерживала пальцами очки, зная, что Лилли не может ни видеть, ни слышать, как она возбуждена.

— Конечно, ты так занята! Быть тобой наверняка так трудно!

Лилли сжала губы в ответ на слова Миши, ясно понимая их цель, хотя Миша передала их даже без намёка на сарказм. Сидзунэ и Лилли друг друга не любят, это было ясно, но это уже

слишком. Лилли, похоже, хватило сполна, и она была готова нанести ответный удар.

— Перед тем, как ты пришла, я как раз обсуждала бюджетную отчётность. Ты, наверное, очень одарённая, раз смогла закончить все свои дела в Совете так быстро, что можешь теперь выслеживать меня, дабы убедиться, что я не забуду о своих.

— Ты обвиняешь меня в безделье? Похоже, ты путаешь меня с собой!

— Не думаю. Для меня это было бы сложновато — сравнивать себя с тобой.

— Ты права, мы с тобой — как рай и ад.

— И не трудно догадаться, что именно олицетворяешь ты.

Воздух между ними дрожал от жара их неприязни. Ну, не в прямом смысле, конечно. Но всё равно, они не могли её больше скрывать. Даже Миша, кажется, начала понимать истинную суть этого разговора.

Сидзунэ внезапно посмотрела на меня. Взгляд был отнюдь не тёплым и не ласковым.

— Хиттян! Ты тоже не сачкуй!

— О чём ты? — не понял я. Что за резкая смена цели без предупреждения?

— Разве ты не идёшь на фестиваль Хиттян? Ведь идёшь же? Тогда! Надеюсь, ты постараешься на его благо лучше, чем она!

Не понимаю, почему вдруг Сидзунэ разозлилась на меня.

— Эй, я новенький, помнишь? Даже если бы я захотел, то не смог многого сделать, — я решил прибегнуть к запрещённому приёму — другого выходу у меня не оставалось.

— Вот именно, не следует ожидать от переведённого ученика, что он включится во все дела в первую же неделю, — то, что Лилли приняла мою сторону, странным образом меня приободрило, так что я решил тоже за неё вступиться.

— Да, ты к нам обоим несправедлива.

— Отговорки, отговорки, — провела Миша. — У госпожи Старосты была куча времени поработать над отчётностью. А тебе не раз предлагали вступить в Совет, чтобы помочь, только вот ты не захотел посвятить себя будущему успеху фестиваля.

— Да, но как я уже говорил, я не уверен, что…

Нет у меня на это времени; что бы я ни делал, я всё равно оказался бы втянут в противостояние с Сидзунэ, а она именно этого и добивалась. Нет уж, Хакамити-сан, такого удовольствия я вам не доставлю. Не хочу. Если я и позволил Лилли использовать себя в вашем споре, то уж тебе — ни за что.

— Неважно. Забудь, — с равнодушной миной произнёс я, прервав сам себя.

Я повернулся к ним спиной.

— Лилли, скоро начнётся урок, мы потом ещё можем поговорить. Я скажу Ханако, что ты её искала.

Я затылком почувствовал, что Сидзунэ прямо оцепенела. Наверное, её впервые настолько грубо проигнорировали. Чую, испортил я себе отношения со старостой капитально… Ну, плюс хотя бы в том, что *лично* пилить она меня не в состоянии, а через Мишу это даже забавно будет звучать.

— Спасибо, Хисао. Тогда я пойду, — она улыбнулась мне самой милой улыбкой, что я видел за эту неделю, и развернулась, чтобы выйти.

Как только Лилли вышла за дверь, я вдруг ощутил сильное нежелание поворачиваться лицом к Сидзунэ. Я чувствовал, как её взгляд впивается мне в спину, и не мог заставить себя взглянуть на неё. Она, должно быть, была в ярости. Я ждал, что Миша что-нибудь скажет, чтобы смягчить напряжение, но, видимо, ожидал от неё слишком многого. В конце концов, я сел на своё место и услышал шаги удаляющейся из класса Сидзунэ. Она вернулась только за несколько минут до начала урока.

Ханако не появилась на первом уроке, и её место в заднем ряду выглядело пустым и одиноким. Если встречу её позже, надо будет сказать ей, что Лилли её искала.

По сравнению с утренними событиями, урок оказался невероятно скучным. Я лениво переворачивал страницы учебника. Несмотря на попытки не отставать от учёбы в больнице, мне ещё нужно было нагонять, но я совсем не приходил в восторг от этого.

Час над доской тикали невыносимо громко. Учитель ничего не говорил целых семь минут, предпочтя вместо этого покрыть доску рядами формул, переписанных прямо из учебника. Мел постукивал по доске в такт тиканью часов. Я начал переписывать формулы просто чтобы убить время, хоть они и были взяты из учебника.

После звонка я не торопился уйти и остался ненадолго, просматривая то, что мы прошли на сегодняшнем уроке. Я всё равно предпочитал уходить последним, чтобы избежать столпотворения в коридоре.

Сидзунэ и Миша тоже остались, разговаривая с кем-то из другого класса. Сидзунэ так быстро жестикулировала, что её руки свистели как мечи, рассекающие воздух. Может быть, в этом была сдерживаемая злоба. Миша отчаянно пыталась поспеть за ней, но ясно было, что даже она с трудом понимала её.

Я опустил голову. Что бы они там ни обсуждали, это, кажется, дело серьёзное.

Сидзунэ жестикулировала так, что у неё хрустели запястья, а

Миша пыталась это всё протараторить. Иногда она запиналась, будто пытаясь произнести скороговорку. Но самое главное — ей ещё приходилось переводить на язык жестов всё, что говорила их собеседница. Похоже, трудная работа. Миша выглядела уставшей, будто вот-вот свалится в обморок. К счастью для неё, дело вскоре решилось, и девушки уселись обратно на свои места.

— Уаах! Я так устала!

Она с измождённым видом опустила голову на парту.

Я решил использовать эту возможность, чтобы помириться с Сидзунэ без повторного втягивания в разговор о Школьном совете, хотя подозреваю, что теперь эта дверь для меня закрыта. Но всё-таки портить отношения с собственной старостой — проблемно. Совесть потихоньку начала меня угрызать.

— Должно быть подготовка к фестивалю — дело утомительное.

В самом деле, все в этой школе воспринимали фестиваль очень серьёзно. Когда я встречал бездельничающих до или после уроков учеников, они всегда обсуждали свои планы, связанные с ним. Приятно было видеть всех настолько воодушевлёнными. Я, наверное, оказался единственным во всей школе, кому нечего было делать.

Сидзунэ сперва усмехнулась, будто решая, проигнорировать меня или сказать колкость, но в конце концов начала жестикулировать, не сделав ни того ни другого. Миша оживилась, наблюдая за её руками немного мутными глазами.

Она жестикулировала грубыми, тяжёлыми, театральными взмахами. Миша преобразовывала её жесты в слова. Она очень хорошо справлялась, как будто на самом деле это Сидзунэ говорила, передавая через Мишу свои мысли.

Она наверняка усердно тренировалась.

— Ну, мы в Школьном совете, знаешь ли, так что мы довольно заняты, — слегка язвительно начала Миша. — Нашей важной обязанностью является обеспечение успеха фестиваля всеми силами. Мы опозорим себя перед старшими поколениями Школьного совета, если фестиваль не удастся. Поэтому, не должно быть никаких упущений, никаких… ээ, по-моему, это было «помех», и ничего, что могло бы нарушить безукоризненность фестиваля.

Снова так хорошо знакомая пылкая речь Сидзунэ и Мишина подача.

— А? Привет! — отвлеклась Миша на кого-то за моей спиной. Взглянув через плечо, я заметил Ханако, которая робко заглядывала в класс, спрятавшись за дверью. — Эй! Опять изображаешь хулиганку?

Лицо Ханако залилось краской в ответ на откровенный укол Миши, хоть та и сказала это в шутку. Сидзунэ изучающе на неё поглядывала, заставляя Ханако опустить взгляд и пятиться, пока на виду не остались лишь её пальцы, нервно стискивающие край двери. Может быть, её неприязнь к Ханако была вызвана её неприязнью к Лилли? Похоже на то, и Ханако, вероятно, тоже было это известно.

— В чём дело, Ханако? — мягко спросил я девушку.

— С… сюда приходила Лилли? — робко задала вопрос она в свою очередь.

— Извини, Сато здесь нет. Но она, м, утром заскакивала, — пожала плечами Миша.

Ханако продолжала скованно смотреть на Сидзунэ, которая глядела на неё в ответ изучающим взглядом. Что она пыталась сделать? Конечно, Сидзунэ не собиралась отводить взгляд, и она и без того устрашающая, так что я мог только догадываться, в каком ужасе сейчас пребывала Ханако.

Немного неудобно было наблюдать, как реагировала Ханако на обычное поведение Сидзунэ. Похоже, вот что случается, когда встречаются две абсолютные противоположности.

— Вы… Вы не знаете, где она? — с трудом выдавила из себя Ханако.

— Если в ней есть хоть капля здравого смысла, то она в своём классе, готовится к фестивалю. Но кто знает, где шатается эта женщина, — фыркнула Миша.

— Тебе нужно её найти? Она искала тебя утром, но вы, наверное, разминулись, — поспешно добавил я.

Она немного промедлила, не отвечая на простой вопрос, с таким видом, будто не была уверена, стоит ли вообще отвечать.

— Д-да.

— Я могу с тобой сходить. Если ты не против, — предложил я, втайне надеясь, что этим спасусь от одноклассниц. Сейчас они были нисколько не милыми, наоборот, общаться с ними для меня было просто опасно.

Ханако вся напряглась и слабо кивнула, будучи всё ещё настороже. Я чувствовал, что ей уютнее было бы остаться одной, но отступать было уже поздно. Её постоянно преследовала атмосфера обеспокоенности, из-за которой я и сам напрягался, непонятно почему. Я, вроде, понимал, почему она всё время такая настороженная… или, скорее, почему, такая, как она, оказалась здесь. Но всё ещё понятия не имел, как вести себя с такими людьми.

— Скоро обед. Собираешься есть с Лилли?

Она снова еле заметно кивнула. Видимо, она уже пыталась

попасть в столовую. Ну, во время обеда столовая была забита несколько меньше, чем во время ланча. Это не так страшно, потому что обед длился дольше ланча, но я понимал, почему Ханако не решалась войти.

Я взял портфель, и мы направились на поиски. Ханако шагала немного вприпрыжку, чтобы поспеть за мной, так что я сбавил ход, подстраиваясь под неё. Вскоре мы уже шли по коридору с устраивающей нас обоих скоростью. Это было похоже на прогулку с девушкой, чего я раньше никогда не делал. Однако у Ханако, похоже, сейчас не было ничего такого в мыслях. Даже, несмотря на то, что мы шли наравне, она не приближалась ко мне и на расстояние вытянутой руки. Наверное, ей до сих пор было неуютно в моей компании. Учитывая, какая она застенчивая, с этим ничего нельзя было поделать, во всяком случае сейчас.

К моменту, когда мы вошли в столовую, толпы уже практически не осталось, но Лилли мы нигде не увидели. Ханако опустила голову ещё ниже, чем обычно.

— Ты искала ещё где-нибудь? — уточнил я.

— Т-только в библиотеке… Я читала… — пробормотала Ханако.

Так она всё-таки прогуливала уроки в библиотеке.

— А, значит, это был не слишком тщательный поиск. Ну, если подумать, она может быть в своем классе, как и сказала Сидзунэ, правда?

— П-правда.

Ханако согласилась с моими аргументами едва заметным кивком. Господи, как же с ней трудно. Мне словно нужны были перчатки из двойного слоя шёлка с набивкой, только чтобы начать с ней как-то взаимодействовать. Беседа могла бы помочь ей привыкнуть ко мне. Нетрудно было заметить, что повисшее в воздухе молчание тяготило нас обоих.

— Так вы с Лилли время после уроков обычно проводите вместе, да? — попытался я разговорить тёмноволосую девушку.

— Д-да. — Не знаю, какого ещё от неё можно было ожидать ответа, и зачем я вообще задал этот вопрос. Это, в общем-то, и так было вполне очевидно. Она явно не из тех людей, что собирают вокруг себя толпу друзей, а потому подозреваю, что Лилли — её единственная подруга.

— Наверное, тяжело быть в разных классах.

Она резко, почти рефлекторно кивнула. По сравнению с тем, как Лилли внимательно следила за своей речью и жестами, Ханако спешила давать как можно более прямые и краткие ответы.

— Но Лилли… приходит к нам в класс. Даже если занята… —

она тихонько улыбнулась, явно ценя то, что Лилли отклонялась от маршрута, чтобы помочь ей. Это было очень мило. Больше нам сейчас нечего было сказать, и всем ясно, что разговор себя исчерпал.

Поднимаясь о лестнице в вестибюль, мы встретили группу спускающихся учеников. Они напоминали косяк рыб, меняющий место кормёжки. Ученики общались между собой, не обращая на нас внимания, но Ханако, прежде чем я успел заметить, спряталась у меня за спиной.

— Эй, ты в порядке? — встревожился я. А вдруг у неё сейчас опять случится приступ паники?

— П-просто продолжай идти, — пробормотала Ханако мне в спину.

Ученики прошли мимо, даже не взглянув на нас, и Ханако снова заняла место рядом со мной, а её отступившая было, тревога снова вернулась. Не то, чтобы я не был знаком с застенчивыми людьми или даже девушками, но Ханако в своей боязни людей выходила далеко за рамки, которые я назвал бы «нормальными». Если бы Лилли не выступила в качестве посредника, сомневаюсь, что Ханако смогла бы вот так идти рядом со мной. Она полностью закрывалась в присутствии других людей.

Остаток прогулки до класса Лилли прошёл в напряжённой тишине, пока я сожалел о её полной неспособности общаться. Когда мы поднялись на нужный этаж, гул из класса Лилли стал слышен во всём коридоре. Я такого шума не ожидал.

— Ну, думаю, мы её нашли… — выдохнул я.

Это было несложно. Не заходила ли Ханако сначала сюда, а потом ко мне — за подкреплением? Ну, если это так, значит, она начала мне немного доверять. Это определённо хорошо. Наконец мы дошли до двери класса 3–2. Ханако спряталась у меня за спиной, и я открыл дверь.

Внутри царила рабочая обстановка: все ученики разговаривали одновременно, работая каждый над своей задачей. Судя по банкам с краской, украшениям, и изготавливаемым растяжкам, они готовились к фестивалю.

Думаю, в первую очередь надо найти Лилли…

… Вот она, — указал я Ханако.

Найти её среди неразберихи оказалось удивительно просто, не в последнюю очередь благодаря её внешности. Она стояла в передней части класса с несколькими учениками, собравшимися вокруг неё, и сразу было заметно, что она — главная по подготовке, или как минимум занята раздачей указаний.

Осторожно ступая между учениками, сгорбленными на полу

из-за недостатка места на партах, я по привычке поднял руку, когда мы наконец добрались до Лилли.

— Привет, Лилли.

Она перестала говорить с одноклассницей, заметно уступавшей ей в росте, и подняла голову, внимательно прислушиваясь.

— Простите, кто… — осторожно начала Лилли.

— А, извини. Хисао. И Ханако со мной, — поспешил я успокоить её.

— П-привет. — Она очень стеснялась. Учитывая количество людей вокруг, нетрудно понять, почему.

Лилли на секунду замолкла, чтобы оценить ситуацию, а затем опять переключилась на другую ученицу.

— Пока попроси совета у Мории. Кэндзи уже занят — рисует один из плакатов.

Быстро кивнув, она ушла, осторожно скользя пальцами вдоль стены для ориентации.

Стоп… Кэндзи? Тот самый Кэндзи? Этот ярый антифеминист?

Я быстро обернулся, наклонившись, чтобы заглянуть за Ханако. Ошибки быть не могло: в углу комнаты действительно скрючился Кэндзи, разрисовывая кусок ткани. Его глаза находились в нескольких сантиметрах от кисти, напоминая, насколько близко ему надо было подойти, чтобы различить моё лицо.

— Очень жаль. — вздохнула Сато. — У нас в классе мало учащихся хотя бы с частичным зрением, так что на них большой спрос.

Верно, ведь класс создали 3–2 специально для учеников с плохим зрением. Им, должно быть, тяжело было готовиться к фестивалю.

— Нужна помощь? Я бы мог помочь, если нужно. И Ханако, наверное, тоже, — предложил я.

Если её чем-то занять, это могло бы пойти на пользу, но сомневаюсь, что у неё хватило бы смелости спросить напрямую. После моих слов она быстро кивнула, подтверждая догадку о том, что я сделал верный ход.

Лилли вздохнула с облегчением, что для неё нехарактерно.

— О, какое облегчение. Теперь мы, возможно, закончим, прежде чем все разойдутся на ужин. Не могли бы вы помочь человеку, который рисует главный плакат? Это большая задача, но помочь ему некому.

— Кэндзи? Конечно.

Она, кажется, удивилась тому, что я его знаю. Что и неудивительно — мы в разных классах, а в школе я всего пару

дней.

— Я так понимаю, вы встречались?

— Мы живём в соседних комнатах в общежитии. Очень трудно разминуться, — поведал я.

— Приятно видеть, что ты так быстро заводишь друзей, — улыбнулась Лилли.

Друг… интересно, подходящее ли это для него слово? Как по мне — так совершенно нет, но я решил не спорить с Лилли. Ни к чему её огорчать сочными подробностями. Молчание Ханако очень кстати напомнило мне о причине, по которой я вообще вызвался помочь.

— Тогда мы пойдём помогать. Он знает, что нужно делать, так ведь?

— Именно. Если будут проблемы, спрашивайте.

Хором соглашаясь, мы с Ханако пустились в очередное путешествие через класс.

Кэндзи сидел на полу сгорбленный, не отрывая глаз от белого полотна перед собой.

— Привет, Кэндзи, — позвал я его.

… Нет ответа. Он продолжал водить кистью по большому, наполовину раскрашенному иероглифу, начерченному карандашом.

— Кэндзи? — настойчиво повторил я.

— А? Что? Кто это? — встрепенулся мой сосед по общежитию. Если он так общался с одноклассниками, то неудивительно, что он работал один.

— Это я, Хисао. Из…

— Да-да, знаю, чувак. Но что ты здесь делаешь? — перебил он меня.

Его пренебрежительное отношение меня раздражало. Наверное, он был из тех, кто полностью сосредотачивается на работе и терпеть не мог, когда его отвлекали. Звук шагов Ханако, выходящей у меня из-за спины, напомнил о её присутствии.

— Я собирался помочь тебе с плакатом. Точнее, мы с Ханако, — я добавил в голос капельку яда. Пусть знает, что от женщин ему не скрыться.

— П… привет, — застенчиво поздоровалась Ханако.

— А. Э, привет. Никаких проблем. — Как только к нам присоединилась Ханако, его отношение изменилось на совершенно противоположное. Его внезапное ложное радушие немного встревожило меня. А, точно. Женщины. Теперь, кажется, что возможно, это было не такой уж хорошей идеей. Мы с Ханако нехотя опустились с противоположной от Кэндзи стороны плаката, заметив несколько небольших баночек с краской на полу

возле него.

Класс 3–2… ларёк с лапшой?

— Вы будете продавать лапшу на фестивале в воскресенье?

— Да, будет несколько ларьков. Или вроде того. — «Вроде того»? Его уклончивая манера вызывала у меня серьёзные подозрения, но дело - прежде всего.

— Так как ты хочешь разделить работу? Мы делаем края, а ты — текст? Или хочешь поменяться и делать края?

— Текст — мой. Делайте края, — велел Кэндзи.

Оказывается, он серьёзно к этому относится.

Когда я только готовился взяться за кисть, то заметил, что Ханако уже решала, какой выбрать цвет. К моменту, когда я притронулся кистью к материи, она начала работать над сложным узором. Похоже, моя идея отвлечь её от окружающих сработала. Мы втроём принялись молча работать, нанося тёмно-синие штрихи.

Правда, сперва Кэндзи наклонился ко мне и заговорщически прошептал, пользуясь тем, что Ханако увлеклась работой:

— Ладно, чувак, зачем ты здесь?

— Ханако попросила помочь найти Лилли, вот и всё, — пожал я плечами.

Видно, что мой ответ восторга у него не вызвал. Но чего ещё он от меня ожидал?

— Я понял. Похоже, я тебя недооценил. Ты внедряешься, да? Работаешь под прикрытием? — возбуждённо зашептал он.

Следовало бы догадаться, что он поднимет эту тему. Не сказать всей правды, возможно, будет лучше, чем откровенно лгать или злить.

— Ты здесь именно за этим?

— Ясное дело, — подтвердил Кэндзи. — Отстой, конечно, но нет лучшего способа получить разведданные, чем пойти в разведку самому. Нам надо держаться вместе, чувак. Это суровая школа, суровый мир.

— Да, очень суровый, — подтвердил я, имея в виду моё с ним соседство.

Он не понял истинного смысла моих слов, отклонившись назад, удовлетворённый моим полным согласием. Лучше приняться за работу, пока он в благодушном настроении.

Так мы и сделали.

— Готово, — произнесла Ханако через какое-то время.

— У меня, вроде тоже. Хорошая работа.

Мы соединили линии своих узоров, я попытался скопировать свой у неё как можно точнее.

Кряхтя, я поднялся с пола и огляделся. Кроме нас с Ханако, в

классе остались только Кэндзи, заканчивающий надпись, а также Лилли и пара учеников, болтающих между собой.

Это неудивительно, ведь судя по часам, время позднее. Часы, скорее всего тут повесили для учителя — в классе слепых они вроде и ни к чему.

— Тебе помочь? — Я протянул руку Ханако, и она поднялась, ухватившись за неё. Я не мог удержаться от взгляда на её запястье; если шрамы простирались даже досюда, то насколько был велик обожжённый участок её тела целиком? Но я всё же почувствовал укол вины, когда она прикрыла запястье другой рукой.

— Неплохо выглядит, правда?

Она заметно удивилась, но потом поняла, что я говорю о плакате.

— Да…. Наверное. — Её улыбка свидетельствовала о том, что она горда результатом, как и я. Поскольку украшения сейчас были убраны на парты и полки, пол стал гораздо свободнее, и добраться до Лилли в противоположном конце класса оказалось заметно легче.

— Мы закончили плакат. Видимо, это всё, что было нужно? — спросил я светловолосую девушка, когда мы подошли к ней поближе.

Лилли признательно кивнула:

— Спасибо, Хисао, Ханако. Как я могу вас отблагодарить…?

— Не стоит. Всё лучше, чем сидеть в комнате над учебниками, — махнул я рукой, в очередной раз забыв, о слепоте Лилли и в очередной раз мысленно отвесив себе подзатыльник.

— Мне тоже было несложно, — негромко подтвердила Ханако.

Лилли кивнула и вдруг вспоминает кое о ком ещё.

— Ой, а Кэндзи ещё здесь?

Как только я открыл рот, Кэндзи сам подал голос с другого конца комнаты.

— Да, как раз закончил. — Он осторожно положил плакат на свободную полку, чтобы тот высох, и быстро прошёл мимо нас за дверь. — Увидимся, чувак.

— Пока.

Последние два ученика попрощались с Лилли, прежде чем тоже уйти, и мы остались втроём.

— Ну, похоже, все ушли, — заключил я.

— Надеюсь, нам не придётся делать что-то подобное снова, — покачала головой староста.

— Работать после уроков? — уточнил я.

— Именно. Планы класса в этом году были амбициозны.

Может, даже чересчур, — вздохнула она.

— Но киоски красивые, — подала голос Ханако.

— Она права. Видно, что на них потратили много усилий.

— Вот как? — улыбнулась Лилли. — Уверена, многие из наших ребят были бы рады это услышать. В любом случае теперь до фестиваля осталось не так много работы.

— Эмм… время близится к ночи. Может, пойдём? — напомнила Ханако.

— Думаю, это хорошая идея. Ты тоже возвращаешься в общежитие, Хисао?

— Да, прогуляюсь с вами.

Ночью в свете фонарей сады выглядели абсолютно по-другому. По сравнению с обычным видом буйной зелени, сейчас вокруг было намного спокойнее. Тут роль играло и отсутствие учеников, учитывая поздний час. Только пара-другая ребят метались к общежитиям и обратно, пытаясь урвать побольше оставшегося свободного времени до отбоя. Слышались только наши шаги и лёгкое постукивание трости Лилли по земле. Хорошо было, наконец, немного расслабиться после сумасшедшей суеты в школе. Не успев спохватиться, я тихонько зевнул.

— Устал? — участливо спросила Лилли.

— Да. Наверное, ещё не привык к круговороту событий. Но та… э… ситуация… с Сидзунэ меня застала врасплох, — я стиснул зубы, невольно напомнив об их публичной перебранке. Однако я хотел выяснить, что же, ради всего святого, за этим стоит.

— А… насчёт этого… прости, что тебе пришлось стать невольным свидетелем нашей ссоры. Мы с Сидзунэ… у нас это давно. — Её голос стал немного раздражённым, когда она вспомнила о Сидзунэ. Я понял, что дальше эту тему она обсуждать не захочет. Я посмотрел на Ханако с целью узнать, что она думает, но по выражению её лица трудно было что-либо понять. В любом случае, думаю, извинения Лилли дорогого стоят, даже если моё любопытство осталось неутолённым.

— Как бы то ни было, я буду рада, когда фестиваль кончится, — вздохнула Лилли.

Смена темы быстро разрядила атмосферу, и мы все ощутимо расслабились.

— Представляю. Фестивали в моей старой школе были куда скромнее, чем этот.

— «Ямаку» отстаивает идею школьного сообщества, поэтому персонал любит устраивать фестивали и тому подобные мероприятия, — пояснила Лилли.

— А вся работа ложится на учеников. Мир несправедлив, —

возвёл я глаза к небу.

Ханако и Лилли, смеясь, согласились со мной, радуясь тому, что никто из работников школы сейчас не слышит их жалоб.

— Думаю, в «Ямаку» мне помогло то, что я перевелась сюда из пансиона для девочек. Здесь, по сравнению с ним, гораздо спокойнее, — задумчиво сказала Сато.

Это во многом объясняло её благовоспитанные речи и поведение.

Когда мы подошли к общежитиям, пришло и время расходиться по комнатам. Как удачно совпало, однако.

— Увидимся, Лилли, Ханако, — попрощался я со своими спутницами.

Обе вежливо кивнули мне, прежде чем отправиться в сторону женского общежития, расположенного рядом с мужским.

Как и следовало ожидать от местного уклада, неподалёку ходил охранник, готовый пресечь любые ночные безобразия. Проходя мимо него, я вытянул руку и потёр шею, побаливающую после долгой работы на полу, затем пошёл в свою комнату, искренне надеясь, что с соседом разминусь.

Хорошо всё же, когда есть цель. После долгого времени, проведённого в больнице, жизнь в мире каждодневной учёбы, домашних заданий и учителей казалась мне практически благословением. Думаю, если так будет продолжаться, я неплохо проведу время в «Ямаку».

Вспомнив ворчание фельдшера, я поставил будильник пораньше, чтобы успеть на пробежку. Я дал обещание, и собирался его сдержать. К тому же, Эми придётся на меня наябедничать, если я не появлюсь. И она наверняка при встрече будет смотреть на меня щенячьими глазками, если я не появлюсь завтра, и я буду чувствовать себя последним подонком…

Но всё было не так уж плохо.

Глава шестая Поддержка

Мой будильник выключился, и я ещё немного праздно повалялся в кровати, пока вдруг не вспомнил, что решил дать утренним пробежкам второй шанс. Не уверен, что это лучшая из моих идей, но я был полон решимости продолжать. Речь шла о моём здоровье, в конце концов. Конечно, в последнее время мне было несладко, но существование не стало от этого настолько невыносимым, чтобы не попытаться сделать всё от меня зависящее, чтобы оставаться в хорошей форме. Кроме того, так я смогу доказать, что обладаю каким-никаким самоконтролем, верно? Ведь если я смогу это, то… смогу всё что угодно. По крайней мере, я себя постоянно в этом убеждал.

Снова оказалось, что я не один на беговой дорожке. Эми, видимо, уже находилась тут какое-то время. Было похоже, что она уже изрядно выложилась. Во сколько же она, чёрт возьми, сюда приходит?

— О, это ты! Не ожидала тебя снова тут увидеть, — обрадовалась Эми моему появлению, довольно жмурясь.

— Это почему же? — я с некоторым трудом подавил зевок и удивлённо посмотрел на неё. Я, конечно, не образец добропорядочности и пунктуальности, но свои обещания привык выполнять. А тут были замешаны сразу два человека, злить и огорчать которых мне совершенно не хотелось — сама Эми и господин Судзуки Рюхей.

— Ну, немногие способны вернуться ради второй попытки. — она нахмурилась, по-видимому, раздражённая мимолётной мыслью. — Как остальная команда по бегу, например. Но всё это было на добровольной основе, так что ничего удивительного. И утро, думаю, довольно раннее…

Ого, получается, я не первая её «жертва» на поприще утренних тренировок? Пора ли мне начинать бояться, с учётом того, что даже вся остальная команда по бегу от них откосила?

Она пожала плечами и вдруг, будто забыла всё, о чём только что говорила. Хмурый взгляд исчез без следа, и она вернулась к предыдущей цепочке мыслей.

— Итак! Давай начнём! — весело воскликнула Эми.

— Что? — блин, чего ж я так туплю-то? Господин Хисао Накай, позвольте полюбопытствовать, а какого ёкая вы забыли в начале седьмого утра на школьном стадионе в спортивном костюме? Должно быть, ищете клад или готовитесь отражать нападение инопланетян, да?

— Ты ведь пришел, чтобы снова бегать, так? — голос девушки

отвлёк меня от осознания своего интеллектуального падения.

— Ну да, — подтвердил я.

— Так давай!

И вот меня схватили и поволокли на беговую дорожку. В приливе энтузиазма Эми даже позабыла, что в отличие от неё разминку я сделать не успел, а я не стал ей об этом напоминать.

Пробежка проходила по вчерашнему сценарию. Я изо всех сил старался бежать правильно, а Эми двигалась с лёгкостью, которой можно было только позавидовать. Меня невероятно раздражало то, что я так быстро выдыхался. Знаю, надо быть терпеливым, двигаться к цели постепенно, но… Сложно сохранять позитивный настрой в такой ситуации, когда особенно отчётливо осознаёшь собственную слабость.

Мы закончили первый круг и вышли на второй. Эми, кажется, надоело под меня подстраиваться, и она начала отрываться. Вот на этом месте я вчера и сдался. Способен ли я на большее? Что же это я? Неужели я собрался сдаться, и позволить Эми выбиться вперёд? Я ускорился. Быстро пролетел второй круг, и, даже не обратив на это внимания, я продолжил бежать.

Эми обернулась через плечо и ухмыльнулась.

— Всё бежишь?

— Не хочу, чтоб… уф… ты подумала, что я… уф… не в форме… уф… — ответил я на бегу, невольно опровергая сам себя. А то она не видит, что я не в форме.

Не сбавляя ходу, Эми засмеялась. Мало того — она ещё ускорилась. Что ж, если у нас теперь такие правила… Я тоже разогнался. Я чувствовал, как горели мои лёгкие, а ноги вопрошали, что же, чёрт побери, я делаю. Молочная кислота в мышцах активно возражала против этой гонки, но я не обращал на это внимания. Я не мог позволить себе сбавить темп, потому что это было бы равносильно поражению. Голос разума в моей голове осторожно поинтересовался, когда это мы начали играть в игру. Я бы ему ответил, но думать над этим сейчас было сложновато.

Она такая **быстрая**. Как, чёрт возьми, ей удаётся…

В груди, как будто оттянули за некую невидимую струну, появились душащее чувство тесноты и боль. Мир как будто слегка покраснел в моих глазах. Снова? Я успел подумать лишь: «Вот дерьмо», и тут дорожка ушла у меня из-под ног. Я споткнулся, одной рукой схватился за грудь, а другую протянул к дорожке, чтобы не пропахать её лицом.

Эми обернулась, её глаза расширились.

— Хисао! — закричала она, бросаясь ко мне с другого конца стадиона. — Что случилось?

— Н-н-н… ничего, просто… — прохрипел я.

Дыши ровно. Успокойся. Не паникуй. Не паникуй. Краснота маячила где-то на периферии и вроде бы не собиралась покрывать собой всё поле зрения. Наоборот — уменьшалась.

— Позвать фельдшера? — испуганно спросила Эми. Выглядела она не на шутку встревоженной.

Я закрыл глаза и отгородился от окружающего мира. Сердце пыталось изо всех сил выровнять ритм. Боль в груди начла медленно отступать. Вскоре она прошла, будто бы ничего и не было. Это… ничего? Нет, что-то произошло.

Я открыл глаза и поднял взгляд на взволнованную Эми. Прости, не хотел тебя пугать…

— Думаю, я в порядке.

Мой голос даже мне показался неестественным; он был каким-то странно ровным и сухим. Это заставило Эми нахмуриться. Ксо, так и знал, что не сумею её провести. Как и себя самого.

— А я так не думаю, — ками-сама, снова щенячьи глазки… Я же бессилен против этой атаки…

Будто приняв решение, она кивнула сама себе.

— Да. Ты пойдёшь со мной. Тебе нужно показаться фельдшеру, — непреклонно заявила мне она, очаровательно хмуря бровки. Эми взяла меня за руку и потащила за собой. Меня слегка покачивало, но от предложенного Эми для поддержки плеча я отказался. Сугубо из мужской гордости. Нет, будь рядом со мной любой из парней — я бы принял предложение. Но опираться на девушку, да ещё на такую миниатюрную…

Если честно, я немного стыдился собственной слабости. Я не хотел, чтобы Эми обо мне беспокоилась, но, кажется, было уже слишком поздно. Чёрт, лучше бы вообще никому не было дела до моей болезни, хотя для этого теперь уже тоже слишком поздно. Я бы предпочёл разбираться со всем этим сам, не становясь ни для кого обузой. А если уж желать чего-то, так лучше бы у меня вообще не было этой болезни.

* * *

— Судзуки-сан! — Эми ворвалась в его кабинет без стука, но это его ничуть не обеспокоило. Привык к её поведению?

— Доброе утро, солнышко. Что случилось? — расплылся в улыбке фельдшер.

«Солнышко»? Близко же они знакомы. Ладно, неважно. Он спокойно прихлёбывал кофе, но проследив за взглядом Эми,

устремлённым на мою мнущуюся в дверях персону, поставил чашку на стол.

— Хисао? Какими судьбами? — удивился он.

— Мы бегали, а он споткнулся и схватился за грудь, и я подумала, что нужно сгонять за вами, оставив его там, но он сказал, что всё в порядке. Но я решила, что вам всё же нужно его осмотреть и… — затараторила Эми с жалобным выражением лица. Честное слово, было такое ощущение, что она сейчас расплачется из-за меня. Ками-сама, какая же я скотина…

— Подожди, Эми. Успокойся, — остановил её Судзуки-сан. — Что случилось, Хисао? — а вот обращаясь ко мне он был уже совершенно серьёзен.

— Я не знаю. Мы бежали, а потом у меня заболело в груди, как в прошлый раз, но через несколько секунд всё прошло. Это было всего лишь трепетание или типа того, — я постарался приуменьшить свои проблемы со здоровьем, раз уж совсем не вышло их скрыть., хотя и понимал, что это глупо и более того — опасно для жизни.

Фельдшер нахмурился, будто сочетание «всего лишь трепетание» противоречило само себе.

— Я не совсем это имел в виду, когда рекомендовал делать какие-то упражнения. Тебе нужно быть осторожней, Хисао.

— Я был осторожен, просто… — я прикусил язык. Если подумать, то «я просто ввязался в гонку с членом команды по бегу» — не настолько хорошее оправдание, как я предполагал. Ксо, какой же я идиот… решил ощутить себя здоровым, да? Решил перед девушкой выпендриться? А о последствиях как обычно не подумал. Балда ты, Хисао.

— Что — «просто»? — с непроницаемым выражением лица уточнил он.

— Ээ… в общем… Я гнался за Эми, — пряча глаз признался я, отчаянно надеясь, что мне удалось не покраснеть.

— Эми, это правда? — Судзуки-сан сурово посмотрел на неё. Эми начала беспокойно ёрзать на месте, всем своим видом выражая умильное раскаяние. Какой кавай, а…

— Эм, ну… — В конце концов, так и не сумев сознаться вслух, она просто кивнула.

Фельдшер вздохнул, и устало потёр рукой лоб.

— Эми, тебе надо быть более внимательной к пределам возможностей других людей! Я не знаю, говорил ли он тебе, но у Хисао больное сердце, и заставлять его гнаться за собой было крайне безответственно.

— Эм, на самом деле это я начал, — признался я, видя, что Эми готова расплакаться от осознания вины. Но виновен-то в

своём состоянии исключительно я, так что фельдшер отчитывал её совершенно несправедливо!

Фельдшер был ошеломлён моим заявлением.

— ЧТО? — переспросил он таким тоном, что мне немедленно захотелось сказать ему, что он ослышался, но один взгляд на Эми — и я мужественно продолжил признание.

— Мы просто бежали, потом Эми начала отрываться, и я… подбавил, чтоб догнать её.

Судзуки-сан возвёл очи горе, бормоча молитвы о терпении какому-то из богов, затем снова опустил глаза на нас.

— Значит, вы **оба** тупицы. Нет, хуже того — клинические идиоты, что, между прочим, уже диагноз. Думаю, это послужит вам утешением, — сварливо заявил он. — Теперь давай, Хисао. Надо убедиться, что сердце у тебя не собирается взорваться или что-нибудь в этом роде.

Я покорно подчинился и проследовал за ним в соседнюю комнату, где он убедился, что я действительно не собираюсь упасть замертво сию же минуту. Это известие обрадовала нас обоих.

— Как ощущения? — фельдшер внимательно следил за моей реакцией.

— Я не знаю. Ничего особенного. Устал, но это, наверное, просто от пробежки, — развёл я руками. Я в самом деле уже не чувствовал ничего такого.

— Тебе придётся остаться здесь на несколько часов и отдохнуть, потом посмотрим, как ты себя будешь чувствовать, — велел он мне.

Я не собирался возражать и лёг на кушетку. После выговора, полученного от фельдшера в соседней комнате, зашла чудовищно несчастная Эми. Мне пришлось сдерживаться, чтобы рефлекторно не погладить её по голове как щенка. Сквозь закрытую дверь я не слышал, что он ей говорил, но уверен, что не любезности.

— Слушай, мне очень, очень жаль. Надо было мне быть осторожнее, — сказала она потерянным голосом.

— Эй, ты же знала. Ты не виновата, — попытался я утешить её. Не должны такие милые девушки так печалиться из-за меня. Я персонально протестую против этого.

Эми выглядела ужасно расстроенной и огорчённой, даже мои заверения не помогли ей взбодриться.

— Я хочу как-нибудь загладить вину, — она снова решительно кивнула. — Так что мы с тобой обязательно перекусим вместе. Я тебе принесу, ладно? Что-нибудь очень-очень вкусное!

Я начал тянуть: «Тебе вовсе необязательно…», но затем

заткнулся и молча кивнул, глянув на её лицо. Я реально начал опасаться получить передоз печального кавая.

— Отлично! Мы встречаемся на крыше, — девушка моментально повеселела и заулыбалась.

— «Мы»? — уточнил я.

— Угу! — довольно подтвердила Эми. — Погода прекрасная, и крыша — замечательное место для ланча.

— Понятно.

— Ты ведь придёшь, да? Не лишишь меня возможности возместить тебе ущерб? — Эми опять применила свой коронный запрещённый приём — щенячьи глазки. Как будто догадывалась, что я точно не смогу ей отказать в этом случае. А я и не собирался отказываться.

— Конечно, нет, — горячо заверил я её.

— Здорово! Тогда увидимся! — с этими словами Эми выскользнула за дверь.

Я болтался где-то между сном и бодрствованием, чувствуя себя совершенно измождённым. Судя по моим ощущениям, я был на грани физического и морального истощения. Нормально функционировали только органы чувств. С трудом сглотнув, я решил лежать настолько спокойно, насколько смогу, что в таком состоянии было вовсе несложно.

Фельдшер расхаживал туда-сюда по ту сторону занавесок. Я видел его тень, двигавшуюся в солнечном свете: он открыл в кабинете окна. На улице было ветрено. Чистые белые занавески развевались на лёгком ветерке, тяжело и медленно, словно волны. Свет вяло проникал сквозь них, наполовину поглощаясь тканью. Я закрыл глаза. Бриз на лице — как мягкая ткань занавесок…

Я, затаив дыхание, прислушивался к биению сердца, пытаясь игнорировать стук клавиш компьютера, на котором что-то печатал фельдшер. Сердце билось ровно. Блин, и недели не прошло, как я снова оказался в таком положении. На этот раз я сильно облажался. Надо было головой думать, а не изображать из себя недоделанную звезду спорта. И к чему, спрашивается, всё это геройство, будто в моём положении с такими вещами можно шутить? Это был просто рефлекс — отбросить мысли о болезни, удержать всё в себе. И заодно — показать себя во всей красе.

Я не хотел, чтобы это случилось. Не хотел, чтобы Эми это увидела.

Ааа!

Болванболванболван.

Мне нужно быть осторожнее, иначе снова окажусь в больнице, а то и хуже.

После этой мысли я уступил усталости.

Я уснул. Как долго я спал? Сколько времени? У меня немного кружилась голова, и я никак не мог перестать моргать. Отдёрнув занавеску в сторону, я сощурился от лившегося из окна солнечного света. Занавески на ощупь оказались совсем не такими, каким был ветер на лице. Фельдшер, сидя на том же месте, что и раньше, оторвал глаза от работы и внимательно посмотрел на меня.

— Как самочувствие? — за время моего сна его настроение явно улучшилось.

Я не мог точно определиться, как я себя чувствовал, поэтому ничего не ответил. Мне было несколько не по себе из-за того, что я уснул в такое необычное время. Надеюсь, я не выглядел слишком странно.

— Который час? — хриплым со сна голосом задал я вопрос, надеясь немного сориентироваться. Судзуки-сан, прежде чем ответить, бросил взгляд на наручные часы. Всё происходило будто в замедленной съёмке.

— Пятнадцать минут одиннадцатого, — сказал он.

Я попытался сориентироваться во времени, но мне это не очень удалось. Всё что я сейчас понял — учебный день ещё продолжался.

— Ты не ответил на мой вопрос, Хисао, — напомнил мне фельдшер.

— А. Хорошо, — слегка заторможено ответил я.

— Тогда слезай с кровати, посмотрим, как ты, — улыбнулся он. — И не…

Я попытался встать, но из-за резкого движения перед глазами всё вдруг поплыло, и я чуть не упал. Фельдшер подхватил меня под руку и вздохнул.

— «… не вставай слишком быстро», — вот что я собирался сказать. Просто посиди, я измерю твоё давление.

Да уж, хотел, как лучше, а получилось, как всегда. Смутившись, я смолк, пока фельдшер возился с моей рукой и старомодным тонометром. Забавно, что он использует старый, в кабинете я и новый компьютерный видел. Наверное, к этому Судзуки-сан больше привык. Через пару минут он убрал прибор с лицом, не выражающим ни удовлетворения, ни недовольства.

— Ты в порядке, — заключил фельдшер. — Голова перестала кружиться?

— Ага.

— Хорошо. А как внутри? Ты сегодня поступил неблагоразумно, Хисао.

Я воздержался от резкого ответа, который так и хотелось

выпалить. У меня и у самого в голове такие мысли крутились, но услышав их от кого-то другого, сразу захотелось что-нибудь возразить. Не слишком приятно было слушать то, что он говорил. Но от этого он не становился неправ.

— Неблагоразумно, — печально согласился я. Тут уж ничего не попишешь.

Он кивнул, выглядя так же отстранённо, как и раньше. Было бы легче злиться на него, если б он сказал что-нибудь вроде «а ведь я предупреждал», но он этого не сделал.

— Я могу стараться помочь тебе поддержать здоровье, но, без соответствующих шагов с твоей стороны, это бесполезно, — сказал Судзуки-сан. — Надеюсь, это небольшое событие будет напоминать тебе об этом. Вот записка для учителя. Чтобы не было лишних вопросов.

Поскольку мне больше нечего было сказать, да и не хотелось, я взял протянутую им полоску бумаги и повернулся к выходу.

— Избегай перенапряжения, ясно? В этот раз ты отделался лёгким испугом, но в следующий раз всё может обернуться иначе, — напомнил фельдшер мне в спину.

Мне всё было ясно.

Существовал какой-то способ добраться из вспомогательного здания в школу, не выходя на улицу, но я не горел желанием искать его и, возможно, потеряться, так что отправился тем путём, который точно знал. Я остановился на ступеньках, размышляя — сходить ли мне за учебниками в общежитие или отправиться сразу на урок. Солнце ярко светило мне в глаза, и я направился к общежитию.

* * *

В коридорах было так же тихо, как и во дворе — естественно, ведь все сейчас на уроках. Я легонько постучал в дверь класса 3–3, и, когда Муто отозвался, открыл её.

— Извините за опоздание, — повинился я.

Ко мне поворачиваются пятнадцать пар глаз. Под их взглядом я сразу почувствовал себя несколько неуютно. Нету у меня боязни сцены, но в центре внимания всё равно не особо люблю находиться.

— Доброе утро, Накай, — Муто, кажется, был сбит с толку моим поздним приходом, будто я прервал ход его мыслей. Судя по тому, какими бессистемными бывали его лекции, дело было именно в этом. Я протянул ему записку от фельдшера. Муто кивнул, взял её и пробежался по ней глазами. Он поднял брови и

окинул меня строгим взглядом, но ничего не сказал, а только снова важно кивнул.

Я пожал плечами, и он жестом указал мне садиться, что я, естественно, и сделал.

Урок тянулся очень неторопливо. Думаю, я начинаю входить в ритм школьной жизни. Я перестал беспокоиться о том, чтобы писать конспекты и проявлять чрезмерную внимательность. В первые дни на уроках я был довольно нервным. Тем временем Муто закончил свою лекцию об электричестве и, не прерываясь, перешёл к теме фестиваля.

— Как вы знаете, фестиваль состоится послезавтра, — напомнил учитель. — Надеюсь, все ваши проекты будут в этом году иметь успех. Желаю всем приятно провести время, но, пожалуйста, не забывайте истинного значения фестиваля…

— Игры и жареная еда! — выкрикнула Миша с места.

Класс взорвался смехом, и я тоже. Уж больно потешно это у Миши вышло.

— Да, спасибо, Микадо, — невозмутимо согласился Муто. — Но я имел в виду…

Конец предложения утонул в звоне колокола, возвещавшего большую перемену, и все начали собираться. Муто некоторое время размышлял, стоит ли продолжать, но, поскольку его уже никто не слушал, сдался и сел за стол.

В коридоре было людно… настолько, насколько обычно бывает людно в коридорах этой школы. Большинство учеников направлялось в столовую. В обычный день я присоединился бы к этому потоку и сам взял бы себе ланч, но сегодня — всё иначе.

Сегодня я был приглашён на ланч на крыше. Странное место, но мне сказали пойти именно туда. К счастью, мне удалось найти укрытие от бури в тени двери в класс. Наконец людской поток поредел, и я осторожно вышел в коридор. И тотчас встретил Эми, нёсшуюся по коридору точно пушечное ядро.

— Эй! Привет, Хисао! Как удачно, что мы повстречались! — обрадовано воскликнула она. — У меня сегодня суперэксклюзивный ланч, как и обещала! Пойдём наверх!

Лестница на крышу выглядела заброшенной, но её явно недавно использовали. Она вела к двери, на которой отсутствовал замок. Интересно, что за храбрец снял его? Эми толкнула дверь и бодро вышла на залитую солнцем крышу.

Внезапно, словно из ниоткуда, перед нами возникла высокая тёмная фигура незнакомца. Эми отступила назад, едва не падая с лестницы.

— Ай! — воскликнула она. Я сделал шаг в её сторону.

— Привет, — сказала фигура странно знакомым голосом.

— Ух! Ты меня напугала, Рин! — выдохнула Эми.

Постой, а это случайно не… Я моргнул, узнавая безрукую фигуру.

— Привет, — это Тэдзука сказала уже мне, всё тем же спокойным тоном.

Заметив, что Рин обращается ко мне, Эми с любопытством посмотрела на меня.

— Вы знакомы? — удивилась она. Действительно, если не знать, что я побывал в кабинете рисования и застал там Рин, предположить наше знакомство было никак нельзя.

Я смущённо поглядел на Эми.

— Это она — твоя подруга?

Рин переключила взгляд на облака, проплывающие в небе над школой.

— Не знала, что ты знакома с этим человеком, Эми, — заметила она. Ну вот как понять, что она имела в виду под «этим человеком»? Положительное, отрицательное или нейтральной что-то?

Неловкое молчание длилось всего пару секунд, затем Эми хихикнула, забывая об удивительном совпадении.

— Я пригласила Хисао на ланч. Если ты его знаешь, это даже к лучшему, — улыбнулась девушка.

— А. Значит, мне еды не достанется? Или ты пригласила его на ланч без ланча? — мысли Тэдзуки снова пошли неизвестным мне путём, и я никак не мог понять огорчена она возможным голоданием одного из нас или просто констатировала факт.

— Эм… ни то, ни другое. У меня еды на троих, — успокоила её Эми.

— Предусмотрительно, — слегка улыбнулась художница.

Пока я стоял под башней с часами и проникался здешней атмосферой, девушки отошли на противоположный конец крыши.

Кроме нас, тут никого не было. По-видимому, в этой школе крыша не так популярна, как в остальных. По краям было расставлено несколько обветшалых скамеек и столиков. Вероятно, кто-то сделал попытку придать этому месту не такой заброшенный вид. Мелкий гравий, покрывавший крышу, шуршал под ногами.

Я бросил взгляд на школьный двор и окрестности школы через сетчатое заграждение. По двору и перед столовой прогуливались парочки и группки учеников. На территорию продуктового магазина, расположенного неподалёку, заезжало несколько грузовиков. Откуда-то доносился лай сторожевой собаки.

Когда я глядел на панораму, на меня почему-то накатило

почти осязаемое ощущение нахождения в маленьком городке. Суматошная жизнь больших городов казалась здесь чужой и далёкой, никому не приходилось мчаться, чтобы успеть на автобус, будто это вопрос жизни и смерти или терпеть мерцание неоновых ламп и дорожные пробки. Я глядел на новый родной город, даже если он останется таковым только на какой-то год, и при мысли об этой новой жизни на меня почему-то накатывала волна оптимизма.

Внезапная болезнь и вынужденный переезд свалились на меня словно снег на голову, так что у меня не было времени подумать, как я к этому отношусь.

Выходя из тени башни, я спиной почувствовал тёплое прикосновение солнечных лучей. На чистом лазурном небосводе ярко светило солнце. Прохладный порыв ветра заставил меня немного поёжиться. Он нёс ароматы деревьев и цветов, а не смог и выхлопные газы, как было ещё пару недель назад.

Эми с Рин уселись на скамейку и достали из сумки три контейнера: один большой и два поменьше.

— Давай же, Хисао! Чего ты ждёшь? — Двигаясь, чтобы освободить немного места на маленькой скамеечке, Эми приглашала меня присоединиться. Я сел с самого края, чтобы не стеснять остальных. На такой крохотной лавке каким-то чудом уместились мы втроём. Впрочем, какое ещё чудо? Я хоть и высокий, но не слишком плотный, Эми совершенно миниатюрная, а Рин тоже не отличается пропорциями сумоиста. Всё совершенно логично.

— Впечатляющий вид, — мотнул я головой в сторону панорамы.

Подавляя смешок, Эми поставила одну коробку с едой перед Рин, а вторую протянула мне.

— Вот! Ланч, как и обещала! — гордо заявила она.

Ничего себе, домашнего приготовления. Я был впечатлен. *Очень* впечатлён. Никогда в жизни девушки мне ещё не готовили. Ну… разве что чаепитие с Лилли, но там был просто чай, а не бенто…

— Ого. Выглядит просто здорово, — оглядел я свою еду. Пахнет тоже завлекательно и, уверен, прекрасно на вкус.

— Спасибо! Я сама их готовлю, когда есть время, — улыбнулась Эми.

Разговор затих, и я начал жевать. Съев пару кусков, я поднял взгляд и увидел, как Рин ловко открыв коробку, сунула в рот вилку с едой, орудуя только ногами. Для меня это было уже не в диковинку, но я всё равно поразился той ловкости, с которой она всё это делала.

Это лишний раз напомнило мне о том, где я нахожусь.

Привыкну ли я когда-нибудь к подобным зрелищам? Я вообще не был уверен, хорошо или плохо привыкать к такому. Не будет ли это означать для меня полную потерю надежды на возврат к обычной жизни? Или только то, что я стану лучше понимать окружающих?

От этих мыслей меня отвлёк вид Эми, которая набросилась на еду так, словно она оскорбила её предков, и теперь девушка творила беспощадную расправу.

— Похоже, ты голодная, — заметил я.

Она подняла взгляд, энергично при этом жуя, затем проглотила еду и кивнула.

— Утренние пробежки всегда возбуждают аппетит. И это здорово так я быстрее разделываюсь с едой. Это помогает мне поддерживать стройную девичью фигуру.

— А что случится, если ты её потеряешь? Станешь мужиком? — заинтересовалась Тэдзука, посмотрев на подругу.

Мне каким-то чудом удалось не подавиться, сдерживая смех. Это ж надо было такое сказануть!

— Это фигура речи, — Эми недовольно посмотрела на неё.

— А твоей фигуре тоже приходится бегать по утрам? — прищурилась Рин. Судя по тону, это было что-то вроде шутки.

— Вы всегда так разговариваете? — спросил.

— Как разговариваем?

— Как?

Девушки удивились практически хором. Думаю, это волне ответило на мой вопрос.

— А, неважно. Так э…

Мне было трудно сейчас придумать тему для беседы, и я решил задать очевидный вопрос.

— Как вы познакомились?

Похоже, Рин была не против, если на это ответит Эми.

— Кто-то в жилищном отделе решил, что мы прекрасно друг друга дополним, и поселил нас в соседние комнаты, — фыркнула Эми.

— Дополните друг друга? — уточнил я. С одной стороны, всё было вроде совершенно очевидно, но с другой — заставляло подозревать работником жилищного отдела в чёрном юморе.

— Как костюм и туфли, — прикрыла глаза Рин.

— А? — такое сравнение что-то не очень укладывалось у меня в голове. Я вообще к сравнениям и прочим метафорам не очень способен. То ли дело естественные науки… Повезло, что попал именно в класс Муто.

Увидев моё замешательство, Эми весело захихикала.

— Вместе у нас полный комплект конечностей, понимаешь?

— А-а.

— Так что я начала помогать Рин собираться по утрам — вот и познакомились! В смысле, нельзя ведь помогать кому-то каждое утро одеваться, и при этом не подружиться.

— Понятно.

Рин, воспользовавшись моментом, вставила слово.

— У меня проблема с рубашками.

— Да, это… скажем, очевидно, — я едва сдержался от смешка.

— Правда? — судя по расширившимся глазам, Тэдзука об этом даже не подозревала.

— Типа того…

До Рин никак не доходило, но Эми, во всяком случае, эта вся сцена веселила. В сочетании с искренним любопытством Рин, это меня немного успокоило, хотя и не совсем.

— Понимаешь, у тебя же нет рук. Так что, эм, одевание рубашки попадает в категорию вещей, которые тебе… трудновато делать.

Поздравляю, Капитан Очевидность, вы получили приз за самую тупую шутку года. Лучше мне заткнуться прямо сейчас. Это убережёт меня от кучи проблем в дальнейшем. И мою самооценку — тоже.

Рин в задумчивости кивнула. Подозреваю, она собралась серьёзно обдумать мои слова. Прямо сейчас. Ками-сама…

— Понятно.

Так как разговор себя исчерпал, я снова переключился на еду. Она действительно была очень вкусной, как я и ожидал. Эми первой расправилась со своей порцией и издала довольный звук.

— Ох, вкуснятина какая.

Пока она возилась с коробкой, Рин обратилась к ней.

— Я хочу пить.

— Ой! Я чуть не забыла! Извини… — Эми хлопнула себя по лбу.

Она торжественно вытянула из сумки три пакета сока — бросила мне клюквенный, Рин дала вроде клубничный, а себе оставила розовый пакет с каким-то ещё.

Рин ловко проткнула пакет соломинкой, и начала пить. И вновь я подивился её гибкости и ловкости, но в этот раз воздержался от комментария. Мне почему-то показалось, что Эми и Рин не из тех людей, кто задумывается над тем, как обходиться со своими недостатками. Особенно Рин. В самом деле, она создавала такое впечатление, будто ей и вовсе невдомёк, что у неё отсутствуют какие-либо конечности. Другой вопрос —

сознательно ли она решила игнорировать этот факт или нет. Я в самом деле не был уверен.

— Ну так что, Хисао, нравится тебе здесь? — отвлёк меня от размышлений звонкий голос Эми.

— Хм? Да, тут довольно мило. Люблю высокие места за открывающийся вид. Спасибо, что пригласила меня сюда. И за еду спасибо, — искренне поблагодарил я её.

Эми улыбнулась яркой как тысяча лампочек улыбкой, явно довольная моим ответом.

— Всегда пожалуйста! Если захочешь, приходи с нами поесть в следующий раз, ладно? Ланч я тебе не приготовлю, но ты можешь принести свой.

— Еды не будет? Ну, тогда не знаю… — с лёгкой усмешкой поддразнил я бегунью.

— Пытаешься воспользоваться моей добротой? Какая наглость! — Эми изобразила обиду, но почти сразу захихикала.

— Ну, если таков твой ответ, думаю, мы с Рин продолжим есть в одиночестве… — Меня внезапно атаковал самый душераздирающий щенячий взгляд, который я только видел у Эми. О нет, я поражён в самое сердце!

— Шутка! Я пошутил! Я бы с радостью ещё тут поел. Хорошее место, да и компания — ничего, — поспешно защитился я от атаки милотой.

Эми немного нахмурилась на моё «ничего», но, кажется, была довольна тем, что я принял её приглашение.

Полагаю, мы теперь друзья. Или хотя бы приятели.

Зазвенел колокол, призывающий спускаться обратно.

— Рин, ты опять не доела! — возмутилась Эми.

— Я не сильно проголодалась, — отозвалась Рин.

— Если ты не будешь есть больше, то скоро совсем исчезнешь! — предупредила маленькая девушка подругу.

Рин пожала плечами, показывая тем самым, что готова пойти на такой риск.

— Давайте, уже пора идти, — поторопил я девушек.

Мы втроём спустились по лестнице.

Дневные уроки закончились. У меня снова не было никаких планов, поэтому я направился в библиотеку, чтобы вернуть пару прочитанных книг. Войдя, я заметил, что здесь примерно столько же учеников, сколько их было и во вторник, что подтверждала практически абсолютная тишина, царившая в помещении. Когда я положил книги на прилавок, из-за него внезапно выскочила Юко, испуганная раздавшимся звуком.

— О, прости Юко, я не хотел тебя напугать, — извинился я.

— Нет-нет, всё в порядке, — уверила меня Юко. — Такое

случается… часто. Я уже привыкла. М, чем я могу помочь?

— Всё нормально, думаю, я уже знаю, где тут что. Но спасибо.

Думаю, можно было бы прихватить ещё пару книжек, раз уж я здесь. Делать особо больше нечего, да и после того, как я так много прочитал, лёжа в больнице, это стало трудноискоренимой привычкой.

Я дошёл до отдела с фантастикой в противоположном конце библиотеки, обшаривая полки на предмет чего-нибудь интересного. По дороге я заглянул за угол, где в прошлый раз сидела Ханако, не ожидая, однако, кого-нибудь там увидеть… тем не менее, к моему удивлению, она находилась там, полностью поглощённая чтением довольно толстой книги. Я решил ей не мешать как в прошлый раз, а продолжить поиски чтива. Поизучав какое-то время полки, я наконец остановил свой выбор на парочке книг. Я без колебаний подошёл к прилавку, оформил книги, убрал их в сумку и вышел.

Покидая здание, я заметил, что приближается закат. В школе ещё оставались ученики, но большинство уже разошлось по домам или по общежитиям.

Чувствуя себя в крайней степени измотанным, я направился в свою комнату, чтобы почитать взятые книги. Для одного дня событий и волнений мне было уже достаточно. Особенно сегодняшнего утра.

Первой я достал «Алису в Стране Чудес». Я, конечно же, знал эту историю, но ещё не читал саму книгу. Она оказалась такой же психоделической, как и история, насколько я её помнил: с чокнутыми персонажами и абсурдным сюжетом.

Я и себя представлял в виде Алисы, беспомощно падающей по кроличьей норе в эту Страну Калек.

… Нет, это, я, конечно, загнул. Но всё равно, уединённое местоположение и то, как умело все в школе приспосабливались абсолютно ко всему, немного тревожило меня. Было похоже на иной мир. Непонятно, почему же я никак не мог избавиться от ощущения отчуждённости, как Алиса, несмотря на то, что большинство окружающих были столь приветливы и дружелюбны со мной?

Когда я перевернул ещё одну страницу, мысли начали уплывать от книги всё дальше. В комнате стало так тихо, что я услышал, как бьётся моё сердце под рубашкой. Мне от этого почему-то стало очень плохо, как в тот раз, когда я был с Иванако в лесу. Как будто я оказался заперт в одной клетке с чем-то мерзким и страшным. Я отложил книгу в сторону и принялся смотреть в потолок, ожидая, когда это чувство пройдёт.

Двумястами страницами спустя я заснул.

* * *

На утренний субботний урок одноклассники появились с красными от недосыпания глазами, словно работали всю ночь напролёт. Когда на подготовку остаётся всего один день, это неудивительно. Слава богу, страдать на уроке надо было только до большой перемены, а потом мы снова станем хозяевами своего времени.

Муто, покачиваясь, усталой походкой вошёл в класс. Полагаю, ученики — не единственные здесь, кто любит веселее проводить вечер пятницы. Не говоря ни слова, он накарябал на доске номера страниц и вопросов и плюхнулся за свой стол. Это было совсем на него не похоже, но, кажется, никто из класса не возражал.

Все молча листали учебники и принимались за работу. Не желая выделяться, я поступил так же. Усталость сделала всех в классе замкнутыми — помимо шуршания бумаги, сейчас не было слышно ни писка. Отчасти вносило свой вклад и то, что два места рядом со мной сейчас пустовали. По какой-то причине Миша и Сидзунэ отсутствовали — возможно, они выполняли связанные с фестивалем дела в Совете.

Без Миши в классе очень было спокойно. Интересно, она от рождения была такая шумная или пыталась «возместить» отсутствие голоса у Сидзунэ?

— Накай, можно тебя на минутку? — Я оказался так поглощён мыслями о Мише, что не заметил, как Муто подошёл к моей парте.

— Конечно… слушаю, — посмотрел я на него.

— Наверное, лучше будет переговорить вне класса… — задумчиво протянул учитель.

Что-то это мне не очень понравилось, но я встал и вышел вслед за ним.

Уже стоя в коридоре, Муто почесал затылок, собираясь с мыслями. Не понимая, что происходит, я просто стоял и ждал.

— Фельдшер сказал, что у тебя недавно случился инцидент, — наконец сказал он.

Аа. Так вот в чём дело. Конечно же, это наверняка было в той записке.

— Ну, вроде того, но здесь не о чем волноваться, — спокойно ответил я.

— Вообще-то есть о чём, — покачал головой учитель. —

Следует волноваться обо всём, что подвергает опасности твоё здоровье. Мы здесь изо всех сил стараемся подготовить тебя к самостоятельной жизни. А к подготовке относится знание пределов твоих возможностей и того, как с ними обходиться. С моей стороны было бы беспечно не поговорить с тобой об этом.

— Хорошо, я понял. Мне жаль, — попытался отделаться я стандартным ответом в такой ситуации, но, похоже, не преуспел в этом.

Муто с недовольным видом закрыл глаза, и мне в голову пришла запоздалая мысль, что это, возможно был не лучший ответ.

— Что-то мне подсказывает, что ты не сожалеешь. Притворяйся, сколько хочешь, но это — не обычная школа. Многие люди потратили много времени, усилий и денег, чтобы ты и любой другой ученик здесь, получил такой же уровень образования, как и твои ровесники. Сводить на нет все эти усилия путём пренебрежения советом, а тем более медицинским советом — просто эгоистично.

Я не был уверен, действительно ли он так считал, или же просто разыгрывал неоднократно отрепетированную сцену наставления ученика на путь истинный. Но в любом случае, это сработало. Реально сработало — угрызения совести до меня добрались и вцепились со страшной силой.

— Хорошо, я понял. Я ещё не освоился здесь, поэтому, прошу прощения. Теперь я знаю пределы своих способностей и постараюсь впредь придерживаться их, — заверил я учителя.

Муто одобрительно улыбнулся, удовлетворённый тем, что смог достучаться до меня. Но уж лучше бы он этого не делал — улыбка категорически не шла ему без злодейского смеха.

— Тогда перейдём ко второму вопросу: как тебе учёба? Я понимаю, что ты довольно долго не занимался. Мы не слишком далеко ушли? — с беспокойством уточнил он. Давненько никто так не переживал за мою успеваемость.

— Нет, не думаю. Я старался не отставать, пока лежал в больнице, поэтому догнать было не так сложно, — улыбнулся я в ответ.

Муто задумчиво постучал себя по подбородку и приподнял бровь, переваривая информацию.

— Вот оно как… Всё же остались ещё ученики, понимающие важность образования… — задумчиво протянул он.

Это, конечно, было громко сказано. Я просто пытался чем-то занять себя, сидя в крохотной жизнеподдерживающей тюрьме. Но, похоже, сейчас это себя окупало. Во всяком случае, свою репутацию в глазах Муто я только что поднял. И, кажется, даже

выше, чем она была до падения.

— Ну да. В таких вещах отставать нельзя, так ведь? — слегка пожал я плечами.

— Именно так. Один неверный шаг в этом мире — и ты останешься позади, верно? — снова улыбнулся Муто.

— Ээ, да. Не хотел бы я, чтобы такое случилось, — осторожно поддержал я его.

— Конечно, не хотел бы, — сказал учитель. — Научные открытия совершаются каждую неделю. Большинство из них ничего не дают простому обывателю, но любое их них может стать ключевым на пути к Следующему Великому Открытию.

— Я это запомню…

Сейчас стало очевидно, что Серьёзный Разговор Муто окончен, и он вернулся к своему обычному, слегка рассеянному подходу к жизни. Вспоминая предыдущие разговоры с ним, я подумал, таким он мне нравится больше. Он был чуть более предсказуем, благодаря своей непредсказуемости.

— Ну, думаю, что сказано было достаточно. Давай вернёмся в класс.

От этого предложения я испытал ни с чем не сравнимое облегчение.

— Конечно. Вы ведь главный, верно?

Муто на секунду остановился.

— Не думаю, что когда-либо слышал подобное из уст моих учеников, — удивлённо пробормотал он.

Я на мгновение задумался, стоило ли на это отвечать, но что-то глубоко внутри подсказало мне, что лучше было бы заткнуться и вернуться в класс.

Несколько ребят подпрыгнули от звука открывающейся двери и тут же попытались притвориться работающими над заданием. Некоторые же так и продолжали дремать, положив головы на парты. К счастью, Муто даже не заметил их. Вернувшись за свой стол, он достал из выдвижного ящика научный журнал и немедленно углубился в его изучение. Наверное, это из-за нашего с ним разговора.

В классе воцарилась та же почти полная тишина, в которой мы с Муто его оставляли, уходя на разговор, витали смешанные чувства усталости и ожидания. Каждый ждал либо шанса отдохнуть, либо возможности приступить к последней фазе приготовлений. Настенные часы лениво отсчитывали время до конца урока, пока, наконец, не прозвенел колокол, освобождающий нас от мучений.

— Пока вы не ушли, напоминаю, что в понедельник жду от вас ответы к задачам, — сказал Муто, не отрываясь от своего

журнала.

Все как один вздохнули, тут же жалея о потерянном зря времени на уроке, но всё ещё остро ощущая давление более насущных задач.

Кабинет в мгновение ока опустел, поскольку все поспешили приступить к окончанию приготовлений перед праздником. Я остался и попытался быстро дорешать задачи, чтобы не беспокоиться о них остаток выходных, потому что завтра фестиваль и всё такое.

Кроме меня в классе задержалась только Ханако, вероятно, ожидавшая Лилли.

Странно, что Лилли шла аж до нашего класса чтобы забрать Ханако. Мне казалось, что передвигаться по школе для неё было всё же несколько труднее, чем для Ханако. Но это не моё дело, поэтому я, естественно, не спрашивал Ханако об этом. Несмотря на относительную близость наших мест, никто из нас не попытался завязать беседу на какую-нибудь тему, и в классе наступила гнетущая тишина.

Время проходило в молчании. Те пятнадцать минут, что мы сидели вот так, по ощущениям тянулись гораздо дольше. Я листал свою тетрадь, а Ханако — свою книгу. Грифель моего механического карандаша рассыпался по бумаге, как раз тогда, когда я собирался дописать абзац. Звук моего раздражённого вздоха и следующая за ним возня, кажется, разрушили атмосферу.

Ханако решительно избегала смотреть в мою сторону.

Вскоре в дверях появилась высокая фигура Лилли.

— Ханако? — негромко произнесла она. На этот раз я решил в их разговор не встревать.

Ханако оказалось достаточно того, что её позвали по имени, чтобы вскочить и подбежать к Лилли. Они недолго спокойно разговаривали, затем Лилли ушла, а Ханако вернулась в класс, и снова села за парту.

Я краем глаза следил за Ханако из чистого любопытства, почему же они разделились. Пару минут она просто сидела, подперев рукой подбородок и уныло уставившись в парту. Однако скука её одолела, и она вынула из сумки тонкую книжку. Кстати, это была не та, которую, как я видел, она читала в библиотеке. Должно быть, она быстро читала, раз меняла их так часто. Минут через десять постоянного ёрзанья за партой и попыток начать читать, Ханако закрыла книгу и тоже ушла. Нервничала она в моём присутствии, да. Но, кажется, уже немножко поменьше.

Пора было уходить и мне, поскольку задание я почти закончил, а больше в классе делать было нечего. Однако каких-

либо дел в других местах у меня тоже не имелось. Как-то это потихоньку начинает меня напрягать.

Школа напоминала пчелиный улей, но никто не обращал на меня внимания. Я прогуливался мимо кабинетов, наполненных учениками, яростно вовлечёнными в какие-либо дела, суетящихся, словно работающие пчёлы. И ведь не скажешь, что учебный день уже закончился.

Снаружи вроде, было немного тише, но только самую малость. Народ вокруг суетится изо всех сил, стараясь успеть к сроку. Все казались занятыми и полными энергии. Я же испытывал противоположные чувства. Полуденное солнце словно бы вытягивало из меня весь дух, заставляя еле волочить ноги. Тёплый мягкий воздух задувал под рубашку.

Лениво зевая, я раздумывал о том, чем бы заняться. Сначала скину книжку в общежитии, а потом… я ещё не решил. Может быть, Кэндзи у себя.

Глава седьмая Карнавал

По дороге в общежитие я встретил Эми, бежавшую, несмотря на то, что сегодня не надела свои странные беговые протезы. Ого, она, оказывается, и на обычных может бегать. Я помахал ей, и она, притормозив, остановилась.

— Хай, Хисао! — Нос и подбородок девушки украшали брызги зелёной и белой краски, но она, как всегда, широко улыбалась. Она всем телом подалась ко мне, усиливая чувство, что изучает меня.

— Что делаешь? — весело спросила Эми.

— Да ничего, собственно. Я ничего не готовлю к фестивалю, а все, кажется, заняты чем-то архиважным. — пожал я плечами, привычно уже отмахиваясь от лёгких угрызений совести. В конце концов, я только что перевёлся, и у меня ещё период адаптации продолжается. И кроме того, разве я некоторым образом не принял участие в подготовке, пусть даже и минимальное? Нашёл материалы для Школьного совета, помогал с плакатом Кэндзи, смешивал краски для Рин…

— Прекрасно! Значит, ты сможешь помочь нам с Рин! — воскликнула бегунья.

— С подготовкой к фестивалю? — уточнил я. — Ээ, ну, не знаю, будет ли от меня польза.

— Ничего страшного! — отмахнулась Эми. — От меня тоже немного пользы!

Эми схватила меня за запястье и силой потащила обратно в школу. Даже скорость её шага больше напоминала бег, из-за чего я постоянно спотыкался, стараясь не отставать. Лестница немного замедлила темп девушки. Может быть, на её искусственных ногах было трудно подниматься, или она просто запыхалась. Спрашивать мне показалось очень неудобным и не ко времени.

Мы поднялись на третий этаж, и я оказался там же, откуда ушёл всего пять минут назад. Если б я знал, то мог бы просто остаться тут и дождаться Эми. Но откуда же мог я это знать? Интуиция никогда не была моей сильной стороной.

— Так вы… Рин всё ещё работает над фреской? — поинтересовался я. Мне было интересно, на какой стадии готовности она находилась, потому что чисто зрительно я этого определить не мог.

— Именно! — подтвердила Эми. — Ей нужны разные краски, кисти и прочее, так что я пошла взять из кабинета рисования.

— И тебе нужно, чтобы я тебе помог.

Раз уж я под руку подвернулся, мысленно добавил я. Но даже

в таком случае, я был рад помочь им обеим.

— Ну… Рин сказала, что ты ей уже помогал, и я подумала, что ты не будешь против, — смущённо улыбнулась Эми.

— Понятно, — ответно улыбнулся я.

Так, благодаря чудной логике Эми, я снова оказался в кабинете рисования, собирая предметы для других людей. Только теперь я уже заранее знаю, что дело кончится помощью Тэдзуке, что вносило в наши действия долю определённости.

Кроме нас и пылинок, витающих в воздухе, в кабинете не было ни души. Эми тут же направилась в конец класса, вытаскивая из кармана маленький скомканный клочок бумаги.

Пока она пыталась разобрать собственные каракули, я внимательнее присмотрелся к лежавшему вокруг инвентарю. На полках было расставлено около дюжины банок и тюбиков с краской, в большинстве своём — беспорядочно. Некоторые выглядели так, словно стояли тут десятилетиями — реликвии прошлых поколений кружка рисования. Рядам с массивными, аккуратно нагромождёнными стопками бумаги для рисования стояли коробки, полные кистей всевозможных размеров и неотсортированных цветных карандашей. В тяжёлом воздухе витали запахи краски, скипидара и свежей бумаги, перемешиваясь и создавая аромат, который ни с ничем нельзя было спутать — аромат искусства.

Эми изучала свои записи, сверяясь с этикетками на банках, и передавала их мне, находя нужные. Она вытянула шею, чтобы заглянуть на верхнюю полку, но этого явно было недостаточно. Как она ни пыталась, уровень её глаз всё ещё оставался ниже полки. Эми сдалась и просто посмотрела на полку, словно ребёнок в магазине игрушек, пыхтя от недовольства. После мгновения нарастающей ярости, она начала подпрыгивать, пытаясь успеть прочесть надписи за те доли секунды, на которые они оказывались в её поле зрения.

Неудивительно, что у неё ничего не выходило, она только чуть не сорвала вниз весь стеллаж.

Теперь ясно, каким образом я мог быть здесь полезен. И, похоже, мне самое время вмешаться, пока не произошло никаких несчастных случаев.

— Эй, давай я. Тебе не прыгнуть достаточно высоко, а я не хочу, чтобы ты пострадала в попытках сделать это. К тому же, я тебя раза в два выше, — с лёгким смешком предложил я. Ну, может, и не в два раза, но на голову — точно.

— Вот и нет! — Она повернулась ко мне, пыша негодованием и покраснев.

— Да шучу я, просто шучу. И всё равно, давай я посмотрю,

ладно?

Эми снова сердито на меня посмотрела, но не найдя, что ответить, с недовольным «хм!» повернулась ко мне спиной. А она очень мило так выглядит.

Я принялся рыскать по верхней полке в поисках нужной краски, в то время как Эми начала копаться в ящиках, которые могла достать. Убедившись дважды, что она не видит, я снисходительно покачал головой. Странно, что у Эми комплекс насчёт роста. Я бы не подшучивал, если б знал об этом заранее. Характер у неё лёгкий, но, видимо, у всех свои слабости.

Только когда мы разложили все собранные предметы на парте, словно трофеи охотника за сокровищами, я понял, что она необязательно обиделась именно на подколку о росте.

Может быть, ей просто не нравилось, когда другие говорили ей, что она чего-то не может. Например, прыгать. Но Эми, казалось, сама уже обо всём этом забыла. Быстро обижается, быстро прощает… такой она человек? По крайней мере, на обратном пути к Рин она уже вовсю беспечно болтала. Видимо, она не принимала такие пустяки близко к сердцу.

Я по-рыцарски нес кипу вещей, пока мы шли к общежитиям.

— Рин очень волнуется, успеет ли закончить картину. Но сама виновата: надо было начинать раньше, — сообщила Эми.

— А она успеет? — спросил я.

— Даже не знаю. По мне — так уже выглядит хорошо, но с Рин никогда не угадаешь. Я нашла её сегодня утром в позе зародыша на крыльце общаги. Она не спала всю ночь. Поверить не могу, что дежурные медсёстры на неё не наткнулись. А теперь она снова пишет, как сумасшедшая, — задумчиво сказала Эми. О подруге она заметно волновалась.

— Да, я заметил, что она бывает… неуравновешенной, так сказать, — постарался я подобрать наиболее вежливое и корректное определение.

Эта фраза и нотки смущения в моём голосе вызвали у Эми искренний смех.

— Я не сильно-то и удивляюсь, — рассмеялась она. — Просто иногда она бывает немного странной.

Насчёт этого могу с ней согласиться. В отличие от меня, Эми была в ладах с…в общем, с тем, что так настораживало меня в Рин. Но всё же они, похоже, не были так близки, как Миша и Сидзунэ. Те порой действовали как единая сущность, и трудно бывало сказать, где кончается одна и начинается другая. Несмотря на то, что они такие разные, прямо как Эми и Рин.

А Рин отличается от них всех, и ото всех, кого я когда-либо встречал.

— Да, полагаю, она очень… самобытная личность, — я снова вернулся к этому слову, будто оно заключало в себе характеристику Рин, хотя на самом деле просто являлось заменой длинному списку её странностей.

Эми задорно рассмеялась, пока я искал более подходящее описание.

— Она просто странная. Представляешь, недавно она просидела на коробке полчаса. Сверля взглядом свои пальцы. — Она снова захихикала, словно не знала, что именно здесь смешного — просто смешно и всё тут. — Все полчаса.

На рабочей площадке царил полный беспорядок, но фреска стала занимать ещё большую часть стены, с тех пор, как я видел её последний раз. Искаженные фигуры людей, раскрашенные в основном в красные, розовые и оранжевые тона; причудливые, фантастические… штуковины заполонили промежутки между ними.

Выглядело… мило. Я не мог придумать другого слова, которое бы описало работу лаконично и притом всеобъемлюще, поэтому склонился к неопределенному «мило».

Но если честно, по мере продвижения фрески пространство вокруг стен постепенно превращалось во всё больший бардак. Земля была усеяна десятками банок с краской, разными принадлежностями и пустыми бутылками из-под газировки.

Сама Рин очень по-домашнему стояла среди всего этого хаоса и идеально вписывалась в обстановку. Штанины форменных брюк были закатаны до колен, выставляя напоказ тонкие ноги, щеголяющие боевой раскраской, подобной той, что красовалась у Эми на лице.

Эми забежала вперёд и ликующе подпрыгивала перед Рин.

— Я вернулась!

(Рин): — Быстро. Опять бегала по коридорам?

— Хисао мне помог, — Эми победоносно указала на меня, от чего я слегка покраснел.

Следуя за пальцем Эми, Рин повернулась и в упор посмотрела на меня, после чего рассеяно кивнула. Вид у неё был такой, будто она не спала со вчерашнего вечера: взгляд пустой, тусклый, она стрела куда-то мимо меня, а её движения были словно в замедленном кино.

— Привет, Хисао. Спасибо за помощь.

— Да не благодари, — махнул я рукой.

— Только что это сделала, — констатировала Рин. Что ж, против этого возразить нечего.

— Проехали. Похоже, ты продвинулась. Выглядит здорово, насколько я могу судить, с интересом оглядел я фреску.

— Но теперь на тебя обрушится ещё больше невезения, — вздохнула Рин, жалостливо посмотрев на меня.

— Знаю, я готов пойти на такой риск, — на сей раз я постарался, чтобы улыбка выглядела мужественной.

— Это очень мило. Для меня, разумеется, не для тебя, — слегка улыбнулась Тэдзука. — Поэтому художникам вечно не везёт. Им постоянно приходится смотреть на свои незаконченные картины. Поэтому им не видать любовных приключений, их любимые сериалы снимают с показа, или они умирают молодыми от какой-нибудь непонятной болезни. Это — глубокий и таинственный закон Вселенной. Если только они не слепые.

Она обдумывала это какое-то время, выглядя так, как будто сейчас уснёт.

— Есть один мальчик. В кружке рисования. Слепой мальчик. Так вот — он не видит. Ему нужно стать художником. Никакого невезения, гарантировано. Вам это не кажется хорошей мыслью? — произнесла художница, всё ещё погружённая в собственные мысли.

— Что только слепым следует становиться художниками? Нет, по существу — не особо, — задумчиво потёр я подбородок.

— Возможно, ты прав, — забросив эту мыслительную цепочку, Рин снова переключилась на мысли о работе и начала напевать какую-то мелодию, которую я даже узнал, только не мог вспомнить название.

Эми расставила принесённые вещи и передвинула кое-какие банки с краской, пытаясь привнести организованности на площадку.

— Эми, мне нужна прусская лазурь, — попросила Рин, глядя на фреску.

— Какая же из них — прусская лазурь… — Эми беспомощно смотрела на семь или восемь банок с оттенками синего. Я не сильно от неё отличался в этот момент.

— Та, в которой прусская лазурь, — невозмутимо уточнила Рин.

— Господин, Рин! Это совсем не помогло! — возмутилась бегунья.

Я тоже начал смотреть по сторонам, хоть и не знал, как выглядит эта прусская лазурь. Интересно, какое отношение она имела к Пруссии?… И что такое вообще это Пруссия. Звучало знакомо, но на карте не показал бы. Хоть по виду своему ни одна банка не выделялась из остальных своей пруссистостью, по ярлычкам вполне было ясно, что содержание у них тоже не прусское.

— Нет здесь прусской лазури, — наконец, заключил я,

недоумённо посматривая на девушек. Чей это был прокол? Как по мне — так любой из них на выбор.

— Значит, пойдём и принесём ещё, — бескомпромиссно заявила Эми.

Я открыл рот, чтобы сказать, что для такой простой задачи как поиск ещё одной банки прусской лазури не требуются двое, но Эми схватила меня за руку и потащила за собой. Я помахал Рин, которая, кажется, вообще не заметила, что мы уходим. Ну, она заметит, когда ей понадобится прусская лазурь и она её не найдёт. Наверное. А может, и нет. Пока я размышлял о том, какая Рин странная, Эми тащила меня в кабинет рисования.

Я почувствовал, что начинаю задыхаться.

— Что за спешка? — устало выдохнул я.

— А? — Эми бросила на меня оценивающий взгляд, будто пытаясь в чём-то разобраться.

— Просто кажется, что ты спешишь. Не уверен, что угонюсь за тобой, — признался я. Я вовсе не хотел снова посещать медпункт по такой причине — прошлого хватило за глаза.

Её лицо озарило понимание.

— Ты ведь не выдохся, а? — хитро подмигнула мне Эми.

В её тоне слышалась почти осуждающая игривость. Сначала меня так и подмывало возразить, но тут я понял, что тяжело дышу с того самого момента, как мы остановились. Полагаю, всё довольно очевидно.

— Немного. Не могут же все быть в хорошей форме. Нужно много усилий, верно? — слабо улыбнулся я.

Эми нахмурилась. Это не предвещало ничего хорошего.

— Ээ… в общем… Мне надо… придти в форму? — опасливо предположил я, высматривая безопасный путь к двери. Такового, увы, не предвиделось.

Я, честно говоря, давно уже решил попробовать. После того приступа на стадионе я понял, что и правда стоит завести привычку бегать. Всё-таки я неплохо себя чувствовал до той ложной тревоги. Ну, по правде говоря, нет. Но это было… весело?

Тем временем, моя реплика подтолкнула Эми к какому-то выводу.

— Тогда решено.

Она глядела на меня со всей серьёзностью.

— Ты присоединишься ко мне.

— Прости?

— По утрам. Мы с тобой теперь напарники по бегу. Я уже составила подробную программу. На самом деле… — Эми достала скомканный листок бумаги. — Она у меня как раз с собой.

Я взял листок и пробежался по нему глазами. Время, даты круги — всё было скрупулезно и подробно расписано. Медленный рост от нескольких кругов в день до… Господи, она что, собиралась меня заставить бегать марафоны? И где это она только нашла время всё распланировать? И как долго, вообще, она это делала?

— Твоя идея? — помахал я листком у неё перед носом.

— В некоторой степени, — слегка смутилась девушка. — Но на самом деле это идея фельдшера! Он попросил меня присматривать за тобой, чтобы убедиться, что ты выполняешь упражнения, как он тебе и велел!

Глобальный заговор? Скорее — локальный, местного значения.

Может, Кэндзи в чём-то и прав… Хотя нет, Судзуки-сан — мужчина, в этом я абсолютно уверен. В теорию Кэндзи это не вписывается.

— Выглядит слишком обстоятельно для «присматривания за мной», — насмешливо заметил я.

— Ну, если честно, я давно уже искала партнера для утренних пробежек, чуть смущённо стрельнула в меня глазами Эми.

О господи, Кэндзи! Если бы ты только видел, что за интрига разворачивается!

— А зачем тебе вообще напарник? — вскинул я брось.

— Легче заставить себя заниматься, когда ты не один это делаешь. Разве не очевидно? Ты с меньшей вероятностью бросишь, если кто-то ещё на тебя рассчитывает, верно?

— Понятно. И это не только заставить тебя продолжать, но и послужит гарантией того, что я тоже буду бегать. Значит, я буду исполнять волю фельдшера… — продолжил я её мысль.

— … а я буду за тобой присматривать, как он и просил! Ты быстро схватываешь, Хисао, — рассмеялась бегунья.

— А если я откажусь? — предпринял я слабую попытку сопротивления. Я, конечно, не собирался отказываться. Но должен де я был хотя бы продемонстрировать признаки сопротивления так мастерски осуществлённому плану?

— Ну, если откажешься, тогда я буду дуться, — детским голоском предупредила меня Эми. — И тебе придётся жить, зная, что ты заставил Эми Ибарадзаки дуться. Ты ведь не хочешь, чтобы подобное тяготило твою совесть, да?

Чтобы продемонстрировать, Эми начал дуться. Это было самое очаровательное и душераздирающее зрелище, что мне когда-либо приходилось видеть. И совершенно против правил! Я был морально уничтожен и поставлен на колени в один момент.

— Хорошо! Я согласен! Только… не делай так больше! Я чувствую себя так, будто ударил щенка! — взмолился я, едва ли не со слезами на глазах.

— Значит, решено, да? Ты будешь моим напарником по бегу? Выполнять программу? И режим питания? — от возбуждения Эми едва ли не прыгала вокруг меня как недавно возле Рин.

— Режим питания?

— Да, режим питания! Надо ведь переходить на здоровую пищу, если хочешь вернуться в форму! — весело подтвердила бегунья.

Я внимательнее всмотрелся в план.

— Я что-то не вижу тут режима питания.

— А, точно! Забыла тебе его дать! — хлопнула себя по лбу Эми с забавной гримасой.

На свет появился ещё один смятый листок. Уже не такой подробный.

— Его мне помог составить фельдшер, — пояснила девушка.

Фельдшер, похоже, чуть ли не всего себя посвятил цели сохранения меня в добром здравии. Немного я знаю сотрудников школы, которые бы послали своих учеников шпионить за мной, а уж тем более — помогали бы составить для меня режим питания. Но с другой стороны, я ведь не в обычной школе. И, наверное, это не так уж плохо. Но всё же, этот режим, похоже, собирался беспощадно лишить меня всего, что завтра будут предлагать на фестивале.

Хмм.

— И когда начинаются пробежки? — спросил я.

— После фестиваля, — улыбнулась она.

— Сразу после? А если я там что-нибудь съем? Живот ведь заболит, — удивился я. Фестиваль должен же закончиться *вечером*. А пробежки имелись в виду *утренние*. Я что-то не так понял?

— Я имела в виду, что на следующий день после фестиваля.

— Так и знал.

Стоп. Разве мы не должны были что-то сделать здесь? И-и, я вовсе не имею в виду всякие пошлости!

— Аа! Надо ведь найти ту краску для Рин, да? — спохватился я, надеясь, что мои мысли на лице не особо отражались.

— О нет! Из головы выскочило! — лицо Эми приняло ошеломлённое выражение.

Нам удалось раздобыть нужную краску, но по возвращению к фреске выяснилось, что Рин уже куда-то ушла. Ну и ладно. Здесь мы с Эми разошлись, оставляя краску на земле. Рин её найдёт, когда вернётся.

Фестиваль уже завтра. На самом деле, я немного взбудоражен.

Но в то же время эта неделя меня порядком измотала. Так что я недолго почитал и лёг спать.

* * *

Моё сегодняшнее пробуждение сопровождалось лёгким головокружением. На часах уже был почти полдень. Сегодня можно было спать допоздна: воскресенье, уроков нету. Хотя это не простое воскресенье, а ещё и день фестиваля. Из окна я видел, как люди в киоске с жареной собой накладывали лапшу страждущим по низкосортной пище.

Я закинул в рот пригоршню утренних лекарств и принялся раздумывать, как же провести день.

На следующей неделе ожидалось несколько экзаменов, но я, в отличие от остальных, не считал их угрозой, потому и не беспокоился. В больнице я занимался вполне достаточно, чтобы успеть всё нагнать, да и преподавание в «Ямаку» держится на высоком уровне, несмотря на эксцентричность некоторых учителей. За неимением горящих обязательств по учёбе, я мог провести день фестиваля так, как хотел.

Закончив утренние процедуры, я вышел в коридор, намереваясь найти чего-нибудь поесть.

Проходя мимо двери Кэндзи, я вдруг решил поинтересоваться, чем собирается заняться он. Все сегодня чем-то заняты, и мне стало любопытно, есть ли у него какие-либо планы. Хотя, с другой стороны, он вполне мог сделать из комнаты звуконепроницаемое убежище. Или нечто вроде крепости с табличкой «Женщинам не входить». И слово «Женщинам», наверное, перечёркнуто, а над ним накарябано: «Никому». Постучав в дверь, на которой, к счастью, никакой таблички не было я снова услышал щелканье, по меньшей мере, десятка замков. Дверь со скрипом открылась.

— Кто там? — сонно поинтересовался Кэндзи, распахивая дверь. О, оказывается, не один я спал в этот час.

— «Кто там?» надо спрашивать перед тем, как открываешь дверь, — нравоучительно заметил я.

— А, это ты. Блин, ещё же рано, — зевнул сосед, так и поздоровавшись со мной.

— На самом деле, не так уж и рано, — решил я не обращать внимания на его манеры, точнее — на отсутствие таковых.

— В чём дело, чувак?

— Ни в чём, просто хотел спросить, чем будешь сегодня заниматься. Половина школы уже собралась снаружи.

— Где — «снаружи»? Почему? — казалось, что от этого известия сосед резко пришёл в себя.

— Что? — опешил я.

— Что — «что»? Сегодня особый день? Почему они там? И кто это — «они»? Я их слышу. Шумят… только не говори, что… Началось вторжение? — Он вдруг принял встревоженный вид. — Какой сегодня день, чувак?

— Да, наверное, ты не видишь деревянные киоски на улице и то, как люди продают еду… — язвительно начал я и осёкся. А ведь действительно, мог и не видеть. Блин, постоянно забываю, насколько у него плохое зрение. Как про слепоту Лилли.

— О чём ты, чёрт возьми? Я держу занавески задёрнутыми, чтобы помешать снайперам, — воскликнул Кэндзи.

О, ну, это уже точно паранойя.

— О-ох, да фестиваль сегодня! Тебе ведь о нём известно?

— Твою мать, что, уже сегодня? — подпрыгнул на месте Сэто. — Ах, чёрт. Во-от чёрт… Чёрт бы их побрал. Не могу поверить, что я забыл, я ведь ещё не закончил свою крепость! Это плохо. Сегодня будет ужасный день… Хорошо, что ты меня предупредил, чувак. Паршивый будет день.

— Почему? — искренне удивился я. Никаких предпосылок для подобного заявления я не видел.

— О-о, чувак, они же будут повсюду. Люди. За окном. Общаться! — Кэндзи нервно потёр виски. Ему как будто стало плохо. — Будет шумно как в аду. Чёрт, а я собирался сегодня выйти, теперь всё пропало. Всё пропало. Это кошмар. Отстой. Лажа! Блин, действительно, лажа. Я теперь не могу никуда пойти. Некуда бежать.

Кэндзи, похоже, нервничал. Можно сказать, капитально съезжал с катушек. Я начал подумывать о том, что неплохо было бы сбегать за фельдшером. Останавливали меня две вещи — страх от того, что сосед пристанет ещё к кому-нибудь со своим бредом и осознание того, что попытку скоростного передвижения от Судзуки-сана я не скрою, а с того станется запереть меня в медпункте на весь день. Может быть, даже вместе с Кэндзи.

Представив, что с одной стороны мне придётся весь день выслушивать спичи Кэндзи, а с другой — глупые шутки и нотации фельдшера, я содрогнулся.

— Не могу поверить, — стонал тем временем Кэндзи в пространство, не особо обращая внимания на то, что я его не слушал, — Так вот что сегодня за день! Чёрт, я даже не смог подготовиться. Я даже не смог собраться, а теперь оно здесь, и я

бессилен. Тебе следовало сказать мне раньше, чувак. То есть, я хотя бы теперь знаю, но… Я должен был узнать раньше! Только представь, чего бы я смог достичь…

— Прости. Я думал, ты знаешь. Значит, я так полагаю, ты сегодня не будешь ничем занят? Даже погода хорошая. Вчера было ветрено, так что я думал, что сегодня будет холодно. Но раз нет, то и смысла сидеть дома тоже нет. Да, тебе надо посмотреть фестиваль, — предложил я. Авось не свежем воздухе ему станет полегче, и он немного развеется. Хотя бы побудет вместе с классом, чес сидеть как сыч в своей комнате в такой прекрасный день.

Кэндзи закрыл лицо руками и простонал.

— А-а, нет, нет! Я не могу. Они съедят меня заживо, я знаю.

Наверное, это была шутка, но он произнёс её с невозмутимым лицом. Относительно невозмутимым.

— А что ты собираешься делать? Давай ко мне, поможешь строить крепость. Если будем работать вместе, то, может, ещё успеем, — переключился Кэндзи на меня.

— Сомневаюсь… мне хочется есть, но я заключил сделку, что попытаюсь беречь себя ну, быть здоровее, понимаешь. Не знаю, стоит ли держаться подальше от такояки или же пойти прямиком ним, неохотно выдал я часть собственных планов.

— Сделку? Звучит зловеще. А что ты получишь взамен? — с интересом поправил очки он.

— Полагаю, что ничего. Это не такого рода сделка. Ты знаешь Эми из параллельного класса? Мы вроде как договорились присматривать друг за другом и…

— Йаиииииииииииии!

От пронзительного визга и гримасы ужаса на лице Кэндзи у меня кровь застыла в жилах. Как будто я сообщил католическому священнику, что продал душу дьяволу.

— С ней! Ты продал душу дьяволу и не получил ничего взамен? — бушевал Кэндзи. — Чувак, да что с тобой вообще такое? Ты в курсе, с кем имеешь дело? Она — угроза здоровью общества. Знаешь, сколько народу она отправляет каждый месяц в больницу, когда влетает в них на полной скорости? Она — одна из них! Ключевой игрок в этом глобальном заговоре, преследующий цель полностью покорить всё мужественное. Ушам своим не верю. Чувак, я доверял твоему здравомыслию. Я думал, мы — братья. Тебе нужно отменить сделку, пока не поздно. И отказаться от похода на фестиваль… это же одна из их ловушек.

Он начал теребить пальцами шарф, всё быстрее и быстрее, будто пытался добыть огонь трением, затем постепенно успокоился, пока не прошёл приступ паники.

— Мне придётся найти надёжное укрытие, чтобы спрятаться. А потом завалюсь спать, чтобы этот жуткий день обошёл меня стороной. У меня для этого есть отличное средство. Пора готовиться. Не ходи на фестиваль.

— Ладно, — примирительно похлопал я его поп плечу.

— Увидимся, чувак, — попрощался Сэто.

Дверь с низким скрипом закрылась, и я даже не знал, что и думать о словах Кэндзи. Это как-то беспокоило, а теперь я и сам начал сомневаться.

Стоило ли мне идти?

Я достал книгу, которую собирался почитать. Что-то о подпольной почтовой системе, которая, может, существует, а может и нет…И эта книга короткая. Я мог прочитать её за день. Но хороший ли это способ провести время? Ну, да. Определённо.

Но, полагаю, пойти на улицу, оказалось бы идеей получше. Посмотреть фестиваль. Попробовать поучаствовать во всех сопутствующих развлечениях.

В самом деле, я должен был по крайней мере попробовать остаться тем дружелюбным человеком, которым был всю прошедшую неделю. Можно было найти там что-нибудь перекусить, как предлагал мой бурчащий живот. Почти время ланча…По крайней мере, я мог бы взять что-нибудь с одного из тамошних лотков.

Вскоре я оказался снаружи, в окружении разных учеников и людей, которые могли приходиться кому-то из них родителями.

Часто мне попадались на глаза те, кто, очевидно, просто пришёл из города посмотреть на фестиваль. Их легко было заметить. Они не могли перестать пялиться, и в их глазах читался вопрос: «Интересно, а что не так с **этим** парнем?». Хотелось накричать на них. С другой стороны, не мог же я отрицать, что всю неделю тем же самым и занимался? Меня накрыла волна чего-то похожего на отвращение, вины за мою собственную узколобость. Если я так выглядел со стороны, то уважать мне себя совершенно не за что. Я отбросил всякие мысли в сторону, сосредоточившись на приступах голода, которые полыхали в моём желудке, словно лесной пожар.

Запах жареного привёл меня в край обетованный, где я мог поесть. Я ещё только получил свой заказ, как меня прервал громкий голос.

— Эй, какого чёрта ты делаешь?

— Ем завтра… эм, ланч, — слегка обескуражено отозвался я. Вот уж на кого не ожидал наткнуться вот так сразу.

— Завтрак? Ты хочешь сказать, что только встал? — вкрадчиво уточнила Эми.

— Эмм…

Внезапно проспать всё утро стало чем-то вроде преступления. Караемого пожизненным лишением жареного.

— Нет, я имел в виду ланч… Честно, скорчил я жалобную гримасу.

Она не купилась на это.

— Поздний завтрак? — с робкой надеждой спросил я.

— Это явно нездоровый завтрак, — Эми выхватила еду из моих рук, воззрившись на меня. В этот момент она была просто очаровательна. Настоящая валькирия.

Какого чёрта она творит?

— Эй, это мой завтрак! — попытался возмутиться я.

— Ты ведь сказал, что это ланч? — прищурилась девушка.

— Это мой… Короче, это моя еда! — сделал я попытку вернуть себе вожделённый провиант.

Эми упёрла руки в боки и начала читать мне нотацию.

— Ты и правда уже забыл свой режим питания? Тебе нужно серьёзнее относиться к своему здоровью, Хисао! Как же твоё сердце?

— С моим сердцем всё в порядке! Почти, — попытался поспорить я.

В ответ она только закатила глаза..

— Я в этом сомневаюсь. Если бы это было так, тебя бы здесь не было, верно?

В её словах был смысл, разумеется. Но я не собирался так просто сдаваться.

— Для сердца это не так уж и плохо! Оно, безусловно, способно справиться с капелькой жира время от времени!

Ага, конечно. И небольшие пробежки — тоже не беда. Не похоже, что Эми была в этом убеждена. Неудивительно, мне и себя-то не удалось этим убедить.

— Может быть, но не тогда, когда ты дрыхнешь днями напролёт! — возразила Эми.

Её лицо приняло вкрадчивое выражение.

— Разумеется, если бы ты следовал расписанию самого начала, то не оказался бы в этом положении…

— Эй, у меня была весьма насыщенная неделя, знаешь ли! Например, я едва не умер! И встретился со множеством людей, и ещё я был на крыше… — я судорожно пытался отмазаться.

— Это, чтоб ты знал, не является достаточным оправданием. Небольшая встреча со смертью — не повод для пропуска базовых упражнений. Таких как пробежка по утрам.

Угу, очень напоминает начало четвёртого сезона «Сверхъестественного.

«- Надо заценить новый фильмец про Индиану.

— Уже заценил.

— Без меня?

— Ты был в аду.

— Это не отмазка.»

Она кивнула, словно приняла только что очень важное решение.

— Значит, решено! Ты увидел, насколько ошибочен был твой путь, и готов следовать моему расписанию, правда? Я увижу тебя завтра рано утром? Мы будем партнёрами по бегу? — Эми выжидающе посмотрела на меня.

— Знаешь, ты меня вчера уже убедила, что так будет лучше. Незачем убеждать меня заново.

Хотя моя убеждённость как-то слабо отражалась на поступках. Она была совершенно права насчёт здоровой еды, в конце концов. А то, что я тут заказал, ничуть не здоровое. Но вкусное! Есть более важные вещи, чем вкусная еда, разве нет? Например, остаться живым?

Если бы Эми со своими угрозами за мои неверные решения здесь не было, я бы, наверное… Эй, погоди секунду. У меня в мозгу внезапно возник вопрос.

— Эй, а с какой радости тебе так интересно мое доброе здравие? — подозрительно поинтересовался я.

Эми пожала плечами и ухмыльнулась.

— Ты ведь новичок. Я так понимаю, у тебя нет друзей, верно? К тому же я доставляла тебе проблемы всю неделю, верно? Я должна тебе за то, что ты не разозлился. Тем более, я это фельдшеру обещала.

А-га. Чокнутая маленькая девчушка-попрыгушка хочет вернуть мне здоровье. Наверное, бывает участь и похуже. На ум вдруг пришёл Хапсиэль, посылающий мне воздушный поцелуй, и я едва не поперхнулся, нет, мне определенно повезло с Эми!

— Ладно, это звучит… неплохо. Спасибо за участие. Значит, завтра утром?

Подумав, что беседа завершена, я повернулся, чтобы уйти.

— Не так быстро! — Я почувствовал, как меня схватили за воротник и потянули назад.

— Эй, не так грубо! Что тебе ещё нужно? — я сделал слабую попытку возмутиться.

Эми, казалось, вот-вот обидится на мой раздражённый вопрос.

— Думала, тебе захочется провести время в компании.

Она глянула на меня с подозрением.

— Кроме того, ты ведь просто собирался украдкой прикупить

ещё той жареной гадости, разве нет?

Я не собирался, но теперь, когда Эми об этом упомянула, идея показалось мне не такой уж и плохой.

— Ничего подобного! — возмущённо запротестовал я.

Ещё один пристальный взгляд.

— Ладно, может быть, немножко…

Она всё ещё глядела на меня в упор.

— Ладно, много, — сдался я окончательно.

О боже, я опасен для себя и окружающих, да? Сначала соглашаюсь, что надо выздоравливать, и тут же покупаюсь на соблазн первой попавшейся нездоровой привычки.

— Я так и знала! Тебе нельзя доверять! Теперь мне точно придётся пойти с тобой, — заявила Эми.

Сама эта ситуация казалось до смешного глупой. Могу только представить, что думали прохожие, когда видели меня, получавшего наставления от девушки ростом вдвое ниже меня. Наверное, мне лучше пока сдаться. Не хочу превращаться в посмешище окончательно, а злить Эми — ещё больше не хочу.

— Отлично, делай что хочешь, — вздохнул я.

Попробую найти в этом положительную сторону. Например, то, что рядом со мной очаровательная девушка. Пускай и маленькая.

— Чем тебе хочется заняться? — обратился я к ней.

Эми ненадолго задумалась.

— Ну, я обещала Рин взглянуть на её фреску… Так что, давай отправимся к ней!

Признаюсь, мне самому было слегка любопытно, что вышло из её фрески, и я снова отметил, что судьба моя могла быть куда неприятнее. Я согласно кивнул и вдруг обнаружил, что Эми практически волоком тащит меня сквозь толпу, устремляясь к нашей цели.

Ко времени прибытия к стенам общежития я чувствовал, что моё сердце колотится очень сильно. Оно не должно было так стучать после всего лишь маленькой пробежки. Я сделал несколько глубоких вдохов, заставляя себя расслабиться. По сравнению со многими учениками «Ямаку» я выглядел вполне здоровым, но я всё равно должен был находиться здесь.

Иногда мне прямо хотелось, чтобы я лишился руки или что-то в этом роде. По крайней мере, тогда было бы очевидно, почему я тут. Но я, напротив, даже не казался больным. Даже сейчас, когда пытался отдышаться, я выглядел просто как парень в плохой физической форме.

Это настоящее унижение. Недоинвалид, недополноценный…

Эми оглянулась и заметила моё бедственное положение.

— Надеюсь, ты не собираешься умереть тут при мне? — встревожилась бегунья. — Пожалуйста, не надо! Это будет моей ошибкой, и я совсем не хочу заполучить такое чувство вины. И вообще, мне хватило прошлого раза, и я не думаю, что желаю снова это видеть, особенно если фельдшер скажет, что виновата во всём была я.

— Н… не, я нормально. Пожалуй, мне всё же придётся начать бегать, — пришлось признать мне.

— А ты ещё хотел продолжить есть то, сочащееся жиром… что бы это ни было. Вот видишь? Хорошо, что я тебя нашла, правда? — довольно зажмурилась Эми.

Да, так и есть.

— Может быть, — я постарался выглядеть равнодушным.

Конечно, я ни за что не сказал бы ей, что не оказался бы в таком виде, если бы она не проволокла меня через весь фестиваль.

Дальнейшее общение прервалось внезапным появлением Рин.

— А, это вы. Привет, Эми, — слегка улыбнулась Рин.

— Здорово, Рин! Я взяла Хисао с собой, потому что он пытался вызвать у себя новый инфаркт!

— Неправда! — возмутился против столь явного поклёпа.

Моё возражение прошло незамеченным.

— Мы зашли поглядеть, что вышло из фрески! — сказала Эми.

Рин деловито кивнула.

— Что ж, она прямо тут. Её довольно неплохо отсюда видно.

Мне стало любопытно, как долго Рин уже стояла перед своей фреской. Кто-нибудь вообще приходил на неё посмотреть? Или мы первые? Очевидно, что мы не первые её увидели. В смысле, она довольно-таки большая. Нужно было изрядно постараться, чтобы её не заметить. И в то же время я не думаю, что кто-нибудь заговаривал о ней с Рин. Кроме нас, конечно.

Я почувствал, что обязан что-то сказать.

— Она выглядит довольно здорово, — признал я.

— Я всё равно не очень довольна, какой она получилась. Но, думаю, пойдёт, — слегка нахмурилась Рин, скептически глядя на свою работу. Она, похоже, чуть ли не убеждала себя. Я точно не был уверен, какого результата она ждала, но, полагаю, она не волне его добилась.

Мы стояли перед фреской и разглядывали её от края до края. Я старательно сосредоточился на композиции картины. Она и в самом деле оказалась прелюбопытной. Цвета переплетались и смешивались, вовлекая меня в свой хоровод. Картина была настолько фантастической, что я уже не вполне был уверен, в том

ли ещё мире я находился. Я пытался обнаружить следы красок, которые мы с Эми достали Рин вчера. Но, как ни старался, так нигде и не увидел следов прусской лазури. Ну и ладно. Уверен, она где-то тут.

У меня начали ныть ноги, но Рин, похоже, не собиралась двигаться с места.

Эми решилась заговорить.

— Эй, Рин, а ты ела? — спросила девушка подругу.

— Конечно. Иначе не выживешь, — Тэдзука как всегда была образцом непоколебимости.

— А как насчёт последних пяти часов? — хмыкнула Эми.

— Может быть. Но я снова голодна, поэтому, возможно, я ошибаюсь, — легко признала Рин.

Эми улыбнулась и хлопнула в ладоши.

— Отлично! Пойдём с нами, перекусишь!

Рин молча кивнула.

— Хорошо, но нам нужно спешить, пока они не заметили, что я ушла.

Я почему-то думаю, что им всё равно. Кем бы «они» ни были.

Когда мы вернулись к прилавкам с едой, я жадным взглядом окинул выставленную там жареную пищу. Нет, лучше не надо. Я совершенно уверен, что Эми всё равно мне не позволит. И будет дуться. Публично.

Мы нашли отличное местечко на газоне и уселись, чтобы расправиться со своими покупками. Ну, вернее, моими покупками. Как-то так вышло, что я заплатил за всю еду. Удивительно, но моя (нежареная) еда оказалось вполне вкусна. Тишина окутывала нашу компанию — мы с Эми ели, а Рин глядела на…куда-то глядела, в общем, время от времени откусывая кусочек-другой. Я первым доел свою порцию и лёг на траву. Эми бросила на меня взгляд, не отрываясь от еды.

— Устал, Хисао? — в голосе Эми можно было услышать сочувствие. При некотором наличии фантазии.

— Наверное, немножко.

— Ну, не проспи завтра, постарайся. Мы утром начинаем бегать, помнишь?

Вообще-то, я как раз забыл, но не собирался в этом признаваться. Я сейчас просто наслаждался спокойным отдыхом. Гулять с ними по фестивалю оказалось весело.

— Да, я поставлю будильник, — поспешно согласился я.

— Попробуй только не придти! Я рассержусь, если ты не придёшь! — шутливо пригрозила мне Эми.

— Ками упаси, — я поднял руки в знак капитуляции.

— Думаю, бог тут ни при чём. Если только не случится что-

нибудь невероятное, и твой будильник закоротит. Тогда это может оказаться божественным провидением, — вдруг сказала Рин. Хм, а это идея…

— Значит, не надо навлекать на себя никаких провидений, — скорчила забавную гримаску Эми.

В моей голове начал формироваться коварный план. План, на который моя совесть отозвалась уколом вины, но я всё равно собирался привести его в исполнение. Чёрт побери, я заслужил немного жареной пищи. И вообще, я начинаю бегать только завтра, так? Значит, расписание заработает только тогда, а не сегодня. Следовательно, диета тоже начинается завтра, следовательно, сегодня мне можно позволить себе что-нибудь нездоровое.

Своего рода последнее «прощай» всему тому, что я жадно ел до больницы.

— Кстати, думаю, мне стоит вернуться в свою комнату. Мне надо доделать домашку, а поскольку я завтра собираюсь бегать, то мне надо лечь спать пораньше… — начал вставать я.

Снова эти прищуренные глаза.

— Ты уверен, что не собираешься улизнуть и купить себе всякой жареной гадости? — подозрительно осведомилась Эми.

— Не, я слишком сытый для этого, — в подтверждение своих слов, я похлопал себя по животу. — И к тому же вы всё равно меня обчистили.

Эми хихикнула. Неожиданно приятный звук. Я почувствовал ещё один укол вины. Она же должна была понимать, что я ей вру, разве нет? Или она настолько мне верила? Я чувствовал себя чуть ли не чудовищем, настоящим Каином.

— Всё часть моего генерального плана, Хисао. Ну, тогда, наверное, увидимся завтра утром. Спасибо за угощение! И за компанию!

А я-то думал, это она оказывала мне услугу. А тут, оказывается, всё к обоюдному удоваллствию…

Рин утвердительно кивнула и помахала мне ногой. К счастью, я уже достаточно привык к ней, чтобы не быть слишком уж взволнованным этим жестом.

— Я не скажу «увидимся завтра», потому что это — словно предсказывать будущее, а я вполне уверена, что на такое не способна, — глубокомысленно заявила художница. Удивительно, но её слова звучали очень даже уместно.

— Хорошо. Ладно, пока.

Странно, но я был рад, что решился сегодня выйти из комнаты. Фестиваль оказался не самым плохим способом начать вторую неделю пребывания здесь, это уж точно.

Убедившись, что скрылся с глаз Эми, я сразу же побежал к прилавкам с едой и купил пирожные. По крайней мере, они не были жареными, верно? Это оказалось чуть лучше, чем я изначально планировал. И несколько вкуснее. Правда, мне всё равно было крайне неловко, что я соврал Эми. Её ведь действительно беспокоило моё здоровье. Я должен буду как-нибудь ей отплатить. Я снова представил себе как Эми дуется на меня, и испытал болезненное наслаждение мазохиста. Не уверен, что смогу вынести это в течение хотя бы пяти минут, а следовательно, не будет расстраивать такую кавайную девушку.

Вернусь-ка я лучше к себе. К тому же, у меня **есть** важное дело.

Меня дожидается книга, и я плюхаюсь на постель, принимаясь читать её под вспышки фейерверков.

Наконец начала сказываться вся эта сегодняшняя ходьба (или, точнее, беготня). Я и правда был не в форме. Наверное, всё-таки неплохо, что Эми принудила меня начать бегать с ней по утрам.

Я с нетерпением буду ждать этих пробежек.

Глава восьмая Да здравствует спорт! А я помираю…

Звук будильника вдребезги разбил тишину раннего утра, и мне пришлось постараться, чтобы найти в себе силы встать с кровати. До уроков ещё оставалась куча времени, но я ведь согласился бегать по утрам вместе с Эми. Вообще-то, бег не привлекал меня ни в качестве увлечения, ни даже в качестве продлевающего жизнь занятия. Однако я чувствовал, что обязан выполнить данное Эми вчера обещание. Хотя бы в качестве компенсации за мой вчерашний обман. Именно поэтому я надел спортивные шорты и лёгкую футболку.

Прохладный утренний воздух ласкал лицо, а солнечный свет заставлял росу на траве сверкать, что поначалу меня едва не ослепило. Пока я шёл к спортивной площадке, в голове возникла довольно неприятная мысль. А что если Эми всего лишь решила подшутить надо мной? Есть ли мне чему удивляться? Чего греха таить, я с новичком наверняка поступил бы так же. Чисто ради смеха. Бьюсь об заклад, Эми с Рин поспорили, приду я или нет.

Увидев беговую дорожку, я ощутил некоторую тревогу.

— Ты опаздываешь! — укорила меня Эми.

Похоже, Эми уже на месте. Какое облегчение.

— По моим часам такого не скажешь. По большому счёту, мы оба пришли слишком рано, — я демонстративно бросил взгляд на часы.

— Чёрт. Ты прав, — рассмеялась она.

Эми, одетая в спортивную форму, сидела на трибуне, терпеливо ожидая меня.

— Рад, что ты всё-таки пришла. Я уж опасался, что это какой-нибудь розыгрыш или что-то в этом роде, — облегчённо выдохнул я, признаваясь в своих недавних подозрениях.

— Не-а, я ни за что не заставила бы кого-то вставать рано просто так. Вдобавок Рин теперь должна мне пятьсот йен. Она считала, что ты не придёшь, — захихикала она.

Так я и знал! Приятно знать, что хотя бы Эми верила в меня. Хотя ощущать себя скаковой лошадью, на которую делают ставки, для меня было внове.

Спрыгнув с трибуны, девушка начала разминку. Она была невероятно гибкой, словно танцовщица.

Я тоже начал делать разминку, но затем осознал, что позабыл, как это делать правильно. Я уже и не помнил, когда делал это последний раз, если, конечно, не считать попытку

пробежаться на прошлой неделе. Да и в тот раз, если честно, я не особо разминался. Долгое пребывание в больнице вновь дало о себе знать. Не могу сказать, что и до больницы я был особо подвижным, так что, скорее всего, я просто преувеличивал.

Эми хихикала, наблюдая за моей растяжкой.

— Нет-нет-нет, Хисао, тебе нужно держаться в таком положении чуть дольше!

— Я стараюсь! Только это немного больно, — пропыхтел я.

— Ха! Это потому, что ты себя запустил. Ты должен стать гибче, вот так. — Чтобы проиллюстрировать свои слова, Эми наклонилась и просунула голову у себя между ног. Храни тебя ками, Эми. Это выглядело прекрасно, но слегка страшновато.

— Понятно. Значит, вот к чему я должен стремиться?

— Конечно! — горячо подтвердила девушка. — Гибкость важна для любого бегуна. Чем лучше сможешь растянуться, тем быстрее будешь бегать.

Я не видел смысла в её словах, но Эми, похоже, была убеждена в своей правоте. С её помощью мне удалось с грехом пополам сделать правильную растяжку. Не мог не заметить, что когда она задумывалась, как бы получше мне что-либо объяснить, то сосредоточенно поджимала губы.

И это было очаровательно. Не принимая во внимание её общую кавайность.

— Неплохо, Хисао, — оценила бегунья мою подготовку. — Ладно, нам пора бежать. Начнём с двух километров, ладно? Это четыре круга, понял?

— Я не против, — согласился я.

Это должно быть не слишком сложно, правда? Я смутно припомнил бег на два километра на уроках физкультуры. Да, это было не так уж и сложно.

Эми задала хороший темп, и я начал немного отставать.

— Постарайся не отставать, хорошо, Хисао? — попросила меня девушка.

— Понял.

Мы прошли первый поворот без происшествий, хотя я почувствовал, как слегка участилось моё сердцебиение. На втором повороте я начал дышать ртом. Эми же, судя по всему, ничуточки не запыхалась. Будто подчёркивая своё превосходство, она развернулась и начинает бежать задом наперёд.

— Ты как, Хисао? — спросила Эми, не прекращая бега.

Офигеть, не знал, что так вообще можно, а уж на протезах… Вот это девушка…

— Как никогда… здорово, — съязвил я, с трудом переводя дыхание.

— Вот как? Может, мне увеличить скорость, м? — она игриво подмигнула мне.

— Ох… нет… не хочу… чтобы ты… пере… напря… галась.

Тяжёлое дыхание придавало моим словам меньшую, чем хотелось бы, убедительность. Эми улыбнулась и развернулась обратно.

— Как скажешь, Хисао. Тогда продолжим в том же темпе.

У меня возникло такое чувство, что она надо мной смеётся. Не будь я в столь ужасной форме, то, скорее всего, обиделся бы. К третьему кругу моё дыхание сбилось окончательно. Вдобавок, я ещё и потом обливался. Отвратительно.

Мы вышли из поворота, после которого начинался четвёртый круг, и Эми с ухмылкой повернулась ко мне.

— Погнали!

Она унеслась вперёд с невероятной скоростью, пока я упорно старался держать свой умеренный темп. Когда я выходил из первого поворота, она уже завершала второй. Пока я из последних сил пытался пройти прямой участок, Эми продолжила бежать и поравнялась со мной.

— Давай, Хисао! Ты сможешь! — подбадривала меня девушка.

Я бы ответил ей, если бы не был так занят подачей воздуха в лёгкие и игнорированием жжения в мышцах ног. Очень хотелось сказать что-то вроде «Может, **ты** и сможешь, но я сейчас прямо тут и умру». Однако я сильно сомневался, что мне сейчас удалось бы вымолвить хоть слово. Эми держалась рядом, когда я завершил второй поворот и пересёк финишную черту.

Спринтерский рывок всё-таки заставил её вспотеть. Из-за этого майка Эми стала полупрозрачной. Похоже, она носила чёрный спортивный бюстгальтер. Я почувствовал лёгкий укол вины, что уподобился тем парням, которые пялятся на девичью грудь, но мои ноги и тело горели таким огнём, что я уже не в силах был придать этому хоть какое-то значение. Да и зрелище того стоило, надо признать.

— Для первого раза неплохо, Хисао, — одобрительно похлопала меня по плечу Эми. Как мне показалось — с излишней осторожностью.

— Оч…очень мило… с твоей… стороны.

Эми, похоже, хоть и не выдохлась полностью, но дышала немного тяжелее, чем до начала забега. Это, скорее всего, из-за того рывка.

— Слушай, мне нужно ещё спринты побегать. А тебе стоит походить вокруг стадиона, чтобы остыть. Потом мы разомнёмся и на этом закончим, договорились? — слегка застенчиво попросила

бегунья.

— Здорово, — выдохнул я.

Ноги пылали, дышать было всё ещё тяжело, но, как ни странно, сердце неплохо переносило нагрузку. Очередное очко в пользу медицины, я полагаю.

— Тебе стоит закинуть руки за голову — будет проще отдышаться, — посоветовала Эми перед тем, как убежала на старт. Снова.

Удивительно, но она оказалась права. Я не спеша шёл по стадиону, с радостью чувствуя, как моё дыхание приходит в норму.

Мимо меня пронеслась бегущая на всех парах Эми. Смотреть, как она бегает, было чрезвычайно увлекательно. Не только потому, что она бежала на протезах, хоть это и интересно (как бы мне ни хотелось провалиться сквозь землю за такой интерес). Гораздо интересней было то, как менялось выражение её лица. Когда она пробегала мимо, я успел заметить лишь мелкие детали, но её глаза словно светились какой-то неистовой радостью. Будто в мире ничего больше не оставалось, только она и беговая дорожка.

Когда я приступил к последнему упражнению, Эми закончила свой спринт. Теперь она тяжело дышала, но при этом на её лице царила удовлетворённая улыбка. Когда я оказался рядом, Эми весело мне помахала.

— Чувствуешь себя лучше, а?

— Вообще-то да, — не без удивления признал я.

— Хочешь пройти со мной ещё кружок? Мне ведь тоже нужно остыть, заешь ли, — предложила девушка.

Мне хотелось просто сесть и не двигаться, однако что-то подсказывало, что это была бы не лучшая идея. Опять же, если я сяду, то не факт, что потом смогу встать.

— Конечно, почему и нет? — пожал я плечами.

Эми тоже заложила руки за голову, отчего сразу стала выглядеть очень расслабленной. От этого движения её майка слегка приподнялась, обнажая небольшую полоску живота. Я старался, как мог оставаться джентльменом и не смотреть, однако контраст её кожи и красных спортивных шорт чересчур привлекал моё внимание. И, кажется, начал отражаться на моей физиологии.

— Ну и как ты себя чувствуешь, Хисао? — заботливо поинтересовалась Эми.

— Знаешь, на удивление хорошо. Я устал и всё болит, но… на удивление хорошо, — стоило мне сказать это, как я понял, что так оно и было. Конечно, часть меня хоте лечь и помереть, но в то же время я ощущал, что чего-то добился. По телу, несмотря на

боль, разливалось тепло.

— Ага, это эйфория бегуна, — усмехнулась она.

— Эйфория бегуна? — переспросил я.

— Ну да, это вроде как-то связано… с адреналином? — Пока мы шли, Эми на мгновение задумалась, пытаясь вспомнить. Затем подала плечами и улыбнулась мне. — Не могу вспомнить. Но ощущение приятное, не так ли? Лучше, чем секс, правда?

Я открыл рот, чтобы ответить, как вдруг до меня дошло, что она только что сказала. Оформленных мыслей у меня не было — вместо них было чувство, что меня только что хорошенько огрели чём-то тяжёлым по голове. Два раза.

Несколько мгновений Эми наблюдала за моим лицом, прежде чем разразиться смехом:

— Прости, прости! Не смогла удержаться! Просто тебя так легко поддеть!

— И зачем я вообще согласился с тобой бегать? — задал я риторический вопрос в пространство.

Эми засмеялась ещё пуще. Она схватила меня за предплечье и развернула его так, чтобы ей было удобно смотреть на мои наручные часы. Выражение её лица резко изменилось, когда она увидела, сколько сейчас времени.

— О нет! Нам лучше поторопиться, Хисао! — встревожено воскликнула Эми. — Уроки меньше, чем через час, а мне ещё в душ сходить надо!

— И мне бы, пожалуй, тоже не помешало… — согласился я, искренне надеясь, что на этот раз Кэндзи рядом не окажется.

— А ещё мне нужно заглянуть к фельдшеру… — продолжала между тем бегунья. — Может, он мне напишет записку об опоздании на урок!

— Зачем тебе к фельдшеру-то?

Эми кивнула на свои протезы, будто это могло всё объяснить.

— Важно проверять, не появилось ли раздражение. Понимаешь, от пота, трения или ещё чего-нибудь. Обычно я хожу к нему после тренировки, но если уж мы собираемся бегать утром, буду ходить дважды в день.

Стоп, так Эми начала бегать по утрам только тогда, когда появился я?

— Может быть, для тебя будет удобнее бегать в другое время? — предложил я, втайне надеясь избавиться от столь ранних подъемов.

— Не говори ерунды! — вспыхнула девушка. — Я давно хотела начать бегать именно по утрам. Просто с напарником будет гораздо проще делать это постоянно. Намного сложнее нарушить обязательство, если знаешь, что этим ты подведёшь

кого-то, понимаешь? Так что ты будешь моим напарником по утреннему бегу! Нам обоим ведь нужно заниматься, поэтому всё нормально, тебе так не кажется?

— Да, точно.

Но почему именно со мной? Ладно, полагаю, мне грех жаловаться. С Эми довольно весело. Да и она права. Физические упражнения мне были нужны. Даже доктор их прописал.

Эми помахала мне рукой на прощание.

— Ладно, мне нужно идти! Приходи перекусить с нами, хорошо?

— Что? — переспросил я. Мне показалось, что я ослышался.

— На ланч! Поедим, понимаешь? В полдень. Приходи обязательно!

— Где? — нет, интуитивно я догадывался, но хотелось бы уточнить.

— На крыше. Рин любит это место, — судя по выражению её лица, Эми что-то заподозрила.

— Когда? — я решил ломать комедию до конца.

— На большой перемене, когда же ещё? Это был глупый вопрос, — слегка прищурилась она.

— Да, но я подумал, что нужно задать все три вопроса, просто для завершённости.

Эми засмеялась и улыбнулась. Даже не знаю, встречал ли я раньше таких улыбчивых девушек.

— Неплохо, Хисао. Пока! — Сказав это, она сорвалась с места и унеслась в сторону школы. Думаю, сперва она навестит фельдшера.

Я поспешил в свою комнату и сразу помчался в душ. Слишком поздно я заметил, что вода нагрелась далеко не сразу. Я едва не умер от шока, когда меня обдало холодной водой. Мне удалось сделать её потеплее, и я насладился ощущением того, как расслабляются мои мускулы.

Что удивительно, бег совершенно не потревожил моё сердце.

Считаю это положительным фактором, пусть даже в некотором роде и ощущаю себя размазнёй.

Я имею в виду, что если у меня вдруг зашкалит сердце, то появится более веское оправдание помимо «я не в форме». Думаю, я всё-таки продолжу эти тренировки. Иначе, бьюсь об заклад, Эми мне о них все уши прожужжит.

И только после того, как я вышел из душа и вытерся, до меня дошло, что осталось всего десять минут, чтобы одеться и добраться до класса.

Вот лажа.

* * *

Стрелки на часах наконец-то отпустили меня с очередного наполненного «безудержным весельем» урока. Встать со стула оказалось гораздо сложнее, чем я думал. После утренней пробежки ноги ломило со страшной силой. Может, заниматься бегом с Эми было не лучшей идеей.

Как бы то ни было, пробежка подарила мне зверский аппетит.

На полпути к столовой я вспомнил, что ланч у меня с собой. Когда я переехал, родители сочли необходимым снабдить меня кое-какой сублимированной едой, что было весьма кстати. В коридоре толкались направляющиеся в столовую ученики. Идти в обратном направлении — всё равно, что плыть против течения, однако на крыше у меня была назначена встреча, которую нельзя было пропустить. Мне пришлось потратить некоторое время на поиск ведущей на крышу лестницы, но я был готов поспорить, что Эми и Рин ещё не пришли. Кажется, я даже видел Эми в толпе, когда шёл в столовую. Я переступил через порог двери, ведущей на крышу, и вдохнул полной грудью. Свежий ветер, обдавший лицо и тело, словно немного ослабил боль в ногах.

— Возможно, если я перевернусь вниз головой… — услышал я задумчивый голос. Меня отчасти удивило, что Рин уже была тут.

— Чего ты пытаешься добиться? — спросил я.

— Разглядеть чего-нибудь в облаках. — Ответ прозвучал незамедлительно всё тем же невозмутимым тоном, что и всегда.

— А не проще ли будет… смотреть так, как сейчас?

Рин закатила глаза в выражении, напоминавшем раздражение:

— Тогда я не увижу новой перспективы.

— И что же, с ног на голову — это новая перспектива?

Ага! Кажется, я сбил её с толку. На лице Рин появилась задумчивость.

— Возможно, ты и прав. Попробую боком.

Рин легла на скамейку и посмотрела в небо. Я сдался. К счастью, Эми очень вовремя ворвалась на крышу, неся два пакета. При этом она едва не сорвала дверь с петель.

— Простите, что так долго! Слишком большая очередь, — извинилась Эми.

Она бросила первый пакет перед Рин и села рядом с ней.

— Ты покупаешь для Рин еду? — признаю, вопрос был совершенно дурацкий, но ответ, тем не менее, последовал.

— Иногда. Было бы здорово, если и Рин мне её покупала, но не знаю, каким образом она её донесёт, — посетовала бегунья.

— Да и не стала бы я её покупать в любом случае. — Если Рин и обиделась, то не подала виду. Эми шмыгнула носом.

— Неблагодарная, — укорила она подругу.

Я не был уверен, подтрунивали они друг над другом либо же я наблюдал зарождающуюся женскую склоку. Несколько напряжённых секунд девушки смотрели друг на друга, но затем расплылись в улыбках.

— Эми, как думаешь, если перевернуться с ног на голову — это можно считать новым взглядом на вещи?

Разве я уже не говорил об этом? Судя по озадаченному лицу Эми, она размышляла над ответом. После глубокой и основательной паузы она произнесла:

— Понятия не имею.

Ну, по крайней мере, она так же затруднялась с ответом, как и я.

— Эй, Хисао, ты ведь придёшь на соревнования по бегу, правда?

Она задаёт это вопрос совершенно неожиданно, чем застала меня врасплох.

— Эм… даже не знаю… — выдавил я из себя, слегка ошеломлённый.

— Ты это брось, — нахмурилась Эми. — Хисао, я прошла через многое, чтобы заставить тебя бегать со мной по утрам, а ты даже не соизволишь придти к нам на соревнование?

Разве не она сама попросила меня бегать с ней? На самом деле, она даже не предоставила мне выбора.

— Подожди, нет, я этого не говорил…

Её лицо озарилось, будто я только что согласился отдать ей миллион долларов.

— Так значит, ты всё-таки придёшь! Это замечательно! — воскликнула Эми.

Этого я тоже не говорил!

— Я тоже пойду, Эми, заодно прослежу, чтобы и он появился, — подала голос художница.

— Отличная идея, Рин! — просияла Эми. — Может, после соревнования перекусим или что-нибудь вроде того?

Такое чувство, что меня обманули, и даже не эти двое. Очень похоже было на действие каких-то таинственных сил, толкавших меня навстречу судьбе… Или, наверное, мне просто не стоило читать так много книг о теориях заговоров, а то я становлюсь похож на Кэндзи.

Как бы там ни было, полагаю, я теперь просто обязан был появиться. Не думаю, что смог бы выдержать разочарование их обеих. Иначе они меня съели бы.

— Напомни ещё раз дату, — попросил я.

— На следующей неделе, дурачок! Я тебе пару дней назад уже говорила.

— Нет, не говорила, — помотал головой я. По крайней мере, я такого не помнил.

— Неужели я забыла? Ну и ладно, но ты ведь не забудешь придти, правда?

— Конечно же нет! Я даже сделаю пометку в календаре или где-нибудь ещё.

Рин глубокомысленно кивнула.

— Ты знаешь, это очень даже неплохая мысль. Если только поток времени не изменит своего направления.

— А он может? — озадачилась Эми.

Рин уклончиво пожала плечами.

— Пока вроде бы такого не бывало. Но никто не знает наверняка…

На этот раз пожала плечами Эми.

— Ну, думаю, если это случится, мы на это повлиять не сможем.

— Если только ты не путешественник во времени, — возразила Рин..

— Вы же не всерьёз об этом думаете, правда? — с надеждой подал я голос.

— Наверное нет… или как? — бегунья перевела вопросительный взгляд на подругу.

Рин снова пожала плечами. Похоже, это был её обычный ответ на всё, что угодно.

— Думаю, что нет. Но у меня есть право изменить точку зрения в любой момент.

Для Рин в данном заявлении было как-то уж слишком много смысла. То, что я начал разбираться в этом, меня немного испугало. Интересно, постоянно ли Эми испытывала это чувство? Если испытывала, то не подавала виду. Эми просто кивнула.

— Как и ожидалось, — вздохнула Эми.

— И что бы это значило? — ехидно спросила Тэдзука.

В этот раз пожала плечами Эми. Будто бы оружие Рин обратилось против неё самой.

— Ты ответила именно так, как я от тебя ожидала, вот и всё.

— Я действительно такая предсказуемая? — озадачилась Тэдзука.

На лице Эми появилась злорадная улыбка.

— Нет, просто твоя непредсказуемость слишком предсказуема.

— Ну, тогда всё нормально, — заключила Рин.

Мне не удалось узнать, серьёзна была Рин или нет, потому что в этот момент прозвенел колокол. Не успел я и глазом моргнуть, как закончилась большая перемена. Проводить время с этой парочкой оказалось довольно интересно.

Эми вскочила с места с выражением паники на лице.

— Ох, блин! Мне нужно заскочить в комнату за тетрадкой перед уроком!

— Ну что, разве не хотелось бы тебе теперь иметь машину времени? — Лицо Рин, толкавшей эту мысль, излучало самодовольство, будто бы она уже выиграла этот спор.

Эми проигнорировала замечание Рин.

— Извини, Хисао, можешь выкинуть мусор? Обычно я сама это делаю, но мне нужно бежать!

— Хорошо, без проблем, — покорно согласился я.

Эми бросилась прочь с обычной для неё поспешностью.

Я даже не пытался попросить Рин о помощи. Когда она уходила, её голова уже была занята чем-то ещё. Она, скорее всего, всегда оставляла уборку на Эми, и я почему-то сомневался, что Эми имела что-нибудь против. Уборка после нашего перекуса не заняла много времени, поэтому у меня оставалась ещё куча времени, чтобы выбросить мусор и добраться до класса.

Когда я вошёл в класс, коварно ухмыляющаяся Миша приветствовала меня, помахав мне рукой.

— Я не видела тебя в столовой, Хиттян.

— Ага, я решил, что там слишком много народа, — согласился я. Отрицать очевидные факты? Зачем? Да ещё с таким собеседником, как Миша? Увольте, благодарю покорно.

Мишина улыбка стала ещё шире.

— Да неужели? А ты уверен, что не принимал участия в незаконном ран-де-ву?

— Ч… что? О чём ты говоришь? — я чуть не начал заикаться от неожиданности. В таком ключе ситуацию я ещё не рассматривал. Что могло быть незаконного в нашей встрече?

— Ты же был на крыше так? Наедине с Рин и Эми! Эх ты, Казанова!

— Мы… мы просто перекусили, вот и всё! — неизвестно почему начал оправдываться я.

Миша разразилась хохотом, привлекая внимание нескольких одноклассников.

— Ва-ха-ха-ха! Ты такой милый, когда смущаешься, Хиттян! — Она заговорщически подмигнула мне. — Не волнуйся ты так, я никому не расскажу твой секрет.

— Нет у меня никаких секретов! — энергично запротестовал я. Не то, чтобы их у меня совсем не было, но он были не того

рода, на который так активно намекала Миша.

— Да ну? — Миша, похоже, слегка расстроилась, но потом снова приободрилась. — Время покажет!

Понятия не имею, о чём она, но на моё счастье пришёл учитель, и урок начался.

* * *

Очередной учебный день, наконец, подошёл к своему завершению. Как ни странно, за весь день я даже ни разу не задремал. Думаю, это можно считать чудом.

Ноги не желали вставать. Похоже, бег здорово меня вымотал.

Я направился вниз по коридору прямиком в свою комнату. Я сел, и какое-то время равнодушно делал домашнюю работу, ощущая себя стервятником, обдирающим особо противный труп. Он был в курсе, что приходилось есть, но колебался, не заказать ли ему вместо этого обед с доставкой на дом. Не думаю, что смог бы это вынести, но, тем не менее, очень важно закончить начатую работу.

— Ладно, посмотрим… Что ещё мне нужно сделать? — пробормотал я.

Я знал, что это был заранее проигранный бой, но всё равно вступил в сражение.

Находясь где-то на половине пути в дебрях домашней работы по алгебре, я отложил карандаш в сторону. Что-то у меня не получалось. Надо бы отвлечься. К сожалению, отвлечься мне тоже особо было не на что. Я сейчас не был в настроении читать книги. Кэндзи, как ни странно, отсутствовал у себя в комнате. Если я пойду в Школьный Совет, то придётся делать всю работу за Мишу и Сидзунэ. И я понятия не имею, где могли бы быть все остальные, кроме, может быть… Ну, полагаю, это вариант.

Я надел ботинки и отправился на стадион. Эми, скорее всего, находилась там. Вместе с командой по лёгкой атлетике.

Тренировка у бегунов завершилась как раз к моему приходу. Солнце медленно скрывалось за горизонтом. Неужели уже так поздно? Я и не думал, что потрачу на домашку столько времени.

— Что ты тут делаешь, Хисао? Пришёл шпионить за мной, да? — подмигнула мне Эми, подходя поближе.

Я пожал плечами. Если честно, я и сам не знал, зачем сюда пришел.

— Мне просто нечем больше заняться. — честно признался я. А так оно и было. Сейчас Эми — единственный человек, которого я мог навестить.

— Выходит, я твоя последняя соломинка, да? — насупилась Эми. — Все крутые ребята куда-то разбежались, так почему бы не сходить к Эми? Ты это имеешь в виду?

Что-то она и впрямь выглядит сердитой. А вот и шанс её немного подразнить.

— Ну, думаю, да, — озорно усмехнулся я.

Эми надула щёки, широко раскрыв глаза, принимая максимально щенячий вид.

— Это была шутка! Я пошутил! — запаниковал я. Это же совершенно нечестно!

— Значит, ты меня всё-таки преследуешь! — победно заключила девушка.

Погоди, что?

— Я не это имел в виду! Да и зачем мне вообще тебя преследовать? Не сказал бы, что тебя так уж сложно отыскать. Если ты не дрыхнешь и не на уроке, значит, тебя следует искать здесь, так ведь?

В ответ Эми рассмеялась.

— Что ж, пожалуй, не так уж ты и неправ. Только ты про еду забыл. Мне, знаешь ли, тоже надо питаться.

Я согласно кивнул. А ещё домашка, душ и прочее…

— А ещё я временами шляюсь вместе с Рин… поэтому преследовать меня всё-таки можно, — улыбнулась Эми.

— И чем вы вместе занимаетесь? Не похоже, что у вас много общего, — закинул я удочку.

Она упёрла руки в боки и сделала глубокий вдох.

— Это ты так думаешь. У меня, чтоб ты знал, есть куча тайных увлечений.

— Да ну? И какие, например?

Эми наклонила голову, будто пытаясь припомнить, что она обычно делала в свободное время.

— Ну, мы вместе с Рин иногда ходим по магазинам…

Что ж, это звучало логично. Эми всё-таки девушка. Очень милая девушка. Но Рин? На это моей фантазии как-то не хватало.

— Рин тоже ходит с тобой? — уточнил я.

— Мы обычно заскакиваем в магазин художественных товаров. А ещё ей нравится тот магазин, где продаётся разная музыкальная всячина. Она говорит, что это помогает ей сконцентрироваться, — объяснила бегунья.

Ну, это ещё ладно.

— Понятно. Ещё какие-нибудь *тайные* увлечения есть? — я специально выделил слово «тайные». Для особого интереса.

Эми погрозила мне пальцем, совсем как маленькому.

— Ну-ну, с какой стати мне раскрывать тебе свои тёмные

секреты? Мы едва знаем друг друга!

Что-то подсказывало мне, что этим увлечения Эми и ограничивались.

И на мой вопрос, похоже, так и не ответили.

— Даже если у тебя есть парочка увлечений, я всё равно никак не возьму в толк, почему ты так часто тусуешься с Рин. Я к чему клоню — она немного странная, не находишь?

Эта моя реплика вызвала у Эми приступ громкого хохота.

— Ха! Да это ещё мягко сказано!

— Так почему же? Мне кажется, у тебя неплохо подвешен язык, так что, по мне, тебе впору проводить время в общении с кучей разных людей, но я вижу тебя только с Рин.

Эми резко ушла в оборону.

— Эй, я общаюсь с кучей разных людей, не только с Рин! Ты просто не замечаешь, поскольку мы в разных классах. На секунду я представил, что было бы, если бы с Эми оказались в одном классе. Учитывая Мишу, Сидзунэ и Муто — было бы весело… и гораздо более нервно.

Блин, а тема-то, похоже не из её любимых.

— Ладно, но это всё равно не объясняет, почему ты постоянно вместе с Рин.

Я даже не был уверен, почему хотел до этого докопаться. Думаю, это потому, что ланч был весьма необычный.

Эми пожала плечами, напоминая в этом Рин.

— Это потому что у нас схожее мировоззрение.

Если бы меня попросил подыскать наименее правдоподобный ответ — это был бы он.

— Что ты имеешь в виду? — недоверчиво переспросил я, всем своим видом показывая, что не разделяю её точку зрения.

— Ну, типа…Сам посуди, Рин рисует и всё такое прочее, верно?

— Допустим… — я не совсем был уверен, к чему она клонит.

— Ну, а я бегаю, — сказала она.

— И что?

— Ну-у, вот почему мы так похожи, — мысли Эми, кажется, следовали какой-то особенной женской логике. Или логике Рин. В самом крайнем случае — это было как у Шерлока Холмса.

— Ты меня запутала, — признался я.

Эми нахмурилась, пытаясь сформулировать ответ.

— Наверное, всё потому, что мы занимаемся чем-то по одинаковым причинам.

— Вот как?

— В смысле, мы страстно отдаёмся нашим увлечениям, — выдохнула девушка.

— То есть, ты страстно увлекаешься бегом. А Рин — рисованием, так что ли? — я решил, что лучше уж выглядеть идиотом, чем тем, кто не хочет разобраться в ситуации.

— Ну, что-то типа того. Дай подумать… Рин мне однажды объясняла, но не уверена, что я правильно поняла.

Неудивительно. Думаю, любое объяснение Рин кого угодно с толку собьёт.

— Она сказала, что мы обе впадаем в крайности, — наконец сказала Эми. — К примеру, она всегда пытается найти новый способ выразить конкретное чувство. И я бегаю из-за чувств, которые при этом испытываю. А поскольку мы не позволяем чему-либо остановить нас, то этот фактор становится связующим звеном между нами.

— В каком смысле «не позволяем ничему нас остановить»?

Удивившись, Эми указала на свои ноги.

— Потому что я — бегун. А Рин — художник без рук. Поэтому мы уважаем решимость друг друга. Вот потому-то мы часто и бываем вместе. Я так думаю.

Что ж, не уверен, что нашёл какой-то смысл в её словах… Но, судя по робкому выражению лица Эми, она и сама была не очень уверена на этот счёт.

— По правде говоря, я не очень над этим задумываюсь. Мы просто привыкли друг к другу — думаю, это всё и объясняет.

Что ж, полагаю, что вот в этих словах резон есть.

И тут у меня в голове появился другой вопрос, и поскольку заняться больше нечем, я задал его.

— А почему ты вообще начала бегать?

— О, я бегаю с самого детства! — оживилась Эми. — Мой отец был бегуном, и, как только я научилась ходить, он стал обучать меня бегу. Ну, такие у нас были отношения между отцом и дочерью, понимаешь? Наше общее хобби.

По её лицу проскользнула тень, и я очень удивился, увидев её… грустной. Между ними что-то произошло? Впрочем, это не моё дело, и я не обладаю характером Кэндзи, чтобы докапываться до людей. Так что…

— Ох, у меня не так много времени осталось. Извини, но мне надо пробежать ещё пару-тройку кругов, прежде чем идти к фельдшеру, — спохватилась Эми.

Она понеслась во весь опор по беговой дорожке — только волосы развевались по ветру. Похоже, она бежала гораздо быстрее, чем этим утром. Когда спортсменка пробегала мимо, я мельком заметил её лицо. Такое же выражение было у этой маленькой девушки и с утра, но во взгляде заметно прибавилось остроты. Полагаю, она была права. Я не так уж много знал о ней.

Недолго понаблюдав за её бегом, я встал, чтобы вернуться в общежитие.

— Эй! — Заметив, что я ухожу, Эми помахала мне рукой, привлекая внимание. — Не забудь! В то же время завтра утром, ясно?

— Ясно.

Я направился обратно в свою комнату. Домашняя работа призывала к подвигам.

* * *

Мне не спалось.

Моё тело устало, но разум бодрствовал, и я пялился в пустую тьму потолка. Возникла какая-то мысль, и я отчаянно, как за соломинку, ухватился за неё в надежде усмирить свой мозг её тяжестью. Всё, о чём я мог думать — это как я ни о чём не мог думать. Это было в высшей степени непродуктивно.

Я начал гадать, не побочный ли это эффект от принимаемых лекарств, но нашёл странным, что он не проявлялся так долго. Возможно, дело было в том, что я ещё не привык к новому окружению. Не знаю почему, но по какой-то причине мне не спалось, хотя должно было хотеться.

Ну что за бред.

Игнорируя оцепенелость своего тела, я вылез из кровати и бросил взгляд на часы. Четыре утра. Когда проверял в последний раз, был час ночи, так что, наверное, чуток сна мне урвать удалось. Не знаю, что делать. Накинув одежду, я потихоньку вышел из своей комнаты. Быть может, прогулка окажет на меня благотворное влияние.

Я был удивлён, насколько прохладным оказался воздух по сравнению с дневным теплом. Я заметил лёгкий парок от своего дыхания, пока бродил в этот ранний час по территории школы, ожидая либо восхода солнца, либо прихода сна. Сейчас меня устроил бы любой из этих вариантов. Тут я обнаружил, что забрёл на беговую дорожку, на которой впервые не увидел Эми. Впрочем, чему тут удивляться: даже для неё было ещё слишком рано. Белые сиденья были холодны, но я уже радовался этой прохладе.

Солнце начало показываться из-за горизонта, и я с ужасающей ясностью осознал, что сна мне сегодня не видать как своих ушей без зеркала. Его лучи постепенно начали согревать меня. Я же наблюдал, как роса на земле начала понемногу испаряться. Мой разум немного успокаивался..

Тут кто-то начал трясти меня за плечо.

— Эй, проснись!

— А? Что? Кто? — очумело замотал я головой.

Видать, я всё-таки прикорнул.

— Что ты тут делаешь? Ты так, чего доброго, простуду подхватишь! — Протирая глаза, я поднял взгляд на Эми, обеспокоенно склонившуюся надо мной. Я ещё не до конца отошёл ото сна, поэтому мой ответ получился невнятным.

— Не спалось. Смотрел, как всходит солнце.

— Так скорее сказала бы Рин, — заметила Эми.

В ответ я пожал плечами, ощущая, как затекло тело от нескольких часов сонного сидения на скамье.

— Правда? Не знал.

Эми ухмыльнулась, услышав мой (чуточку резкий) ответ.

— Так что, не спалось, а? Придётся тебя сегодня посильнее погонять! — Несмотря на то, что я знал её всего неделю, я понимал, что этот ответ вполне в её стиле.

— Эй, моё тело ещё не отошло после вчерашнего! Просто мысли путаются, вот и всё.

— Не вижу разницы, — хмыкнула она. — Если хорошо побегать, мозги тоже устанут.

У меня имелись серьёзные сомнения насчёт разумности таких нагрузок с утра пораньше. Не знаю, что случится с моей успеваемостью, если я буду так себя выматывать.

Эми с неожиданной для её роста силой стащила меня со скамейки.

— Пойдём же, Хисао! Мы должны заниматься!

Честно говоря, я не был уверен, что сегодня мне хотелось бегать. Ну, то есть я совсем не выспался… да и спал-то на скамейках!

— Ну не знаю… я правда должен бегать?

Эми строго смотрит на меня. Святые угодники. Я ж сейчас сдамся…

— Ты о чём вообще говоришь? Конечно, должен! — начала она меня отчитывать. — Как иначе ты надеешься избавиться от боли в мышцах? Ради всего святого, ты же на скамейках дрых! Лучший способ прогнать эти болезненные ощущения — немного побегать. А теперь хватит за скамейками прятаться, вылезай и спускайся ко мне!

Не буду отрицать — я был почти уверен, что она меня прикончит, если не послушаюсь и не сделаю, как она говорит. Я поднялся на ноги и спрыгнул на беговую дорожку.

Неплохо солнышко пригревает.

Мы с Эми начали растяжку, и я вновь поймал себя на мысли, что всеми силами стараюсь не пялиться на неё. Хотя если теперь

мне каждый раз придётся вот так проводить своё утро, то я, наверное, даже привыкну. И это даже будет приятно.

— Хисао, а ты знаешь, что подглядывать невежливо? — лукаво усмехнулась Эми, посмотрев на меня.

— Клянусь, я не подглядывал! — неужели я был столь неловок, что спалился?

Эми вопросительно подняла бровь, будто оценивая мой ответ. Пару мгновений я не на шутку опасался за свою жизнь. Но затем она улыбнулась и засмеялась, слегка покачивая головой.

— Ну ладно, не стоило тебе так горячо это отрицать.

В ответ я хлопнул в ладоши и попытался перевести разговор в другое русло. Точно ведь, спалился.

— Итак! Мы ведь уже хорошо размялись?

Эми не раздумывая, пожала плечами.

— А ты чувствуешь, что размялся? Ведь только так можно определить, хорошо или нет.

Ну, я чувствовал, что готов пробежаться, если она об этом.

— Ага, думаю, я готов.

— Так же, как вчера, да? Мы пробежим пару километров в умеренном темпе. Не старайся бежать слишком быстро, просто держи темп, ясно? — наставляла она меня.

— Как скажешь, босс.

Эми снова ухмыльнулась, и мы сорвались с места.

…

Кажется, я сейчас помру.

Мы даже первый круг не закончили, а у меня уже ноги горели. Дыхание из ровного сделалось отрывистым. Позади всего второй поворот, а я уже чувствовал, как у меня со лба льётся пот.

— Ну же, Хисао! Осталось всего три круга! — слышал я голос Эми.

Не могу…

Не могу.

Не могу!

Кажется, я сейчас свалюсь. Каким-то чудом мы начали второй круг. Эми даже не вспотела. Почему же это у неё получается совсем без труда? По каким-то неизвестным мне причинам, я всё ещё на ногах.

Она прямо как робот. Почему она так может, а я — нет?

Третий круг. Постойте, а куда делся второй?

— Почти закончили, Хисао!

Врушка! Нам ещё два бежать!

Ничего не поделаешь.

— Ну… не… мо… гу… я…

Эми развернулась на ходу и начала бежать задом наперёд. На

её лице — выражение злости, что меня искренне удивило.

— Никогда так не говори! Эти слова означают, что ты уже проиграл. Продолжай бежать! Если жив, значит, можешь бежать дальше, чёрт возьми! — сердито крикнула она мне прямо в лицо.

Ничего себе, ну и словечки. Мы были уже на четвёртом круге. Похоже, ей действительно хотелось, чтобы я не останавливался.

Ну же, ноги. Двигайтесь. Двигайтесь. Совсем отнимаются. Такое чувство, что я в грязи. Или в патоке. Или в смоле. Я не могу больше. Но я добегу.

— Последний рывок, Хисао! Жми изо всех сил!

Я перебирал ногами со всей возможной скоростью. А они всё так же не слушались меня. Каким-то чудом я продолжал бежать. И каким-то чудом финишировал.

— Так держать, Хисао! Я знала, что у тебя это в крови! — Гордость за меня сменила собой ту злость, с которой Эми обращалась ко мне на предыдущем круге.

Она прямо светилась от счастья, как будто только что выиграла золото в соревнованиях или ещё что.

Я шел, шатаясь, пока не остановился совсем, упал на колени и с трудом попытался отдышаться.

Сердце бьется так сильно, как давно уже не билось. Кажется, оно так не билось с того момента, как… Боже мой. Пожалуйста, сердечко, успокойся. Перестань колотиться, пожалуйста. Я закашлялся и почувствовал, что моё лицо кривится в усмешке. Вот, значит, как я умру, да? Пытаясь поддерживать форму? Какая ирония.

Я уже был готов отдать концы прямо здесь. Но потом я почувствовал, что сердцебиение потихоньку начало замедляться. Меня схватили под руки и потянули вверх. Я поднял глаза и увидел стоящую надо мной Эми, на лице которой была написана смесь волнения и восторга.

— Ну-ка, подъём! Давай же, ты так никогда не отдышишься.

Я с трудом встал на ноги и попытался поднять руки вверх, но они ощущались как налитые свинцом. Эми держалась рядом, когда я начал идти вдоль дорожки, будто боялась, что я упаду или что-нибудь ещё. Возможно, она была недалека от истины. Я чувствовал себя просто ужасно, о чём ей и сообщил незамедлительно.

Эми рассмеялась.

— Но ты ведь добежал, не так ли? Сказал, что не сможешь, но добежал. Не стоило ли оно того?

Я в этом не был уверен, да и дыхания у меня не хватало сказать это вслух. Но та лёгкая улыбка на моём лице всё ещё держалась. Ну и что, что у меня слабое сердце? Сегодня утром я

ведь выжил. Может, и завтра выживу тоже. Как только стало очевидным, что я не собираюсь внезапно загнуться, Эми убежала вперёд на спринты. Ума не приложу, каким образом она умудрялась бегать спринтом сразу после забега на два километра, но, наверное, всё дело было в том, что она находилась в гораздо лучшей форме, чем я.

И опять во время моей прогулки по треку я не выдержал и начал наблюдать, как бегает Эми.

Звучит странно, но она будто становилась другим человеком, когда так выкладывалась. В прошлый раз я отметил только выражение её глаз, но сегодня обратил внимание на её лицо. На нём не было обычной широкой улыбки. Она, конечно, всё равно улыбалась, но как-то натянуто. Больше было похоже на мрачную ухмылку, как будто она проигрывала в неравной схватке, но не обращала на это внимание.

Казалось, будто она старалась бежать ещё упорнее, чем вчера. По её лицу струился пот, но она не сбавляла ходу. Наконец её рот приоткрылся, так как дыхания носом начало не хватать. Она пронеслась мимо меня, ритмично работая руками и ногами, губы были слегка приоткрыты… Она выглядела очень красиво.

После того, как мы прошли несколько кругов вокруг трека, чтобы восстановить дыхание, Эми опять стала сама собой.

То преображение, что я увидел ранее, бесследно исчезло.

— Неплохо поработал сегодня, Хисао, — сказала мне Эми. В её голосе слышалось восхищение.

— Ты о чём? Да если бы не твой окрик, я бы вообще остановился, — не согласился я с ней. Было приятно её одобрение, но всё-таки… всё-таки я не самый волевой человек, и без её напора просто сдался бы.

Эми слегка покраснела при упоминании той вспышки гнева.

— Прости меня, просто я… терпеть не могу, когда люди сдаются. Особенно в такого рода делах. Говорить «не могу бежать» глупо, если ты в то же время бежишь. В этом-то и дело.

— В чём? В том, чтобы говорить ерунду? — позволил я себе лёгкую улыбку.

Эми показала мне язык.

— Балда. В том, чтобы доказать, что ты живой.

Доказать, что я живой? Не знал, что это будет так больно. Но было довольно здорово, несмотря ни на что.

— К тому же, сегодня был один из самых трудных дней, — важно заявила девушка, пристально глядя мне в глаза.

— Это почему? — поинтересовался я.

— Ну, когда начинаешь занятия, первый день кажется сложным, второй — ещё сложнее, а на третий уже легче. Конечно,

иногда бывают дни, когда всё равно сложно, но потом они случаются всё реже и реже, — пустилась она в объяснения.

— То есть, в конце концов, это станет очень просто, так получается?

— Ну да, само собой, — кивнула Эми. — Но потом надо увеличивать нагрузку, иначе прогресса не будет. Будешь просто довольствоваться тем, что есть, и потеряешь чувство победы над собой.

— Так мне что, придётся бегать больше четырёх кругов?

— Ага! Но нескоро, тебе ведь нужно быть осторожнее.

Лицо Эми озаряется от внезапно пришедшей в голову мысли.

— Поняла! — воскликнула она.

— Что именно? — что-то меня её внезапно вспыхнувший энтузиазм не очень-то и вдохновил.

— Мы можем вместе ходить к фельдшеру! Тогда у тебя точно помереть не получится! — категорически заявила Эми, сверкая глазами.

Как мило. Судзуки-сан, жаль, что вы не слышите, как верят в ваши возможности.

— Э-э-э… и когда? — осторожно уточнил я.

— Да прямо сейчас! Тебе же ещё надо в душ и так далее, правда? Тогда времени в обрез! — Схватив меня за руку, она рванула с места, потащив меня за собой.

Глава девятая Настоящая Эми

— Боже мой, да ты сегодня очень спешишь, а, Эми? — подмигнул Судзуки-сан.

Понятия не имею, как мы добрались до кабинета фельдшера так быстро, но тем не менее, мы были уже на месте.

Фельдшер широко улыбался, глядя на Эми и полностью забыв про меня.

— У тебя, знаешь ли, ещё куча времени, чтобы принять душ и добраться до класса. Совсем необязательно так носиться по коридорам. Тебя за километр слышно.

Что-то было не похоже, чтобы он всерьёз отчитывал Эми. Скорее, это было похоже на своеобразный ритуал приветствия между этими двумя.

Эми довольно правдоподобно изобразила искреннее раскаяние.

— Простите, пожалуйста! Больше так никогда не буду! — пропищала она смешным голосом.

Фельдшер и Эми вместе рассмеялись над этой, понятной лишь им двоим шуткой. И вдруг он будто заметил меня.

— О, привет, Хисао. Зачем пожаловал?

— Ну, я тут… — Я начал было объяснять ситуацию, но меня перебила Эми.

— Хисао теперь официально составляет мне компанию на утренних пробежках. Я подумала, что ему было бы неплохо сходить к вам, а то вдруг помрёт ещё.

Фельдшер с наигранным ужасом поднял брови.

— Да уж, тогда бы меня мигом вышвырнули с работы, не так ли? Итак, Хисао, давай-ка посмотрим, что у тебя там. Будь добр, подними футболку.

До меня вдруг дошло, что Эми всё ещё в кабинете, и я невольно покраснел. Судзуки-сан заметил моё замешательство, но это его, похоже, только позабавило.

— Стесняемся, да?

Он с извиняющимся видом поклонился в сторону Эми.

— Прости Эми, я тут пытался организовать тебе бесплатное шоу, но, похоже, не вышло.

Бесплатное шоу? Это вообще как? Как так можно-то?

Эми слегка напряглась и бросила на него взгляд полный раздражения.

— Ну вы и засранец.

Полностью согласен, но вслух не признаюсь — жить ещё хочется.

Затем она поклонилась мне, извиняясь.

— Я снаружи подожду, ладно, Хисао?

Я начал бормотать, что это всё пустяки, ей не стоит уходить, но она выскочила за дверь, а фельдшер смеялся ей вслед.

— Есть ещё порох в пороховницах! Ха!

— Это вы о чём? — хмуро уточнил я.

Он опять рассмеялся, будто над шуткой, которую мне не понять.

— Всё ещё могу заставить её понервничать. Это у нас давно уже такая маленькая игра.

По мне так прозвучало довольно зловеще, даже подозрительно, и фельдшер, кажется, тоже это понял.

— Упс. Если подумать, то это прозвучало гораздо хуже, чем есть на самом деле.

— Да я и не собирался ничего говорить… — соврал я. Ну, почти соврал. Говорить я не собирался, но подумал примерно то же самое.

— Нет-нет, ты прав, — вздохнул Судзуки-сан. — Надо бы тебе всё объяснить, а то неправильно поймёшь. Видишь ли, я здесь относительно недавно. Начал работать в тот год, когда Эми сюда перешла. Но до этого я помогал Эми в течение её реабилитации после катастрофы.

Погодите-ка, что?

— Нам пришлось ампутировать ей обе ноги после довольно неприятной автокатастрофы. Она чудом выжила, но вот её… — Он замолк на полуслове.

Я лишь тупо моргал, услышав такие неожиданные новости.

— Так, не мне об этом говорить. В общем, мы довольно давно друг друга знаем. Поэтому, наши отношения немного более дружеские, чем у обычных врача и пациента. — Фельдшер выглядел несколько смущённым, будто совершил нечто глупое или необдуманное.

Наверное, он и правда беспокоился об этом. Махнув рукой, я дал ему понять, что это не так важно.

— Не волнуйтесь, сэр. Обещаю, никому ни слова.

Нет, я, конечно, догадывался, что ноги Эми потеряла в результате несчастного случая, но услышать подтверждение, которого не ждал, да ещё и узнать о близком знакомстве Эми и фельдшера по столь печальному поводу — это несколько… оглушало.

— Ну, спасибо. Ты хороший мальчик, Хисао, — потрепал меня по голове Судзуки-сан. — Теперь понимаю, почему Эми захотела подружиться с тобой. Видишь ли, она довольно упрямая.

— В каком смысле? — хмыкнул я. Не заметить её

настойчивости было невозможно. И я не маленький, чтобы так со мной обращаться!

— Ты не видел, как она училась заново ходить., - серьёзно и немного грустно сказал Судзуки-сан. — Тренировалась больше всех в больнице. Никак не хотела сдаваться. Обычно после такого уходит много лет на то, чтобы начать даже думать о беге. Эми справилась примерно за год.

Он, кажется, гордился ей, как гордился бы отец своей дочкой, выиграй она в каких-нибудь соревнованиях.

— Чёрт, да она бы ещё быстрее справилась, если бы мы ей не запрещали перенапрягаться.

— Запрещали? Но почему? — переспросил я. Хотя, кажется, начинаю понимать…

— Потому что она занималась так долго, что неё начинала течь кровь в тех местах, где ноги тёрлись о протезы. Это очень серьёзно, — объяснил фельдшер, сурово сдвинув брови. — Именно поэтому она каждый день приходит ко мне на проверку после бега. Мало того, существует риск попадания в организм инфекции, если она вдруг порежет ноги, а протезы будут грязные. Но хватит об этом. Если мы с тобой не закончим побыстрее, то Эми подумает, что мы тут что-то затеваем.

С этими словами он подмигнул мне и начал измерять мой пульс. Стетоскоп был очень уж холодным. Подогрел бы он его, что ли, прежде чем начинать обследование. Спустя несколько мгновений он удовлетворённо отодвинулся.

— Ну, я ничего необычного не услышал, Хисао. Не было ли у тебя каких-нибудь осложнений во время бега?

— Да нет в принципе. Отдышаться только было сложно, да и сердце в конце колотилось, вот и всё.

Фельдшер нахмурился, когда услышал это, но потом пожал плечами.

— Это, скорее всего, из-за твоей, прямо скажем, не лучшей формы… но если это не пройдёт, ты обязательно должен мне сообщить, хорошо? Смотри, не перетруждай себя, и если вдруг будет болеть сердце — сразу ко мне, ладно?

Я надел футболку, и фельдшер выглянул за дверь, чтобы позвать Эми.

— Чего вы так долго? Теперь я опоздаю! — возмущённо заявила та, заходя внутрь.

Фельдшер бросил на меня многозначительный взгляд. Ой, что-то не нравится мне это…

— Я просто соблазнял Хисао, вот и всё.

Чего?! Какого дьявола? Так, кажется, выражаются в подобных случаях европейцы?

— Чего?! Бросьте это, я вам что говорила насчёт соблазнения моих друзей? — Я-то думал, что Эми будет в шоке из-за таких слов, но она всего лишь слегка раздраженным голосом отчитывала фельдшера, как ребёнка, укравшего печенье.

Я тем временем изо всех сил старался не покраснеть от подобных намёков фельдшера. Что такое яой я прекрасно знал, но быть вовлечённым в него пусть даже и гипотетически — благодарю покорно! Я чистый гетеросексуал!

— Я, конечно, постараюсь больше так не делать, но боюсь, что Хисао уже навеки утерян для прекрасного пола! — словно опровергая мои мысли патетически воскликнул Судзуки-сан, приняв позу трагического актёра.

— Ну да, разбежались, — ядовито отозвался я на эту инсинуацию. Я не хотел произносить этого вслух, но фельдшер с Эми, смерив меня взглядами, залились смехом.

— Я же вам говорила, что он весёлый, — хмыкнула спортсменка.

Вот как? Наверное, Эми и правда многое обсуждает с фельдшером.

— Ну что ж, Хисао, думаю, тебе пора идти. Ты ведь ещё хочешь успеть в душ перед уроками, правда? — подмигнул мне Судзуки-сан.

Блин! А ведь он был прав — у меня оставалось где-то около получаса!

— Спасибо. До встречи, Эми!

Я пулей вылетел из кабинета в тот момент, когда фельдшер начал снимать протезы Эми. Очень вовремя. Как по мне — процесс достаточно интимный, чтобы кроме тебя и врача никто не присутствовал.

Спускаясь в холл, я ещё слышал его едва различимый голос, доносящийся мне вслед.

— Эми, тебе нужно быть осмотрительнее…

До своей комнаты, а затем и до душа, я добрался за рекордное время. Только сейчас мне пришло в голову, что я уже четыре часа на ногах, а уроки ещё и не начались.

Денёк у меня будет очень и очень длинный.

Надеюсь, хоть в классе не засну.

* * *

Струящиеся сквозь стекло лучи солнца пробудили меня вместо будильника, и до меня дошло, что сегодня воскресенье. Эми великодушно разрешила мне отдыхать от наших утренних

забегов хотя бы по выходным. Если честно, я не помню, просыпался ли вчера вообще или провалялся в постели целый день.

Ноги заныли в знак протеста, когда я попытался встать с кровати. Все эти забеги меня не на шутку вымотали. И всё же не могу не признать, что Эми сказала правду. Стало действительно чуточку легче.

Я боялся, что пробежки будут действовать мне на нервы, но пока что я относился к ним спокойно. С другой стороны, прошла всего лишь неделя. Ну, наверное, я ещё успею начать до смерти бояться звука своего будильника. Однако отвертеться уже не получится. Как сказала Эми, труднее пропускать ежедневные занятия, когда занимаешься с кем-то вместе. И я, мягко говоря, не думаю, что смог бы справиться с разочарованной Эми. Как пить дать, она состроила бы мне эти щенячьи глазки, и после этого я чувствовал бы себя просто ужасно.

Кстати говоря… а не собирался ли я сегодня куда-то пойти?

— Эй, ну так что, придёшь на соревнования в воскресенье? О чём это я, конечно придёшь. Правда ведь? — попросила меня Эми, глядя на меня щенячьими глазками. Как я мог сказать «нет»?

— Конечно! Приду без вопросов! Я всё-таки тебе должен, — поспешно подтвердил я, сопровождая свои слова энергичным кивком.

— Вот именно! Потому не вздумай забыть! — грозно заявила девушка и заливисто рассмеялась.

Блин, соревнования Эми по бегу!

Надо бы пошевеливаться, если я не хочу пропустить её забег, ведь это единственная причина, по которой я вообще согласился идти. Иначе идти туда вообще не имеет смысла.

И вот, вскоре я оказался посредине толпы зрителей, жаждавших увидеть состязания между командами нашей и другой такой же школы. Признаюсь честно: тот факт, что наша школа — не единственная в своём роде, немного утешал. После того, как понимаешь, что может быть и **две** школы для детей с… ну, для детей с отклонениями… Перестаёшь замечать эти отклонения у себя. Перестаёшь чувствовать себя особенным. Во всех других случаях это было бы плохо, но, чёрт возьми, только не в данном.

Наверное, в этом и состояла привлекательность «Ямаку». В том, что ты начинал понимать, что ты не уникален, — чёрт побери, начинал понимать, что на свете много других людей, которые готовы убить ради того, чтобы иметь твои проблемы вместо тех, что у них есть сейчас. Некоторые ребята здесь не

потому что у них ампутирована нога или порок сердца — некоторые из них здесь, потому что им, может быть, жить-то осталось год или два, максимум три, если повезёт. И это при условии, что им будет обеспечен надлежащий уход.

Из мрачных размышлений меня вывела появившаяся рядом со входом на трибуны фигура Рин.

— Ты пришёл, — констатировала она моё появление.

— А как же. Я ведь сказал, что приду, так? — вопросительно изогнул я бровь. Что-то не припоминаю, чтобы давал Рин повод сомневаться в моей честности. Единственное, что я такого рода допустил — так это несколько замешкался при поиске материалов к фестивалю для Школьного совета.

— Это необязательно подразумевает, что ты придёшь. Многие чего-нибудь обещают, но потом не держат слово, — заметила Тэдзука. Странно, если мне не слишком сильно изменяет память, то вроде бы Рин сама вызывалась проконтролировать моё прибытие?

— Ну, я не из таких.

Рин пожала плечами. Ей, видимо, наскучила наша беседа, поэтому она круто развернулась и пошла к зрительским скамейкам.

— Я теперь должна Эми денег, — с лёгким оттенком уныния сказала она.

— Это почему? — подозрительно уточнил я. Недавно эти авантюристки на меня уже спорили. Дубль второй что ли?

— Не думала, что ты придёшь. А Эми считала иначе. И теперь я ей должна ей пятьсот йен, — поведала Тэдзука. Ну так и есть!

— Я так погляжу, вы часто заключаете пари? — спросил я.

И опять моя безрукая спутница пожала плечами.

— Мне так не кажется.

Зато мне так кажется.

Мы подошли к трибунам, и Рин кивком указала куда-то на верхние ряды.

— Вон туда. Я спустилась посмотреть, объявишься ли ты.

Из-за спора, надо полагать. Я последовал за Рин, и вскоре мы уселись на почти свободную скамью. Возле Рин сидела женщина — видимо, мать кого-то из участников состязаний. У неё были довольно длинные волосы, заплетённые в косу. Заметив Рин, она широко улыбнулась, и мне эта улыбка показалась, как ни странно, знакомой.

— О, вот это сюрприз. Я думала, ты пошла искать еду, а не парня, — сказала незнакомка, обращаясь к Рин.

— А? — недоумённо моргнул я, переводя взгляд с одной на другую.

— Еду? А я-то думала, что я там забыла, — Тэдзука выглядела несколько удивлённой.

Это я что, получается, — самоходный запас еды? О ужас, меня окружают каннибалы.

Женщина рассмеялась, и её смех тоже оказался мне знакомым. Такое ощущение, что я слышал его совсем недавно. Где же я её раньше видел?

— Ну, я полагаю, с тобой всегда так: отправляешься за одним, а возвращаешься совсем с другим. Но где же мои манеры! Я ведь не представилась. Меня зовут Мейко Ибарадзаки, я мама Эми. Приятно познакомиться, — представилась она.

Ну что ж, это всё объясняло. Она ведь вылитая Эми, только постарше и повыше. Блин, то есть, наоборот, Эми — вылитая мать. Разве что волосы её были на оттенок темнее, чем у Эми. Но в целом, их сходство оказалось неоспоримо.

— Простите, я Хисао. Хисао Накай. И вам, право, не стоит извиняться за то, что вы не представились, Ибарадзаки-сан. Вообще-то это Рин должна была нас представить, не так ли? — укоризненно посмотрел я на Рин.

Мама Эми опять засмеялась.

— Похоже, ты не так давно знаком с Рин. Лучше не рассчитывать, что она вспомнит о чём-то подобном. Думаю, у неё и без этого есть о чём поразмыслить.

Рин, кажется, понравилось данное умозаключение, и она кивнула.

— Так и есть. Я думала о закатах.

— Вот видишь? Значит, знакомство и всё остальное — на нас, — весело заметила Мейко-сан.

Я кивнул, не найдя более подходящего ответа.

Ибарадзаки-сан слегка откинулась на спинку и подняла бровь.

— И как давно вы с Рин встречаетесь?

В ответ я не сказал ни слова, совершенно сбитый с толку. Не успел я пробормотать наскоро придуманное объяснение, как мама Эми опять начала хохотать.

— Ха! А тебя, похоже, легко вогнать в краску!

Я не знал, был ли какой-нибудь способ сохранить лицо в такой ситуации, поэтому лишь невнятно пробормотал в ответ.

— Ну, наверное.

— Так значит, это начало нового романа? — живо уточнила Мейко-сан.

— Постойте-ка, я же не на этот вопрос…

Опять раздался хохот.

— Я знаю, просто забавно наблюдать, как ты смущаешься. Я

извиняюсь. Прости старухе её шуточки, — сказала Мейко-сан.

«Старухе»? На мой взгляд, она совсем не выглядела старой. Совершенно очевидно, что Эми достались в наследство черты лица и фигура матери.

— Ну ладно, пропущу мимо ушей, — пробурчал я.

— Очень мило с твоей стороны, — весело согласилась она.

— Начинается, — привлекла Рин наше внимание к стадиону.

Я устремил своё внимание к беговым дорожкам, где вовсю шла подготовка к первому спринтерскому забегу. Кажется, это забег на четыреста метров.

Я пробежал глазами по участникам забега, пока не нашёл Эми. Улыбка сияла на её лице, придавая ему заносчивое выражение.

Судья поднял стартовый пистолет. Эми сорвалась с места, мгновенно исчезая с линии старта в стремительном рывке. Это было потрясающе. Эми вырвалась вперёд, несмотря на то, что остальные участники сходились на дорожках, ближайших к внутренней границе трека.

Когда она добралась до последнего круга, её нагнали несколько бегунов. Однако их усилия были тщетны. Эми ускорилась, оставляя их минимум на полсекунды позади. Ибарадзаки-сан болела за Эми, громко хлопая, как и положено родителю. Эми ушла с трека, видимо, довольная собой.

Я радовался вместе с остальными.

Голос комментатора (подозрительно напоминающий Мишин) радостно объявил результаты.

— Кажется, она стала ещё быстрее по сравнению с прошлым разом, — заметила Мейко-сан.

— Это было невероятно, — восхищённо выдохнул я.

Ибарадзаки-сан гордо улыбнулась.

— Эми чертовски хорошо бегает.

Мы замолкли, так как начался следующий забег. Я с удивлением заметил, что Эми снова вышла на трек.

— Стоп, разве она только что не бегала? — уточнил я, не слишком доверяя своим глазам.

Мама Эми кивнула.

— Да, но её поставили на несколько забегов сразу. В основном на спринты. Придётся много бегать, но Эми справится.

Судя по всему, она была права. Эми не выглядела уставшей, как будто она и не бегала вовсе. Если бы не мокрая от пота футболка, никто бы и не догадался.

— Что сейчас за соревнование? — уточнил я.

— Забег на двести метров. Она побежит сейчас, потом ещё стометровку и эстафету, — пояснила Мейко-сан.

— Понятно.

Снова раздался выстрел стартового пистолета, и снова Эми сорвалась с места. Моё внимание привлёк какой-то стук. Это была нога Рин. Она, похоже, полностью поглощена гонкой. Мать Эми снова зааплодировала, из чего я понял, что забег окончен. Спринты, похоже, не занимали много времени.

— Твоя нога, — шепнул я Рин.

— Ммм? — вопросительно изогнула она бровь.

— Ты ногой стучишь по трибунам, — указал я ей.

— Ой, — видимо, она только обратила на это внимание.

— Тебе, похоже, интересно. Я удивлён.

Рин озадаченно поглядела на меня.

— А почему бы и нет?

— Не знаю, просто я думал, что тебя такие вещи не интересуют.

— Ммм, ну, пожалуй, ты прав. Это не так уж и интересно. Но я слежу за Эми, а не за соревнованиями.

— Не понял, — признался я.

— Когда Эми бежит, проявляется её истинное лицо. Нечасто удаётся увидеть настоящую Эми. Но тут — запросто. Видишь?

Она указала на трек, где сейчас начиналась стометровка.

Я внимательно посмотрел на Эми.

Когда она вышла на старт, всё её тело, кажется, расслабилось, но я знал, что это только видимость. Я заметил, что была она напряжена, как сжатая причина. Когда судья дал команду «На старт!», она подняла голову и слегка прищурилась. Её губы изогнулись в нечто, похожее на широкую улыбку и на оскал.

Как только раздался выстрел, она будто сорвалась с привязи, словно до этого мы просто не замечали, что она неслась сломя голову, и только звук выстрела развеял иллюзию неподвижности. Это чувство длилось всего лишь несколько мгновений, но за эти доли секунды я понял, что увидел нечто очень личное для Эми. Как только она пересекла финишную черту, хищный оскал сменила обычная ухмылка.

Генерал с победой возвращается домой.

— Потрясающе. Она поразительный человек. Я ещё не видел, чтобы кто-нибудь бегал настолько быстро, — признался я, не отрывая глаз от девушки.

— Ну, на меня можешь не смотреть, я слишком рассеянная, чтобы так бегать. Я думаю, вся энергия Эми досталась ей от отца.

При упоминании об отце Эми, на лице Ибарадзаки-сан появилось задумчивое, почти грустное выражение.

— Знаешь, ведь именно благодаря ему она увлеклась бегом, — сказала Мейко-сан.

— Да, она мне говорила, — подтвердил я.

Не уверен, вежливо ли будет спрашивать об её отце. Но, вспомнив её лицо пару дней назад, я всё-таки решился спросить.

— Можно поинтересоваться, где сейчас её отец?

Мать Эми колебалась, явно не горя желанием отвечать, но, в то же время, стараясь не показаться грубой.

— Он… больше не с нами, — голос её звучал серьёзно и грустно.

— Простите, я не хотел потревожить плохие воспоминания. Просто Эми выглядела немного печально, когда упоминала его, — извинился я.

— Это неудивительно, — вздохнула Мейко-сан.

— Хмм?

— Она были очень близки, — тем же печальным тоном пояснила она.

— Ясно, — я решил не поддерживать неприятную для неё тему.

Внезапно из кармана Ибарадзаки-сан раздался звонок мобильного телефона. Она достала его и посмотрела на экран.

— … Да ладно, СМС? Ему что, шестнадцать? — недовольно проворчала она.

— Мм? — напомнил я о своём присутствии.

— Да так. Нужно встретиться с другом. Передашь Эми, что я ей очень горжусь и позвоню сегодня вечером? — попросила меня Мейко-сан.

— Конечно.

Я заметил, что отвлёкся от соревнований. Эстафета вот-вот начнётся, но я не увидел Эми.

— Я думал, что Эми будет бежать и эстафету, — задумчиво пробормотал я.

— Она побежит последней. Так что мы её нескоро увидим, — услышала меня Рин.

— А…

— Ну что, видел? — с улыбкой спросила меня Тэдзука.

— Что именно? — уточнил я.

— Настоящую Эми, — серьёзно пояснила она, глядя мне в глаза.

— Наверное, — подтвердил я.

— Хммм. Может, увидишь в этот раз, — предположила художница.

Забег начался, и я вместе с остальными начал болеть за команду Эми, члены которой передавали друг другу эстафетную палочку. Наконец появилась Эми, чтобы бежать последний круг. И опять я зачарованно наблюдал, как изящно она смотрится,

когда бежит. Это было по-настоящему красиво. Решимость и бесстрашие на её лице добавляли ещё больше красок в картину.

Вот она, настоящая Эми.

Но я заметил, что она немного споткнулась, пересекая финишную черту. Едва заметно, но всё же, определённо споткнулась.

Рин резко вздохнула, и по её лицу пробежало беспокойство.

— Ой, Эми…

— Думаешь, она поранилась? — встревожился я.

— Ты тоже заметил? Видимо, что-то серьёзное.

Она нахмурилась, будто обдумывая план дальнейших действий. В конце концов, ей это надоело, и она пожала плечами.

— Ладно, пойдём, спустимся вниз. Нужно же короновать победительницу. Поищи, может, завалялся, где лавровый венок.

— Я бы на это не рассчитывал, — скептически посмотрел я на неё. Лавровый венок если и есть на этом стадионе, то точно не валяется где-то на трибунах, а спокойно лежит себе под рукой у судей.

Рин снова пожала плечами.

— Ну, по крайней мере, мы попытались поискать, — улыбнулась Тэдзука.

Не очень-то усердно мы и пытались. Если и пытались вообще. Хотя какая разница.

Окружённая толпой своих товарищей, Эми принимала поздравления по поводу успешного завершения забега. А Рин, кажется, ждала, пока Эми заметит её присутствие. Ой, точно, она всё-таки помахать ей не могла. И опять же, не уверен, что Рин поступила бы так, даже имея руки. Похоже, не в её стиле привлекать к себе излишнее внимание. Да и выражать эмоции вообще, кроме пожатия плечами.

Так или иначе, ждать я был не намерен, поэтому помахал Эми, которая, заметив это, широко улыбнулась мне — то есть, нам.

— О, ты всё-таки пришёл! Полагаю, Рин мне теперь денежек должна! — обрадовалась Эми, завидев меня.

— Мы хотели принести тебе лавровый венок, но Хисао его не нашёл, — Рин сдала меня со всеми потрохами.

— Эй, ты-то тоже не нашла, — шутливо запротестовал я. Идея-то была не моя, а её.

— А я и не должна была, — ухмыльнулась художница с хитрым видом.

— Когда это мы успели распределить, кто что должен сделать?

— Когда я сказала: «Поищи, может, завалялся, где лавровый

венок». Внимательнее надо быть, — коварно усмехнулась Рин.

Я пожал плечами. От Рин, наверное, этим заразился.

— Похоже, что всё-таки виноват я, Эми.

Эми смеялась из-за наших с Рин препирательств.

— Да ничего страшного, потом как-нибудь сочтёмся.

— Как скажешь.

— Вот и славно! Ну так что, как я смотрелась? — Эми так и напрашивалась на похвалу.

Я с трудом остановил рвущиеся с языка «восхитительно» и «потрясающе» и удовольствовался более консервативным «Весьма впечатляюще». Кажется, Эми была довольна такой оценкой. Я не упоминал о том, насколько впечатляло, что она способна на такое, не имея ног. Но я думаю, она и сама об этом знает. К тому же почему-то кажется, что упоминание этого только преуменьшило бы её заслуги.

— Рада слышать! Я-то волновалась, что немного сдала на эстафете, но в итоге всё вышло неплохо, правда?

— Вообще-то я тут заметил… — Пинок Рин не даёт мне закончить мысль.

— Это что сейчас было? — непонимающе нахмурилась Эми.

— Он заметил. После финиша. — коротко пояснила Рин.

— Хмм. Нехорошо. Ничего страшного, покажусь потом фельдшеру.

Она говорила небрежным тоном, будто это пустяки, но внезапно я заметил лёгкую судорогу у неё на лице. Выглядело это так, будто она пыталась скрыть, что ей на самом деле было больно. А ещё я заметил, что она часто дышит. Похоже, она правда поранилась. Она, по всей видимости, заметила моё беспокойство и подошла ко мне, дружески хлопая по плечу.

— Эй, что такое? Выглядишь обеспокоенным. Я в порядке, честно! Просто перенапряглась со всеми этими забегами, вот и всё. Да и вообще, слабенькая боль меня вряд ли остановит, — успокаивала меня бегунья.

— Да ну? — я что-то не слишком поверил.

Эми улыбнулась, на мгновение снова принимая непобедимый и неистовый вид, как во время бега. Другими словами, становясь поразительно красивой.

— Не останавливала ещё, — гордо заявила она.

— Ладно. Тогда, думаю, мне не стоит переживать? — спросил я. Хотя слова «не останавливала ещё» и заставили меня несколько напрячься. Не в первый раз?

— Именно так, чёрт возьми! Я ведь Эми Ибарадзаки, самая быстрая безногая бегунья! Меня ничто не остановит! — горячо воскликнула девушка.

— Впечатляет.

Эми хихикнула, а потом что-то вспомнила.

— О, пока не забыла… Мы с Рин собираемся в следующее воскресенье устроить что-то вроде празднования по случаю победы в соревнованиях! Давай и ты с нами! Обычно мы празднуем на следующий день, но так как соревнования в это раз прошли в воскресенье, на мне висит куча домашней работы и всего такого. И наша утренняя пробежка, само собой.

— Ага, точно. О, кстати, твоя мама просила передать, что очень тобой гордится. И что она тебе позвонит позже вечером, — вспомнил я.

— Я так и думала, что это была она! Я видела её на трибунах, — просияла Эми. — Так здорово, что она смогла прийти! Обычно на соревнования приходил папа, но мама тоже довольно неплохо его заменяет.

Она слегка вздрогнула, и до меня дошло, что она вся взмокла. Да и ветерок дуть начал. Я ничуть не замёрз, да и пиджак нес в руках, поэтому, не говоря ни слова, накинул его на плечи Эми.

Эми удивилась, а потом улыбнулась мне.

— Ой, спасибо! Немного похолодало, кажется.

— Похоже на то.

Не успеваю я прикинуть, правильно ли люди поймут, что я предложил Эми свой пиджак, как к нам подошёл парень в форме кружка лёгкой атлетики.

— Эй, Эми! Награждение пропустишь!

— Ой, точно! Спасибо! — хлопнула себя победительница по лбу.

Она повернулась к нам с Рин.

— На награждение можете не оставаться: оно каждый раз длится целую вечность. Да к тому же, Хисао, тебе надо засесть за домашнюю работу на понедельник, если не хочешь сидеть допоздна. Завтра с утра — на пробежку! Не забудь!

— Забудешь тут.

— Вот и славно. Ещё бы, **со мной** ведь время проводишь, как-никак.

С этими словами Эми быстро помахала рукой и побежала получать свои медали, или что там сейчас вручают вместо них.

Мы с Рин пошли прочь со стадиона. Всю дорогу до женского общежития она думала о чём-то своём. Говорить она начала, когда я уже собираюсь прощаться.

— Ты, наверное, пиджак обратно не получишь.

— Уверен, в конце концов, получу, — усмехнулся я.

— Занятно. Будь что будет, да? В тебе заговорила Эми.

С этими непонятными словами Рин развернулась и зашла внутрь.

Блин, неужели это настолько важно? Эми было холодно и, если я не ошибаюсь, больно. Помочь ей в решении хотя бы одной из этих проблем казалось мне само собой разумеющимся. Хотя шанс расстаться с пиджаком навсегда всё же имелся, если Эми бы забыла его вернуть. В чём-то Рин всё же была права. И всё равно, моих предположений недостаточно, чтобы всерьёз начать беспокоиться.

В конце концов, погода стала теплее. Могу обойтись и без пиджака. Странно, я всегда считал, что ответственно отношусь к своим вещам.

«Во мне заговорила Эми», — так она выразилась?

Может, это не так уж и плохо.

* * *

— Ты же не забываешь принимать прописанные лекарства? Что-то не слышу внятного ответа. Тебе стоит на пару дней ослабить нагрузку на сердце, — заявил мне Судзуки-сан, строго глядя на меня после очередного утреннего осмотра.

От этих слов фельдшера мне стало даже хуже, чем от изнурительных утренних пробежек. Ослабить нагрузку на сердце? Запрет на пробежки? Знал же, что надо держать язык за зубами. Я опустил глаза в пол, чувствуя себя полным идиотом.

Конечно, я забывал принимать свои таблетки. Я со всех ног убегал из своей комнаты, чтобы успеть к стадиону раньше Эми. После недавних соревнований я чувствовал… вдохновение что ли. Поэтому я бегал разминочные круги до того, как появится Эми. Но сегодня утром во время нашей пробежки я почувствовал небольшую боль в груди. Боль была несильная и длилась всего секунду, но я рассказал об этом фельдшеру.

— Честно говоря, ничего страшного. В смысле, я продолжил бег и закончил его без происшествий, поэтому ничего страшного, — поспешил я заверить его.

Такое чувство, что я оправдываюсь перед фельдшером. Более того, почему я продолжил бегать после того, как почувствовал боль? Наверное, мне просто не хотелось беспокоить Эми, которая и без этого выглядела взволнованной. Я не думаю, что она поняла, что случилось, но про то, как я споткнулся, явно упомянула. Это она настояла на том, чтобы я посетил фельдшера, и я чувствовал себя виноватыми за то, что побеспокоил её.

Фельдшер печально покачал головой, когда Эми вышла из

комнаты.

— Хисао, я знаю, что сложно привыкнуть к новым обстоятельствам, но, если ты не хочешь оказаться в ещё большей беде — тебе стоит быть более осмотрительным. Ты не должен забывать про лекарства и не должен перенапрягаться.

— Но, если я не буду напрягаться, как я смогу улучшить своё состояние? — возразил я на автомате. Упс. Понятия не имею, зачем я это сказал.

А фельдшер, похоже, знал.

— И где я слышал это раньше? — ехидно протянул он, а затем расхохотался и похлопал меня по плечу. — Ха! Она сильно на тебя влияет.

Выражение его лица снова изменилось, и он опять стал серьёзным.

— Послушай, я не стану просить, чтобы ты не бегал со всем усердием. Но это вовсе не значит, что тебе можно не пить таблетки, и уж точно не значит, что тебе следует игнорировать боль в груди. Я бы предпочёл обойтись без летальных исходов, пока тут работаю. Цель, как видишь, благородная, но я готов её добиваться.

Не хотелось этого признавать, но он был прав. Про таблетки забывать нельзя. А то как-то однобоко я о своём здоровье забочусь. Или таблетки — или бег с Эми. Неудивительно, что я сделал выбор в пользу второго.

— Вы правы. Извините, что заставляю переживать, — поклонился я в знак извинения.

— А кто тут переживает? — делано удивился Судзуки-сан. — Ты же умный парень, правда? Я знаю, что ты можешь быть ответственным, Хисао. А в твоей ситуации ответственности учишься очень быстро.

— Знаю-знаю.

Выражение его лица внезапно стало ехидным.

— Я гляжу, бегать с Эми теперь тебе нравится?

— Ага, это и правда идёт мне на пользу. В смысле, до недавних пор я чувствовал себя гораздо хуже. К тому же очень приятно наблюдать за Эми во время бега. Вы видели её на соревнованиях? Она была невероятна! — внезапно признался.

Фельдшер кивнул, широко улыбаясь.

— Такая уж она есть, Хисао. Я посмотрел несколько первых забегов, потом ушёл по делам, но она мне и так всё рассказала. Между прочим, было очень мило с твоей стороны одолжить ей пиджак.

— Правда? Да ладно, ничего особенного. — Я почти об этом забыл. И до сих пор его не забрал, кстати.

Судзуки-сан улыбнулся так, будто только что пошутил.

— Для тебя, может и нет, но Эми уж точно тебе благодарна. И знаешь, за то, что составляешь ей компанию в утренних пробежках, она тебе благодарна не меньше.

Это меня немного смутило. Конечно, она упоминала, что гораздо проще заниматься с кем-нибудь вместе, но я никогда не думал, что делаю ей одолжение.

— Я думал, что это мне следует быть благодарным ей за помощь, — пробормотал я и отвёл глаза в сторону. Почему мне стало неловко?

— Когда ты рядом, она занимается усерднее. Если с ней бежит кто-нибудь ещё, она старается гораздо сильнее. И даже ещё больше, если рядом именно ты. Ну, просто потому, что ты — это ты, — проникновенно заявил мне Судзуки-сан.

— И что же это значит? — судя по его тону, это явно должно было что-то значить. Но что именно — я никак не мог взять в толк.

— О-хо-хо, не терпится узнать, правда? — Он смеётся сатанинским смехом. — На самом деле, потому что ты её друг. Если бы Рин с ней бегала, эффект был бы такой же. Ну, скорее всего. Но важно не это. Важно то, что ты ей очень помогаешь, даже если сам не в курсе. И она за это благодарна, даже если не говорит об этом.

— В каком смысле «не говорит об этом»?

— Эми многого не говорит, но я знаю её очень долгое время. Достаточно, чтобы понимать её и без слов.

Признаю, я и понятия не имею, о чём он сейчас. По мне, Эми вполне разговорчива.

— Понятно.

Фельдшер внезапно понял, что заболтался, и смущенно умолк.

— Короче говоря, тебе не следует отказываться от утренних упражнений. Просто вместо бега пару дней спокойно походи по дорожке. Дай себе немного отдохнуть. И принимай эти чёртовы лекарства!

Я смеялся, выходя из кабинета, когда внезапно врезался в поджидавшую меня Эми.

— Упс, прости. — выдохнул я.

— Ты в порядке? Что фельдшер сказал? Тебе надо лечь в больницу? Боже мой, это моя вина? Я тебя слишком сильно нагружаю, да? Я ужасный человек! — запричитала Эми едва ли не со слезами на глазах.

Она тараторила как пулемёт: видно, и правда была встревожена. Я даже не ожидал, что она будет так беспокоиться

обо мне, если честно. Надо бы её успокоить… но как это, чёрт возьми, сделать? Я сделал первое, что пришло мне в голову — обнял её. Она немного напряглась, поэтому я начал гладить её по голове самым успокаивающим, на мой взгляд, манером.

— Эй, остынь! Я в полном порядке, слышишь? Никаких проблем, — сказал я тихонько.

Я почувствовал, как Эми немного расслабилась, когда я сказал, что со мной всё в порядке. Она обняла меня обеими руками, будто проверяя, не падаю ли я замертво. Я вдохнул аромат её волос. Запах пота или адреналина. Запах активности. И ещё клубника. От её шампуня, я полагаю.

— Мне просто нужно не забывать принимать лекарства, вот и всё. Не беспокойся об этом. Это не твоя вина, — заверил я Эми.

— Ты уверен? — Её голос звучал глухо, в основном потому, что её лицо было прижато к моей груди.

— Да, я уверен. Нужно просто немного снизить нагрузку на следующие несколько дней.

До меня внезапно дошло, насколько мы сейчас были близко друг к другу. А ещё я осознал, что эта близость мне очень даже нравится. Я чувствовал, как успокаивается сердце Эми, и пытался побороть искушение прижаться подбородком к её волосам.

— Слава богу! Ты, конечно, заставил меня поволноваться, Хисао, — слабо улыбнулась девушка.

— Эми, ты как, сейчас зайдёшь ко мне или через годик-другой?… ой, прошу прощения. Не помешал? — внезапно раздался сзади весёлый голос Судзуки-сана.

Мы бросились в разные стороны как ошпаренные. Ну и кого мы этим пытались обмануть, кроме правил приличия? Фельдшер смотрел на нас с нескрываемым удовольствием.

Эми нервно откинула со лба волосы и рассмеялась.

— Ни разу! Ну, тогда… увидимся позже, ладно? О, кстати, Хисао…

— А? — переспросил я, слегка сбитый с толку неожиданным обращением.

— Принимай свои чёртовы лекарства! — Значимость этой фразы она подчеркнула лёгким тычком в плечо.

— Да-да, обязательно. До встречи! — согласился я.

Фельдшер вновь улыбнулся, словно про себя смеясь над какой-то шуткой, и помахал мне рукой на прощание. По пути к себе в комнату я чувствовал, как сильно горит у меня лицо.

Мне надо в душ. Желательно холодный, чтобы остудить разогнавшееся не на шутку воображение.

У неё такая нежная кожа.

По возвращению в комнату меня ждали таблетки. Я

проглотил их, не раздумывая. Не знаю, почему я не догадался, что их можно принимать после пробежек. Я почему-то решил, что их надо принимать либо сразу по пробуждении, либо не принимать вовсе. И ведь здесь ясно сказано, что принимать их следует один раз в сутки. И ни слова про точное время. Вот я лопух.

Мои мысли опять унеслись к тем объятиям в коридоре. Странно, я всегда считал, что после пробежки от человека ничем приятным пахнуть не может, но… только не от Эми. Ей определённо шёл этот лёгкий запах пота.

Мне и правда нужно было остыть.

Глава десятая Письмо и пикник

Как ни странно, в последнее время для меня стало обычным делом подниматься на крышу.

В своей прежней школе я бы ни за что не стал этого делать.

Тогда мне нравилось есть в одиночестве… вернее, нет, не совсем так. Мне нравилось быть одному, но за людьми я наблюдать любил. Я считал, что такой уж я человек, но, видимо, это было неверно. А ещё я считал, что я из тех людей, у кого с сердцем всё в порядке. До недавних пор. Так что я о себе многого не знаю.

Вот сейчас я на крыше собирался пообедать с парой знакомых. И, что удивительно, это были девушки. Немного странно, но с Эми и Рин я сдружился даже больше, чем с одноклассниками из прежней школы. По крайней мере, мне казалось, что уж они-то меня навестили бы, если я бы вдруг попал в больницу.

Чтобы прогнать эти мысли, я сосредоточился на созерцании открывающегося с крыши вида. Дул лёгкий ветерок, и высоко в небе приятно светило солнышко. Само же небо было цвета лазури, без единого облачка. Погода тёплая, и в ожидании своих друзей, я устроился поудобнее, закрыл глаза и наслаждался лучами солнца.

Краем уха я услышал знакомые голоса.

— … кажется, заснул, Рин, — это, конечно, Эми.

— Может быть, он просто притворяется, чтобы у нас возникло ложное чувство безопасности, — возразила ей Рин. Как обычно, я не смог точно определить — шутила ли она или была смертельно серьёзна. В любом случае, за кого она меня держит, а?

— Э? Зачем ему это? — поражённо воскликнула бегунья.

— Без понятия, — призналась художница.

Вот так всегда с ней. Даже самые странные и причудливые логические цепочки Рин заканчивала крайне редко, что всегда оставляло у меня чувство недосказанности.

— И всё же ты права. Надо бы проверить, спит он или притворяется. Пнуть там или ещё что, — задумчиво предложила Эми.

— А? Что? — во избежание физического воздействия, я решил подать голос. А то ещё реально пнёт, а протезом всяко больнее чем ногой.

Эми наклонилась надо мной, пристально всматриваясь мне в глаза.

— А, так ты всё-таки не спишь. Значит, без пинка

обойдёмся, — усмехнулась она.

— Ты заманивал нас в ловушку? — прямо спросила Рин в своей обычной бесцеремонной манере.

— Вы вообще о чём? — прикинулся я непонимающим.

Эми пожала плечами, от чего её хвостики начали раскачиваться из стороны в сторону.

— Да я и сама не знаю. Ты, наверное, сильно устал, раз прямо здесь заснул. Хотя… здесь, кажется, довольно удобно.

Она плюхнулась рядом со мной и приступила к еде. Рин села напротив нас, таким образом, заставляя меня полнее ощутить близость сидевшей рядом девушки. Если бы я её совсем не знал, то подумал бы, что она сделала это специально.

Стараясь пропускать большую часть беседы Эми и Рин мимо ушей, я сконцентрировался на еде. Однако все мои усилия уходили впустую, и я всё равно нет-нет, да и поглядывал на Эми, пока она была занята разговором. Я заметил, как она слегка прищуривается и надувает губы, обдумывая что-нибудь, словно ей это помогало. Когда Рин произносила что-то, вызывающее у Эми смех, я впервые увидел, что смеялась она будто всем телом, слегка раскачиваясь вперёд-назад и откинув голову, словно едва не падая.

Со стороны, наверное, я как конченый псих выглядел.

И тут я понял, что Эми тоже смотрит на меня. Она слегка повысила голос, следовательно, только что задала мне вопрос.

— Что? Прости, я задумался слегка, — слегка виновато откликнулся я.

Эми закатила глаза, а знаком того, что Рин вообще нас слушает, была слегка приподнятая бровь.

— Я спрашивала: вы тоже писал опрос по поводу планов на будущее? Ну, из разряда «кем хочешь стать после окончания школы?», что-то вроде того, — повторила Эми.

— Хммм… вроде бы нет. Может, завтра будем, — почесал я затылок.

— Что планируешь написать? — живо поинтересовалась маленькая девушка.

А вот это был хороший вопрос.

Вообще-то я всегда думал, что после школы поступлю в университет, но что потом — понятия не имею. Да и после сердечного приступа было как-то не до далекоидущих планов, я просто старался жить сегодняшним днём. Думаю, пора снова начинать планировать своё будущее. Я всегда предпочитал иметь хотя бы смутные планы на будущее, поэтому было бы неплохо вновь составить парочку.

Но, конечно, это не могло изменить того факта, что на

данный момент я…

— … Понятия не имею. Я всегда считал, что решу, кем стать уже в университете. Или так или просто стану клерком. Сейчас это популярная профессия.

Но хочу ли я этого? Сложный вопрос. Если честно, не могу придумать занятие себе по душе.

— Похоже, перспектива тебя не слишком-то радует, да?

Сказав это, Эми залилась смехом, и я снова обратил внимание на то, как он звучит. Он был такой… девчачий. Высокий и радостный как… банально, конечно, но он был очень похож на журчащий ручеёк. Он словно лился из неё, рождаясь глубоко внутри. Её смех оказался заразителен, и я тоже начал смеяться.

— И правда, перспектива стать обычным клерком меня не вдохновляет. Но если честно, я не особо ещё задумывался о будущем. Кажется, всё время, проведённое тут, я жил лишь настоящим, — признался я. Даже как-то сразу легче на душе стало.

Эми на секунду задумалась и улыбнулась.

— Хорошая мысль, Хисао! А я просто написала «Пират».

Секунду проведя в замешательстве, я начал хохотать. Едва переведя дух, немедленно задал вопрос:

— Ты же… ты же не всерьёз это сказала, правда?

Эми скорчила обиженное лицо.

— Ну, ноги у меня уже соответствуют, поэтому я подумала…

Кажется, даже Рин посчитала это забавным, судя по её полуулыбке.

— Дайте мне немного времени, и я стану грозой морей! Я вам всем покажу! Я даже работаю над пиратским голосом! — Эми вдруг вскочила и начала кружить по крыше, выкрикивая приказы. — Яррр, а ну-ка, крысы сухопутные, залп из всех орудий! Их кишки пойдут нам на подтяжки!

— Ты хоть знаешь, что это означает? — Неожиданный вопрос Рин остановил победоносное шествие Эми по крыше.

— Не совсем. Но это дело времени! — с апломбом заявила бегунья.

Звонок прервал её представление. Эми мгновенно унеслась прочь, оставляя нас с Рин наедине. Тэдзука зачем-то изучающее меня оглядела.

— Что? Что-то не так? — забеспокоился я, и в спешке начла проверять всё ли у меня в порядке. Вроде бы едой не заляпался, форма не измятая, ширинка застёгнута…

Рин серьёзно задумалась над моим вопросом. После продолжительной паузы, она покачала головой.

— Не-а.

— О, ээ…а почему тогда ты на меня так смотришь? — с лёгким возмущением в голосе спросил я.

Рин снова покачала головой.

— Нет, всё же не понимаю.

— Чего не понимаешь? — я уже не понимал, что имеет в виду сама художница.

— Смысл этих переглядываний. Вы оба, видимо, понимаете, а я нет, — сочла нужным объяснить свои слова Рин.

Великолепно. Она заметила, как я поглядывал на Эми. И теперь она, скорее всего, поняла это неверно. Хотя, может, и нет. Это же Рин, в конце концов. В любом случае, я начал оправдываться.

— Я ни на кого не пялился, я просто устал.

Рин фыркнула, но не произнесла ни слова. Похоже, я только что добился совершенно противоположного результата — подтвердил своими неловкими оправданиями её подозрения.

— Нет, правда! Я просто… отвлёкся, вот и всё.

— Ммм, — буквально промурчала Тэдзука, искоса на меня поглядывая.

Желая побыстрее окончить этот разговор, я поспешно покинул крышу и вернулся в класс.

Миша и Сидзунэ поздоровались со мной с таким видом, будто бы у них было ко мне серьёзное дело. Ну, по крайней мере, так выглядела Сидзунэ. У Миши же был такой вид, словно она сейчас начнёт дико хохотать.

— Опять лазил на крышу, Хиттян? Ты же знаешь, что это опасно, правда? — Переводчица взглянула на старосту. — Правильно! Школа не несёт ответственности за того, кто оттуда упадёт, знаешь ли! Более того, мы можем доложить куда следует о том, что ты нарушаешь правила!

Миша наклонилась ко мне и заговорщицки прошептала:

— Но мы не будем, Хиттян! Вы трое слишком мило смотритесь вместе!

Она снова вскочила, смеясь над появившимся у меня румянцем.

— Ва-ха-ха! Тебя так легко дразнить, Хиттян!

— Эй, ну перестань. Я тут всё ещё в какой-то мере новичок. Разве не плохо вот так задирать новичков? — взмолился я, переводя тему. Зная непосредственность Миши и упёртость Сидзунэ, боюсь себе представить, на что они способны в плане скоропалительных решений и распространения информации.

— Не-а! — хихикнула Миша. — Это для того, чтобы ты быстрее привыкал к новой обстановке!

— А, понятно. Хорошо, смотри, не переусердствуй с этим, ладно? — попросил я.

— Ага! А! Хиттян, мы искали тебя утром, но в комнате тебя не было!

— Конечно не было: я либо бегаю по утрам, либо сижу в классе, как ранняя пташка. В отличие от тебя. — Упс, последнюю фразу я определённо сказал зря…

Сидзунэ, кажется, вышла из себя, а спустя долю секунды её примеру последовала и Миша. Ну, по крайней мере, попыталась следовать.

— Это потому что в Школьном совете куча работы! Ты должен быть нам благодарен за то, что мы усердно трудимся ради твоего блага! — возмущённо озвучила подругу розовласая девушка.

— О, конечно, конечно, — поднял я руки в примирительном жесте. — Так что вы от меня хотите?

Я надеялся, что это была не очередная попытка заставить меня выполнять за них грязную работу.

— Мы должны были тебе кое-что передать, но раз тебя не было, мы оставили это в твоей комнате!

— Кое-что? И что же?

— О, узнаешь, когда вернёшься в комнату, Хиттян! Ва-ха-ха! — рассмеялась Миша в стиле анимешного злодея.

Муто вошёл в класс, прерывая нашу беседу, и мы расселись по своим местам.

Только после того, как мы уселись за парты, и учитель начал лекцию, я вспомнил кое-что странное.

Что Рин имела в виду, говоря «вы оба понимаете»? Эми тоже куда-то смотрела? В голове мелькнула шальная мысль, что Эми могла поглядывать на меня так же, как и я на неё. Но это, конечно, глупая мысль. Хотя не стал бы отрицать, что я вовсе не против этого… Но лучше об этом не думать. Не хочу себя слишком обнадёживать. Кстати, с чего вдруг я начал об этом думать? Я потряс головой, в надежде отбросить глупости и сосредоточиться на уроке.

После занятий я направился в свою комнату. Муто сегодня задал просто гору домашней работы.

Не успел я открыть дверь, как меня перехватил Кэндзи, которого будто вынесло из его комнаты порывом ветра.

— Эй, надо поговорить. Эти твои замуты на крыше, чувак. Их надо прекратить.

— Чего? — недоумённо отозвался я. Кэндзи-то откуда об этом знать? Что-то он не производил впечатления общительного человека, а самостоятельно увидеть и опознать меня на крыше…

Мало того, что я никогда его там не видел, так ещё и зрение у «Поттера» едва ли не нулевое. Тогда откуда дровишки?

— Ты шляешься по крыше с этим безногим чудом! Она же женщина, чувак! Однажды тебя прибьют на такой прогулке! — возмущённо выговаривал мне сосед. Теперь ещё и на Эми наезд?

— Что-то я не понимаю, — скрестил я руки на груди. Чего этому фрику опять от меня надо?

Вздохнув, Кэндзи поправил очки и начал терпеливо пояснять.

— Слушай, мы же друзья, поэтому я тебя предупреждаю. Для твоего же блага. Если бы я собирался кого-нибудь пришить, то столкнул бы его с крыши и списал всё на несчастный случай. А если я до этого додумался, то и они тоже, сто пудов. Они очень изобретательны — почти как я.

— Ясненько, — опять у него приступ паранойи и антифеминизма. Честное слово, мне это начинает надоедать.

— Отлично! Я очень рад, что мы с этим разобрались. Подкинь-ка мне пятьсот йен.

— … Прошу прощения? — мне внезапно захотелось дать ему в глаз, а не денег.

— Мне пить охота, чувак! — заявил Кэндзи. — Я целый день торчу у себя, а из кулера пить воду небезопасно, сам знаешь. Поэтому мне необходимо запастись бутилированной, понимаешь? И для этого мне нужны пятьсот йен. И вообще, я своим бесценным советом тебе только что жизнь спас, мог бы и дать пятьсот йен в качестве благодарности!

А знаете, что? Если пятьсот йен заставят его исчезнуть, то я с радостью. По крайней мере, финансовая помощь лидеру партизан спасла вышеуказанного лидера от того, чтобы я его треснул по шее. Блин, это спасло и меня — учитывая возможную неадекватность парня, он точно стал бы сопротивляться, а получить в драке удар в грудь — раз плюнуть.

Я достал деньги и передал их Кэндзи. Тот благодарно кивнул и унёсся дальше по коридору, не забыв предварительно запереть дверь. Как с ним тяжело… Лучше пошевеливаться, а то вдруг передумает и вернётся. Но это был последний раз, когда я одалживаю ему денег безвозмездно — в следующий раз пусть сначала вернёт то, что уже занял. Или делится провизией.

Хм?

Закрывая дверь, я случайно наступил на какую-то вещь, лежавшую на полу. Похоже на бумажный прямоугольник яркой окраски. А, так это, наверное, то, о чём говорила Миша — скорее всего, какая-нибудь листовка этого их Школьного совета. Тогда почему они не вручили мне её в классе? Однако, подняв вещицу с пола, я понял, что глубоко заблуждался. Кто-то прислал мне

старомодное, написанное от руки письмо.

Кому придёт в голову в наш век писать письма? Хотя, если честно, перспектива слушать бестелесный голос в трубке мне нравилась меньше, чем настоящее письмо, которое я держал в руках.

Я хотел закончить домашнюю работу, поужинать и лечь в постель, чтобы быть готовым к завтрашней пробежке, но письмо пробудило во мне интерес. Я сел за стол и хорошенько его осмотрел. Это было первое письмо, которое я получил в «Ямаку», поэтому мне показалось, что оно важное. Особенно учитывая то, что оно было написано от руки. Имя отправителя заставило меня волноваться ещё больше.

«Иванако».

Понятия не имею, с чего бы ей мне писать. После перевода в «Ямаку» я ни с кем из прежней школы связь не поддерживал, а уж Иванако — вообще последний человек, от которого я ждал письма.

Последняя наша встреча с Иванако была довольно неловкой. Она пришла навестить меня в больницу, из вежливости почистила мне яблоко, а затем мы просидели полчаса, не проронив ни слова. Наконец она прошептала: «Прощай», — и, не глядя на меня, прикрыла за собой дверь. Наверное, это стало закономерным концом череды её визитов, причинявших нам ещё больше страданий. Каждый раз, когда она появлялась в больнице, я хотел поговорить с ней, но всякий раз меня что-то останавливало. И с каждым днём моё молчание только ухудшало положение. Она выглядела настолько виноватой, что я не желал расстраивать её. И не мог найти нужных слов, чтобы высказаться.

Думаю, в моём сердечном приступе Иванако винит себя. Это глупо, конечно, но знать и верить — это две разные вещи. Я говорил ей, что это не её вина, она кивала, и, я думаю, понимала, что не в тот раз, так в какой-нибудь другой моё сердце не выдержало бы. И всё равно она выглядела безнадёжно грустной всякий раз, как переступала порог моей палаты. Поэтому я не смог сказать ей всё то, что хотел. В конце концов, это могло бы ранить её много больше.

Я осторожно открыл конверт и вытащил из него сложенный вдвое листок.

Привет, Хисао.

Как поживаешь? Надеюсь, у тебя всё хорошо, и ты счастлив в новой школе. Все по тебе очень скучают. Почти все ученики из нашего класса были распределены на последний год в класс 3–1, никому не нужно вливаться в

коллектив, и все чувствуют себя комфортно прямо с начала занятий. Я уверена, что ты тоже попал бы в наш класс.

Все выпускники беспокоятся об экзаменах, хотя до них ещё довольно далеко. Учителя постоянно нас ими травят, даже старый господин Тачибана, который, кстати, в этом году стал нашим классным руководителем. Представляешь? Я была уверена, что он выйдет в этом году на пенсию, но он до сих пор тут и постоянно ворчит по поводу подготовки к экзаменам.

Думаю, именно поэтому большинство выпускников настолько взвинчены. Признаться, я тоже порой теряю уверенность в себе, хотя всегда достаточно хорошо справлялась с экзаменами.

Довольно непривычно чувствовать себя учеником выпускного класса, правда? Как быстро пролетело время… Куда только оно ушло? Первогодки кажутся такими молодыми. И какими-то чересчур наивными, вдобавок. Интересно, я тоже была такой? Вот так я и мучилась ностальгией весь первый триместр.

Я хочу сказать тебе ещё кое-что. Я пишу это письмо, потому что есть вещи, о которых мне следовало сказать после того случая зимой. Я очень сожалею, что не сказала тебе этого лично, и у меня нет тому никаких оправданий.

Так, чувствую, мне уже достаточно.

Я смял лист бумаги и бросил его в другой конец комнаты. У меня, видимо, был сбит прицел, и бумажный комок вместо того, чтобы попасть в корзину, закатился под тумбочку. Это было извинение за разрыв наших отношений. Хотя, думаю, оно мне больше не нужно.

Кажется, уже куча времени прошла с момента моей выписки, и теперь у меня на уме другие вещи. Эми, например.

Не очень приятно было, когда меня отвергли в больнице, но больше меня это не волновало. На самом деле про больницу я даже не вспоминал, пока не пришло это письмо. Оно даже немного раздражало.

Мне нужно ещё к экзаменам готовиться. У меня нет времени на прошлое.

Так, а теперь домашнее задание…

* * *

— Итак, что у нас сегодня намечается?

Я терпеливо ждал в коридоре женского общежития, прямо у входа в комнаты Эми и Рин. Эми, по всей видимости, помогала Рин одеться. Думаю, что так и есть, иначе как ещё Рин могла бы одеваться? Нет, попытку безрукой девушки нацепить какой-нибудь бесформенный балахон или что-то типа домашней кофты я вообразить себе ещё смог, но вот по моему личному убеждению пардон, нижнее бельё требовал постороннего вмешательства.

— Пикник! — весело отозвалась из-за двери моя напарница по бегу.

— Пикник? — переспросил я.

— Именно! Пикник!

— Звучит здорово.

— Ну ещё бы. — самодовольно усмехнулась Эми.

Рин использовала небольшую паузу в разговоре, чтобы вставить своё замечание.

— Кажется, дождь собирается.

Я тоже обратил на это внимание, пока шёл сюда. Несмотря на то, что рано утром светило солнышко, после обеда, похоже, погода испортится. Да и сам воздух будто тяжелел, а это верный признак надвигающейся грозы. Возможно, стоило зонтик взять…

— А ведь она права. Эми, ты всё равно хочешь пойти, несмотря на то, что мы можем попасть под дождь? — Даже не знаю, зачем я это спросил… Всё равно нашу чемпионку это не остановило бы.

Эми выскочила из комнаты Рин, изумлённая тем, что я осмелился допустить мысль об отмене наших планов.

— А как же! Что, какой-то мелкий дождик меня остановит?

Услышав такой воинственный ответ, я не смог сдержаться и широко улыбнулся. Она говорила так, как будто бросала дождю вызов. Если бы сама Мать-Природа сегодня прогуливалась бы по улице, готов спорить, что Эми затеяла бы с ней ссору. Или, по крайней мере, устроила бы бег наперегонки. Эми сегодня вообще выглядела как-то… агрессивно-жизнерадостно.

В коридор вышла Рин, явно задумавшись о чём-то своём. Как и всегда, в принципе.

— Ну что? Все готовы? — на всякий случай переспросил я.

— Я готова! — весело подтвердила Эми.

Рин кивнула и добавила всего одно слово.

— Корзину.

— Чего-чего?

— Корзину. Возьми корзину. У Эми в комнате, — терпеливо повторила Рин.

Эми в замешательстве хлопнула себя по лбу.

— О Господи! Чуть не забыла! Молодчина, Рин!

Она бросилась в свою комнату и моментально появилась оттуда с доверху набитой корзиной для пикника. Когда она передала её мне, я понял, что и на вес она довольно тяжёлая. Боже правый, да сколько же еды она собрала?… И вот ещё что: откуда она взяла денег на всё это?

И самое обидное — эта маленькая хрупкая девушка, так похожая на младшеклассницу… почти… судя по весу корзины в заметно лучшей форме чем я!

— Ну что, теперь-то готовы?

— Ага! — подтвердила спортсменка.

Рин снова кивнула, и мы покинули общежитие. Но вид серого, затянувшегося тучами неба не придал мне уверенности, что пикник удастся на славу. А ведь всего десять минут прошло с тех пор, как я зашёл к девушкам. Однако Эми, похоже, такая мелочь, как цвет неба не беспокоила. Она весело припрыгивала на ходу.

Ах да, я совсем забыл один немаловажный пункт…

— А куда мы идём? — попытался я уточнить конечную точку нашего маршрута.

Эми замерла как вкопанная и бросила на меня смущённый взгляд.

— Знаешь, я об этом ещё не думала. Есть идеи, Хисао?

Место, где мы перекусывали на фестивале, вполне бы подошло, но, на мой взгляд, лучше было бы выйти в город. Хотя я и не уверен, есть ли там подходящий уголок. Я собирался открыть рот, но тут Рин неожиданно выдала предложение.

— В городе есть парк рядом с художественным магазином.

— Отличная идея, Рин! А я и забыла про это место! — Просияла Эми.

Проблема была решена. Вот и замечательно. Художественный магазин поблизости, да?

— Ты знаешь, как туда добраться, Рин? — спросил я.

Рин пожала плечами.

— Очень может быть.

Или решена не полностью. О чём я думал, спрашивая Рин с её-то особыми отношениями с реальностью? Но будем надеться, что на это раз всё обойдётся благополучно.

— Ну и хорошо! — сказала Эми. Чересчур оптимистично на мой взгляд.

Я предпочёл бы знать наверняка… а, какая, к чёрту, разница.

— Веди, Рин.

Мы довольно быстро покинули территорию школы, и вышли на дорогу, которая вела в город. Корзина была довольно тяжёлой.

Надеюсь, что этот парк не очень далеко. И надо себе взять на заметку — если в деле замешана Рин, то стопроцентно придётся что-то нести.

Когда мы проходили мимо витрины художественного магазина, Рин слегка замедлила ход. Эми заметила это и остановилась подле неё.

— Хочешь зайти, Рин? — спросила она подругу.

Рин пожала плечами.

— Мне ничего не надо.

— Уверена? — переспросила бегунья.

По лицу Рин пробежала мимолётная улыбка, но быстро сменилась привычным для неё выражением задумчивости.

— Жизнь полна неопределённостей, но в этом я определённо уверена. Приятно, что ты предложила.

— Не за что, корзину-то не я несу. Но не думаю, что Хисао был бы против, не так ли? — озорно улыбнулась мне Эми.

— О, конечно же, нет. Тут и нести-то нечего, — поспешно заверил я девушек, хотя буквально несколько секунд назад имел другое мнение. В подтверждение своих слов я пару раз поднял и опустил корзину, словно гантель. Эми хихикнула и указала на парк, к которому мы уже успели подойти.

— О, я помню это место! Не здесь ли я тогда тебя встретила, Рин?

Рин слегка приподняла бровь.

— Может быть. Не возьмусь точно утверждать, так ли это на самом деле. Память — сложная штука, знаешь ли.

Наконец-то. Мы всё-таки добрались. Солнца всё ещё не видать, но ни Эми, ни Рин, кажется, этим не были встревожены. Мы выбрали на травке место, где расположиться, и я с облегчением опустил корзину не землю. В ней оказалось на удивление много еды. Может быть, Эми планировала позвать кого-нибудь из команды вместе с нами?

— Помираю с голоду! Налетай!

Эми бросилась на еду так, словно не ела несколько лет. Вопрос о возможных других участниках пикника отпал сам собой. Но стоило мне потянуться за первым куском, как на тыльную сторону ладони упала первая капля дождя.

— Ой-ёй. Кажется, погода не собирается советоваться с нами по поводу наших планов, — озабоченно протянул я, глядя на небо.

Эми окинула тучу гневным взглядом, будто одно это способно было остановить дождь. Хотя, я думаю, у неё это могло бы получиться. Ух, что был за взгляд!

— Так пусть соберётся! Слышишь меня, небо? Немедленно

останови этот дождь!

Но, несмотря на командирский тон её голоса, не похоже было, чтобы погода её слушалась. Наоборот, дождь принялся лить ещё сильнее. Рин сморщила нос в знак неодобрения такого развития событий.

— Жалко.

— Ты что имеешь в виду? — спросила её подруга.

Тэдзука пожала плечами.

— Я могла бы нарисовать всё это, если бы не сидела сейчас здесь. Жалко пропускать такое, вот и всё. — В её голосе не было раздражения или злости по поводу внезапного дождя, только лёгкое разочарование от упущенной возможности.

В ответ Эми рассмеялась.

— Эх, всё-таки надо было зайти в художественный магазин, да?

Дождь усилился ещё немного, будто возмущённый тем, что мы не побежали сразу же от него прятаться. Дождь был довольно холодный, несмотря на тёплую, в общем-то, погоду, которой мы недавно наслаждались. Эх, зонтик бы сейчас. А ведь я ещё подумал о том, чтобы прихватить его с собой…

— Эй, нам надо спрятаться где-нибудь, если не хотим промокнуть, — подал я голос. Художница могла бы так сидеть под дождём сколько угодно, а Эми была слишком упрямой, чтобы отступать.

— Мы уже промокли, Хисао, — резонно заметила спортсменка.

— Да, но мы можем обсохнуть и переждать непогоду. Ты же не хочешь слечь с простудой, правда?

Эми на секунду задумалась. Уверен, какая-то её часть хотела остаться под дождём только потому, что не желала сдаваться природе. К сожалению, саму природу наше времяпрепровождение совершенно не волновало.

— Думаю, ты прав. Куда пойдём? — наконец сдалась девушка.

А вот этого я не знал. Я нечасто тут бывал. Хотя школьную территорию я изучил, город для меня пока оставался загадкой. Всё, что я успел тут увидеть — это художественный магазин. И то, только потому, что мы мимо него недавно прошли.

К счастью, Эми победно щёлкнула пальцами.

— То, что надо! Тут рядом есть чайная. Мы можем попить чайку и высохнуть, и никаких проблем!

Звучало вполне приемлемо и обнадёживающе.

— Отлично! Ты знаешь, где это?

Напарница кивнула с уверенным видом.

— Естественно! Кажется. В любом случае, это же приключение, да?

— Приключение, значит? Что ж, оно бы нам не повредило.

Мне кажется, сейчас сгодилось бы всё, что угодно, нам лишь бы из-под ливня выбраться. По крайней мере, корзинка для пикника стала чуть-чуть полегче.

— Веди! — распорядился я, вновь нагружаясь провиантом.

Мы с Рин следовали за Эми, которая петляла по улицам с довольно уверенным видом.

— Так, тут налево… — бормотала девушка себе под нос. — Вон! Вот он, «Шанхай»!

Она победно просияла, показывая на чайную. Внутри было много народу, как обычно и бывает во время дождя, надо полагать. Последуем-ка и мы их примеру.

— Добро пожаловать! Могу ли… — когда мы вошли, раздался подозрительно знакомый мне голос. Э?

Я удивился, узнавая в официантке Юко. Ей очень шла форма. Даже не верилось, что это наш школьный библиотекарь. Она работает сразу на двух работах? Скорее всего, так и есть.

— О, это вы, — с облегчением улыбнулась она. Юко, кажется, была знакома с Эми. Эми широко улыбнулась в свою очередь, довольная, что её узнали.

— Эй, Юко!

— Привет, Юко. Не знал, что ты и тут работаешь, — поклонился я, раздумывая, куда деть корзину.

— Мы знакомы? Выглядишь, вроде знакомо, но мне кажется, я тебя здесь ни разу не видела, — лицо официантки начало принимать известное мне жалобное выражение.

— Эм, мы встречались на другой твоей работе, в библиотеке «Ямаку». Вспоминаешь? — поспешил я к ней на помощь.

В её глазах отразилось узнавание.

— Ах, да точно! Рада снова тебя видеть… Ой, вот беда! Мне следует помнить посетителей в лицо! Мне так жаль… Мне ужасно жаль!

Через несколько секунд Юко начала паниковать и совершила целую цепь быстрых поклонов. Во время этого, мы чуть не столкнулись с ней лбами.

— Погоди, эй, успокойся! Послушай, я же не был твоим клиентом, когда мы встретились в первый раз. Я в «Шанхае» впервые, так что, всё в порядке, — постарался я успокоить официантку. Или всё-таки библиотекаря? Нет, именно официантку — библиотекарь она в школе.

Это была не самая логичная мысль, но она, по крайней мере, немного расслабилась.

— Ты действительно так думаешь?

— Эм, да, я уверен в этом. Разве я не прав, девочки? — повернулся к своим спутницам за подтверждением.

Эми наблюдала за происходящей на её глазах маленькой драмой с нескрываем удовольствием.

— Ага, конечно прав, — подтвердила она. Тэдзука вообще никак на наш диалог не отреагировала.

— Тогда ладно…

— Итак, Юко, найдёшь, куда нас посадить? — нетерпеливо потёрла руки бегунья.

Юко кивнула и проводила нас к угловому столику, выдала небольшие салфетки и начала принимать наш заказ.

— Что будете заказывать?

— Пирожное! И чашечку чая, конечно, — немедленно сделала заказ Эми.

— А какое именно пирожное?

— Удиви меня! — подмигнула ей бегунья.

Юко явно не горела желанием кого-нибудь удивлять, но кивнула и повернулась к Рин.

— А тебе?

— А мне соломинку. У меня ноги сильно промокли, — сказала Рин.

— Прошу прощения? — переспросила официантка.

— Соломинку для питья. Одну, пожалуйста, — терпеливо повторила Тэдзука.

Юко, очевидно не поняла, чего от неё хотели. Она мялась на месте с таким видом, будто вот-вот заплачет, прежде чем повернуться ко мне.

— А вам, сэр?

— Думаю, просто чай, — решил я после небольшого раздумья. Эми, наверное, накричала бы на меня, если бы я заказал пирожное. Безжалостная критика моего меню на фестивале ещё не успела выветриться из памяти.

— Эй, Хисао, ты что? Я же одна заказал еду, не хочу выглядеть как свинья! — внезапно возмутилась Эми. Интересно, чего это она?

— Я просто пытаюсь правильно питаться. Ты, между прочим, приказала, — напомнил я ей.

— Ну… сегодня перерыв! — немного смутилась девушка. — Можешь питаться правильно завтра!

— Ну ладно, думаю, пирожное не помешает.

Юко, видимо, была не слишком довольна тем, что я поменял заказ.

— Какое? — вздохнула она.

Я бросил взгляд на Эми и усмехнулся.

— Удиви меня.

Вспомнил, на что это похоже! На западный мультфильм «Рататуй». Ну что ж, побудем в роли кулинарных критиков.

Юко снова вздохнула и поклонилась.

— Хорошо. Скоро всё принесу.

Несмотря на большое количество посетителей, заказ доставили довольно быстро.

— Спасибо, Юко! — поблагодарила её маленькая девушка, принимая чай и пирожное.

Юко вежливо кивнула.

— Это уже другой парень, да?

Что? Другой парень? Эми заметила моё замешательство и, кажется, немного смутилась.

— Ч-что? О, да, конечно, другой. Это мой друг, Хисао.

— Мы уже знакомы, — на всякий случай снова напомнил я официантке.

— Мир тесен. Ладно, дайте мне знать, если что-нибудь понадобится.

После этого Юко унеслась к другому столу принимать заказы, предоставляя мне гадать о смысле её комментария. Другой парень, да? Это, в общем-то, было неудивительно. Эми довольно популярна, как мне говорили. Скорее всего, это был парень из команды по бегу. Очень интересная информация, которая мне что-то не особо нравится.

Глупо. Я мог просто спросить Эми.

— И кто же этот другой парень, а? У тебя есть тайный любовник? — задал я провокационный вопрос, хитро поглядывая на спортсменку.

Эми снова рассмеялась, правда, немного нервно.

— Да, это капитан нашей команды. Ему нравится сюда приходить после тренировок. И если у нас есть о чём поговорить, я иду с ним.

Хм, по мне, так звучит очень подозрительно. И совершенно неоднозначно.

— Ага, понятно.

Я мог просто закрыть эту тему, но решил копнуть немного глубже.

— Значит, у тебя **есть** тайный любовник! Я так и знал! — победно заключил я, хотя всё ещё надеялся, что ошибся. Почему-то сама возможность подобного в отношении Эми меня вдруг стала дико раздражать.

Рин с явным удовольствием наблюдала за нашим диалогом, а потом пробубнила что-то, чего я, если честно, не разобрал.

— … я» в любом случае.

— Что? — удивилась Эми.

— А? — посмотрел на художницу я.

Рин спустилась с небес на землю и посмотрела на нас.

— Хмм?

— Что ты сказала?

— Хмм, — послушно повторила Тэдзука.

— Нет, до этого, — нетерпеливо помотал я головой.

— Без понятия, — призналась она.

— А, ладно. Проехали, — раз сама не в курсе, то это точно дохлый номер.

Всё-таки тему я закрыл, но заметил, что Эми явно была рада вмешательству Рин. Возможно, я зашёл слишком далеко… Разговор на некоторое время приостановился, так как мы с Эми были заняты своими десертами. Мне принесли пирожное со вкусом клубники, и оно оказалось просто восхитительным на вкус. Эми, похоже, тоже так думала. Она внезапно подалась вперёд и своей ложкой украла у меня кусочек.

— Воришка! — шутливо возмутился я покушению на мою еду.

— Пиратка. Это не одно и то же, — весело возразила бегунья.

— Но мы же не в море!

— Верно. Но снаружи столько воды, что она вполне считается, правда? И потом, можешь и моё попробовать. Оно с клюквой, кажется, или чем-то таким. Надо было просить клубничное. Люблю клубнику, — доверительным тоном поведала мне девушка.

— Если уж так сильно хочется, то можешь угощаться, — от всей души предложил я ей. И почему-то ещё добавил: — Тем более, что ты его разок уже попробовала.

Эми показал мне язык, но, тем не менее, попробовала моё пирожное. Я в свою очередь отломил кусочек от её. Оно было малиновое, причём очень вкусное.

— Дождь перестал, — меланхолично заметила художница, глядя в окно.

По все видимости Рин была права.

И заметила она это вовремя, поскольку мы с Эми как раз доедали пирожные.

— Ну что же, надо оплатить заказ и выдвигаться, пока опять не полило.

На то, чтобы привлечь внимание Юко, ушло несколько минут, но в итоге мы вскоре расплатились и вышли.

— Ну что, хотите вернуться в парк? — предложила Эми, когда мы оказались на улице.

У меня отвисла челюсть. Ну, почти.

— Ты что, шутишь? Сейчас опять может дождь пойти!

Действительно, на меня, кажется, только что упала пара капель.

— Хм…. Наверное, ты прав. Так и быть, на это раз я вас отпускаю. Но мы всё ещё должны устроить настоящий пикник, ясно? — заявила спортсменка.

Не знаю, обращалась она ко мне, к Рин или к нам обоим.

— Ладно-ладно.

— Давайте живее! Я ещё собиралась пробежать пару кругов, и было бы здорово сделать это не под дождём. — поторопила нас маленькая девушка.

— Я думал, что у тебя сегодня выходной! — возразил я.

— Ну… — Мне показалось, или Эми совсем не хотела говорить об этом? — Мне нужно тренироваться. К тому же надо сжечь калории после пирожного.

Почему мне казалось, что она что-то скрывает?

— Ты уверена? Не такое уж большое пирожное было… — осторожно спросил я.

— Нет, это оно у **тебя** было небольшое, — подняла палец к небу бегунья. — Потому что в основном его ела я.

Тут она была права. И всё же мне показалось, что необходимо было предложить пробежаться с ней.

— Эй, я пойду бегать вместе с тобой. Можно? — предложил я.

Эми решительно покачала головой.

— Нет, Хисао, нельзя. Тебе нужен отдых, помнишь? Я не позволю тебе слишком перенапрягаться.

Раздавать советы она была горазда, а вот чужим следовать не торопилась, судя по тому, что я слышал от фельдшера.

— Как скажешь, Эми.

Думаю, лучше не напрашиваться. Когда мы подходим к женскому общежитию, снова начался дождь. Эми скорчила недовольную рожицу.

— Вот блин… Глупый дождь.

— Он скоро кончится. Ты же сможешь побегать после, правда?

Девушка весело фыркнула.

— Можно подумать, мне нельзя бегать в дождь.

— Не стоило бы! Простуду ведь схватишь! — забеспокоился я. Она что, с ума сошла что ли?

Эми только отмахнулась.

— Чепуха! У меня не бывает простуды. У меня слишком сильный иммунитет для такой ерунды.

Я не мог сдержать смех. Это, наверное, было нервное.

— Хорошо, тогда увидимся завтра, да?

— Ага! Спасибо, что пошёл с нами. И за то, что нёс корзинку! Я её завтра принесу на ланч. Устроим пикник на крыше!

— Звучит неплохо. Увидимся!

Эми схватила корзинку и скрылась за дверью. Рин вяло кивнула в мою сторону и не спеша вошла внутрь. Блин, тут совсем сыро. Нужно скорее вернуться в комнату и переодеться в сухое.

Я приближался к своей двери, но тут меня перехватил Кэндзи, нёсший стопку книг.

— Эй, чувак, как насчёт помочь, а?

— Что? — повернулся я к нему.

Он совершенно бесцеремонно скинул книги мне, а сам завозился с ключом от двери. Ну да, замков-то у него полно, у параноика.

— Вот спасибо, ты мне прям жизнь спас, — с чувством заявил мне сосед. — Если б не ты, пришлось бы оставить дверь открытой, и фиг знает, что случилось бы. Отличный шанс устроить засаду или бомбу заложить, если тебе не хочется марать руки. А ведь наверняка не хочется. Боятся ногти поломать, пока будут меня убивать. Женщины.

Мой мозг пытался переварить этот словесный понос, на который внезапно прорвало Кэндзи, но быстро оставил эту бессмысленную затею.

— Ээ… ага, — выдавил я из себя.

— Ладно, а ты сам-то где был, чувак? Мог бы и помочь тащить всё это из библиотеки! Я к тебе стучался, но тебя не было, — начал допрос Кэндзи в своей бесцеремонной манере.

— Ой, дико извиняюсь, — съязвил я. Ага, два раза. Я тебе что, осёл вьючный что ли? А не нанести ли мне вам, «дорогой друг», моральную травму? — Я гулял с Эми и Рин.

Кэндзи в ужасе отступил на шаг. Если бы у него была собака, то я бы сказал, что он выглядел так, будто я её только что пристрелил. Но, конечно, я бы так не сделал ни за что. Ни одна собака не виновата в том, кто её хозяин. Тем более — гипотетическая.

— Опять эти безрукие-безногие дамочки? Чё на этот раз делали? — он очень старался, чтобы его голос не дрожал, но у него ничего не вышло.

— Ну, мы немного позависали в «Шанхае»…

И тут меня прервал Кэндзи, в отчаянии воскликнувший:

— В «Шанхае»? Почему именно в «Шанхае»? Не-не-не, чувак, нельзя просто взять и пойти в этот чёртов «Шанхай»! Да в городе опаснее места не найти! Это же самый печально известный оплот

их агентов! Я знаю! Я с ними сталкивался! Они не остановятся ни перед чем, чтобы ввести тебя в заблуждение, и, как только ты начинаешь чувствовать себя в безопасности — БАБАХ! — Для пущего эффекта он хлопнул дверью. — Бумажник? Исчез. Проездной? Как ветром сдуло. Паспорт? Испарился **на хрен**, чувак! А ну-ка пообещай, что больше туда ни ногой!

Он выглядел настолько одержимым этой идеей с «Шанхаем», что я решился на маленькую белую ложь. Что угодно, лишь бы добраться до своей комнаты. Кажется, с моральной травмой я несколько переборщил, но всё-таки хоть немножко чувствовал себя отомщённым.

— Без проблем. Больше туда не пойду, — заверил я Кэндзи.

Или, по крайней мере, больше не буду сообщать тебе об этом.

От этих слов мой слабовидящий «друг», кажется, немного смягчился.

— Славно-славно. Ты уж прости, что наехал, но я слишком хорошо знаю, как опасна это нора, чувак. Один раз ты выбрался оттуда живым, не искушай судьбу во второй раз.

— Ага, ну, мне, в общем, надо переодеться и, это, домашнюю работу сделать. Поэтому… до встречи. — постарался я отделаться от него как можно безболезненней.

— А? А, конечно. Бывай, — согласился Кэндзи.

Я внезапно вспомнил, что до сих пор держу его книги.

— Забери-ка их.

Мне на глаза мельком попался один из корешков, что-то про криптографию. Блин, что за чудак. Кэндзи забрал у меня свою драгоценную ношу и исчез за дверью.

Я открыл дверь и вошёл, счастливый, что смогу наконец-то снять мокрую одежду.

Ливень за окном и не думал заканчиваться, и мне оставалось только надеяться, что Эми сейчас не бегает на стадионе. Она настаивала на том, чтобы потренироваться в одиночестве, но в голову мне всё равно приходили мысли о недавней её травме.

Я попытался вспомнить, не прихрамывала ли она сегодня, но безуспешно. Видимо, я был слишком увлечён таким хорошим днём, несмотря на дождь. Но прокручивая в голове все события уходящего дня, я постоянно мысленно возвращался к своей напарнице по бегу.

Её абсолютное нежелание позволить дождю испортить её планы выглядело невероятно мило.

Но было и кое-что ещё. Нечто, вроде неизменно-положительного отношения ко всему тому, что приносил ей новый день. И мне очень нравилось это её качество.

Мне, наверное, надо брать с неё пример.

Глава одиннадцатая Кошмар и надежда

Звон будильника оборвал мой сон о пиратах и ещё какой-то ерунде, которую я уже и не вспоминал спустя пару секунд после пробуждения. Зрение у меня ещё было затуманено остатками сна, и на то, чтобы собраться и спуститься к стадиону, ушло гораздо больше времени, чем обычно.

Взгляд на часы подтвердил догадку, что я немного опаздываю. Но было дело в том, что…Эми не было на стадионе. Странно. Должна уже была подойти. Несомненно, должна была. Я ведь **опоздал**.

Видимо, не только у меня сегодня утром были проблемы с пробуждением.

Мне вдруг вспомнилось, что вчера дождь так и не прекращался до самого вечера. Она что, всё равно пошла бегать? Похоже на то. У Эми было много хороших качеств, но осторожность явно не входила в их число. Она, видимо, поняла, что дождь не кончится, и именно поэтому настаивала на пробежке в одиночку.

И всё же, я бы с радостью пробежался вместе с ней, пусть даже и под дождём. Блин, да я бы, скорее всего, даже смог бы уговорить её зайти под крышу, когда совсем уж сильно полило. И, конечно, именно поэтому она не захотела бегать вместе.

И всё равно, мне не терпелось узнать, где она сейчас… Ну что ж, ничего не поделаешь, надо бы размяться и начать пробежку, надеясь на то, что Эми вскоре покажется с широкой улыбкой на лице и отмазкой на языке.

Но время шло, а Эми не показывалась. Заканчивая свой последний круг, я был вынужден смириться с тем, что Эми сегодня так и не появится. Более того, я понятия не имел, где она могла бы быть. Меня снедало беспокойство, хоть я и не переставал спрашивать себя, почему я так о ней волнуюсь.

Бег помогал отвлечься от этой проблем, но теперь он был закончен, и я снова начал волноваться.

Такое странное чувство — не видеть здесь с утра Эми. Прямо-таки пугающее.

До меня неожиданно дошло, что я занимаюсь бегом для того, чтобы быть рядом с Эми в той же степени, что и для укрепления здоровья. Даже, наверное, больше первое, чем второе, если подумать. Это была одна из тех вещей, которые абсолютно очевидны, но до последнего момента ты их не осознаёшь.

Мне действительно нравилось быть с ней. Из всех откровений в мире это, наверное, самое незначительное. И, несмотря на это, я всё же слегка шокирован.

Когда это случилось? Когда эта маленькая задорная девушка успела занять место в моём сердце да так, что я какое-то время совершенно этого не замечал?

Ладно, не время обдумывать всё это: хоть мне и хотелось поразмыслить над изменением моего к ней отношения, желание узнать, что же с Эми случилось, оказалось гораздо сильнее.

Я спрошу у фельдшера, когда зайду к нему.

* * *

— Ну что ж, ты в хорошей форме, Хисао, — заключил фельдшер после осмотра.

— Приятно слышать. — Я надел футболку и поднялся на ноги, как и обычно. Только в этот раз я не ушёл, а задал ему вопрос. — Скажите, а где Эми? Я её не видел сегодня утром. С ней всё в порядке?

И хотя я тщательно старался скрыть беспокойство в голосе, выражение лица фельдшера отчётливо показывало, что мне это не удалось.

— Так она тебе не сказала? Она серьёзно заболела, — с каменным выражением лица произнёс Судзуки-сан, внимательно глядя на меня.

— Что? Заболела? — встревожено воскликнул я.

Фельдшер пожал плечами.

— Ага, пришла ко мне в кабинет с утра пораньше с ужасной температурой. Если честно, я вообще удивился, как она дошла. Она вся горела. Мне кажется, она собиралась сообщить тебе, но потом попросила меня передать тебе… Вот чёрт! — Он одарил меня робкой улыбкой, которую с некоторой натяжкой можно было назвать искренней. — Я пообещал ей, что зайду на стадион и передам тебе, если она сама забудет. Прости, пожалуйста. Но Эми же необязательно знать, что я забыл, правда?

Я ответил ему такой же хитрой ухмылкой. Надеетесь спастись от её острого языка, господин фельдшер? Думаете, я упущу такой шанс?

— А, конечно нет. Это же хороший материал для шантажа. Я его приберегу до тех пор, пока мне что-нибудь от вас не понадобится.

Фельдшер рассмеялся в ответ.

— Ну, наверное, я это заслужил. Но ты знаешь, Хисао, у меня

ведь на тебя есть тонны компромата, о котором ты ни сном, ни духом. Так что, не испытывай удачу, ладно?

Компромат? На меня? А какие за мной грехи? Неужели он знает, что я тайком от Эми лопал пирожные на фестивале? Или ещё что-то?

Видя мою реакцию, фельдшер опять захохотал.

— Да ладно тебе, я же просто шучу, Хисао. Но серьёзно, не говори Эми, что я забыл, лады?

— Хорошо, сохраню это в тайне, — согласился я.

— Отлично. А теперь, иди-иди, давай, — махнул мне рукой Судзуки-сан.

— Погодите, у меня к вам ещё один вопрос, — я не тронулся с места.

— Валяй, — подмигнул мне фельдшер.

— С ней всё будет в порядке?

— Да, несомненно. У неё сильный жар, но когда она пришла ко мне, он уже начинал спадать. Я зайду проведать её после ланча, чтобы убедиться, но думаю, что к вечеру она всё равно вскочит на ноги, несмотря на все мои предостережения.

— Хмм, я, может, навещу её после уроков. — Чтобы понять, что я только что произнёс это вслух, у меня ушло около секунды. Ксо, я не собирался этого делать! Уши начали медленно но верно краснеть.

Фельдшер удивлённо поднял брови и окинул меня оценивающим взглядом.

— Хммм… А что, не такая уж плохая идея. Заодно сообщишь мне, если ей вдруг будет хуже. Но без шуточек там с ней, понял меня? У меня ведь все твои лекарства записаны.

Это, кажется, была угроза с его стороны, но я не совсем в этом уверен. Но так или иначе, я уверил грозного Судзуки-сан, что мои намерения сугубо благие и невинные и покинул его кабинет.

Занятно, что он считал меня потенциальной парой для Эми. Но ещё более занятно то, что это доставляло мне удовольствие.

Надо в душ… Немедленно

* * *

Прозвенел звонок на большую перемену, но мне что-то не хотелось подниматься на крышу.

Наверное, Рин знает, что с Эми. В таком случае, не думаю, что она сподобится идти наверх.

Да даже если бы и сподобилась, сомневаюсь, что у нас вышла

бы толковая беседа. Скорее всего, она предпочла бы посидеть в сторонке, чтобы я ненароком не нарушил ход её мыслей, или что там у неё в голове.

К сожалению, в столовую мне тоже идти не хотелось.

Схожу, наверное, в библиотеку. Всё равно надо взять чего-нибудь новенького почитать, прошлую-то книгу я дочитал вчера перед сном. Может, удастся найти ещё произведения того же автора.

Я обожал библиотеки. В них витал запах пыли, бумаги и чернил. Все истории, факты и мнения из книг, собранные в одном месте, будто наполняли его жизнью. Так как я всё ещё дочитывал привезённые с собой книги, я пока не очень хорошо ориентировался в библиотеке «Ямаку», поэтому начал искать библиотекаря, чтобы попросить помощи.

Хм, похоже, её зде…

— … не могу поверить. — Юко, несколько смущённая, внезапно появилась в одном из проходов.

— Эээ, извините… — начал я, заметив, что девушка явно была поглощена какими-то своими проблемами.

— Я могу чем-то помочь? — приветливо спросила она.

— Вообще-то, я искал книгу…

— И я тоже! — внезапно перебила меня Юко с совершенно несвойственным ей энтузиазмом. — «Современные методы криптографии». Она у нас только появилась, а сейчас пропала. Я ну очень хотела прочитать именно её!

— Криптографию? — что-то это мне напомнило, но что именно?

— Ага, мой… эм, ну… Парень, которого я знаю. Знала. Эммм. Как бы это объяснить… — библиотекарь неожиданно вернулась к своей обычной манере речи.

— Давай сразу к сути, — попросил я её, пока она не успела развнервничаться в очередной раз.

— После общения с ним я заинтересовалась криптографией, а теперь вот книга пропала — её, наверное, украли! — с жаром воскликнула девушка.

— Звучит ужасно.

— Да, если учитывать, что я должна из-за неё перерыть всю библиотеку! Несмотря на то, что её тут наверняка нет! — всплеснула руками Юко.

— Ты, кажется… занята, — заметил я.

— Немного, — она унеслась к следующему шкафу, а я смирился с тем, что придётся продолжить поиски книги самостоятельно.

Ммм, богатый выбор, отметил я, проходя мимо полок с

книгами. Это я читал, это тоже, про это только слышал, а вон тот автор мне незнаком. Взять посмотреть что ли?

В какой-то момент я заметил, что вместо привычных кандзи обложки книг покрывали какие-то точки. Блин, как я сюда забрёл? Это даже не обычные книги, они все были напечатаны шрифтом Брайля. Я понимал, что это важно для такой школы, но если честно, уже немного напрягало. Просто обидно было из-за того, что тут в прямом доступе, буквально в моих руках находилось множество книг, которые я не был в состоянии прочитать.

— Извините, здесь кто-нибудь есть? — раздался мелодичный голос из-за стеллажей. Подойдя поближе, я увидел Лилли, читавшую книгу, пока я шатался по проходам.

— Нет, это я должен извиниться. Я не хотел так шуметь, — извинился я, надеясь, что Сато меня узнает по голосу. Всё-таки давненько мы не пересекались с ней, могла уже и подзабыть.

— Боже мой, Хисао, это ты? Давно от тебя никаких вестей не было. Я уже начала думать, что ты совсем про меня забыл, — шутливо пожурила меня блондинка. Вспомнила сразу и вроде бы не сердится, это хорошо.

— А, извини.

Лилли рассмеялась в своей утончённой манере и покачала головой.

— Хисао, я тебя только дразню. Как я слышала, ты был занят. Утренний бег с Эми Ибарадзаки **и** ланчи на крыше, если не ошибаюсь.

— Хех, ну да. Слухи быстро разлетаются, — усмехнулся я. Вот чего никогда не понимал — так как это люди умудряются узнать такие вещи. Хотя мы и не скрывались ни от кого.

— Это привело к тому, что Ханако напрочь отказывается идти на крышу. Вы втроём всегда там, заняли себе местечко, — тихо упрекнула она меня, но было абсолютно ясно, что Лилли просто снова меня дразнила.

Пожалуй, стоило всё-таки извиниться.

— Прости, мы можем найти другое место для ланча, если причиняем неудобство… — предложил я, раздумывая про себя, удастся ли уговорить на это Эми и Рин. Рин — точно, хотя и с трудом, пользуясь её хитровывернутой логикой. Но вот насчёт Эми я бы не был столь уверен.

— Нет-нет, ничего страшного. Нам с Ханако есть чем занять себя на большой перемене. Например, как ты можешь заметить, почитать в библиотеке, — успокоила меня Лилли.

— Ох, Ханако тоже тут? Я её не приметил, — слегка оживился я, почувствовав лёгкие угрызения совести. Что-то я совсем

перестал обращать на неё внимание, несмотря на то, что мы одноклассники.

Лилли загадочно улыбнулась.

— Она явно где-то поблизости. Но я удивлена, Хисао. Ты тоже тут, вместо того, чтобы быть на крыше. Что привело тебя в библиотеку?

— Ну, Эми болеет, поэтому на крыше мы некоторое время перекусывать не будем… — протянул я со слегка опечаленным видом.

Сато вопросительно подняла бровь, а после снова решила меня поддразнить.

— Боже-боже, бедной Рин, наверное, очень одиноко, — при этом она слегка усмехнулась.

— И вовсе нет! — энергично возразил я.

— Ах, конечно нет. Впрочем, у Эми всегда получается быть душой компании. Весьма печально, что с ней такое приключилось. Она в порядке?

Мне почему-то показалось, что Лилли спросила о ней из одной лишь вежливости, но я всё равно ответил.

— Фельдшер говорит, что да. Я зайду к ней сегодня после школы и сам проверю, — разоткровенничался я, неожиданно для себя самого.

Опять поднятая бровь.

— Боже мой, какой же ты благородный джентльмен, Хисао, — разулыбалась слепая девушка.

— Да нет, что ты. Просто интересуюсь здоровьем своего друга, вот и всё.

— А, так значит, вы просто друзья? Вот досада, — и почему у меня возникло такое ощущение, что она хотела меня потроллить?

Я покраснел, но Лилли, к счастью, не могла этого увидеть. Наверное, плохо так думать, но, как и в некоторых случаях с Кэндзи я был рад, что недостатки моей собеседницы шли на пользу мне.

Но каким-то образом она догадалась, что её реплика меня смутила, и засмеялась..

— Прости, Хисао. Я опять тебя дразню. Будь добр, передай от меня Эми пожелание скорейшего выздоровления, хорошо?

Если верить часам, у меня оставалось совсем немного времени, чтобы найти что-нибудь почитать.

— Конечно. Слушай, мне нужно подыскать себе книгу, пока не кончился перерыв, поэтому я, наверное, пойду. Увидимся позже.

Не лучшая фраза по отношению к Лилли, надо сказать, однако она пропустила мою оплошность мимо ушей.

— До скорой встречи, Хисао, — попрощалась девушка, возвращаясь к своей книге.

Я так и не нашёл книгу, которую хотел, но вместо неё прихватил парочку других.

Живот слегка урчал, словно напоминая, что неплохо было бы чего-нибудь поесть вместо этих поисков, но мне было несколько не до того. Чем-нибудь перекушу перед тем, как пойти к Эми.

* * *

Казалось, будто время замедлило свой бег лишь для того, чтоб вывести меня из себя к чертям собачьим. Такое чувство, будто урок шёл уже год. Подозреваю, что всё это — результат моих волнений.

Прозвенел благословенный звонок, и я выбежал из класса, вызывая, несомненно, парочку удивлённых взглядов. Почти весь день меня потихоньку снедала тревога. Хоть фельдшер и утверждал, что с Эми всё в полном порядке, я хотел сам в этом убедиться.

На то, чтобы добраться до женского общежития, и пройти к комнате Эми, ушло не так много времени — дорогу я помнил. Стоя у её двери, я внезапно задался вопросом: что, если она отдыхает? Очень не хотелось бы её будить, особенно если ей всё ещё не очень хорошо. А ещё, если она весь день проспала, то могла сбиться с нормального ритма. Но ведь отдых очень важен, когда болеешь, так ведь? Я никак не мог определиться, что же делать, поэтому просто стоял у двери, выглядя как дурак.

И вдруг из-за двери я услышал голос Эми.

— Спасибо за беспокойство, но мне и правда лучше.

Это она мне? А… как она поняла, что я здесь?

— Увидимся завтра на тренировке!

Похоже, нет. Тогда с кем она разговаривала?

Теперь хотя бы было ясно, что она не спит, и я мог без опаски постучаться.

Так отчего же у меня внутри было такое странное щемящее чувство? До этого я так не волновался, когда заходил к ней, так почему же сегодня меня так трясёт? К тому же, у меня не было времени толком обдумать свою заинтересованность в благополучии Эми. В подобных вопросах у меня, конечно, опыт не очень большой, но это определённо выходило за рамки обычных дружеских отношений. Но мог ли я сделать этот шаг? Мог ли заставить себя рискнуть всем тем, что у меня было сейчас? Я имею в виду, что нам достаточно быть друзьями, так ведь?

Так или иначе, может, мне просто открыть дверь и поинтересоваться, как она себя чувствует? Я ведь для этого сюда и пришёл… верно? А что, если она ещё не оделась? Нарисованная моим воображением картина в буквальном смысле заставила сердце ёкнуть. Не стоило больше о подобных вещах думать. Если, конечно, я не хотел заработать ещё один приступ. Я внезапно понял, что стою посреди коридора как идиот.

Эми, кажется, ещё была занята разговором, но я всё равно постучал в дверь. Надеюсь, она не будет против моего вмешательства.

— Не волнуйся ты та… Входите! Дверь открыта, — перебивая саму себя крикнула девушка.

Так и было — ручка легко повернулась. Я открыл дверь и вошёл в её комнату. И в этот момент все мои мысли как ветром сдуло. Эми сидела на кровати, её волосы были растрёпаны после дня, проведённого в постели. Кажется, я впервые видел её без уже ставших привычными заколок-бусинок. Её тренировочные футболка и шорты, натянутые, очевидно, прямо перед тем, как я вошёл, выглядели помятыми от не очень бережного хранения. Обнажённые ноги лежали на простыне. Я никогда раньше не видел Эми без протезов. Но вот она, передо мной: её стройные ножки чуть ниже колен оканчивались культями. Но, несмотря на всю необычность такого зрелища, меня больше привлекало то, что выше талии.

Эми, похоже, закончила разговаривать по телефону с незнакомым мне человеком и теперь наблюдала за мной одним глазом, протирая после сна второй. В её лице читалось далеко не растерянность или смущение, а желание широко зевнуть. Довольно понятное желание для того, кто проспал полдня. Она оглядела меня, и в уголке её рта проскользнула почти заигрывающая усмешка. Мне оставалось лишь колебаться между страхом, смущением и неслабым влечением. Эта самая умешка очень мне понравилась, но…

Эми второпях убрала волосы со лба, прежде чем обратиться ко мне.

— Ты выглядишь немного растерянным, Хисао. — Она заливисто рассмеялась, и я неосознанно широко улыбнулся и застенчиво потёр затылок.

— Прости, я просто…

Никогда не видел, чтобы кто-то настолько растрёпанный выглядел так прелестно. Никогда не видел тебя без ног. Никогда не видел тебя настолько…

— Эм, извини.

Эми снова хихикнула и пододвинулась, чтобы сесть немного

прямее. Я заворожено наблюдал за движениями её майки, практически теряя самообладание. Надеюсь, в моих глазах ещё не появился голодный блеск?

— Я предполагала, какова может быть твоя реакция. Фельдшер позвонил и передал, что ты собираешься заглянуть, вот… — слегка запинаясь сказала она. — И я знаю, что ты не видел меня… ну, ты понял. Без ног.

Я ответил с ноткой удивления в голосе.

— А, ты их не надела? Я и не заметил…

Это почти правда. Поначалу я действительно не заметил. Я не пытался быть джентльменом, Эми бы на это обиделась. Вместо этого Эми показала мне язык и кинула прямо мне в голову подушку.

— Болван!

Я с лёгкостью поймал подушку и тщательно прицелился, прежде чем бросить обратно. Бегунья засмеялась и уклонилась от моего броска. Её майка задралась и отвлекла моё внимание, поэтому следующий бросок попал мне прямо между глаз.

— У-ф-ф.

Я, конечно, сразу же дал ей сдачи. После ещё пары бросков назревающая война оказалась уже неизбежна. И Эми, если честно, гораздо лучше целилась, чем я… Поэтому моё решение броситься в последнюю отчаянную атаку было лишь вопросом времени.

— Попалась! — воскликнул я.

— Ааай!

После такого рывка мне, само собой, пришлось разгребать гору подушек, под которой она была погребена. И после всей этой возни мы, естественно, оказались в довольно интересном положении.

Я смотрел на неё сверху вниз, практически сидя на ней. Я видел её улыбку. Она чуть вспотела, но в глазах горели весёлые искорки. Её грудь поднималась в такт дыханию. Какая-то часть меня, не увлечённая открывшимся видом, понимала, что она, скорее всего, ещё больна. Мы оставались в таком положении ещё некоторое время. Я не уверен, сколько. Всё было как в тумане. Всё, кроме неё, конечно.

Мы встретились взглядами, и я заметил в глубине её глаз отблеск… может быть, страха? Или желания? Надежды?

— Эми? — прошептал я.

Она вдруг начала кашлять, и я поспешно слез с неё, чуть не свалившись с кровати, и извинился.

— Прости, я не должен был… — покаянно начал я.

— Да всё в порядке, не переживай, — Эми ободряюще похлопала меня по плечу. — Так… зачем пришёл?

Она всё ещё с трудом дышала, и её голос слегка дрожал.

— Ну, до того, как я был жестоко побит подушками, я собирался узнать, как у тебя дела, — хмыкнул я.

За это я получил очередной тычок и чуть не слетел с кровати. Ох ты ж, постоянно забываю, какая сила скрыта в этом миниатюрном теле. Глаза Эми снова вспыхнули, и я задался вопросом, почему раньше не замечал всей их привлекательности.

— Беспокоишься, да? — В её голосе читалась насмешка. Она явно меня поддразнивала.

Чемпионка вскинула руку и положила её себе на лоб, принимая драматическую позу.

— Не можешь выносить мысли о том, что дама смертельно больна?

Стоило нам отдохнуть от нашей войнушки, как Эми снова начала надо мной подшучивать.

— Не сказал бы, что полностью поглощён тревогой, но после того, как кое-кто не явился сегодня на пробежку как последняя неженка… — пошутил я в ответ.

Эми надула губы и, скрестив руки на груди, насупилась. Вид у неё при этом был одновременно потешный и ужасно милый.

— Это не моя вина. Фельдшер запретил, — буркнула она.

— Конечно, запретил. Я тебе почти верю, — покивал головой я.

Эми снова показала мне язык.

— Дурак ты, Хисао.

— Так как ты провела день? Весело валяться и ничего не делать?

— Не особо, меня рано разбудил телефон.

— Телефон?

— Ага, капитан нашей команды звонил, чтобы убедиться, что я в порядке, — подтвердила она. — А ещё чтобы сказать, что я могу пропустить тренировку.

Хорошо хоть она не целый день провела в одиночестве. Хоть кто-то уже справился об её состоянии.

Но мне почему-то кажется, что это должен был сделать я. И гораздо раньше.

— О, это хорошо. Он и правда за тобой приглядывает, а? — многозначительно подмигнул я ей.

Эми пожала плечами.

— Это его работа. В обязанности капитана команды, вообще-то, входит и осведомлённость о том, где находятся другие её участники, если они не в школе. И всё же было очень мило с его стороны позвонить мне, как считаешь?

— Ага, конечно.

Эми зевнула и устроилась поудобнее.

— Так как прошёл твой день?

— Да как-то блёкло, если честно. В одиночку побегал, поболтал с фельдшером о том, как у тебя дела…

Я быстренько пересказал события своего дня; в целом — ничего увлекательного. Посреди рассказа меня отвлекла чья-то рука, сползающая по моей талии. Похоже, Эми заснула, пока я говорил, поэтому я подтянул одеяло, чтобы укрыть нас. Она перевернулась на бок и во сне обвила мою ногу своей, тем самым не давая мне вылезти.

— Эй? — тихонько позвал я девушку.

Очень не хотелось её будить, но у меня ещё были дела. Да и лежать полностью одетым рядом с девушкой… Я осторожно потряс её, но в ответ она только усилила хватку. Впрочем, сопротивлялся я недолго. Ощущение её спокойного дыхания меня одновременно и возбуждало, и успокаивало. Моё дыхание никак не могло определиться, замедлиться ему или наоборот. Всё-таки расслабленность взяла верх, и я обнял Эми одной рукой.

— Кажется, я влюбился. — Эти слова вырвались на свободу и растворились в воздухе никем не услышанные.

По крайней мере, я на это очень надеялся.

Эми слегка всхлипнула во сне, и её хватка снова усилилась. Впервые со времени нашего знакомства я заметил слезу, катившуюся по её щеке. Такое чувство, что моё сердце сейчас разорвётся. Я инстинктивно обнял её крепче и начал гладить по голове со всей нежностью и заботой, на которую только был способен. Слова поддержки, бесполезные в этой ситуации, сами лезли в голову. Может, мне стоило разбудить её? Нужно ли будить человека, которому сниться кошмар? Я так никогда не делал.

Ситуация разрешилась самостоятельно, когда Эми дёрнулась и с криком проснулась.

— Папа!

Это… не то, что я хотел бы услышать без её ведома. Я быстро сел и легонько потряс её за плечо, приводя в себя.

— Эй, ты в порядке? — тревожно спросил я, не отпуская её плеча.

Какой дурацкий вопрос. Как будто не видно, что ни черта она не в порядке.

— А? Что? Хисао? — Эми потрясла головой, как будто отметая все плохие мысли, и быстро вытерла глаза.

— Тебе, похоже, приснился кошмар, — сказал я.

Эми в очередной раз пожала плечами и с опаской поглядела на меня, словно не уверенная в том, что проснулась.

— Д-да, скорее всего, — признала девушка дрожащим голосом.

— Не хочешь об этом поговорить? — осторожно предложил я.

— Хмм? — Она, кажется, взвесила все за и против в своей голове, после чего снова пожала плечами. — Нет, я уже почти ничего не помню.

Я был уверен, что она врёт, но не собирался настаивать. Я просто не имел на это права.

Эми вздрогнула и смущённо повернулась ко мне.

— Прости, что завалилась спать прямо на тебе, — при этом бегунья слегка покраснела.

Я попытался сохранить голос настолько спокойным, насколько мог.

— Не волнуйся об этом. В конце концов, ты болеешь.

— Ага. Думаю, это из-за таблеток я такая сонная.

— Может быть.

Эми не из тех, кто может внезапно взять и уснуть. Рин — возможно. Но Эми слишком энергична. Услышав моей ответ, Эми слегка улыбнулась, а затем к ней снова вернулась её обычное настроение.

— А ты, Хисао, не забудь подготовиться к завтрашнему утру! Будем пахать в два раза больше, чтобы отработать сегодняшний день! — бодрясь, заявила спортсменка.

— Но я же сегодня утром бегал! — резонно возразил я.

— Никаких отговорок! — мне погрозили пальцем, сопроводив это проникновенным взглядом. Ну как тут было устоять?

— Ну ладно, тогда я буду готов!

Эми кивнула, явно удовлетворённая.

— Это хорошо.

Я расценил это как намёк на то, что мне пора.

— Ладно, я, пожалуй, пойду. Перед завтрашним мне, похоже, стоит хорошенько выспаться.

Я встал с кровати и направился к двери.

— Эй, Хисао… — нерешительно позвала меня девушка.

— Хмм?

Я развернулся и посмотрел на Эми. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, и я заметил, — тоже, кстати, в первый раз, — что она была в замешательстве. Она закрыла рот и открыла его снова.

— … Спасибо. За то, что пришёл, я имею в виду. Ты в каком-то роде первый посетитель тут, кроме Рин, — наконец призналась Эми.

А вот это неожиданность. Я всегда думал, что к Эми, время от времени, заходит куча народу. Она должна была быть весьма популярна, по крайней мере, так мне казалось. Всегда с кем-то

болтала в школе между уроками.

Эми опять замялась, и я откинул посторонние мысли, сосредоточившись на ней.

— И за то, что остался со мной, когда я… ну. — Тень боли пробежала по её лицу. — Сам знаешь. Это мне очень помогло.

К ней снова вернулась жизнерадостность, и она бодро мне помахала.

— Увидимся завтра!

— Да, увидимся.

Я собирался переступить порог, но внезапно развернулся к ней.

— Эй, Эми.

— Хмм? — вопросительно изогнула бровь маленькая девушка, казавшаяся в эту минуту ещё меньше.

— Если тебе захочется поговорить — дай мне знать, хорошо? — попросил я.

Это предложение ошеломило Эми. А потом её улыбка стала ещё шире.

— Ясное дело, Хисао. Увидимся утром!

Я вышел из комнаты с лёгким головокружением. Стоило ли вообще уходить? Она правда в порядке?

Я хотел развернуться, снова пройти по коридору, открыть её дверь и сказать… Сказать, что я люблю её, сказать о том, что она прекрасна, и о том, что я всегда буду рядом, когда понадоблюсь. Я хотел остаться с ней, прижать её к себе, когда она уснёт. Сколько же раз она просыпалась так, как сегодня? И никого не оказывалось рядом… Я хотел быть тем, с кем она сможет просыпаться рядом. Это была глупая мысль, я знал. Мы недостаточно хорошо друг друга знаем, не так ли?

Вся эта идея, пусть и будоражащая воображение, также заставила меня беспокоиться. Беспокоиться потому, что я, наверное, переступил некую грань. И теперь, в дополнение к моим собственным проблемам, похоже, что Эми нравится кому-то ещё. Капитан их команды, который так рьяно интересовался её здоровьем. И, хотя я видел их вместе всего пару раз, это не меняло того, что они с виду были будто созданы друг для друга.

И с этим, похоже, ничего не поделаешь. Нужно перестать думать обо всём этом. Меня ещё домашняя работа ждёт. Может, отвлекусь, пока делать буду.

Но отвлечься не удалось. Спал я очень неспокойным сном.

На следующее утро после тревожной ночи я чувствовал себя не в своей тарелке.

События вчерашнего дня продолжали прокручиваться у меня в голове. Воспоминания о том, как Эми лежала рядом со мной. О

нашем бое подушками. И самое тревожное — о её кошмаре. Ей было так больно. Представить не могу, каково ей просыпаться одной, когда некому её поддержать и успокоить.

Горячий душ привёл меня в чувство. Я уже не спал, но ещё волновался.

Что произойдёт сегодня? Может, всё вернётся на круги своя? Конец эпизода, восстановление статуса-кво? Вчера между нами что-то было. Что-то, едва не подтолкнувшее нас за пределы обычной дружбы. А может, это было бы не так уж и плохо?

Я мысленно вернулся к моменту после нашего боя, а именно, к взгляду Эми. Казалось, она подначивала меня продолжать. Казалось. Но наверняка не могу сказать.

Так или иначе, первым в списке её интересов, скорее всего, стоял тот самый капитан. Чтоб ему пусто было.

Несмотря на такую мысль, мой разум всё равно недовольно запротестовал. Я ведь искал отговорку. Причину, по которой всё могло бы пойти не так. Причину, чтобы не пытаться. Я ни разу не видел их вместе, кроме как на тренировках. И он совершенно точно никогда к ней не заходил. Эми сама так сказала. Если бы они были близки, он бы точно к ней заглядывал.

Господи, ну что я за слабак. Мне просто надо взять и попытаться. И к чёрту последствия.

Я думаю, Эми так бы и сделала на моём месте. Блин, да я даже **знаю**, что она бы так поступила! И это меня отчасти убедило, что с её стороны никакого интереса к нему не было. Она ведь тоже ничего не предпринимала. А что, если всё дело в этом капитане? Вдруг у неё к нему безответные пламенные чувства или ещё что?

Эх, кто бы разъяснил, что у них там к чему?

И ясно как день, что это будет не Эми. Она бы, наверное, посмеялась над моим вопросом и поинтересовалась, зачем мне это… А я пока не был готов ответить на этот вопрос.

Рин… А Рин, скорее всего, дала бы какой-нибудь замысловатый ответ. Если бы вообще дала. А то ей ведь хватило бы ума спросить у самой Эми, а той — у меня, почему я так этим интересуюсь. А это мы уже проходили.

Мне вот интересно…Может, получится спросить у фельдшера? Он об Эми очень беспокоится. Если что-то и происходит или происходило у них, то он точно был в курсе… Тем более, Судзуки-сан мне должен за вчерашний случай, когда забыл сказать мне, что Эми заболела, а я ей не рассказал. Поэтому, если что, он ей не проболтается. Хм, а если он тоже меня спросит, зачем мне это? Совру что-нибудь. Скажу, что просто интересуюсь как друг. Он на это купится, так ведь? Точно!

Значит, решено. После пробежки поговорю с ним в кабинете, пока Эми ждёт снаружи.

Когда я подошёл к стадиону, Эми там ещё не было. Неужели она всё ещё плохо себя чувствовала? Я решил, что дам ей десять минут. Я пришёл чуть раньше, чем обычно, а она ещё вчера была больна, поэтому, не было ничего удивительного, если бы она немного припозднилась. И всё же, просто так ждать было скучно, поэтому я немного размялся и начал в нетерпении ходить взад-вперёд.

А что если я вчера слишком далеко зашёл?

А что если она слишком стесняется, и поэтому не придёт?

А что если…

— Снова пораньше пришёл, Хисао? Ты меня удивляешь! — весёлый голос бегуньи вывел меня из моих томительных рассуждений.

Вот и славно, я почувствовал, как часть напряжения, сдавливающего моё тело, ушла. Эми выглядела такой же жизнерадостной и весёлой, как и всегда. Никаких следов болезни, не говоря уже о вчерашнем кошмаре. В любом случае, стоило поинтересоваться на всякий пожарный.

— Хорошо спалось? — задал я вопрос как бы между делом. Один из таких, какие задают случайным знакомым в кафе, например. Но не в нашем случае, по крайней мере, я так думал.

Не знаю, поняла ли Эми, что меня действительно это беспокоило, или нет, но, прежде чем ответить, она задумалась. Через несколько секунд размышлений девушка решительно кивнула.

— Ага! Ещё бы!

Это благодаря мне? Я и правда ей помог? Или она просто решила отмахнуться от моих расспросов?

— Ну и отлично, — облегчённо выдохнул я.

Эми улыбнулась и принялась за разминку.

— Ну как, готов?

— Пффф, готов ли я? Конечно да! Я всегда готов!

Она засмеялась над моей бравадой, и мы начали пробежку. Я бежал в своём привычном неспешном темпе, ровно дыша. Конечно, под конец я всё равно устал, но хотя бы не задыхался как рыба без воды.

Эми сегодня просто светилась от радости.

— Отличная работа, Хисао! Ты уже неплохо продвинулся! Ты уже почти вполовину такой быстрый, как я!

Это последнее замечание сопровождалось ехидной ухмылкой, к которой я уже привык.

— Ого, очень воодушевляюще, — не менее ехидно ответил я.

Как будто я не видел на соревнованиях, на что способна эта маленькая молния.

Эми бежала свои спринты, пока я проходил круг отдыха. Она и правда сегодня очень старалась. Когда я закончил круг, она уже устало лежала на одной из трибун.

— Боже мой, не слишком ли ты сегодня перенапрягаешься? У тебя едва-едва прошла простуда, — забеспокоился я, глядя на неё.

Девушка с раздражением фыркнула и села..

— Ерунда! Я просто хочу наверстать упущенное, вот и все дела. Я сегодня в два раза больше напрягалась, знаешь ли. После хорошей пробежки всегда валишься с ног. И проветриваешь мозги.

— Ой ли? — скептически прищурился я.

Эми энергично кивнула.

— Ага! С этим-то бег запросто справляется.

Больше она ничего не объяснила, а я не спросил. Я догадывался о причине, по которой она себя так гоняла. И болезнь тут была совсем не причём. Её что-то беспокоило. Может быть, ночные кошмары. Может, что-то ещё. Это совсем не моё дело. Если бы она хотела, чтобы я узнал, сказала бы мне сама.

Мне кажется, или я опять ищу отговорки? Но я не мог прямо просить у неё ответа.

— Думаю, это и правда полезно.

— Ты даже не представляешь, насколько.

Искренность в голосе Эми только подтвердила мои предположения. Проблема была только в том, что… Даже учитывая, что она не желала мне об этом говорить, я всё равно хотел знать.

— Тогда о чём задумалась?

Эми, кажется, нисколько не удивилась подобному вопросу. Вместо ответа она пожала плечами.

— Да так, ни о чём, достойном беспокойства.

Выглядело так, будто она скорее убеждала в этом себя, чем меня.

Я уже открыл рот, чтобы спросить, не связано ли это со вчерашними событиями, но решил промолчать. Вероятность быть неправильно понятым выглядела слишком большой. Да и потом, я даже не знал, что конкретно вчера случилось. Всё, что я помнил достаточно ясно, — это Эми, спящую рядом со мной, после чего мой мозг отключился. И стоя перед ней, слегка вспотевшей и искоса на меня поглядывающей, рационально мыслить было очень тяжело.

— Ладно, тогда всё в порядке.

— Нам бы поторопиться к фельдшеру. Мы что-то

забегались, — озабоченно проговорила Эми.

— Как всегда, да? — улыбнулся я.

Бегунья издала сухой смешок, очень ей несвойственный.

— Похоже на то.

На мгновение у неё на лице появилось выражение как у старухи, которую глодала старая душевная рана. Но, как и вчера, девушка прямо на глазах взяла себя в руки, и стала такой, как обычно.

— Айда, Хисао! Наперегонки!

Неожиданно улыбнувшись, она сорвалась с места.

— Эй! Нечестно!

Я сорвался следом, зная, что мне её не догнать, но не задумывался об этом. Даже если шансов догнать нет, я всё равно буду бежать за ней.

Эми ждала меня перед дверьми.

— Гляньте-ка, кто наконец притопал! — ехидно пропела она, едва я остановился рядом с ней.

— Ага-ага. Упивайся победой, пока можешь, — ответил я, стараясь отдышаться.

Эми улыбнулась, явно готовясь продолжить нашу шутливую пикировку, и тут из-за двери высунул голову фельдшер.

— А вот и вы. Заходи, Хисао, — весело скомандовал он.

Как обычно, он меряет мне давление и пульс. Это уже давно стало привычной процедурой.

— Сегодня учащён, не так ли? — заметил Судзуки-сан.

— Ага, мы с Эми устроили гонку, — признался я.

Фельдшер рассмеялся.

— Не самая удачная идея! — Он наклонился ко мне и заговорщическим голосом прошептал: — Я не знаю, слышал ли ты… но Эми у нас местная звезда в команде по бегу.

Я изобразил удивление.

— Да вы что? Она никогда мне не говорила!

В этот раз мы оба рассмеялись немудрёной шутке.

— С ней сегодня всё было в порядке? Простуда не беспокоила? — спросил меня Судзуки-сан.

— Почему бы вам саму её не спросить? — удивился я. Где это видано, чтобы врач о здоровье пациента справлялся не у него самого, а у его товарища?

Он в раздражении закатил глаза.

— Конечно, спрошу, а она мне скажет, что всё в порядке. Даже если это и не так. Поэтому лучше спросить тебя, ведь ты её друг, и, наверное, не станешь скрывать, если ей сегодня было плохо.

Думаю, в этом он был совершенно прав. В этом случае я не то

что не стал бы молчать, а сообщил бы об этом первым делом, наплевав на собственное состояние. Особенно после вчерашнего.

— Сегодня с ней всё было в порядке, разве что, устала сильнее обычного. Она уже вчера выглядела вполне здоровой, когда я к ней заходил.

Фельдшер кивнул, хотя я и заметил лёгкую тень на его лице, когда я упомянул вчерашний визит.

— Ну что ж, приятно слышать. Насколько я понял, это была болезнь-однодневка. Эми обычно быстро восстанавливается после простудных и им подобных заболеваний.

— Кстати, насчёт Эми… У неё с капитаном команды по бегу…? Ну, вы понимаете, — воспользовался я случаем и задал тот самый вопрос, который собирался.

По его лицу пробежала тень любопытства.

— А почему это ты спрашиваешь? — Судзуки-сан подмигнул мне, и я, кажется, слегка покраснел.

— Ну, просто у них вроде как довольно близкие отношения, и мне стало интересно, вот… А у неё самой спрашивать как-то неловко, — я очень старался, но никак не мог перестать рыскать взглядом по комнате, лишь бы не встречаться с ним глазами в этот момент.

Пока что неплохо. А теперь, чтобы уж наверняка…

— Кроме того, из них вышла бы милая парочка.

Фельдшер от души рассмеялся. Надеюсь, это было не от того, что я не смог скрыть в голосе отвращение.

— Думаю, ты первый, кто так считает. Но я с некоторой уверенностью могу тебе сказать, что между ними ничего не было и не будет.

— С уверенностью? — слегка нахально уточнил я, впиваясь в Судзуки-сана взглядом. Видимо, не слишком глубоко, так что, его не особо проняло.

— Ага. Подробностей сообщить не могу. Врачебная тайна и всё такое, — усмехнулся фельдшер с видом матёрого тролля.

— Да вам просто нравится держать меня в неведении, — обиженно пробурчал я.

— И это тоже. Так. Давай, освобождай помещение. Я человек занятой, как-никак.

Закатив глаза в ответ на его последнюю фразу, я вышел из кабинета и помахал Эми, чтобы та заходила. Всё это — стараясь не пуститься в пляс от радости. И, надеюсь, моя физиономия не выглядела подозрительно довольной.

Между ними ничего не было и не будет.

Именно такого рода ответ я мечтал услышать. Я даже подумал: не предпринять ли мне что-нибудь в отношении Эми

прямо сейчас, но фельдшер, наверное, не оценил бы… Или даже хуже — оценил бы и в красках расписал. К тому же я всё ещё не знал о её чувствах. Её забота обо мне как о друге была совершенно очевидна, но нечто большее? Не могу сказать наверняка.

И всё же надежда умирает последней. Надо всего лишь подгадать нужный момент и рассказать ей о своих чувствах.

Размышления такого рода займут мою голову до конца дня, уж точно.

Глава двенадцатая Первое свидание

На крыше не было ни души.

Я рассчитывал увидеть здесь Рин, которая всегда приходила сюда раньше меня, но сегодня она почему-то отсутствовала. Видимо, она решила в кои-то веки сходить вместе с Эми в столовую. Маловероятно, конечно, но это единственное, что пришло в тот момент мне в голову.

Несмотря на то, что часть моего сознания хотела отправиться на поиски Рин, гораздо большая его часть желала ни о чём не думая понежиться под солнышком.

Я лениво ковырялся в своей еде, ожидая прихода Эми и Рин. Спустя некоторое время до меня донеслись слегка приглушённые звуки шагов: кто-то поднимался по лестнице. Дождавшись, пока дверь начнёт открываться, я обратился к входящим.

— Что-то вы припозднились. Я вас уже заждался, честное слово. Вы обе сегодня… Чего?

Вот так неожиданность. Единственной, кто стояла у открытой двери, была слегка растерянная Эми.

— Что значит «чего»? Это я! Ну, помнишь, Эми? Мы по утрам бегаем вместе, — напомнила она, осторожно посматривая в мою сторону. Должно быть, девушка была несколько ошарашена моим вопросом или я в этот момент имел странный вид.

Она широко улыбнулась, и от этого моё сердце почему-то начало биться быстрее.

— Да знаю я, знаю, — улыбнулся я в ответ. — Просто не пойму… где Рин?

Улыбка Эми тут же сменилась довольно-таки виноватым выражением лица. Она потупилась и даже попыталась поковырять протезом гравий, покрывавший крышу.

— Да, насчёт неё… Она вроде как… кажется… Заразиласьотменя, — выпалила бегунья одним духом, словно пытаясь таким образом не дать себе промолчать.

— Вот это да. Я тоже рискую заразиться? — встревожено спросил я, глядя на девушку расширенными глазами. На это были все шансы. Мы ведь с Эми не так давно довольно близко общались. М-да… очень близко…

Интересно, чем же в таком случае они с Рин занимались, что та заболела? Так, спокойно, старина. Лучше об этом не думать. Скорее всего, у Рин просто иммунитет слабее, чем у меня. И вы, господин Хисао Накай забыли про одну маленькую, но очень существенную деталь. Эми помогает Рин одеваться по утрам. Учитывая… анатомические особенности художницы — сильно

подозреваю, что подруга помогает ей со **всей** одеждой, вплоть до нижнего белья. Вот вам и плотное общение.

Эми казалась настолько шокированной моим вопросом, будто ни разу об этом не задумывалась.

— Надеюсь, что нет! Будет просто ужасно, если ты из-за меня заболеешь, Хисао! — едва ли не жалобно воскликнула она, глядя на меня своими фирменными щенячьими глазками.

— Вот чёрт, кажется, меня знобит… — я поёжился в притворном испуге, решив немножко подразнить чемпионку, раз уж она начала применять такие запрещённые приёмы.

Выражение ужаса на лице девушки быстро сменилось на более агрессивное. Ого, а такой реакции я не ожидал.

— Хисао! А ну-ка быстро перестал заболевать! Так не пойдёт! — В порыве чувств она схватила меня за воротник и притянула поближе к себе. — Эй, иммунитет Хисао, слышишь меня? Давай, не расслабляйся там!

Я шутливо отдал честь.

— Вас понял, мэм!

Эми сделала шаг назад и удовлетворённо кивнула.

— Вот и славно. В конце концов, тебе же нельзя пропускать наши утренние пробежки.

— Но ты ведь пропустила! — я ещё не до конца отошёл от шутливого настроения и счёл возможным отпустить в её адрес небольшую дружескую шпильку. Да и было у меня подозрение, что к себе она относилась с несколько большим снисхождением, чем ко мне.

Эми скрестила руки и горделиво посмотрела на меня.

— Да, но это был особый случай. Пропустила я, а не ты, — усмехнулась она. Двойные стандарты, как я ожидал. Впрочем, таким милым девушкам это позволительно.

— Да это совсем не объяснение, — досадливо возразил я.

На её лице проступило совершенно непритворное изумление.

— Шутишь, что ли? Чем тебе не объяснение?

— Тем, что оно ничего не объясняет! Ты всё подогнала под себя! — воскликнул я, картинно всплеснув руками.

— Не пойму, причём тут это? — прищурилась Эми; теперь она больше напоминала сурового прокурора на суде, чем щеночка. Что-то подсказало мне, что с шутками пора завязывать, иначе я рисковал с ней поссориться.

— Ладно, проехали, — вдохнул я.

Эми, кажется, была очень довольна своей победой.

— Так что там с Рин? С ней всё будет в порядке? Она ведь не слишком серьёзно заболела, да? — постарался перевести тему я. К тому же, здоровье подруги меня, в самом деле, волновало не на

шутку. Но, надо признаться, об Эми я беспокоился больше.

Бегунья беззаботно покачала головой.

— Нет-нет, она справится. Я дала ей пару средств от простуды. Должно помочь. Хотя, наверное, надо было убедиться, что она не проглотила всё сразу… А то такое уже случалось.

Меня это почему-то нисколько не удивило. Сомневаюсь, что Рин было хоть какое-то дело до максимально допустимой дозировки лекарств. Ой. Как бы она ещё не отравилась в своей вечной задумчивости…

— Тогда, может, зайдёшь к ней попозже и проверишь, всё ли в порядке? Так, на всякий случай, — попросил я, проникновенно глядя на девушку.

Эми пожала плечами в ответ.

— Загляну после тренировки. А пока и сама, надеюсь, справится.

Я кивнул, понимая, что данная тема себя исчерпала. Проблема была в том, что я ума не мог приложить, о чём ещё можно было бы поговорить.

— Слушай… У тебя соревнований больше не намечается? — в порыве внезапного вдохновения спросил я девушку, буквально пожирая её глазами. Это был невероятно запутанный способ узнать, свободна ли она на выходных. Если да, то, может, мне удастся позвать её на свидание или ещё куда? Если мне, конечно, хватит смелости произнести это вслух. Должно хватить.

Эми вновь покачала головой.

— Не, ещё несколько недель ничего не будет. Сезон заканчивается потихоньку.

А, точно. Я же перевёлся в самое суматошное время. Это значит, что скоро экзамены? Надо бы начать готовиться. Хотя в больнице я времени даром старался не терять, и судя по моим отметкам (особенно по предметам, которые вёл Муто), особо опасаться экзаменов мне не следовало.

— А чем ты занята по выходным, если нет соревнований? — вкрадчиво спросил я, всё так же не отрывая глаз от живого воплощения кавая.

Брови девушки взлетели вверх, а лицо приняло насмешливое выражение.

— А что это мы сегодня такие любопытные, а? — она игриво подмигнула мне и облизнулась ну, совершенно, как кошка.

Я пожал плечами, стараясь выглядеть естественно, совершенно не уверенный, что это у меня получается.

— Да просто стараюсь поддержать беседу. Мне ведь не понять, каково это — быть звездой лёгкой атлетики.

— Пффф, льстец. — Эми лениво и даже несколько театрально

махнула рукой. — Не так уж я и хороша, знаешь ли. Просто ты меня видел, когда я в ударе была, вот и всё.

— Врёшь и не краснеешь, — восхищённо цокнул языком я, давая понять, что мне-то её талант прекрасно известен.

— Хе-хе, и правда. Но хорошим бегунам присуща скромность. По крайней мере, так говорил мой папа, — она пожала плечами, безуспешно пытаясь скрыть признаки волнения.

— Эй, в чём дело? Тебя что-то беспокоит? — немедленно подобрался я, моментально вспомнив вчерашний вечер. Не зря же она проснулась с криком «Папа!».

Эми начала отпираться, но затем вздохнула, признавая поражение. Возможно, она ещё не оправилась от болезни, и поэтому была не в состоянии отрицать это, как обычно делает? Или просто сейчас она мне больше доверяла и могла открыться?

— Помнишь прошлый вечер? — тихо спросила бегунья.

Ещё бы. Однако я ограничился простым кивком, опасаясь своим длинным языком оборвать её слова.

— Это со мной не впервые. Вообще-то, они мне снятся… — Эми внезапно умолкла, будто изумлённая тем, что сообщает мне всё это. Такая внезапная запинка натолкнула меня на мысль, что она своими словами нарушала какое-то своё личное правило. Но затем она продолжила рассказ, осторожно выбирая слова. — Ну, не то чтобы часто, но… Иногда. Просто вчера был один из тех дней, когда это происходит.

У девушки вырвался тяжёлый вздох, да и выглядела она ужасно расстроенной. Я пододвинулся ближе и решительно заключил Эми в объятия, которые, в отличие от прошлого раза, не удивили её. Напротив, в моих руках она ощутимо расслабилась. Некоторое время мы оставались в таком положении не говоря ни слова.

— Знаешь, а я ведь прошлой ночью всерьёз сказал. Если тебя нечто подобное беспокоит, не стесняйся, поделись со мной. В одиночку с такими вещами сложно справляться, — тихо прошептал я ей на ушко, стараясь вложить в свой голос как можно больше нежности и убедительности.

Эми улыбнулась и высвободилась из моих объятий, но тут же прислонилась к моему плечу.

— Спасибо тебе, Хисао. Я справлюсь. Наверное.

Уже было заметно, что она приходит в себя и скоро снова отмахнётся от этих эмоций.

Эту тему, по всей видимости, тоже можно было считать исчерпанной.

— Ладно. А что насчёт того опроса о будущей профессии? Думала над этим?

— Скорее нет, чем да. Не люблю, знаешь ли, планировать всё заранее. Хотя, думаю, стоило бы начать с поступления в колледж, а?

Я осторожно пожал плечами, стараясь не потревожить её.

— На мой взгляд, самое то, если только ты и вправду не хочешь податься в пираты. Насколько я знаю, пиратам высшее образование не очень нужно. Если, конечно, специально для них где-нибудь не строят университетов.

Эми хихикнула и стала больше похожа на прежнюю себя, но теперь она выглядела как-то по-новому. Игриво. Вот как бы я её описал. Положив голову мне на плечо и смотря прямо на меня, Эми и правда выглядела игриво.

— А ты пошёл бы со мной странствовать по морям, если бы я стала пиратом? — задала девушка провокационный вопрос.

— Конечно, пошёл бы! Да кто в здравом уме упустил бы возможность быть пиратом вместе с тобой? — возмутился я. Уж на правильный-то ответ в такой ситуации почерпнутых мной из книг знаний должно было хватить.

— Ну, если это так преподносить, то, действительно, не знаю кто.

Она снова хихикнула. Моё сердце, кажется, начало биться быстрее. Наверное, это от того, что Эми была так близко. Опять послышался знакомый запах клубники. Я не мог сдержать широкую улыбку, глядя на неё сверху вниз. Бегунья снова была счастлива.

— Эй, Хисао, — томно протянула Эми.

— Мм? — лениво приподнял я бровь.

— Если собираешься поцеловать меня, то лучше сделай это прямо сейчас. Кажется, скоро звонок прозвенит, — тем же тоном продолжила маленькая… хищница. В этот момент она выглядела именно так.

Все мои мысли неожиданно замерли. И, кажется, челюсть отвисла от изумления. Я что, сплю? Ведь ещё пару часов назад о подобном я и мечтать не смел! Всё, что мне удалось выдавить из себя — сдавленное «что?». Это ещё больше позабавило Эми.

— Ты ведь об этом думал, а? — Она выпрямилась, приближая своё лицо к моему.

— Мне бы, наверное, даже понравилось, как думаешь? Ты такой… славный. — Бегунья немного помолчала, собираясь с мыслями, и всем своим видом показывая, что обдумывает нечто очень важное. — Если ты до сих пор не понял, я к тебе очень сильно привязалась. Ну, я так думаю… и тебе придётся с этим что-то делать.

На этот раз от её улыбки у меня совсем закоротило мозги и

начало барахлить сознание. Я, кажется, развернулся к ней, а потом её руки обвили мою шею. Затем я положил руки ей на талию. Будь я проклят, если помню, что именно тогда делал. Потому что в тот момент я слышал только голос в голове, требующий поцеловать её.

Я смотрел Эми в глаза. Вот оно. То, что я увидел в её глазах вчера, пока мы лежали на кровати, оно снова проявилось. До меня внезапно дошло, что она переживает, не отвергну ли я её. Что за глупые беспокойства? На её губах чувствовался сладкий привкус клубники. Она прислонилась ближе, крепче сжимая руки на моей шее, будто боясь, что я отдёрну голову. Но я бы ни за что этого не сделал. У меня в желудке всё начало переворачиваться, очертания мира потускнели… Остаются только я, девушка в моих руках и эта скамейка.

Зачарованный близостью её тела, я прижал Эми к себе поплотнее. Я вдыхал её запах, в смятении пытаясь запомнить всё происходящее до самых подробных мелочей: вкус её губ, аромат её тела, чувство того, что мы вместе.

Звонок привёл нас обоих в чувство, и мы с трудом прервали поцелуй. Щёки девушки всё ещё слегка горели, и она, похоже, переводила дыхание. Пару мгновений мы просто стояли молча, пытаясь осмыслить то, что сейчас совершили.

Эми первая нарушила повисшее молчание.

— Итак… может, сходим поужинать после моей тренировки, а? — слегка несмело предложила спортсменка. Или мне так показалось из-за тяжёлого дыхания?

— Какое совпадение. Я как раз собирался предложить тебе то же самое, — с улыбкой признался я в своих коварных планах. Хотя если по правде, я рассчитывал на более традиционное свидание в конце недели, например. Но мысль в принципе была неплохая.

Эми игриво толкнула меня в бок.

— Ага, рассказывай. Признайся, у тебя аж дух захватило от того, как классно я целуюсь!

Мы спускались о лестнице, чтобы разойтись по своим классам, и я слегка притормозил, в очередной раз воскрешая в памяти поцелуй. Ладно, вру, слегка отпуская сознание от концентрации на настоящем моменте.

— Эй, а ты тоже не сразу разговаривать-то стала! — подколол я… свою девушку? Могу я её уже так называть?

— Угу, не сразу, — довольно признала Эми. — Увидимся после тренировки, Хисао.

Она быстро наклонилась и поцеловала меня в щёку прямо посреди коридора, отчего моё сознание снова отправилось в

свободный полёт.

По дороге в класс меня перехватила хихикающая Миша. Слава ками, что ещё без Сидзунэ — в одиночку с ней вполне можно было иметь дело.

— Ах, ты, Хиттян, романтик этакий! Ты на крыше ей признался? На крыше ведь? — принялась допытываться у меня одноклассница. Хм, думаю, удовлетворить её любопытство я смогу. Всё-таки отпираться после того, как нас с Эми только что видели в коридоре, было бы бессмысленно. Миша и так обо всём узнала бы, пусть и чуть позже.

— Вообще-то, думаю, что, скорее, она призналась мне, — доверительно поведал я ей, взглядом показывая, что эта информация не нуждается в широком распространении.

Эта реплика вызвала у Миши ещё один приступ хохота и одобрительное подмигивание. Ох, хоть бы мой посыл до неё дошёл…

— Любовь в юности такая непредсказуемая, а?

Естественно, от неё следовало ожидать подколов на этот счёт. Это же Миша.

— Как-то так… — Не успел я нормально ей ответить, как в класс вошёл Муто, и Миша вприпрыжку устремилась к своему месту, беспрестанно хихикая.

Думаю, мне теперь часто придётся выслушивать подобные речи, особенно после того, как Эми поцеловала меня прямо посреди коридора, на глазах у всех.

Но мне не было до этого дела. Впервые за всё время пребывания здесь на сердце у меня стало совершенно легко.

* * *

Я сидел на уроке Муто, а мысли мои крутились вокруг одного и того же события.

Я собирался ужинать. Ужинать с Эми. Которая, ни много, ни мало, хочет быть моей девушкой. Свидание… А ещё она поцеловала меня. Тот поцелуй… Я не переставая вспоминал его, снова и снова прокручивая у себя в голове до мельчайших подробностей. Всё казалось таким… правильным в тот момент. Моё сознание затуманилось, теряясь в мыслях об Эми.

— Накай? Э-эй? — внезапно раздался голос учителя прямо у меня над ухом, насильно возвращая меня из страны грёз в сей бренный мир. Кажется, я слишком замечтался — даже не заметил, как он подошел ко мне.

— А? Что? — спустя несколько секунд отреагировал я.

— Ей-богу! Да ты заразился какой-то неизученной формой амнезии! — Муто в притворном ужасе отступил назад на шаг и воздел руки к небу. То есть, к потолку. — Фельдшера! Скорее фельдшера!

Класс дружно захихикал над выходкой Муто. И правда, учитель в этот момент выглядел довольно таки комично. Он изначально рассчитывал на подробный эффект или это вышло случайно?

— Прошу прощения, сэр, — покаянно вздохнул я. Виноват. Мог и отложить мечты до перемены.

— Хм, такого больше не повторится и так далее, да? — печально спросил Муто, под всё продолжающееся хихиканье. Создавалось впечатление, что спектаклем он всё-таки худо-бедно, но режиссирует.

— Так точно, — пришлось немедленно подтверждать свою готовность встать на путь истинный. Печальный Муто одним своим видом прекрасно пробуждал к жизни мою совесть.

Лицо Муто после моих слов заметно прояснилось.

— Ну что ж! Просто замечательно! Мне же всё-таки не хочется, чтобы мой лучший ученик витал в облаках.

Я, конечно, неплохо справлялся с учёбой, но не думал, что дотягиваю до звания лучшего ученика. Тем более — до публичного признания от учителя. Но может, он просто так пошутил? И я с уверенностью мог сказать, что этот предмет — один из тех, по которым у всех всё хорошо получается. Нужно только запоминать формулы, хотя и с этим у некоторых учеником могли возникнуть проблемы. В моей старой школе, например, я знал некоторых одноклассников, у которых были проблемы с физикой, но которые же отлично управлялись с социологией, недолюбливаемой уже мной.

Верный своему слову, остаток урока я внимательно слушал учителя.

— Накай, можно тебя на пару слов? — мягко попросил меня Муто после того, как прозвенел звонок.

Интересно, влетит ли мне сейчас за то, что я отвлёкся? Маловероятно, но не исключено.

— Э, конечно. У меня проблемы? — я встал перед учителем навытяжку, готовый морально ко всему. По крайней мере, я *надеялся*, что был готов.

На лице Муто мелькнула растерянность.

— Прошу прощения? — Он склонил голову набок и на секунду задумался. — Ах, это! Нет-нет, никаких претензий, абсолютно. Я просто хотел кое-что у тебя спросить.

— Что именно?

— Ничего страшного, просто мне интересно, какие у тебя планы после окончания школы? Собираешься пойти в университет?

— Ага, наверное. Не вижу причин не идти, — пожал я плечами.

— Не думал, что именно хочешь изучать?

— Вообще-то нет. Думал, что на месте разберусь.

Муто рассмеялся.

— Предпочитаешь плыть по течению, да? Я бы с тобой поспорил, но и сам так думал, когда поступал в университет. Хотя, по правде говоря, не совсем. Я знал, что займусь естественными науками. Не решил только, какой именно. В итоге пришёл к физике, но мог бы заняться и астрономией, да и вообще, чем угодно. Хотя начал я с химии, но там было столько всякой…

Учитель замолк и слегка нахмурился. На то, чтобы собраться с мыслями и продолжить рассказ, у него ушло около минуты. Я терпеливо ждал, пока он вновь заговорит. Дело принимало интересный оборот.

— В общем, физикой я тоже занимался много, потому что интересовался ей, но не был уверен, что это моё. Поэтому я вернулся к изучению химии, и вот я здесь. Да? — Он с энтузиазмом улыбнулся, будто ждал моего подтверждения, что да, вот так всё и было. Почему-то мне показалось, что Муто заранее спланировал этот разговор, но будь я проклят, если знал, в чём этот план заключался..

— Простите, я вас не совсем понимаю, — развёл я руками.

Муто нахмурился и с недоумением почесал щёку. Затем внезапно щёлкнул пальцами, будто вспомнив, в чём смысл нашего диалога и буквально впился в меня пронзительным взглядом. Я невольно вздрогнул.

— Да! Точно! Ты! — внезапно воскликнул учитель, буквально пожирая меня глазами. В кои-то веки я пожалел, что на фоне обычных японских школьников я обладал довольно-таки внушительными габаритами в плане роста и не мог спрятаться нигде в классе.

— Я? — уточнял осторожно, опасаясь того, что на учителя в коридоре напал Кэндзи и покусал его.

— Да! Тебе стоит подумать над изучением одной из этих наук! У тебя ошеломляющие успехи. Если ты, конечно, не собирался заняться математикой. — Муто сделал кислое лицо. — Чистая математика как-то не по мне. Я всегда предпочитал эксперименты доказательствам.

— Вы считаете, мне стоит в университете заняться изучением

естественных наук? — заинтересовался я. Так значит, он не шутил, и я в самом деле очень хорош в естественных науках? Приятно, однако.

Мой вопрос, кажется, сбил Муто с толку.

— Ну, вроде того. А ещё, ты можешь вступить в кружок естественных наук! Его, правда, как бы и не существует, — тут учитель вздохнул, но мгновенно воспрял духом и продолжил с прежним энтузиазмом. — Но его можно создать! Ты даже можешь стать его первым членом! Отцом-основателем! Но тебе, конечно, придётся найти ещё желающих. Если захочешь, само собой. Мы могли бы начать и просто с нас двоих. И, эээ… Я мог бы дать тебе почитать пару вещей, а потом мы бы их обсудили. Эмм, а ещё я мог бы тебе помочь подготовиться к поступлению. Погоди-ка!

Муто на некоторое время зарылся в своём портфеле, а затем передал мне книгу.

— Прочитай вот это. Если будет интересно, обсудим, когда прочтёшь.

«Краткая история времени»? Никогда раньше о такой не слышал. Не уверен, что хочу это читать, но Муто, кажется, был просто в восторге от этой книги. Вероятно, оно того стоит.

— О чём она?

— Время. Пространство. Пространственно-временные взаимодействия. Чёрные дыры и всякое такое, сделал неопределённый жест Муто. — И не бойся, написано не слишком заумно. Понимаешь, просто хочу узнать, интересны ли тебе подобные вещи или нет. Задержись после занятий, и мы обсудим книгу. Ну, или я могу научить тебя делать взрывчатку в лаборатории.

Он отмахнулся, заметив на моём лице недоумение.

— Извини, просто шутка. Ладно, я и так тебя достаточно задержал. Подумай о карьере в сфере естественных наук, Накай. Мне кажется, тебе это понравится.

— Ладно, подумаю. Спасибо вам за книгу.

Я вышел из кабинета и бросил взгляд на часы: до окончания тренировки Эми ещё оставалась куча времени. Думаю, стоило взглянуть что там, в этой книжке. А ещё в душ не мешало бы сходить. Ведь ходить в душ перед свиданием это правильно, так ведь?

Я не торопясь направился к общежитию.

Интересно, а где же мы с Эми встретимся? Она сказала «после тренировки», но не сказала, где мне её искать. Думаю, стоило просто прогуляться до стадиона. Это, наверное, будет лучшим вариантом. Если она тоже пойдёт в душ, я мог, например, подождать у неё в комнате. Или в коридоре; так было бы даже

лучше.

Я по-быстрому ополоснулся, не забыв принять после этого лекарства.

А теперь пора посмотреть, что там за книга. Я открыл её и с интересом приступил к чтению.

…

Я внезапно проснулся. Неужели отключился во время чтения? Вот черт! Сколько времени? Взгляд на часы показал, что я дрых примерно час.

— Слава ками, — пробурчал я.

Тренировка Эми должна была скоро закончиться. Я быстро оделся и направился на стадион. У меня возникло такое чувство, что обедать мы будем без особых изысков. По мне, так Эми вообще была не из любителей изысков. Хотя, я полагал, что у Эми есть ещё целая куча качеств, о которых я не знал. Несмотря на то, что мы с ней с недавних пор стали близки, я всё же не особо много про неё знаю.

Ну да ладно, на устранение этого упущения времени ещё хватит. Честно говоря, я очень хотел узнать её ближе. Я настолько глубоко погрузился в свои мысли, что и сам не заметил, как пришёл к стадиону.

Эми нигде не было видно. Даже их команды по бегу сегодня не было. Это меня несколько смутило. Где же мне её искать?

— Эй, Хисао! — раздался у меня за спиной голос бегуньи.

Я обернулся и увидел Эми, спешившую ко мне со спортивной сумкой, перекинутой через плечо. Она переоделась в свою повседневную одежду: шорты и оливкового цвета топ. Металлические беговые протезы девушка уже сменила на более реалистично выглядящие, которые, тем не менее, никого обмануть не могли. Эми это, похоже, было совершенно безразлично, что вызвало у меня улыбку.

— Эй, ты пришёл! В смысле, ты должен был, но всё равно… — радостно заговорила девушка, глядя на меня во все глаза. Внезапно я оказался заключён в самые ласковые объятия в своей жизни, из-за чего попытка стереть с лица широченную улыбку потерпела полнейший крах.

— Конечно, пришёл! Только сумасшедший бы отказался, — высказал я то, что как раз сейчас было у меня на уме.

Эми на секунду задумалась.

— А ты, кстати, прав. В смысле, я всё-таки очень крутая, — с гордостью заявила девушка.

В ответ я пожал плечами.

— Я тоже так думаю.

Я произнёс это как бы между делом, поэтому не понял,

почему Эми так удивилась. Она покраснела и тепло мне улыбнулась, а потом поцеловала меня в губы. Теперь уже я был поражён. Эми с самым самодовольным видом сделала шаг назад, а потом встала на пятки. Мой мозг тщетно пытался найти этому уместное объяснение.

— Надо бы почаще делать тебе комплименты, — довольно выдал я, проведя пальцем по губам.

Бегунья рассмеялась и игриво ткнула меня в бок.

— Дурак.

Я обнял её за плечи и с радостью отметил, что она сразу прижалась ко мне, как будто это была самая естественная вещь на свете.

— Ладно, куда отправимся?

— Даже не знаю. Куда тут обычно ходят на свидания? — девушка озадаченно почесала в затылке и посмотрела на меня.

Чертовски хороший вопрос. Особенно если учитывать, что в городке поблизости я был всего-то пару раз, а Эми училась в «Ямаку» уже несколько лет.

— Без понятия. Почему бы нам не сходить в здешний магазин и не купить чего-нибудь? — предложил я первое, что пришло в голову. Эх, было бы у меня время, я бы, конечно, подготовился к свиданию как следует, но упускать такой шанс было бы страшным грехом.

От этого предложения лицо Эми озарилось радостью.

— Пикник! У тебя бывают хорошие идеи, Хисао.

Она обняла меня за пояс, и мы пошли к парадному входу. Я, если честно, понятия не имел, как себя вести на свиданиях (раньше как-то не доводилось на них ходить), но Эми, к счастью, тоже. Несмотря на приятное чувство близости к ней, я ощущал некоторое напряжение. А что, если я делаю что-то не так? Я бы не хотел выставлять себя пред ней дураком.

Наш поход до магазина был наполнен болтовнёй Эми о тренировках. Я большую часть времени молчал, наслаждаясь её компанией. Прохожие иногда странно на нас посматривали, но мне было всё равно. Мы купили себе хлеб и лапшу быстрого приготовления, слишком поздно сообразив, что в парке негде её будет готовить.

— Ну и ладно. Заберу её потом себе на ланч, — махнула рукой девушка.

— Неплохая идея, — согласился я.

Парк мы нашли после того, как ненадолго сбились с курса, в чём оказалась виновата Эми. Эми, конечно же, винила в этом меня. Мы нашли неплохое место под деревом и уселись там. Я прислонился к стволу дерева, а Эми села напротив.

— Наверное, надо было захватить с собой покрывало или что-нибудь вроде того, чтобы на земле не сидеть, — досадливо цокнул языком я. В прошлый раз мы подготовились лучше… но и той весёлой спонтанности не было.

Эми пожала плечами.

— Мне всё равно.

— Мне тоже.

Она кинула мне пакетик, и мы принялись за хлеб. Хлеб оказался с карри. Любопытно. Я даже не смотрел на то, что покупал в том магазине — маленькая девушка рядом со мной занимала все мои мысли. Так что, нам ещё повезло, что мы вообще купили продукты.

— Ку-ку, Хисао. Слишком острый хлеб попался? — поддразнила меня бегунья.

Я замотал головой, изо всех сил пытаясь сохранить мужественный вид.

— Да нет, совсем чуть-чуть.

— Ага, конечно. И лицо у тебя из-за этого покраснело, — довольно закивала она.

— Ага, именно. Специй тут мало и… поэтому кровь приливает к щекам. От разочарования, — ками-сама, ну и бред же я несу…

Эми рассмеялась и доела последний кусочек своей булки.

— Ладно, если ты никак не можешь доесть, я тебе с радостью помогу.

— Эй, если ты так быстро смолотила свою порцию, это не значит, что я отдам тебе свою, — сделал я попытку воспротивиться покушению на мою еду.

Девушка обижено надула губки, и я чуть не подавился со смеху.

— Нууу, Хисао! Разве тебе не нужно следить, чтобы я хорошо кушала? Мы же на свидании, знаешь ли! Хотя… — Эми внезапно стала обеспокоенной. — Я особенно не вижу разницы.

— Хмм, в каком смысле? — заинтересованно склонил я голову набок.

— Почему мы называем это свиданием? Мы делаем то же, что и всегда. Но теперь всё по-другому, чем когда мы ели ланч, будучи друзьями. Теперь мы больше, чем просто друзья, — слегка сбивчиво объяснила мне Эми.

— Ты прямо как Рин.

Мы засмеялись. Бегунья снова улыбнулась.

— Ну, я думаю, это её мысль. Мы говорили о чём-то таком раньше.

— Правда? Про меня? — я вопросительно поднял брови.

— Не совсем. Просто… обычная болтовня, честное слово, — смутилась она. — Рин считает, что менять название из «подруги» в «девушку» — сплошная условность. Как будто нет особой разницы.

— Ну, одно отличие я найти могу. С подругой нельзя так часто целоваться, — и я с хитрым видом демонстративно облизнулся, глядя на её губы.

Второй раз за сегодня Эми покраснела и захихикала Ксо, в такие моменты она милая просто до невозможности!

— Может, ты и прав.

— Конечно прав. В таких вещах я не ошибаюсь, — довольно протянул я.

Девушка закатила глаза и засмеялась.

— А ты умён, да?

Я кивнул.

— Ага. Даже Муто так думает. Он считает, что мне стоит пойти в науку после школы.

Эми приподняла бровь.

— Серьёзно?

— Да. Думаю, это вполне себе неплохой вариант. — Чем больше я об этом размышляю, тем больше эта идея мне нравится. Надо будет потом обдумать это серьёзнее.

— А ты что планируешь делать после выпуска? Всё ещё хочешь заниматься бегом?

Спортсменка пожала плечами со слегка нерешительным видом.

— Фиг знает. Если я действительно талантлива и смогу найти команду, то почему нет?

— Так ты не уверена? — уточнил я.

— Я просто… не особо задумывалась над этим, если честно, — призналась она.

— Серьёзно? А стоило бы. Выпуск уже не за горами.

Эми несколько нервно поёрзала на месте.

— Ну, э… есть ещё куча времени, верно? Да и потом, у меня и без того есть над чем подумать. — В глазах девушки мелькнул озорной огонёк, и она внезапно прижала меня к дереву. — Например, удостовериться, что это и правда свидание. В смысле, без поцелуев это и не свидание вовсе, правда?

— Думаю, ты пра….

Клубника и карри. Не лучшая комбинация, но я не против.

Она села мне на колени и снова широко улыбнулась.

— Вот так. Наука, ведь, не против? — ехидно уточнила бегунья.

У меня появилось странное видение, в котором Муто с самым

серьёзным видом кивал и делал в блокнотике пометку. Я не смог сдержать смех.

— Впервые вижу человека, который смеётся после поцелуя. Мне следует обидеться? — притворно нахмурилась Эми.

— Хех, нет-нет. Я уверен, наука одобряет, — хмыкнул я.

Она широко мне улыбнулась, и я понемногу успокоился.

— О, здорово!

Только сейчас я заметил, что Эми стащила остатки моего хлеба, пока у меня в голове мелькали учителя с блокнотиками.

— Эй! — я сделал вид, что недоволен таким раскладом.

Чемпионка в свою очередь попыталась сделать вид, что она ни при чём, но её рот был набит моим хлебом, так что это ей не удалось.

— Мф? Ифиняюф, не фмогва уферфатфя.

— Воришка! — в притворном негодовании воскликнул я.

В ответ я получил только пожатие плечами.

— Используешь на мне свои женские уловки! — Я, в принципе, не был так уж голоден — просто захотелось её немного подразнить. Фраза про «женские уловки» явно сбила Эми с толку, но через мгновение она пришла в себя.

— Чепуха! Ничего такого я не делала! Ты же смеёшься! Эти самые уловки смех не допускают!

Думаю, с этим спорить не приходится.

— Это не меняет того, что ты воришка, — слегка надулся я, стараясь выглядеть посмешнее.

Эми рассмеялась над моим обиженным голосом и примирительно похлопала меня по плечу.

— Ладно-ладно, можешь забрать себе лапшу.

— Шутишь? Она же отвратительная! Надо бы заставить тебя съесть её в наказание! — я возмутился, на сей раз уже не столь притворно.

Очередная волна смеха от девушки, сидящей на моих ногах… Уже давно занемевших, кстати. Я потихоньку попытался расшевелить одну ногу, но в результате вывел из равновесия Эми, которая завалилась на бок с испуганным «Иии!».

— Ой! Прости, пожалуйста. Ноги затекли, — воскликнул я, обеспокоенно посмотрев в её сторону.

Продолжая лежать на земле, Эми не переставая хихикала. Я встал, немного пошатываясь, и почувствовал, как ноги постепенно приходят в норму. Я осмотрелся, прежде чем зафиксировать взгляд на фигуре по-прежнему лежащей на траве Эми. Её волосы были растрёпаны, руки раскинуты, а наружу рвался задорный смех. Всё это сливалось в единый, цельный образ Эми. Её неуёмная энергия, сила духа и детское хихиканье.

У меня возникло непреодолимое желание лечь на траву рядом с ней, и я определённо мог сказать, что не жаждал ничего на целом свете сильнее этого. Но, к сожалению, солнце уже садилось, и нам пора было отправляться по общежитиям.

Она, конечно, с радостью осталась бы гулять всю ночь, но у меня так, боюсь, не получится. К тому же, ещё нужно было разобраться с домашним заданием. Как-то неправильно было бы задумываться о поступлении в университет, а затем сразу же начинать бездельничать, не правда ли?

Я протянул руку Эми, чтобы она поднялась.

— Слушай, нам, наверное, уже пора.

Эми немедленно сделала кислую мину.

— Ага, похоже на то.

Девушка схватилась за протянутую руку, и я потянул её на себя, а потом сразу заключил в объятия. В этот раз я первым поцеловал её, не в силах устоять перед столь манящей близостью Эми.

— Так не хочется уходить, правда?

— Точно. Но если мы в скором времени не вернёмся, то у нас будут проблемы. — Бегунья игриво ткнула меня под рёбра. — А тебе ещё, сто процентов надо домашку делать!

— К несчастью, ты абсолютно права, — со вздохом признал я правоту девушки.

Я приобнял её за плечи, и мы выдвинулись обратно к школе, сопровождаемые мимолётными вспышками смеха, пока наш разговор переходил от одной темы к другой. Мы болтали обо всём: от бега и школьных занятий, до обсуждения того, как необычно пах один из работников столовой.

И вот мы уже стояли перед женским общежитием.

— Ну, я, наверное, пойду, — как-то нерешительно сказала девушка.

— Я, пожалуй, тоже, да?

Эми снова улыбнулась своей озорной улыбкой.

— Сможешь прожить без меня?

Я засмеялся..

— Я уж постараюсь.

— Ой, кошмар-то какой! — Бегунья прижала руки к щекам. — И даже не скажешь что-нибудь вроде «Да я буду каждую секунду считать с нашей последней встречи»?

— Нет, не думаю, — весело ответил я, не сводя глаз со своей девушки.

Эми притянула меня поближе для быстрого прощального поцелуйчика, и отступила назад, выглядя непривычно смущённой.

— Спасибо за пикник. Мне очень понравилось. Честное слово.

— И мне тоже. Думаю, было бы неплохо как-нибудь повторить.

Она засмеялась над тем, с какой невозмутимостью я это произнёс, а затем кивнула:

— Увидимся завтра с утра пораньше! Хлеб-то всё равно отрабатывать придётся.

— Конечно. Несмотря на то, что большую его часть съела ты, — снова подпустил я лёгкую шпильку.

— Всё равно надо. До встречи, Хисао!

Когда Эми развернулась, чтобы зайти внутрь, я заметил кое-что странное. Настолько странное, что я удивился, как я этого не заметил раньше. Она слегка прихрамывала, опираясь на левую ногу.

— Эй, Эми! — встревожено позвал я её.

— Мм? — обернулась она.

— С твоей ногой всё в порядке? — осторожно спросил я.

Эми удивилась. Или сделал вид, что удивилась.

— Ты вообще о чём?

— О твоей правой ноге. Ты хромаешь, — я едва удержался от того, чтобы показать пальцем.

На мгновение её лицо приняло обеспокоенное выражение. Она или не хотела, чтобы я знал, или думала, что я не заметил. Или же, я надеюсь, сама этого не заметила.

— А, ты об этом, — Эми безразлично пожала плечами. — Наверное, крепёж сместился немного во время пикника. И я само собой, без понятия, почему это произошло именно тогда.

Я вспомнил, как она прижала меня к дереву.

— Ой. Сказала бы! Мы бы прервались и всё поправили! — всплеснул я руками в волнении.

Бегунья легкомысленно отмахнулась.

— Ой, да ну, не такая уж это и проблема. Не волнуйся об этом, ладно, Хисао? Всё в порядке.

Тогда почему у меня такое чувство, словно она пыталась убедить в этом и меня, и себя?

— Точно в порядке? Может, проверишь всё как следует, прежде, чем подниматься по лестнице? А то ведь ты можешь пораниться, если что-то не так.

— Я же сказала, что всё нормально, Хисао. Серьёзно, не волнуйся ты так. У меня всё-таки есть опыт в этом деле, — слегка раздражённо ответила девушка.

— Ага, это точно, — согласился я с ней.

Эми широко улыбнулась, подчёркивая свои слова.

— Я очень ценю твою заботу, Хисао, но я и вправду в порядке.

Ну ладно, теперь я точно пойду. И все твои попытки задержать меня обречены на провал!

— Ха, и не говори. Наверное, я просто откладываю момент прощания.

Ещё одна улыбка осветила лицо Эми.

— Спокойной ночи, Хисао.

— Спокойной ночи.

Глядя на то, как она хромает, заходя внутрь, я мысленно надеялся, что Эми в порядке, хоть она и заверяла меня, что так оно и есть.

Думаю, это можно было назвать очень даже успешным первым свиданием. Ёлки-палки, день, в конце которого Эми прижала меня к дереву, чтобы поцеловать, просто не мог быть плохим, не так ли?

Добравшись до своей комнаты, я порадовался, что удалось избежать встречи с Кэндзи, и принялся за домашнее задание.

* * *

Как же я не люблю так рано вставать! К тому же ночью совсем не спалось. Было над чем подумать. Мозг просто отказывался выключаться. Вместо сна я раз за разом проматывал у себя в голове то, что происходило на крыше, в парке, да и вообще весь вчерашний день.

Краешком сознания я всё ещё ужасно боялся… вдруг всё это какая-то глупая шутка? Боялся, что встречусь с Эми на стадионе, а она и виду не подаст, что мы вчера были на свидании. Я постарался затолкать эти мысли в самый дальний уголок сознания, накинул спортивную форму и вышел за дверь.

Эми уже ждала меня с неизменной улыбкой на лице.

— Ты опоздал! По крайней мере, не пришёл пораньше. Ты устал или что?

Я с сожалением потёр затылок.

— Ага, что-то в этом роде. Много думал, и всё такое.

Она захихикала над моими недосказанными мыслями.

— Ясно, мне тоже не очень хорошо спалось. Я вообще, если честно, рада, что ты немного опоздал, потому что я и сама только пришла.

Интересно, мы оба не спали по одной и той же причине? В воображении немедленно всплыло её заплаканное лицо.

— А тебе почему не спалось? — встревожено спросил я.

Девушка колебалась, при этом, не зная, какое лицо сделать, но быстро заметила моё беспокойство и выдавила из себя кривую

улыбку.

— Да так просто.

Она явно что-то не договаривала. Вопрос в том, стоило ли мне на неё давить? Очевидно, что в последнее время её что-то очень сильно беспокоило. Я хотел ей помочь, но вдруг она посчитает, что я сую нос не в своё дело? Хотя она должна была знать, что я о ней беспокоюсь.

— Уверена? Если тебя что-нибудь беспокоит, я всегда помогу тебе с этим разобраться.

Эми рассмеялась, но это был не обычный её звонкий смех. В нём было нечто такое из-за чего его можно было назвать горьким.

— Разобраться? Не думаю, что это так легко сделать, Хисао. — На её губах появилась несколько мрачная ухмылка. Ухмылка, выражавшая смирение и безысходность. — Вряд ли ты сможешь мне помочь в этом, Хисао.

Больно. Не хочу признаваться в этом, но мне и правда больно это слышать. Неужели она не понимает, что я хочу быть с ней рядом и помогать ей, когда что-то идёт не так?

— Хорошо, я не буду настаивать. Но если передумаешь — дай мне знать. Может, смогу чем-нибудь помочь, — спокойно и твёрдо произнёс я, хотя у меня почти что ком стоял в горле.

Я так и видел, как внутри Эми шла яростная борьба. Видимо, она хотела мне всё рассказать, но не была уверена, сможет ли.

— Эй, давай пока забудем об этом, хорошо? Нам же ещё бегать надо.

При упоминании бега — обычного для неё дела, с которым она легко справляется, — девушка словно ожила и вновь стала прежней.

— Верно! Давай быстрее разминайся, Хисао! Надо поторапливаться!

Не раздумывая, она сорвалась с места, гораздо быстрее, чем обычно. И всё же я старался не отставать, безрассудно испытывая свой организм на прочность. Это давало мне ощущение невероятной свободы, словно болезнь моего сердца уже не имела никакого значения.

Я поймал себя на мысли, что мне хотелось рассмеяться во весь голос из-за переполняющего меня чувства преодоления того, что я когда-то называл своим пределом. Предостережения фельдшера эхом пронеслись в голове, но я их проигнорировал. Это чувство — готовность рискнуть получить ещё один сердечный приступ всего лишь из-за утренней пробежки — мне было совсем не свойственно. Но так ли это на самом деле?

Или, скорей, так ли это плохо? У меня слабое сердце, не спорю. Оно никогда не позволит мне достичь той же скорости и

выносливости, на которые способна Эми. Хотя, если честно, я бы, наверное, и со здоровым так не смог.

У последнего поворота мои ноги буквально кричали, чтобы я остановился, но я впервые проигнорировал их. Перед самым финишем я ускорился и перешёл на спринт, едва не догоняя Эми. Но этого, конечно, не произошло. И всё же я чувствовал себя на удивление хорошо. Конечно, у меня было такое чувство, что ноги сейчас вспыхнут, да и стоять-то с трудом удавалось. Но сегодня определённо что-то изменилось. И всё это благодаря девушке, с улыбкой ожидавшей меня у финиша.

— Сегодня я, кажется, немного побыстрее обычного пробежал.

В ответ Эми улыбнулась ещё шире и пожала плечами.

— Уж не думал ли ты, что я с тобой тут церемониться буду, а? И всё же, ты справился на отлично.

— Ну, без тебя у меня ничего не вышло бы, — будучи на взводе после пробежки и подчиняясь внезапному порыву благодарности, я заключил Эми в объятия. — Спасибо. Правда спасибо, я не просто так говорю. Я у тебя в долгу.

Тронутая моими словами, бегунья смущённо попыталась высвободиться из объятий.

— Не глупи, Хисао. Кто-то ведь должен был тебя сюда вытащить, в конце концов. И я тебе тоже кое-чем обязана, как считаешь? Мне ведь нужен был партнёр для бега, ведь так?

Я упрямо потряс головой, специально не отпуская Эми. Она перестала вырываться и просто смотрела на меня, всё больше и больше краснея, что ей было так несвойственно.

— Нет, не так. Ты хотела иметь партнёра, но он тебе был не особо нужен. Если бы я не пришёл в то утро после фестиваля, ты бы всё равно начала бегать, так ведь? Но у меня бы так не получилось. Я всего пару раз сюда выбрался до фестиваля. А без тебя я бы вообще, наверное, перестал ходить после него.

Эми захихикала и ткнула мне пальчиком в грудь.

— Ты такой ленивый, Хисао.

— Эй, я же тебе комплимент сделал! — шутливо возмутился я.

— Ну… тогда спасибо, наверное, — застенчиво выдохнула она.

— Надо будет тебе за это чем-нибудь отплатить.

— Ох, мм, ну… Это совсем не обязательно. В смысле, ты же мне вроде как нравишься, Хисао. И бегать вместе с тобой по утрам для меня совсем необременительно, поэтому…

Для человека, которого постоянно хвалят, она благодарила как-то топорно. Я не мог ничего больше придумать, поэтому мы

застыли в молчании. Я чувствовал дыхание Эми, влажность её одежды, её запах. Если бы этот запах исходил от кого-нибудь другого, я бы назвал это вонью. Но в случае с Эми этот запах полностью её дополнял. Её кожа была прохладной, и я видел капельки пота на ней, и она ёжилась на ветру. Почти не задумываясь, я наклонился и коснулся своими губами её губ, встречая ответное движение. Её губы были мягкими, и она заурчала, словно кошка, заставляя наши рты вибрировать. Всё в этот момент мне поразительно нравилось. Мы идеально подходили друг другу. Поцелуй закончился, и я разомкнул объятия.

Эми нежно мне улыбнулась, слегка посмеиваясь.

— Пойдём, Хисао, нам к фельдшеру пора.

И тут случилось неожиданное. Развернувшись, чтобы пойти, она вдруг вскрикнула и резко завалилась вперёд.

— Эми! — Я прыгнул к ней, едва успевая её поддержать, и с беспокойством отметил, что виновата в этом оказалась всё та же нога, что и вчера.

— Твоя нога… — встревожено прошептал я.

Эми в панике бросилась в сторону, отталкивая меня.

— Всё нормально! — крик её вышел наполовину жалобным, а на половину — испуганным. Было такое ощущение, словно у меня из-под ног вдруг исчезла земля. На лице, видимо, отразилась испытываемая мной душевная боль, и она начала извиняться.

— Прости! Прости! Я не хотела тебя толкать! Просто… — девушка запиналась, подбирая слова. — Это мелочь, правда.

— Не переживай насчёт этого.

Она была так взволнована, что я решил пока отложить это дело. Правда, оставалось неприятно чувство, не дававшее мне покоя. Я пытался помочь ей, а она меня оттолкнула.

Улыбнувшись, я откинул эти мысли подальше и сосредоточился на Эми.

— Я просто не хочу, чтобы тебе было больно, вот и всё.

— Тебе не нужно обо мне беспокоиться, честно. Я в порядке!

Это ты так говоришь, но почему же я тебе не верю? Почему ты не хочешь мне рассказать, что происходит? Она будто обиделась на мою попытку помочь. Что же мне делать? Я всё ещё обдумывал эти события, когда мы подошли ко входу в медицинский корпус. Эми подняла руку, чтобы постучать, но потом повернулась ко мне, виновато улыбаясь.

— Можно тебя попросить? — она выглядела настолько очаровательно, что отказать я ей никак не мог.

— Конечно.

— Скажешь фельдшеру, что я попозже зайду? Я тут

вспомнила, что у меня есть… ну, дела. Нужно их сделать перед уроками. Поэтому мне нужно бежать, — слегка нервничая, попросила меня бегунья, доверчиво заглядывая в глаза.

Я окинул её пристальным взглядом, заставляя девушку поёжиться. Ага, она явно пыталась избежать встречи с фельдшером. Из-за ноги… Ладно, неважно. Я обещал помочь ей, и я помогу. Но я на сто чёртовых процентов был уверен, что к фельдшеру она сегодня сходит, я за этим прослежу лично.

— Ладно, я ему передам, — смилостивился я, в конце концов.

У Эми был такой вид, будто я подарил ей пони на Рождество.

— Огромное спасибо! Ты лучший, Хисао!

За пособничество в обмане меня наградили поцелуем, и оно того стоило. Я так думаю. Но Судзуки-сану я хотя бы намекну, если нельзя говорить прямо.

Эми выскочила из здания, изо всех сил стараясь не хромать.

Глава тринадцатая Вверх, вниз и снова вверх

Я постучал в дверь кабинета фельдшера.

— О, Хисао. Заходи, — весело поприветствовал меня главный медик «Ямаку», едва я показался на пороге. — А Эми куда пропала? Неужели она снова заболела?

Судя по его голосу, он явно не ожидал от меня фразы: «Да, она заболела».

— Эм, она сказала, что забыла кое-что доделать и смоталась, но обещала прийти позже, — почесал я в затылке, под его пристальным взглядом.

Из фельдшера вырвался вздох раздражения.

— Нет, правда, это девчонка…

— Хмм? — слегка наклонил я голову набок, показывая, что заинтересован.

— Она меня избегает. Она вчера забегала и даже не удосужилась снять протезы. Теперь это, — в возмущении всплеснул руками Судзуки-сан.

Хорошо, что не одного меня это беспокоит. Это… успокаивает, я полагаю. В любом случае, мне явно нужно было рассказать про её ногу. Я сказал, что смогу её прикрыть, но ей действительно стоило сходить на приём.

— Раз уж мы об этом заговорили, она сегодня сильно хромала, — сказал я. Подумав секунду, добавил, — И прошлым вечером тоже.

Брови фельдшера поползли вверх, едва он услышал слова «прошлым вечером».

— И что же вы двое делали прошлым вечером? — спросил он с ласковой улыбкой, от которой мне сразу захотелось говорить только чистую правду.

— У нас было, ну, свидание, — слегка помявшись, признался я.

Он снова поднял брови, изображая удивление.

— Правда? Интересно.

— Эм?

— О, ничего. — Взгляд фельдшера приобрёл задумчивое выражение. Но потом он улыбнулся мне. — Не хочешь ли попробовать с помощью своего обаяния привести её сегодня ко мне?

— Конечно, хочу! — горячо заверил я его. — Я уже давно собираюсь это сделать! Думаю, ей и правда больно, но она

пытается это скрыть.

— Хм, да. Так оно и есть. Боюсь, придётся мне запретить ей бегать, — вздохнул Судзуки-сан, задумчиво потерев подбородок.

— Вы не шутите?

— Не хотелось бы, но, если это действительно настолько серьёзно, что она даже хромать начала… Наверное, стоит сперва её осмотреть, а уж потом ставить диагноз.

— Понятно.

Эми, которой запретили бегать? Даже подумать об этом было страшно. Я совершенно не мог представить, как она будет жить без бега. Неудивительно, что она так рьяно скрывала свою проблему.

— Ладно, я прослежу за тем, чтобы она к вам пришла.

— Хорошо. О, и пока я не забыл… — Он как-то угрожающе улыбнулся мне. — Не забывай, что я наперечёт знаю все твои лекарства. Не обижай Эми, понял?

Ого. Да он же это серьёзно. Совершенно серьёзно, даже намёка на его всегдашнее веселье нет.

— Понял. Не обижать Эми. Даже не думать об этом, — понятливо кивнул я. Как будто у меня могли быть иные варианты.

— Замечательно! — довольно потёр руки фельдшер. — Не хотелось бы, чтобы ты преставился.

— Как? — опасливо переспросил я, на всякий случай делая шаг назад. Я никак не мог понять, шутит ли сейчас фельдшер или продолжает говорить серьёзно.

— Ну, как преставившийся Хисао Накай. — Он нахмурился, явно собой недовольный. — В голове шутка казалась удачней… Ладно, неважно. Чеши отсюда, пока уроки не пропустил! Уверен, тебе есть чем заняться. Кыш!

Когда я выходил, то успел заметить, как он вытащил из кармана сотовый телефон и набрал номер.

— Мейко, от твоей доченьки опять одни проблемы… — донёсся до меня язвительный голос Судзуки-сана. Мейко… так, кажется, зовут маму Эми, да?

Мне стоили поторопиться, или же я и правда рисковал опоздать на урок.

Эй, разве ему не нужно было меня осмотреть? Нет, пожалуй, не буду возвращаться ради этого. В конце концов, я чувствовал себя нормально и уж точно нуждался в медицинской помощи куда меньше, чем Эми.

* * *

Прозвенел звонок на большую перемену, и я силой вывел себя из ступора, нагнанного утренними уроками. Мой сегодняшний недосып вкупе с изматывающей утренней тренировкой выпил из меня все соки. Но даже в таком состоянии я поплёлся по лестнице на крышу. К обычному чувству радости от ланча с друзьями добавилась и толика волнения. Эми и Рин — мои друзья, это верно, но Эми теперь была для меня больше, чем просто друг.

Рин как всегда сидела на своём обычном месте. Будто бы и не уходила никуда отсюда.

— Чувствуешь себя лучше? — обратился я к ней, памятуя о том, что она вчера приболела.

Тэдзука удивлённо приподняла вверх брови в ответ на то, что я с ней заговорил.

— Лучше, чем что?

— Эм, лучше, чем вчера, — слегка растеряно пожал я плечами. Насколько же Рин находится в своём мире?

Рин серьёзно обдумала мой вопрос.

— Не уверена. Думаю, какую-то часть вчера я чувствовала себя довольно неплохо, но всё как в тумане.

— Перепила таблеток от простуды? — встревожился я, вглядываясь в лицо подруги. Выглядела она довольно прилично для человека, который вчера валялся в своей комнате с высокой температурой.

— Ну, я спала, — задумчиво изрекла Рин. — И обычно мне это очень даже нравится. Но вот вспомнить чувство сна я не могу, потому что чувства у меня во сне отключаются. В том-то и проблема. Да и потом, если бы я знала, как это здорово, я могла бы больше и не уснуть. Но я всё равно пытаюсь узнать. И сплю. И только из-за этого я ещё не померла от усталости.

— Придумала себе загадку, разгадать которую можно только через сон? — несмело предположил я, запутавшись в попытке понять её слова

— «Загадка» — не совсем верное слово. «Непостижимость» подойдёт больше, — поправила меня Тэдзука.

— Теперь понятно.

Нет, на самом деле, ничего не было понятно. Я понятия не имел, о чём она вообще говорила, но так и должно было быть.

— А ты помнишь, как себя чувствуешь во сне? — вдруг спросила меня художница. — Например, вчера. Помнишь, как это было вчера?

— Ну, по правде, вчера я не особо много спал, — задумчиво потёр я подбородок.

— Хмм. Наверное, это потому, что подсознательно ты всё-

таки это запомнил, — предположила Рин.

— Честно говоря, я просто волновался за Эми.

— Разве Эми недостаточно сама за себя волнуется? — удивилась Тэдзука.

Я на это в таком ключе не смотрел, поэтому на мгновение задумался.

— Может быть, и достаточно, но попросит ли она помощи у других, если она ей действительно понадобится?

Рин нахмурилась, что меня удивило. Неужели я наконец получу вразумительный ответ?

— Наверное, нет. А разве есть повод просить?

— Ну, хотя бы насчёт её ноги.

Рин казалась заинтересованной.

— Ноги? — переспросила она.

— Она болит, но Эми не говорит об этом фельдшеру, — хмуро сказал я.

Рин неодобрительно покачала головой.

— Так заставь её. Как она заставляет меня ходить на уроки. Ради неё самой. Иначе она снова потеряет ноги, а это уж слишком странно. Потерять что-то дважды. Особенно если ты это что-то ни разу не нашёл. Если не считать протезы за находку. Но это ведь потеря другого толка, да?

— Думаю, да.

— Хмм. Интересно… — задумчиво протянула она.

— Что интересно? — Эми, незаметно подкравшаяся к нам с Рин, совсем не испугала её, что само по себе и неудивительно.

Рин приняла вертикальное положение, резко подняв верхнюю часть тела и используя инерцию, чтобы выпрямиться.

— Как твоя нога? Всё в порядке? — осведомился я, глядя на ноги Эми.

В ответ я получил хмурый взгляд.

— Вроде бы в порядке. Не стоит волноваться.

— Ты это вон лучше фельдшеру скажи, — возразил я. — Он очень настаивал на том, чтобы ты к нему заглянула.

Эми надулась, как будто я только что в чём-то крупно обломал её.

— Он слишком сильно переживает. Ничего страшного, всего лишь чуть-чуть болит, — пожаловалась девушка.

Я постарался удержаться от того, чтобы раздраженно не закатить глаза.

— Если ничего серьёзного нет, значит, не должно быть никакой проблемы в том, чтобы пойти к нему, так?

Эми подозрительно сощурила глаза.

— Он тебя подговорил?

— Ну, может быть. Чуть-чуть, — признал я. — Но не в этом дело. Я бы всё равно напомнил о том, что тебе надо зайти к нему. Ужасно смотреть на то, как ты мучаешься, но ничего не предпринимать. Тебе может стать хуже; знаешь, я совсем не хочу, чтобы тебе было больно. Можешь считать меня чокнутым, но я предпочёл бы видеть тебя в добром здравии и в хорошем настроении.

С каждым моим словом бегунья хмурилась всё меньше и в конце концов широко, хоть и немного смущённо, улыбнулась мне.

— Ну, если смотреть с этой стороны, то ты прав; думаю, загляну к нему как-нибудь. А то будешь ещё больше волноваться и твердить об этом без конца, а?

— Именно. Буду постоянно доставать тебя по этому поводу, а ведь это может отрицательно повлиять на наши свидания, — гробовым голосом предупредил я свою девушку. — «Как тебе еда, Хисао?» — «Обратись к фельдшеру, Эми». «Как прошёл день, Хисао?» — «Обратись к фельдшеру, Эми». «Хисао, мне кажется, я готова на бо…» — «**Обратись к фельдшеру, Эми**». Видишь? Нехорошо получается.

Эми захихикала, услышав, каким высоким и тоненьким получается её голос в моём исполнении, и игриво толкнула меня. Как обычно — довольно чувствительно.

— У меня не настолько высокий голос, дурак.

— По мне, так один в один, — подала голос Рин.

Мы с Эми тут же перевели взгляды на Рин, после чего я от души залился смехом. Эми скрестила руки на груди и с обиженным видом хмыкнула:

— Да вы оба дураки.

— Не слишком ли это грубая клевета для такой юной леди? Я просто в шоке, что именно меня ты назвала дураком. Если честно, я… я не знаю, что и думать, — я развёл руками, всем своим видом изображая встревоженное недоумение.

Эми показала мне язык.

— Засранец. Кстати, Рин, как твой кружок поживает?

Рин, видимо, была так же поражена внезапной сменой темы, как и я, потому что задумалась на минутку, прежде, чем ответить.

— Да вроде ничего. Хотя Номия постоянно меня подгоняет. Кажется, он не понимает моих методов.

Номия. Знакомое имя, где я его уже слышал? А, кажется припоминаю, в тот день, когда я познакомился с Рин, о нём упоминал Муто. Что-то там с фанерой было, которую разыскивал Школьный совет. Видимо всё-таки Номия — учитель рисования.

— А мне он всегда казался слегка жутковатым, — невольно поёжилась бегунья.

Художница раздумывала над этим утверждением недолго.

— Я как-то не замечала. Хотя, может, это потому, что я обычно вообще не особо на него обращаю внимание.

— А часто у вас собрания? — поинтересовался я из вежливости.

— Вступить надумал, Хисао? — подмигнула мне Эми.

— Что? Нет, я уже собрался вступить в другой, — отрицательно покачал я головой.

— Что, правда? В какой? — удивилась девушка.

— Ну, это сложно назвать настоящим кружком, если честно… — признал я.

— О, так ты вступил в кружок любителей чая? — заулыбалась Эми.

— Нет, я, ээ… в кружок естественных наук вступил… вроде как.

Эми крайне удивилась.

— У нас есть кружок естественных наук?

— Не совсем. В нём только я, — пришлось мне развести руками.

— Так это не кружок получается, Хисао. Это сидение у себя в комнате и чтение книг, — вздохнула она.

— Нет же, я имею в виду, что в нём только мы с Муто. Я пока единственный ученик, — наконец-то правильно сформулировал я свою мысль.

— Муто? Правда? — переспросила чемпионка. И тут её осенило. — А, так ты об этом вчера говорил? О вашей встрече с Муто?

— Да, вчера было вроде как первое собрание, — согласился я.

Эми захихикала.

— Ботан, — обозначила меня моя девушка. Совершенно беззлобно.

— Эй, я же не виноват, что я такой умный, — отшутился я.

— Знаешь, мне бы твоя помощь лет сто назад пригодилась. Где же ты раньше был со своим сердечным приступом, а, Хисао? — картинно вздохнула Эми.

Я засмеялся, и только потом понял, что это был один из тех редких случаев, когда я посмеялся над своим больным сердцем.

— Ну, не рассчитал… — пришлось сочувственно развести руками.

— Ага…

Звон колокола подвёл черту под нашей беседой.

— Ммм, думаю, нам пора, — заметил я.

— Ага, пойдём. Давай, Рин, к тебе это тоже относится, — Рин, кажется, потихоньку начала засыпать, поэтому Эми хорошенько

её толкнула.

— Ну вот, почти получилось, — пробурчала художница. Что там у неё почти получилось?

— Прости, но тебе пора в класс., - заявила ей подруга.

— Протестую, — моментально отреагировала Тэдзука. — Хотя, если мне удастся поспать в классе, то на этот раз точно получится. Смена обстановки иногда помогает в такого рода делах.

Ни я, ни Эми не заинтересовались, о каком таком деле она говорила. Когда мы подошли к моему классу, Эми быстро поцеловала меня и пошла дальше по коридору, ведя за собой Рин.

Я разворачиваюсь, чтобы войти в класс, и нос к носу встречаюсь с вечным дуэтом Миши и Сидзунэ. Вот это номер. Совершенно не ожидал встречи с ними в такой ситуации.

Миша выглядела так, будто из последних сил пыталась удержаться и не захихикать, параллельно переводя последнюю реплику Сидзунэ.

— Несмотря на то, что нам приятно, несказанно приятно видеть, как хорошо ты со всеми поладил, завёл новых друзей и даже девушку нашёл — да ещё такую милашку, Хиттян… — последнюю часть предложения Миша, похоже, добавила от себя, — мы, тем не менее, считаем своим долгом вежливо напомнить тебе, что публичное проявление подобных чувств строго запрещено — что, правда? Это печально, Ситтян — разделом свода правил поведения за номером 8, изложенным в личном буклете каждого ученика.

Сидзунэ величественно поправила очки. Миша начала суфлировать с крайне довольным видом.

— Однако, на этот раз мы тебя простим, потому что Школьный совет должен быть снисходителен к ученикам… А то количество бумажек, которое необходимо заполнить, чтобы наказать вас двоих, только прибавит нам, единственным членам Совета работы, которой и так скопилась целая гора — а ещё вы так чудесно смотритесь вместе! Поэтому считай, что тебе вынесено устное предупреждение, и будь добр, воздержись от подобных действий в будущем. По крайней мере, пока Сидзунэ рядом, Хиттян!

Вся эта длиннющая тирада прозвучала настолько смешно, что я не мог удержаться от того, чтобы не ответить в похожей напыщенной манере.

— Покорнейше благодарю за то, что так своевременно просветили меня. Я прошу простить мне эти необдуманные действия и обязуюсь впредь сдерживать примитивные инстинкты, которые, к сожалению, и подтолкнули меня к столь

неподобающему в общественных местах проявлению своих чувств. Я ни в коей мере не стремлюсь утруждать и без этого загруженный Школьный совет такими мелкими проблемами и постараюсь всеми силами облегчить вам жизнь в этом плане. По крайней мере, пока Сидзунэ рядом.

С этими словами я подмигнул Мише, которая оказывается не в силах больше сдерживать смех.

— А-ха-ха-ха! Хорошо сказано, Хиттян!

Тихонько про себя посмеиваясь, я зашёл в класс вслед за ними.

Урок не отличался ничем особенным, и после звонка я снова оказался один на один с Муто.

— Итак, кажется, мы готовы начать второе собрание нашего кружка естественных наук. Или первое? Как думаешь, стоит ли вчерашнее считать первым? — слегка рассеянно спросил учитель, почесав небритую щёку. Как видно, мысленно он уже был не в школе.

— Ну, вчера мы ведь основали кружок, так? — почесал я в затылке. — Это тоже относится к делам кружка, поэтому, думаю, стоит.

Муто улыбнулся свойственной ему неестественной и неуклюжей улыбкой. Может, его лицевые мышцы просто какой-то неправильной формы и поэтому не дают ему нормально улыбаться?

— Кажется, у тебя и впрямь чутьё на такие вещи. Логическое мышление, то есть.

— Наверное… — пожал я плечами. Ему со стороны виднее.

— Учёный должен говорить с авторитетом, Хисао, — с лёгкой укоризной заметил учитель. — Правильный ответ: «да, это так». Когда люди хотят узнать о том, как устроен мир, мы сообщаем им это. Даже если приходится оперировать только гипотезами. И даже тогда наши заявления должны звучать уверенно, потому что мы в данном вопросе единственные специалисты.

Он захихикал, неуклюже улыбаясь своей же неуклюжей шутке. Я изо всех сил пытался удержаться и не скривить лицо, но, похоже, безуспешно.

— Но это, конечно же, далеко от истины, — продолжил Муто. — Не спорю, человечеству многое известно, но экспертов по устройству мира не существует хотя бы потому, что никто не может быть на сто процентов уверен в своих предположениях. А если нет достоверности, то нет и экспертов. Но людям время от времени нравится считать себя таковыми.

— Но ведь есть же вещи, в которых мы не можем не сомневаться, так?

— Есть… и в тоже время, нет. Возьмём, к примеру, гравитацию. Мы знаем, что она существует. — В качестве демонстрации, Муто взял со стола карандаш и отпустил его. Тот покатился к моей ноге с глухим стуком. — Видишь? Всё на месте. Но время от времени не мешает удостовериться. Именно по этой причине всё ещё можно найти учёных, занимающихся вопросами гравитации. Мы считаем, что знаем про неё всё, но всегда есть шанс, что мы что-нибудь, да упустили. Поэтому мы тестируем, проверяем и перепроверяем. Вот, вкратце, и суть естественных наук.

Всё это время я слушаю его, затаив дыхание. Муто очень страстно любит то, о чём говорит… наверно. Иногда трудно сказать наверняка.

Как устроен мир? Как устроены люди? Как устроена Вселенная? На все эти вопросы ещё предстоит найти ответы. И в зависимости от того, чем я решу занимать, возможно, я даже смогу открыть, как вылечить своё сердце. Не сказать, чтобы это меня так уж волновало, но всё же.

К тому же, мы начали обсуждать книгу, которую он дал мне вчера, и это мне казалось гораздо более интересным, чем сидеть и думать о болезни.

Не успели мы и глазом моргнуть, как прошёл целый час.

— Ну что, давай на сегодня закончим, как считаешь? Следующее собрание у нас будет завтра… или, ээ… послезавтра. — Муто на мгновение задумался, а потом с явным сожалением цокнул языком. По-видимому, наша беседа ему очень понравилась. — Давай всё-таки послезавтра: у меня куча работ на проверку.

— Хорошо. До свидания.

Выйдя из класса, я вспоминаю, что этим вечером мне особо заняться нечем.

Мы с Эми ничего не планировали, а это значит… А это значит, что я, наверное, посижу в библиотеке. Это лучше, чем делать уроки у себя в комнате.

В библиотеке всегда было как будто прохладнее, чем в остальном здании. Наверное, так сделали специально, чтобы защитить книги от жары и влажности. Книги и сами по себе довольно прочные, но, если хочешь содержать их в порядке, будь добр, потрудись. У меня имелось несколько книг, которые были настолько потрёпаны, что некоторые их страницы едва держались за корешок. На первый взгляд, их вообще невозможно было читать, но если с ними правильно обращаться…

Направляясь к стойке библиотекаря, я заметил стоящую за ней Юко, явно чем-то занятую. Завидев меня, она улыбнулась и

помахала мне рукой.

— Привет, Хисао. Рада снова тебя видеть! Что на этот раз ищешь?

— Да ничего особенного. Просто как-то не хотелось возвращаться к себе в комнату.

Юко кивнула.

— Слушай, если ты не занят, не мог бы ты помочь мне найти кое-что?

— Без проблем. А что ты ищешь? — с готовностью согласился я.

Библиотекарь поднесла к губам палец и беспокойно огляделась вокруг. Она, кажется, опасалась, что нас могут подслушать.

— Подойди ближе.

Со всё нарастающим волнением я сделал несколько неуверенных шагов вперёд.

Она понизила голос до едва различимого шёпота.

— Я напала на след неуловимого Воришки-из-Ямаку.

— … Кого-кого? — озадаченно переспросил я.

— Тсс! И у стен есть уши, Хисао! А может, и нет… Ладно, слушай! Помнишь, как из библиотеки пропали книги? — расширила глаза Юко.

— Ну да, а что? — прищурился я. Было что-то такое.

— Так вот… Они не пропали, они были украдены! Я в этом уверена!

— Я припоминаю, что ты как-то говорила об этом, но откуда ты знаешь, как всё было на самом деле?

Юко наклонилась ещё ближе и снова понизила голос.

— Потому что я нашла один из его тайников!

— Что ты сделала? — переспросил я. Этого от такой растяпы я вряд ли мог ожидать. Впрочем, очень добросовестной растяпы, надо признать.

С победным видом Юко пояснила мне:

— Нашла один из его схронов! Он был под одним из лестничных пролётов в мужском общежитии. А внутри — все три книги, которые я искала! Я и раньше подозревала, что это кража, а теперь у меня есть доказательства!

— И что, ты забрала книги обратно? — я определённо не буду спрашивать, как она додумалась искать пропавшую литературу там, где её нашла и где ещё она её искала. Не думаю, что хотел бы знать это.

Библиотекарь посмотрела на меня так, как будто я предложил ей пройтись по школе голой посреди большой перемены. С чего бы?

— Совсем спятил? Он не должен знать, что я на него вышла! Вдруг он почует неладное и заляжет на дно?

— Ага, точно… Так чем тебе помочь? — вернул я девушку с небес на землю.

Юко снова окинула взглядом библиотеку и наклонилась почти вплотную.

— Тебе надо будет для меня пошпионить.

— Пошпионить? — судя по её реакции, скепсис в голосе мне удалось скрыть.

— Ага, когда будешь в общежитии. Понаблюдай, не будет ли чего подозрительного поблизости, — попросила.

Подозрительного? Чего, например? Кэндзи, например, довольно подозрительный парень, но готов поспорить, что он на уроки-то редко ходит, не то, что в библиотеку книжки подрезать. Хотя, кто его знает? По Рин тоже сразу не скажешь, что она картины пишет. И вообще, что плохого будет, если я соглашусь? По крайней мере мы закончим этот странный разговор.

— Хорошо, я этим займусь. Без проблем, — демонстративно почесав в затылке, согласился я.

Юко выпрямилась и радостно захлопала в ладоши.

— Отлично! А теперь быстрее заговори о чём-нибудь другом, пока никто не вошёл! Как к тебе относятся в «Ямаку»?

— Довольно-таки неплохо. По утрам у меня пробежки с…

— Эми Ибарадзаки, так? — не дала она мне договорить.

— Ну да. А откуда ты знаешь? — удивился я.

— Я обслуживала вас в кафе, помнишь? Я предположила, что, если ты и будешь с кем-нибудь бегать, так только с ней, — она выглядела очень довольной собой.

— Впечатляет. В общем, да, мы с ней бегаем по утрам. И мы это… вроде как начали встречаться, — признался я. Де-факто это уже ни для кого не секрет, так зачем отрицать?

Юко в восторге всплеснула руками.

— Правда? Вот это здорово! Вы определённо отлично смотритесь вместе! Знаешь, мне нравится, когда люди вот так находят друг друга. Я даже подумала про тебя, когда ты в тот раз пришёл в «Шанхай»: «Интересно, а что, если этот мальчик начнёт встречаться с одной из этих девушек?».

— … Правда? — хмыкнул я.

Библиотекарь, похоже, не заметила скептического тона, которым был задан вопрос, и продолжала с жаром рассказывать.

— Ага, я сразу поняла, что так и будет. У меня на это дело особое чутьё. Но вот… — Тень пробежала по её лицу. — Сама я в этом не так хороша.

— О, ну, наверное, не так уж всё и плохо, — попытался я

утешить девушку.

— Нет, всё так и есть… Знала я одного парня когда-то… Мы отлично поладили, а потом оказалось, что он моложе меня. Это было немного странно, но не настолько, чтобы волноваться. Действительно странно то, что однажды он исчез, и больше я его не видела.

— Хм. И правда, звучит подозрительно.

— Разве? Надеюсь, это не я виновата… — разволновалась она.

Мне очень захотелось утешить её.

— Я уверен, что это не из-за тебя.

Я собирался и дальше успокаивать её, но тут из моего кармана донёсся пронзительный звонок, да так внезапно, что мы оба чуть не подпрыгнули на месте. Юко медленно вздохнула, чтобы успокоиться, а я вытащил телефон, чувствуя себя несколько неловко из-за этого.

— Привет, Эми. Что стряслось? — удивлённо спросил я. Это был вообще первый раз, когда Эми звонила мне, и я даже не помнил давал ли я ей свой номер или нет.

— Ох, слава богу, я ни разу не звонила тебе на сотовый и не знала правильный ли это номер, и поднимешь ли ты трубку, и я не могла… — затараторила девушка, едва я отозвался.

— Эй-эй-эй, Эми, помедленнее. Что стряслось? — повторил я свой вопрос. На том конце линии возникла пауза, и я услышал, как Эми пыталась отдышаться и успокоиться. Её что-то заставило потерять самообладание, и я от этого начал нервничать.

— Не мог бы ты… Не мог бы ты заглянуть ко мне? Например, прямо сейчас. Или немного погодя. Мне очень, очень нужно поговорить с тобой, — последнюю фразу она произнесла едва ли не умоляющим тоном, какого я от неё никогда ещё не слышал.

— Конечно, я мигом. Держись, ладно? — от всё нарастающего беспокойства я, похоже, начал говорить вещи, не имеющие никакого смысла.

— Хорошо. Я справлюсь, — вздохнула бегунья.

— Скоро увидимся.

Я нажал кнопку, прерывая звонок, извинился перед Юко за то, что так внезапно ухожу, и выбежал из библиотеки.

Возможно, при иных обстоятельствах, я бы остановился и задумался о том, который час, или хотя бы о том, насколько подозрительно выглядит парень, заходящий в женское общежитие в такое время. Но сейчас все мои мысли были только о том, как бы побыстрее добраться до Эми, узнать, что случилось и помочь ей.

Я постучался в дверь и вошёл, услышав сдавленное

«войдите».

Что-то в представшей моему глазу картине казалось до ужаса неправильным.

Нет, Эми была на месте. Но она сидела в инвалидном кресле, и она была без своих «ног». Пошарив взглядом по комнате, я обнаружил их лежащими в углу, как если бы их туда бросили.

Завидев меня, Эми через силу улыбнулась. Понятно, что она была рада моему появлению, но, в то же время, окончательно и бесповоротно убита горем.

— Привет, Хисао.

Похоже, что она недавно плакала, но если и так, то уже перестала. А ещё я отметил про себя, что немного сбил дыхание, пока добирался сюда, перепрыгивая через две ступеньки. Но не похоже, чтобы эта нагрузка сильно повлияла на моё сердце. Я отложил эту приятную новость до лучших времён. Лучших, чем сейчас, когда я, потеряв дар речи, стоял и смотрел на свою девушку в инвалидном кресле.

Я вспомнил, что ещё не ответил на её приветствие, и мой разум постепенно начал проясняться.

— Эми, что случилось? — дрожь в голосе, выражавшую мою тревогу, я даже не пытался спрятать.

— Наверное, мне всё-таки стоило послушаться тебя, Хисао. У меня нашли какую-то опасную инфекцию, из-за той травмы ноги. И теперь мне запретили бегать как минимум пару недель. — Бегунья горько усмехнулась, чего от неё никак нельзя было ожидать. — Ха, да я даже ходить не могу. Был вариант оставить одну ногу и ходить с костылём, но смысла в этом я не вижу. Зачем хромать? На одной ноге бегать не получится. А так я хотя бы могу, не знаю, быстро ездить что ли…

— А-ага. Это же хорошо, правда?

Моя отчаянная попытка хоть как-то взглянуть на ситуацию с позитивной стороны не принесла результата, но, похоже, оказалась замечена Эми. Она снова пожала плечами.

— Просто… это слегка напрягает. Мы даже на крыше теперь не сможем есть вместе: для кресел входа не предусмотрено.

— Да, но ведь это не страшно, правда? Мы же по-прежнему можем есть вместе, вот что важно.

Опять эта кривая ухмылка. Больно было смотреть на неё в таком состоянии.

— Думаю, да. Но, как я уже сказала, это напрягает. Просто, понимаешь, я не пользовалась креслом… — чемпионка углубилась в воспоминания. — Где-то около семи лет. Да, примерно столько. В общем, давно. Боюсь, что слегка потеряла навык.

— Ну, к счастью, это только временная мера, так ведь? — с надеждой спросил я. Ведь правда же?

Эми согласилась:

— Да, само собой. Не насовсем же я их потеряла, в конце концов. И всё же, это как здоровенная заноза в заднице.

Я с сочувствием кивнул. А что я ещё мог сейчас сделать? Не сказать же: «А я говорил тебе!». Хотя я и впрямь **говорил** ей, чтобы она обратилась за помощью. Но всё равно, когда я это заметил, было уже слишком поздно.

— Тебе чем-нибудь помочь? Если я, конечно, могу чем-то помочь, — мягко спросил я.

Маленькая девушка покачала головой, а на её лице вновь появился отблеск её обычной улыбки.

— Не, я сама прекрасно справлюсь. Но если бы ты, скажем, донёс меня до кровати, то мне не пришлось бы тратить силы и ехать туда самой.

Я невольно покраснел. Отнести свою девушку в кровать? Богатый простор для фантазии…

Эми захихикала.

— Ну ты и скромняга, Хисао! Сама невинность!

— Да ну тебя! — в притворном возмущении отмахнулся я. — Я просто не хочу пользоваться случившимся с такой молодой девушкой, как ты. Это не по-джентльменски.

Я подкатил кресло с Эми к кровати, легко поднял её, и переложил туда. Она быстро выпрямилась и села на край. Она вообще-то была немного тяжелее, чем выглядела, но говорить это вслух было бы, конечно, грубо с моей стороны. А может, наоборот, поддразнить её? Авось повеселеет.

— Блин, ну ты и тяжёлая, — выдохнул я, утирая со лба несуществующий пот.

Эми ударила меня подушкой.

— Засранец, — с чувством сказала она.

— Просто отмечаю факт, вот и всё. Это всё от бега, точно тебе говорю, — продолжил подначивать её.

При упоминании бега улыбка Эми слегка потускнела. Ксо, вот это я свалял дурака…

— Ха, ну, думаю, мне некоторое время не придётся об этом волноваться. Может, даже похудею.

— Так вот, значит, как по-твоему надо худеть? Перестать двигаться? — я скептически склонил голову набок. По моему личному мнению, таким образом, наоборот, можно было бы *набрать* вес.

— Думаю, именно это и посоветовал бы фельдшер, — хмыкнула спортсменка.

Чтобы Судзуки-сан посоветовал такую глупость? Не верю. Каким бы приколистом он ни был, к своим профессиональным обязанностям он относится крайне серьёзно.

— Кстати говоря, ты собираешься появляться по утрам? Не хотелось бы бегать одно… — начал было я и тут же осёкся.

— Ох, блин…

Неожиданное восклицание Эми, больше похожее на невнятное бормотание, чем на нечто разборчивое, заставило меня в изумлении поднять глаза. Она наклонилась вперёд и закрыла лицо руками, пытаясь скрыть, что плачет. Но по сдавленным всхлипам было совершенно очевидно, что так оно и есть.

— Эй, извини. Забудь, что я сказал, ладно? — Я осторожно обнял её и прижал к себе. Я не мог придумать, что ещё сказать или сделать. Как вообще можно утешить человека, который только что во второй раз потерял ноги? Эми заключила меня в ответные объятия и долго не отпускала.

— Прости. Думаю, я не очень хорош во всех этих утешениях, — тихо сказал я.

— Не говори так. Я в порядке, честно, — отозвалась девушка. Её голос был слегка приглушён из-за того, что она зарылась лицом мне в рубашку. Я ободряюще погладил её по голове.

— Вот, так держать. Ты прекрасно с этим справишься, я знаю. Кроме того, я всегда рядом и всегда готов помочь, помнишь?

Эми подняла голову и поглядела на меня заплаканными глазами.

— Правда? Правда, поможешь? — Она снова сдавленно улыбнулась, а в её глазах проскочил огонёк. Не пойму, дразнит она меня или нет?

— Само собой, помогу. Нет, ты, конечно, немного тяжёлая, но — мммф!

Мой «остроумный» комментарий был бесцеремонно прерван губами Эми, внезапно прижавшимися к моим. Я к этому оказался совершенно не готов и в итоге ударился головой о стену за её кроватью.

— Ай!

Эми отодвинулась назад, пытаясь одновременно выглядеть обеспокоенной и изо всех сил сдержать смех.

— Ты в порядке? Прости!

Я с сожалением потёр голову и улыбнулся ей в ответ.

— Да уж застала врасплох. Это что, теперь у нас в привычку войдёт? Мне опять придётся выслушивать лекции Миши и Сидзунэ?

При упоминании этой парочки спортсменка захихикала.

— Ох уж эти двое… Если бы я не знала причины, то искренне

удивилась бы тому, что она постоянно ошивается вместе с этой командиршей.

— Ты сейчас про кого? — вопросительно поднял я бровь.

— Ты и сам прекрасно знаешь, Хисао. Миша-то и собой еле командует. — усмехнулась она.

— Ладно, а что за причина?

— Какая?

— Ну, по которой Миша и Сидзунэ постоянно вместе, — уточнил я свой интерес.

Эми с улыбкой отмахнулась от моего вопроса.

— Без понятия.

— Ясненько, — согласился я пока что забыть об этом. Сама же только что сказала, что причину знаешь. Но не хочешь говорить — как хочешь. Мне гораздо интереснее сейчас ты, а не взаимоотношения членов Школьного совета.

— И вообще, ты, похоже, забыл, о чём мы говорили до этого, да? — с лёгкой укоризной в голосе напомнила моя девушка.

— Да, похоже на то. А ты могла бы и предупредить, вообще-то. Иначе я так могу и сотрясение заработать, — я подтвердил это, потирая ушибленный затылок.

Эми заразительно захихикала.

— Ты мог бы носить шлем. Некоторые ребята здесь так и делают, кстати.

— А ещё я могу просто отомстить!

Я схватил лежащую рядом подушку и зарядил ей Эми по голове. Эми свалилась с кровати и с глухим стуком приземлилась на пол. Её руки почти сразу появились на краю кровати, а затем она подтянулась и забралась на неё. До сих пор удивляюсь, откуда столько сил в её хрупком теле. Она сидела, отвернувшись от меня, и смотрела в пол, отчего мне показалось, что я её нечаянно чем-то обидел.

— Эми? Ты в порядке? Не ушиб… — встревоженно начал я.

Бегунья резко выкинула вперёд одну руку и схватила меня за воротник; быстрым движением притянув к себе, она победно улыбнулась, едва не касаясь моего лица.

— Эми…?

Девушка внезапно отклонилась назад, а затем с довольно громким стуком ударила меня головой по лбу. Я упал на спину и начал тереть теперь уже не затылок, а лоб, пока Эми победоносно ухмылялась.

— А как тебе **такая** месть?

— Так нечестно! Нельзя давать сдачи за то, что тебе дали сдачи! — возмутился я.

Для того, у кого не было больше части ног, Эми оказалась на

удивление ловкой. Я замахнулся, но уже слишком поздно: она с лёгкостью ушла от удара и контратаковал своей подушкой. Так или иначе, у неё не было шансов. Я хотя бы мог встать. Уфф! Нет, похоже, всё-таки не мог. Эми каким-то образом подбила мне ноги и теперь сидела на мне верхом, а я, в свою очередь, был прижат спиной к её кровати. Ума не приложу, как ей это удалось.

— Я победила! — весело воскликнула она.

Её глаза хитро сверкали. Ещё бы, я был повержен девушкой, да ещё и ростом ниже меня раза в два. Хотя с другой стороны, быть побеждённым не так и плохо. Эми сидела у меня на талии, и этот факт не прошёл ни мимо меня, ни мимо моего тела.

Я приоткрыл рот, чтобы заговорить, но голова Эми нырнула вниз прежде, чем я успел вставить хоть слово. Я, не сопротивляясь, позволил её губам впиться в мои. Какое уж там сопротивление? В этот раз… было немного иначе. Она отвела голову назад, укусила меня за нижнюю губу, и вновь заключила в объятия. Её язык проник внутрь моего рта, исследуя каждый миллиметр. Я чувствовал, как сердце начало биться быстрее, и по всему телу разлилось приятное тепло. Мой разум затуманился, и я словно сквозь сон почувствовал, как моя рука скользит вверх по топу Эми. Она замерла, когда я дошёл до груди, потом хихикнула, а затем…

Затем она широко улыбнулась.

— Так-то. Уже вторая победа на моём счету.

— Что-о? Это не считается! Ты воспользовалась женским коварством! — запротестовал я.

— «В любви и на войне все средства хороши», ведь так? — насмешливо процитировал Эми. — Ха, да ты ещё и покраснел! Не знала, что ты так легко краснеешь, Хисао.

— А сама-то? Как мак! Ты тоже та ещё скромница, — буркнул я в ответ.

Даже мне пришлось признать, что глупо говорить такое девушке, которая буквально оседлала меня и до недавнего мгновения играла с моим языком в кошки-мышки.

— Скромница? Я? Ладушки, тогда давай посмотрим, кто первый покраснеет, — азартно заявила спортсменка.

Я не сразу понял, пугает или возбуждает меня тон, которым она это произнесла, но этот вопрос быстро отошёл на второй план. Лёгкими привычными движениями она стянула с себя топ и бросила его куда-то в сторону. Вскоре, к лежащей на полу одежде присоединились её лифчик и юбка.

— Ха! — выдохнула она.

Я изо всех сил пытался не покраснеть. Плоховато получалось, надо сказать.

— Что, нравится?

Моя рубашка вскоре тоже улетела в неизвестном направлении, хотя снять её в таком положении было нелегко. Эми картинно зевнула.

— Совсем не стараешься, Хи… Ах!

Мои руки нежно коснулись её, бросая Эми в дрожь. И вновь мне показалось, будто они двигались сами по себе. Если бы я мог дотянуться, то, скорее всего, помог бы ей раздеться до конца. Я начал говорить что-то насчёт того, что Эми покраснела, но умолк. Мы оба очень быстро приближались к той грани, за которой уже не могли бы держать себя в руках. Разговор оборвался на полуслове, и я почувствовал, как сила покидает мои руки.

Оказалось, мы были не готовы к такому повороту событий. Меня охватил поток неописуемого жара, идущего от наших с Эми тел. Одной рукой она опиралась мне на грудь, другой держала мою руку, чтобы не позволять мне и дальше своевольничать с её телом. Она выглядела весьма довольной собой.

А потом, после небольшого колебания, начала тереться об меня. И тёрлась об меня. И тёрлась. С каждым движением её дыхание становилось всё более отрывистым. Я тоже начал дышать быстрее.

Её тело дрожало и изгибалось, касаясь моего, и я заметил, что она начала терять равновесие. Ей, наверное, тяжело было держаться ровно из-за того, что у неё не было ног. Я старался поддерживать её, положив руки ей на талию. Она была стройной и подтянутой. Оно и понятно, если вспомнить, как много Эми бегает. Сила, скрытая в этих мышцах, заставляла их напрягаться в ответ на мои прикосновения.

Я не учёл одного: мои старания поддержать Эми вылились в то, что она, ну… скользнула вперёд… и это было просто невероятно. Её трусики легко скользили по моим брюкам, и вскоре мы нашли нужный ритм. Но Эми отказывалась ему следовать, то ускоряясь, то замедляясь, то вообще останавливаясь, словно на целую вечность. Не знаю, делала она так потому, что хотела подразнить меня или чтобы доставить себе большее наслаждение, но мне уже было абсолютно всё равно.

Связывающий нас жар становился всё сильней, и удержать стон уже не получилось. Эми, кажется, только этого и ждала. Я начал дополнять её движения своими, заставляя её небольшую грудь подниматься и опускаться им в такт. Наше дыхание ускорилось вслед за нарастающим темпом. Закрыв глаза, она призывно наклонилась. Мне удалось подняться всего лишь на несколько мгновений. Наши губы нашли друг друга, её грудь скользила по моей, смешивая запахи и желания, и сливая их в

единое целое.

Когда я откинулся обратно, мои брюки были уже насквозь мокрыми. Я бы с радостью избавился от них, но я не хотел прерывать то, чем мы занимались. Не хотел останавливаться ни на секунду, не хотел отпускать это растущее напряжение, это щекочущее чувство у меня внутри. Эми скользила всё быстрее и быстрее, тяжело дыша и испытывая чувства, которые она не в состоянии была выразить словами. Вместо них прекрасно говорили её разгорячённое тело и неослабевающий ритм движений.

Внезапно она ещё больше ускорила темп, и у меня перехватило дыхание. Последний отчаянный толчок перешёл в чувство невероятного наслаждения, о существовании которого я даже не подозревал. Мой разум затуманился, сознание застил белый шум, и я с головой погрузился в волны блаженства. На несколько мгновений весь остальной мир затмился, ушёл из-под ног, уступая место этому удивительному чувству: мы с Эми вместе, и мы слились в единое целое. А потом… оно прошло. Белый шум рассеялся, и я вгляделся в глаза девушки, сидящей сверху.

Несколько минут мы оба молчали. Звуки нашего дыхания наполняли комнату, а тела горели от только что пережитого. В конце концов, она нехотя слезла с меня и прислонилась к стене. Я сделал то же самое.

— Ну что… я покраснела? — с усмешкой спросила меня девушка.

— Не обратил внимания. А я? — выдохнул я. Думать не хотелось совершенно.

Эми пожала плечами, всё ещё тяжело дыша.

— Тоже не обратила.

— Тогда что, если нам попро…

— Мне нужно твоё окно, — прервал меня хрипловатый голос художницы, неожиданно прозвучавший у меня прямо над ухом. Обернувшись в недоумении, мы обнаружили, что над нами стояла Рин. Мы что, не заперли дверь? Ой-ой-ой. Тогда нам ещё повезло, что сюда зашла именно Рин, а не, скажем фельдшер…

Первой моей мыслью было спрятаться, но потом я понял, что смертельно устал, да и вдобавок сижу рядом с полураздетой Эми, так что, бежать всё равно некуда.

Взгляд Рин пробежал по нам с Эми и остановился на окне.

— Тут должно быть облако.

— Облако? — удивилась хозяйка комнаты.

Рин кивнула.

— Я наблюдала за ним из своего окна, но оно уплыло из

виду. Поэтому мне нужно твоё окно.

Эми поёрзала на месте, заставляя меня притворно закашляться, чтобы скрыть рвущийся наружу хохот.

— Тебе надолго? Мы, ээ…заняты.

На этот раз мне не удалось сдержать смех.

Тэдзука проигнорировала нас и выглянула в окно. Через несколько секунд её плечи опустились, и она с расстроенным видом отвернулась от стекла, по-прежнему не обращая на нас внимания.

— Хммм. Оно превратилось во что-то другое. Досадно.

Эми из последних сил сохраняла серьёзную мину.

— Мои соболезнования, Рин. А теперь можем мы немного побыть наедине? — мягко и в то же время настойчиво попросила она.

Рин пожала плечами, словно говоря «как хотите». Затем она вышла из комнаты, зацепив ногой дверь и потянув за собой. Мы тут же разразились истерическим хохотом, вызванным столь «своевременным» появлением Рин. После того, как мы успокаиваемся, я посмотрел на Эми. Ну у нас и видок. Очень соблазнительный, особенно у моей девушки.

— Итак.

Чемпионка подняла брови.

— Итак? — игриво переспросила она.

— Ещё разок? — подмигнул я ей.

Эми улыбнулась и рассмеялась, затем кивнула.

— Думаю, на этот раз можно и без одежды.

Глава четырнадцатая Кладовка

Солнечные лучи осветили мою комнату незадолго до того, как мой будильник нарушил тишину этого прекрасного утра.

Всё болело… События предыдущего вечера неожиданно ворвались в моё сознание, и я почувствовал, что краснею. А вечер вчера был насыщенным, и это прекрасно объясняло, почему у меня так болит нижняя половина тела.

Обратный путь, насколько я помню, был довольно-таки напряжённым. Прежде чем идти к себе в комнату, мне пришлось отмывать свои… испачканные брюки в ванной. Но спереди всё равно осталось довольно заметное пятно очевидного происхождения. К счастью, единственным, кто попался мне по дороге обратно, был Кэндзи, а он уж точно ничего не разглядел. Ну, кроме того, что я нахожусь где-то рядом. Он, конечно же, поинтересовался, как прошёл вечер и что интересного со мной случилось.

Не помню даже, потрудился ли я что-нибудь ответить. Я так устал, что мне было по барабану. Поэтому, сегодня утром, должен признать, я чувствовал себя как выжатый лимон. Но Эми обещала встретить меня у стадиона, и мне не хотелось её подводить.

Она и правда уже ждала меня там, когда я подошёл к треку, и изо всех сил старалась выглядеть жизнерадостной и счастливой, несмотря на то, что сидела в инвалидном кресле.

Я помахал ей рукой и начал разминаться.

— Ты рано.

Эми нахмурилась и покачала головой.

— Вздор! Это **ты** опоздал. Проспал, Хисао? Совсем вымотался, бедняжка? — участливо и одновременно ехидно поинтересовалась моя девушка.

Ну, по крайне мере, она снова была похожа на саму себя. К тому же, как я и ожидал, она совсем не стеснялась говорить о… наших недавних занятиях.

— Эй, скажи спасибо, что я вообще смог сюда дойти. С такой нагрузкой на сердце, как вчера, я уж думал, что придётся к фельдшеру идти, — притворно обиделся я.

Спортсменка от души рассмеялась, но потом её лицо внезапно приняло обеспокоенное выражение.

— Эй, это ведь, ээ… Ну, то есть, ты же не…

— Давай-давай, выкладывай, — подбодрил я.

— Ну, было бы сложно всё объяснить, если бы с тобой что-нибудь случилось, пока мы… — она замялась и отвела глаза в сторону.

— Ой. **Ой-ёй**.

Если подумать, то такое и вправду было возможно. Прошлым вечером это, само собой, не приходило мне в голову: её занимали другие, более насущные мысли.

— Ну, я не думаю, что то, что мы, эээ, **делаем**, оказывает большую нагрузку на сердце, чем утренние пробежки, а уж с ними я прекрасно справляюсь, поэтому… — осторожно начал я. Отдать концы подобным способом было бы достаточно приятно… для меня. Но изрядно преждевременно.

Эми обдумала сказанное мной. В её глазах появился озорной огонёк.

— Слушай-ка…

— Ммм?

Огонёк погас, и она широко улыбнулась мне. Что-то мне стало слегка не по себе от этой улыбки… Очень предвкушающей улыбки…

— Я, кажется, забыла свои перчатки.

— А зачем они тебе? — озадачился я. В самом деле, зачем?

Эми тут же указала на кресло под собой.

— Для этой штуки, само собой! Я, конечно, могу спокойно передвигаться и без них, но я хочу, чтобы можно было немного увеличивать нагрузку. А для этого нужно развивать большую скорость. Поэтому мне и нужны перчатки, если я не хочу заработать мозоли.

— Так ты хочешь, чтобы я за ними сходил? Один?

Чемпионка на минутку задумалась. Или, хотя бы сделала вид, что задумалась.

— Хмм… если мне не изменяет память, в кладовой стадиона должна быть парочка.

Значит, она это всерьёз. Ей в самом деле нужны перчатки. Но почему на ней обычная школьная форма? Я думал, она наденет что-нибудь более спортивное.

— Погоди, а с чего бы это им там быть? — опомнился я. Если это её вещи — то почему они тут, а не в её комнате?

Эми посмотрела на меня с недоумением.

— Да уж, с чего бы паре трековых перчаток быть в битком набитой спортинвентарём кладовой школы для детей-инвалидов?

Если смотреть с этой стороны, то она, пожалуй, права. С другой…

— Эй, я тут всё ещё осваиваюсь, так что, не суди строго, ладно? — примиряюще поднял я руки.

— На этот раз прощаю, так и быть. А теперь пойдём со мной, поможешь.

Представить не могу, чем я смогу помочь, но с перчатками в

кладовой была та же история, поэтому я молча послушался её. Эми без особого усилия добралась до кладовки, хотя пару раз до меня доносилось, как она ворчала сквозь зубы. Выглядело это очень мило, если подумать. Я обогнал её, чтобы открыть дверь: мне это будет легче, чем ей. Дверь открылась, и девушка начала заезжать внутрь, но внезапно остановилась на полпути. Видимо, дверной порог оказался слишком высоким, что не позволяло ей самостоятельно его преодолеть. Спортсменка сделала несколько неудачных попыток, а затем скрестила руки на груди и бросила на надоедливое препятствие уничтожающий взгляд.

— Тупое кресло. Хисао, ты не мог бы мне помочь? — раздражённо попросила она. Узнаю свою Эми.

— Конечно, без проблем, — согласился я.

Мне не составило труда перекатить её кресло через порог, слегка его подтолкнув.

— Эй, полегче там!

— Ох ты ж! Извини.

И только в этот момент я заметил, куда двигалось кресло, но было уже слишком поздно — оно вместе с Эми врезалось в стопку матов. Она с удивлённым возгласом вывалилась из кресла лицом вперёд. Наступила мёртвая тишина. Я в ужасе смотрел на сидящую на полу Эми. Всё ли с ней в порядке? Как я, остолоп, допустил такое?

— Хисао… — осторожно позвала меня моя девушка.

— Да? — раскаяние мне даже изображать не пришлось.

— Обещай мне, что никогда не станешь устраиваться на работу в больницу, — твёрдо попросила она.

— Извини! Я не хотел! — запаниковал я. А вдруг при падении она ещё что-то повредила?

Эми, смеясь, протянула мне руку.

— Хисао, будь добр, помоги мне сесть обратно.

Я нагнулся, чтобы помочь ей подняться, но она с победной улыбкой притянула меня к себе, и мы слились в поцелуе. Через несколько мгновений о том, что Эми собиралась сесть обратно в кресло, никто из нас уже и не вспоминал.

Когда я переместился в более удобное положение, то увидел, что кресло толкнуло дверь, и та захлопнулась от удара. Мы уединились, и это здорово. Мои руки быстро сняли с Эми топ и юбку. Я был поражён тем, что она забыла надеть свой бюстгальтер. Она что, всё это заранее запланировала? Её руки проскользнули под моими и легли мне на плечи, в то время как я спускался вниз по шее Эми, осыпая её поцелуями, останавливаясь, чтобы уделить особое внимание той чувствительной точке на границе плеча и шеи, которую нашёл

вчера.

— А-а, у тебя уже хо-хорошо получа-ается! — простонала чемпионка, нежась под моими ласками.

— Стараюсь, — невнятно ответил я, не отрываясь от её тела.

Эми упорно надавила мне на грудь, и я с недоуменным видом отодвинулся назад.

— Я должна тебе признаться, Хисао.

— А?

Отстранённый, я решил взамен сфокусировать всё своё внимание на её груди. Когда она попыталась говорить, её слова перемежались смешками, что я нашёл невероятно милым.

— Я вообще-хи-хи-хи-то ах-хах! Не ношу перчатки.

Ответ я скорее пробормотал ей в грудь, а не в лицо.

— Я должен был догадаться…

Слова быстро потеряли смысл. Эми двигалась неистово, как будто её ещё что-то сдерживало с того момента, как мы встретились этим утром, а теперь она давала этому выход. Она застала меня врасплох своим агрессивным поведением и практически сорвала с меня рубашку, словно борясь за то, чтобы быть в доминирующей позиции. Надо признать, что я поддался её настроению. Я отбивался, выворачивался и боролся, даже когда ласкал её грудь, даже когда её пальцы вцепились мне в плечи, и я перестал осознавать, где мы находимся. Я был настолько сильно дезориентирован, что вскоре скатился с мата и приземлился на что-то маленькое и достаточно твёрдое.

— Ай!

Эми, до сих пор раскрасневшаяся и немного тяжело дышащая, посмотрела на меня и разразилась смехом.

— Прости-прости. Ты в порядке?

— Думаю, да. Хотя не знаю, на что я там приземлился… — отозвался я.

Я кряхтя дотянулся до своей спины, вытащил из-под неё предмет, испортивший мне приземление, и внимательно его осмотрел. «Интимная смазка. С ароматом лимона». Стоп, что? Взгляд Эми устремился вверх, и она начала — если это вообще возможно — смеяться ещё сильнее.

— Почему-то мне кажется, что… это не имеет никакого отношения к стадиону, — глубокомысленно заявил я, подкидывая тюбик на ладони.

— Боже, я знаю, чьё это! — сквозь смех выдавила бегунья.

— Что?

— Это капитана команды по бегу! — весело сообщила мне чемпионка.

А, мой старый соперник. Или типа того. Настроение опасно

за балансировало на краю пропасти. Это совершенно точно не тот человек, о котором я сейчас хотел бы слушать.

— Откуда ты знаешь, что это его? — подозрительно посмотрел я на неё.

Кажется, я задал глупый вопрос, или, по крайней мере, Эми посчитала его глупым: по-другому интерпретировать её взгляд было сложно.

— Потому что он сказал мне, что кладовая стадиона — хорошее место для… как он это называет? «Тайных встреч».

— Вот как? Он приглашал тебя на одну или как? — спросил я слегка обиженно. Ками-сама, в эту секунду я реально ревновал по-чёрному. Успокаивал меня только тот факт, что *сейчас* Эми со мной.

Эми начала хохотать. Признаюсь, смеющаяся голая Эми — странно привлекательное зрелище. Мне ужасно захотелось покончить с разговорами и вернуться к тому, чем мы занимались до этого, несмотря на достаточно остро поставленный вопрос.

— Хисао, капитан команды — гей, — сделав большие глаза, поведала мне чемпионка.

Вот оно как? Стоп. ГЕЙ?! Вот это поворот сюжета… Хотя теперь я понял уверенность фельдшера в том, что между ним и Эми ничего нет и быть не может.

— Правда? А я поначалу думал, что вы встречались, — признался я в своих подозрениях.

— Ну… когда я присоединилась к команде, я запала на него, но он ко мне был равнодушен. Что неудивительно. Но я полагаю, что мы с ним хорошие друзья. В смысле, он мне про всё это рассказал, понимаешь, объяснила девушка.

— Стесняюсь спросить… — Действительно, это так, но всё же спросил. — Но зачем ему… эх… смазка? В смысле, он же не… эм…

Да как, чёрт возьми, Эми удаётся никогда не краснеть?

— Очевидно же — для… ну, сам понимаешь… Анала, — когда она это произносила, лицо маленькой девушки приобрело поистине хищное выражение.

Я постарался подавить смешок. Мне это не удалось, и спортсменка тоже засмеялась.

— И он **рассказывает** тебе обо всём этом? — удивился я. Вот чего-чего, а этого ожидать было сложно.

Эми пожала плечами.

— Конечно! Он вроде как помешан на всём этом. Говорит, что это ощущения, которые невозможно превзойти.

— Эм… хм.

Воздух в кладовой казалось, был заряжен каким-то пугающим

любопытством.

— Интересно. Придётся поверить ему на слово, — сказал я с каменным выражением лица. Откуда я знаю, семе он или уке — в любом случае, его ощущения на себя мне примерять не хотелось. Я девушек люблю. Конкретно эту вот миниатюрную спортсменку.

— Ну…

Птицы снаружи смолкли. Ветер стих. Мужчина, пьющий где-то кофе замер с кружкой, поднесённой к губам. Таймер на Мобиловолновке (название временное) на секунду замер.

— Наверное… мы могли бы… Попробовать, — не слишком уверенно предложила девушка.

У меня внезапно отвалилась челюсть и упала на пол.

— Ч-что?

Эми, наконец, покраснела и с сожалением почесала затылок.

— Просто, мы не можем… делать то, что делали прошлым вечером, понимаешь? Это будет немного не… это будет небезопасно, знаешь? В смысле, вчера вечером это была не самая лучшая идея. Так что, мы могли бы попробовать этот вариант, чтобы понять…эм…

— Хорош ли он так же, как и предыдущий? — осторожно уточнил я. Так, не лучшая идея? Неужели есть возможность? Надеюсь, что на это раз пронесёт, но вот в магазин за резинками зайти стоит, определённо.

— Ну да. Именно.

— Хм, — задумчиво потёр я подбородок. В принципе, почему бы и нет?

— Аккуратненько! — строго предупредила меня чемпионка.

— Ты уверена в этом?

Я встал позади Эми, которая, слегка покраснев, оглянулась через плечо. Очевидно, что после того, как мы решили воплотить эту идею в жизнь, к нам вернулось подходящее моменту настроение. После этого мы опустошили банку смазки и… Встали наизготовку.

— Да, я уверена! Давай, пока я не успокоилась и не передумала.

Дыхание Эми до сих пор было достаточно тяжёлым, в её голосе чувствовалось нетерпение, чего и стоило ожидать. Мы были так близко, а теперь лишь тянули время. Кажется, мы оба временно сошли с ума. Так или иначе, я буду так считать с этого момента и до конца.

Я очень старался не думать об особенностях затеи, в которую позволил себя втянуть. Безусловно, это не самое чистое дело. Сделав глубокий вздох, который позволил как мне, так и Эми набраться решимости, я вошёл. Очень сильное сопротивление,

как будто наши тела делали это не по своей воле. Эми напряглась всем телом, когда я вошёл всего лишь наполовину. Ощущения оказались на удивление приятные, хотя и немного странные.

А вот Эми, похоже было, не очень приятно. Выражение на её лице было почти комичным. Я с трудом удержался от улыбки — смеяться в такой ситуации было бы натуральным свинством.

— Мне остановиться? — заботливо спросил я.

У девушки перехватило дыхание, поэтому на то, чтобы сформулировать ответ, у неё ушло больше времени, чем обычно.

— Н-нет, продолжай. Просто ощущения странные.

Она слегка нервно рассмеялась. Не могу её винить, я удивлён, что мне удалось самому хоть что-то сформулировать. Это было… горячо. Ощущения чрезвычайно странные. Смазка неестественно блестела. Из-за всего этого мне было несколько некомфортно.

Я продолжал медленно входить в неё, прислушиваясь к её дыханию. Я вошёл полностью и остановился. Эми, прикусывая нижнюю губу, снова обернулась назад.

— Ты будешь двигаться, или мы будем сидеть тут как два дурака? — недовольно поинтересовалась она.

— Нет, я просто хочу дать тебе возможность приспособиться, — объяснил я своё поведение.

Это было бессмысленно. Как нам вообще подобное в голову пришло?

— Не думаю, что к этому можно приспособиться, Хисао, — вздохнула бегунья. — Попробуй двигаться. Может, будет поприятнее?

Её голос был полон сомнений, но она точно не собиралась признавать поражение, учитывая то, как далеко мы зашли. Я начал медленно двигаться. Кажется, это сработало как для меня, так и для Эми, потому что она закрыла глаза, пытаясь сконцентрироваться на этом новом ощущении.

Когда я нашёл ритм, то начал испытывать то знакомое ощущение исчезающего мира, которое у меня было вчера. Я закрыл глаза и попытался погрузиться в ощущения, но… Что-то тут было не так. Эми не издавал ни звука. Вчера я очень быстро понял, что в моменты наслаждения Эми не очень-то тихая.

Когда я открыл глаза, то увидел, что моя девушка пыталась расслабиться, но, похоже, это было не так-то просто. Её глаза были закрыты, она прикусила губу, и кажется, что она больше терпела, чем наслаждалась. Её вид будто бы говорил: «Что ж, это была неудачная затея, но, надеюсь, это скоро кончится».

Я оказался в непростой ситуации. По правде говоря, я *не хотел* останавливаться. Но в то же время весь процесс не

доставлял Эми удовольствия. А если и доставлял, то дело продвигалось намного медленнее, чем у меня. Нехорошо. Я хотел, чтобы Эми тоже наслаждалась этим. Одной рукой я дотянулся до груди Эми, собираясь поласкать её. Она вздрогнула. От этого она сильно сжалась вокруг Хисао-младшего, вызывая волну удовольствия, которая фактически ослепила меня.

Мой вздох, кажется, позабавил чемпионку, но улыбка на её лице вскоре сменилась раскрытым ртом, когда я привычным движением опустил свободную руку и принялся нежно ласкать мягкий клочок волос между её ног. Движение моих бёдер усиливались по мере того, как моя рука помогала Эми, вызывая в ответ вздохи и взвизги, к которым я так привык. Я сконцентрировался только на ощущениях своих рук. Одна покрытая влагой и скользящая, вторая, на коже, нежная и отзывчивая. Эми вся покрылась мурашками, дрожала и потела, по мере приближения к кульминации. Она сжималась до тех пор, пока я не оказался не в состоянии больше…

Нетянемогубольше.

ОбожемойЭмиизвиниясейчас.

Я сделал финальный рывок, мои пальцы сжали сосок Эми, нырнули между её ног. Чемпионка выгнула спину, и по ней прошла дрожь. Высокий девичий крик эхом отразился от стен, и я почувствовал, как волна наслаждения отключает все остальные чувства в моём теле. Руки Эми подкосились, и она упала вперёд, довольно жёстко разъединив нас и выдернув из себя мою прелесть.

Неожиданная смена удовольствия болью заставила меня, потеряв равновесие, упасть поверх Эми.

— Аауу!

— Ааууу.

Я немедленно слез с Эми и попытался подняться, тяжело дыша и стараясь не обращать внимания на боль в промежности.

Эми слегка взвизгнула, когда едва не упала. Она взяла пару салфеток, которые мы заранее положили рядом, и начала вытираться, прежде чем надеть трусики и облокотиться об стену. Всё ещё тяжело дыша, я ел рядом с ней. Прикосновение холодного бетона к вспотевшей спине было очень приятно.

— Это всё-таки **больно!** — раздосадовано выдохнула девушка.

— Да, я, эм…Это была не самая удачная идея, согласился я. Особенно окончание.

Эми, корчась, попыталась сесть рядом, стараясь избежать болезненных ощущений. Но, судя по её искажённому лицу, это выходило не очень хорошо.

— Да, надо будет перекинуться парой слов с капитаном. Он однозначно врал, — буркнула бегунья. Ага, а капитан у нас, всё-таки уке. Что ж, спиной к нему поворачиваться можно… наверное…

Ситуация стала настолько абсурдной, что я начал смеяться. Эми покачала головой и начал смеяться вместе со мной.

— Эй, Хисао.

— Да?

— Мы ведь никогда больше не будем этого делать, да? — *очень* настойчиво спросила моя девушка.

— Да, полагаю, моё любопытство удовлетворено, — согласился я. Хотя идея-то изначально была не моя.

Эми довольно кивнула.

— Хорошо. Думаю, нам хватит и того, что было раньше, как считаешь? Просто для меня почти всё это в новинку.

— Постой… как это — «почти»? — вскинулся я. И что это «всё»?

Она ехидно улыбнулась.

— А вот не скажу.

Мне в голову пришла одна неприятная мысль. Но ещё неприятней была следующая за ней мысль о том, что придётся спросить это у Эми. Хотя учитывая, через что мы сейчас прошли, это будет проще простого.

— Слушай, здесь есть раковина? Мне бы, ээ… помыться слегка, — отводя глаза в сторону пробормотал я.

У Эми буквально отвалилась челюсть.

— В **раковине?** — переспросила она с выражением ужаса на лице и с надеждой в глазах, что с моей стороны это была всего лишь глупая шутка.

— Ну, больше здесь всё равно негде, так? А я… хочу смыть этот запах. А то фельдшер заметит, — мрачно пояснил я.

Это самый ужасный и неловкий диалог, в котором я когда-либо участвовал.

— Ты прав. Ну, она там, эээ…. У во-о-он той стены. Мыло, кажется, тоже есть.

— Спасибо.

Мыла там был всего маленький кусочек, но это лучше, чем ничего. А вот полотенца не наблюдалось от слова совсем. Похоже, придётся сохнуть так.

— Ты всё? — подала голос девушка, всё это время старательно не смотревшая в мою сторону. Ох, хоть бы не слишком низко пасть в её глазах после этого.

— Да, пока и так сойдёт. Но после похода к фельдшеру всё равно в душ схожу.

— Вот и славно. А теперь помоги мне найти мою одежду. Ты всё раскидал не пойми куда, — мягко упрекнула меня спортсменка.

— А сама-то! Как по-твоему мне быть с этой дыркой у меня в рубашке, а? — не остался в долгу я.

— Хе-хе, прости. Я слегка разошлась, когда…

Немного погодя, нам удалось одеться. В какой-то момент мы оба поняли, что кресло исчезло в неизвестном направлении, но потом я вспомнил, как оно выкатилось за дверь, и привёз его обратно.

— В этот раз постарайся осторожнее проехать через дверь, пожалуйста. Мне сейчас всякие толчки удовольствия не прибавят, — предупредила меня Эми.

— Я вообще жалею, что мы всё это затеяли.

Она с улыбкой пожала плечами.

— Ну, попытка не пытка, так ведь? И вообще, это было хорошим упражнением, правда?

С этим трудно было поспорить, но можно. Для *кого-то* это чуть не обернулось пыткой. Не так ли?

По мере того, как мы подходили к кабинету фельдшера, я заметил, что Эми всё чаще начала беспокойно ёрзать в кресле.

— Господи, такое странное ощущение… Хорошо, что я в кресле, Хисао, — внезапно сказала она.

— Это почему? — опешил я. До этого момента я искренне считал, что нахождение моей девушки в инвалидной коляске никак нельзя было назвать хорошим делом.

— Да потому что теперь мне хотя бы не придётся объяснять фельдшеру, почему я хожу в раскоряку.

— Ой. Никогда больше не будем так делать, — в который раз пообещал я.

К счастью, фельдшер никак не прокомментировал отметины, которые Эми оставила у меня на плечах. И про постоянную возню Эми, то и дело пытающейся поудобнее устроиться в кресле, он тоже промолчал. То ли просто не заметил, то ли не захотел замечать. Но всё же в ближайшие пару недель надо будет проверять, не подсыпает ли он мне в лекарства цианид…

Так, на всякий случай.

В душе я задержался чуть дольше обычного, просто чтобы убедиться, что все следы нашего маленького «эксперимента» начисто смыты. Придя к себе в комнату, я без сил свалился на кровать. До начала уроков ещё целых 20 минут, так что я, пожалуй, успею немного вздремнуть.

Из сонного состояния меня вырвал непрекращающийся стук в дверь и осознание того, что уже полдень. Полдень учебного дня.

Уже полностью проснувшись, я, наконец, вспомнил, почему заснул. Но рассказывать об этом Муто как-то не хотелось. «Прошу прощения за то, что пропустил уроки. Мы с моей девушкой проводили эксперименты сексуального характера, и поэтому я проспал». Да-а, звучит просто шикарно. Хотя Муто мог бы и оценить… А уж как оценил бы это Судзуки-сан…

Интересно, долго там ещё барабанить будут? Похоже, придётся открыть. Я почему-то нисколько не удивился, увидев за дверью Кэндзи. А вот он, по всей видимости, не ожидал меня здесь застать.

— Чувак! Какого чёрта ты тут делаешь?

— Ну, вообще-то, я спал. — озадаченно посмотрел я на него. Минутку, что значит, какого чёрта я тут делаю? На минутку, это моя комната!

Кэндзи понимающе кивнул.

— Всё ясно. Тебя вырубили. Я же тебя предупреждал насчёт этой тёлки, Ибарадзаки! Такие вещи случаются как раз тогда, когда их меньше всего ждёшь. — Он попытался заглянуть мне за спину и посмотреть на затылок. — Она тебя чем-то огрела? Или накачала дурью?

— Хватит пытаться меня потрогать, — отстранился я от его поползновений.

Кэндзи выудил из кармана фонарик и направил луч света прямо мне в глаза.

— Сотрясения нет?

— Да не был я в отключке! — возмутился я, моргая от яркого света. Вот же неугомонный!

— А может, ты просто не помнишь? — настойчиво допытывался сосед.

Разговор, по всей видимости, зашёл в тупик.

— У меня всего лишь было тяжёлое утро, поэтому я и заснул, — вздохнул я. Похоже, парень искренне за меня беспокоился, и это стоило того, чтобы дать ему ещё шансы, несмотря на то, что я не особо его жаловал.

— Ладно, проехали, чувак. Если хочешь и дальше отнекиваться, дело твоё. Но этой девчонки лучше берегись. Она опасна, — предупредил он меня.

— Чего?

— Рядом с ней опасно находиться, вот чего. Она у них один из самых коварных агентов. Страшно подумать, что может случиться, если ты не будешь начеку! Она расправлялась с парнями и покрепче тебя, — в возбуждении парень едва не начал размахивать руками, но пока кое-как сдерживался.

— Что за чушь ты несёшь? Никакой она не агент, и по голове

меня не била, ясно? А ещё я глубоко сомневаюсь, что она вообще с кем-нибудь расправлялась.

Кэндзи выглядел чуть ли не оскорблённым. Понятия не имею, почему.

— Ты мне не веришь? Это не по-дружески, чувак. Совсем не по-дружески. Я же для тебя старюсь. Друзья так и должны делать вообще-то.

Мы с ним друзья? Вот это новость. Да и вообще, я думаю, что Кэндзи вряд ли представляет себе, что значит быть другом. Всем своим видом он вызывал у меня чувство, близкое к жалости, а зачастую — раздражение. Наверное, ему кажется, что он обо мне заботится.

— Знаю-знаю. Извини. Спасибо за предупреждение.

Я протянул ему руку в знак примирения. Кэндзи осторожно её пожал, как будто она вот-вот вспыхнет ярким пламенем. На пару секунд в воздухе повисла неловкая тишина, пока Кэндзи не вспомнил, что до сих пор сжимает мою руку.

— Ладно, проехали. Сделай мне одолжение, друг.

— Какое одолжение? Деньги у меня кончились… — сразу предупредил я. На всякий случай.

— Нет, не кончились. У тебя есть заначка на чёрный день в шкафчике стола под чёрным блокнотом, — тут же возразил антифеминист.

— Ты что, шарился у меня в комнате? — ситуация резко запахла жареным. Это уже переходило всякие границы. А ведь я только что подумал, что, возможно, Кэндзи неплохой парень…

— Не суть важно. В любом случае, мне не нужны деньги. — Он перешёл на очень серьёзный тон. — Я собираюсь провести основную операцию. Если всё пройдёт гладко, этот заговор будет полностью раскрыт. Но это опасно, поэтому, в случае, если я не вернусь, я хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня.

— О, конечно, чувак. Всё, что угодно, — закатил я глаза. Что он, чёрт возьми, затеял? Не пора ли мне кому-нибудь об этом рассказать? Судзуки-сану, например, или Лилли, она же его староста?

— Если я пропаду, подожди три дня, а потом отошли мой дневник в газеты. Он спрятан в моей комнате под фальшивым дном в одном из ящиков стола.

— Как я попаду в твою комнату? У меня нет ключа, — резонно возразил я.

Кэндзи посмотрел на меня, как на сумасшедшего.

— Взломай замок. Ты ведь знаешь, как это делать? Этим навыком необходимо владеть с малых лет.

— Э-э, да, конечно, я знаю, как это делать. Я обязательно, эм,

сделаю это для тебя. Если ты пропадёшь, — обалдело согласился я. Сколько нового я про себя узнаю…

Не думаю, что хочу читать дневник Кэндзи. В любом случае, Кэндзи, кажется, был очень обрадован тем, что я согласился помочь ему.

— Отлично, чувак. Отлично. Увидимся. Надо сделать пару дел.

И он исчез, стремительно уходя по коридору, словно я больше никогда его не увижу. Надеюсь, мне не придётся выполнять его последние наставления.

Тряхнув головой, я закрыл дверь и направился обратно в кровать. Наверное, стоило бы пойти на уроки… Хоть на последние успею. С другой стороны, я и так не пошёл на первые… А ещё хотелось продолжить читать ту книгу Хокинга, что дал мне Муто… Ладно, думаю, он поймёт.

На этот раз стук оторвал меня не ото сна, а от книги. Совсем иные ощущения, нежели утром.

— Кто там? — подал я голос, очень надеясь, что это не мой беспокойный сосед.

— Я! Ты что, не рад? — Голос было трудно различить сквозь дверь, но он определённо принадлежал моей девушке. Я вскочил с постели и открыл дверь, широко улыбаясь.

— Привет! Рад тебя снова видеть!

Глядя на меня снизу вверх из своего кресла, Эми улыбнулась в ответ.

— Ага, ты мог бы увидеть меня ещё минут пять назад, но чёртов лифт, похоже, сломался. Ждала, пока починят. Казалось бы, они должны всё тут в идеальном порядке содержать, так не-е-ет же…

Усмехнувшись её слегка раздосадованному выражению лица, я пригласил её войти. Она с лёгкостью въехала в комнату, а потом с моей помощью перебралась на кровать.

— Вот. Гораздо удобнее, чем в этом дурацком кресле.

В воздухе повис вздох облегчения, и некоторое время мы просто смотрели друг на друга. И именно тогда я заметил чёрные круги под глазами Эми. Они были не такие уж и заметные, но раньше я их точно не видел. Но не успел я спросить о них, как Эми бросила на меня хитрый взгляд.

— Знаешь, от меня не ускользнул тот факт, что тебя сегодня не было во время ланча. По правде говоря, я тебя вообще сегодня не видела. Что случилось, ммм?

— Заснул. Если честно, я спал до полудня, да и то, встал только потому, что меня разбудил Кэндзи, — честно признался я.

— И отчего же ты так устал, а? — продолжала она тем же

игривым тоном.

— Усиленная утренняя тренировка. И немного неудобная. — я поймал себя на том, что начал потирать пах. Упс…

Эми закашлялась от смеха и от смущения.

— Напомни мне никогда больше этого не делать.

— Без проблем. Честно говоря, мне было тоже не слишком-то здорово. Давай попробуем в дальнейшем как-нибудь обойтись без всего этого. У тебя всё ещё, эээ… болит? — осторожно поинтересовался я, *чувствуя* свою вину.

Девушка посмотрела на меня, не веря своим ушам.

— Что? Это же закономерный вопрос!

— Если и существовали вопросы, которые я никогда не ожидала услышать, то это определённо один из них.

— Ну я вообще-то тоже не ожидал, что мне придётся его задавать, так что мы квиты.

Эми звонко рассмеялась.

— Похоже на то. Но раз уж ты спросил… Да, ещё болит немного. Больше никогда мы не будем этого делать.

— Возражений нет, — кивнул я. В очередной раз. Сильно же её это задело.

Она неожиданно зевнула, и я вопросительно поднял бровь.

— Устала?

Эми сонно кивнула.

— Плохо спалось.

Плохо спалось, значит? По её поведению я понял, что она не собиралась мне говорить об этом: она произнесла это слабым голосом, как будто её только что уличили во лжи, а затем сбивчиво добавила.

— Но ничего страшного.

— В чём дело? — встревожился я.

Чемпионка пожала плечами и отказалась продолжать.

— Волнуешься из-за экзаменов?

Она снова пожала плечами, но после небольшой заминки всё же нерешительно кивнула.

— Ну, наверное, да. Я, кстати, из-за этого и зашла.

Её весёлое настроение начало улетучиваться прямо на глазах. Не так, чтобы сильно заметно, конечно, но всё же… Она смотрела в пол, говорила тихим голосом и ёрзала туда-сюда.

— Нам, эээ… нам стоит перестать видеться так часто.

— Что? Это почему? — потерянно спросил я.

Эми сделал глубокий вдох, как будто она уже много раз репетировала этот разговор.

— Потому что с тобой рядом слишком хорошо. И я не могу сосредоточиться, когда мы вместе. Скоро начинаются экзамены, и

я… я просто не могу отвлекаться. Иначе, боюсь, мои оценки будут довольно паршивыми.

— Я могу помочь тебе с подготовкой… — моментально предложил я, воспрянув духом.

Спортсменка улыбнулась мне, явно недовольная сложившейся ситуацией.

— Было бы просто здорово, но… ты ведь не думаешь, что мы и правда стали бы готовиться? Вот, например, даже сейчас я пытаюсь просто с тобой поговорить, но на самом деле мне хочется, эээ… точно не разговаривать.

— Понятно. Всё ясно, потрясена моей суровой брутальностью, да? — пошутил я. Этим я хотя бы заслужил улыбку.

Эми покачала головой.

— Идиот. Да к тому же самодовольный.

— Что поделать, если я такой неотразимый? — пожал я плечами.

— Эмм, с эти вряд ли поспоришь, — слегка смутилась бегунья. — Короче, вот такие дела, Хисао. Когда я с тобой, мне всегда интересно и весело… Поэтому мне надо побыть одной, чтобы встретить экзамены во всеоружии.

— Эй, да всё нормально.

Похоже, это действительно её беспокоило. Кроме того, это временная мера: всего-то несколько недель. И мы по-прежнему сможем видеться по утрам и во время ланча.

— Мы можем пересекаться только в школе, без проблем. А после экзаменов сходим на свидание и отметим их окончание, идёт? — предложил я самый удобный, на мой взгляд, вариант.

Эми улыбнулась, явно обрадованная такому предложению.

— Само собой! Конечно, идёт!

И, будто подчёркивая, что разговор окончен, она наклонилась и поцеловала меня. Остаток вечера был потрачен отнюдь не на тревожные мысли об экзаменах.

* * *

Даже странно, как нам с Эми удаётся так легко относиться к тому, что мы больше не встречаемся после уроков.

Вообще-то, если честно, это даже немного беспокоило меня. Похоже, мы разошлись с той же лёгкостью, что и встретились, совсем без проблем. Однако это всё же было не совсем так. После того вечера у нас почти всегда была куча свободного времени. И мы постоянно встречались по утрам для совместной пробежки (и только для того, чтобы бегать, хочу добавить). Да и на больших

переменах виделись. Проводить ланчи вместе с ней мне особенно нравилось. У нас была куча времени, чтобы поболтать о том, о сём вне школьных занятий, а вот пробежки становились всё более и более собранными и официальными.

Полагаю, это потому, что Эми хотела таким образом отработать наши дурачества в кладовке. И всё же, сколько бы мы ни шутили и ни смеялись во время ланча, я ничего не мог с собой поделать и всё-таки немного за неё волновался. Она заметно чаще стала уходить в себя, и я заметил, как она частенько нервно ёрзала на месте.

Никогда не думал, что она из тех, кто стал бы так сильно переживать из-за экзаменов, но они, похоже, всё-таки брали своё. Хотя они ещё даже не начались. Это всего лишь разминка, затишье перед бурей. Завтра начнутся настоящие испытания. Ну, или настоящие экзамены.

Что до меня, то я, если честно, совсем не беспокоился о них. Даже не знаю, почему. Они же довольно важны: оценки, которые я получу, определят мои шансы попасть в достойный университет. Блин, да если я сейчас расслаблюсь, это может полностью перечеркнуть мою дальнейшую учёбу. Но я был уверен, что с честью их выдержу.

Муто считал, что экзамен по естественным наукам по-любому у меня в кармане. Или, по его словам: «Последнее, о чём тебе стоил о бы беспокоиться, Хисао, это мой экзамен. Твои способности существенно выше». Но опять же не стоило забывать, что это сказал Муто. Его похвалы отчасти подразумевали, что любой результат хуже идеального был бы огромным разочарованием, и это заставляло меня всё же нервничать перед этим экзаменом.

Именно поэтому после уроков я и просиживал штаны в библиотеке, штудируя свои тетради. Так, здесь всё довольно просто: парочка формул для скорости, несколько строчек про трение… В отличие от наводящего на меня ужас экзамена по английскому, это было проще пареной репы. Никогда не ладил с языками…

В который раз пролистывая свои записи, я начал витать в облаках. Когда закончатся эти экзамены, станет легче. Ещё немного, и мы станем выпускниками. Затем, надеюсь, поступим в колледж.

Я вспомнил неудавшуюся попытку разузнать у Эми, чем она хочет заниматься после школы. Ммм, если я правильно помню, то она тогда очень ловко уклонилась от ответа. Чёрт, если подумать, каждый раз, когда я слишком настойчиво пытался что-нибудь разузнать у неё, вместо прямого ответа она плясала вокруг да

около. Или же отвлекала меня… по-другому. Как, например, несколько дней назад во время ланча, когда Рин с нами не было… Хе-хе.

— У меня получилось! — От моих мечтаний меня оторвал триумфальный крик Юко.

— А-а-а! — воскликнул я от неожиданности.

Напугав меня, Юко, похоже, сама до смерти испугалась.

— Боже мой! Мне так жаль! Я просто так обра… я совсем не хотела…. - мне всего лишь…

Краем уха слушая её сбивчивое бормотание, я поспешил успокоить её, пока ещё не поздно.

— Ну-ну, тише.

Мои слова, похоже, не достигали её ушей. Девушка продолжала заводить сама себя до полнейшего безумия.

— Да ещё и в библиотеке, а здесь нельзя…

— Тише-тише, успокойся.

— И пример я плохой подаю, и вообще меня теперь уволят, потому что я ничего не могу сделать как надо…

— ЮКО! — потерял я терпение.

Окрик, похоже, сработал, хоть на него и обернулась парочка учеников, занимающихся в библиотеке.

Библиотекарь пришла в себя как солдат, на которого гаркнул командир.

— Прости! Прости!

— Успокойся, всё хорошо. Ты всего лишь меня немножко напугала, да и то только потому, что я витал в облаках вместо того, чтобы читать. Так что ты мне даже помогла — вернула к моим тетрадкам.

Это, конечно, была бессовестная ложь. Но, вроде, действенная.

Юко сделала глубокий вдох и немного пришла в себя, хоть и продолжала ходить туда-сюда с так хорошо мне знакомым нервным видом.

— Ладно, так что тебя так сильно обрадовало? — спросил я.

— Воришка-из-Ямаку! — К слову, надо отдать должное Юко: ей удалось подавить нервное возбуждение и снизить голос до шёпота. — Похоже, я его раскрыла! Мне дали анонимную наводку, кто это может быть! Поэтому я тут немного пошпионила, и, кажется, наводчик не ошибся!

— Да ну? И кто же этот… эмм, воришка?

Она быстро закрыла рот, решительно тряся головой.

— Не-а, я не могу тебе сказать.

— И почему же?

— Это моё личное дело. Слишком велик риск того, что ты

раскроешь меня ему. Он может раньше времени раскрыть карты, и потом ищи-свищи его. И тогда я останусь с висяком.

И с каких это пор Юко говорит, как матёрый детектив? Мало мне было соседа, так теперь и библиотекарь конспирологией заразилась?

— Да не стал бы я никого предупреждать! Оно мне надо? — досадливо возразил я.

— Если ты спрашиваешь об этом, то тебе точно нельзя ничего знать.

— Я ничего не понял, но чёрт с ним. Поздравляю, наверное? — вздохнул я.

— Спасибочки! Э, а с чем? — слегка растерялась девушка. Она серьёзно уже забыла?

— С поимкой воришки.

Юко улыбнулась и одобрительно кивнула.

— Ясно! Вовсю готовишься к экзаменам, я посмотрю?

— По идее да. Но, как видишь, не очень-то получается.

— Правда? Может, это потому, что ты не можешь найти какую-то книгу? Прости меня, пожалуйста! Я уже месяц собираюсь навести на полках порядок, но меня постоянно отвлекают! Мне так жаль! — девушка вновь впала в панику и принялась безудержно извиняться.

— Эй, погоди. Не в этом дело. Книга у меня с собой. — В подтверждение своих слов, и чтобы успокоить Юко, я показал на лежащую передо мной книгу. — Просто мысли разбегаются, вот и всё.

— Может, это потому, что здесь слишком шумно? Я стараюсь быть построже с теми, кто шумит, но просто не могу заставить себя кричать на людей… Я имею в виду, что у них полно собственных проблем, а тут ещё я буду встревать со своими указаниями…

— Нет, шум тут тоже ни при чём, уверяю тебя. Просто я… — Чёрт, я не знаю. Беспокоюсь об Эми. Беспокоюсь о нас. Беспокоюсь о нашем будущем после школы. — В последнее время Эми странно себя ведёт.

— Что ты имеешь в виду? — заинтересовалась библиотекарь.

— Ты, наверное, уже знаешь, что мы встречаемся? Просто я не могу понять, на самом ли деле мы… ну, понимаешь… Пара. Или хотя бы больше, чем просто друзья.

Хотя… друзья, обычно, не занимаются тем, чем занимаемся мы. В этом плане мы точно представляем из себя пару. Когда… делаем это.

— Такое чувство, что всякий раз, когда я пытаюсь больше узнать о ней, о её жизненных целях и планах, она уходит от

ответа. К примеру, недавно мы обсуждали несколько университетов, о которых я кое-что разузнал. И я спросил её, не думала ли она о своём дальнейшем образовании. В ответ она пожала плечами, сказала, что не думала, а когда я спросил почему, ответила, что не любит загадывать так далеко вперёд. Я поинтересовался, откуда у неё такие взгляды, а она…

Я внезапно понял, о чём именно едва не рассказал Юко, и благоразумно заткнулся. Ни к чему ей знать ТАКИЕ подробности.

— А что она?

— Эмм, она сменила тему. Не стала на эту тему общаться.

— Может, ей неудобно говорить об этом? Или она просто не считает нужным вдаваться в подробности.

— Ага, но это ещё не всё. Каждый раз, когда я пытаюсь узнать, что её беспокоит, она тоже меняет тему. Ей будто нравится быть со мной, но сильно привязываться она не хочет.

Сейчас, произнеся это вслух, я почувствовал себя ещё хуже.

Юко обдумала сказанное мной.

— Знаешь, на мой взгляд, ты серьёзнее, чем она, относишься ко всему этому.

Такое чувство, будто живот скручивает в узел. Она права. Похоже, так и есть.

— Но действительно ли всё так, как ты говоришь? То есть…

— Прости! Я наговорила ерунды! Тебе не стоит прислушиваться к моим советам, ты ведь меня едва знаешь! Я всего лишь библиотекарь, да и парня у меня нет, поэтому, ты, наверное, думаешь, что я не знаю, о чём говорю! — снова запричитала она.

— Да нет, знаешь… Мне кажется, в твоих словах что-то есть.

Как бы ни было больно это признавать.

Юко, похоже, изо всех сил пыталась смягчить сказанное.

— Эмм, послушай. Я, скорее всего, ошибаюсь, но если ты хочешь узнать, так ли это, то, может, тебе просто самому с ней поговорить? Отойдите куда-нибудь в сторонку и обсудите всё это. И не дай ей сменить тему!

— Ага, наверное, так и стоит сделать.

Или, может, мне просто стоит радоваться тому, что имею. Всё-таки нам вместе интересно. Мне нравится и бегать с ней, и болтать обо всём, и заниматься, эээ… другими делами… Стоит ли пытаться узнать её поближе? То, что у нас есть сейчас, тоже неплохо.

Но это глупо. Я всё же хочу быть к ней ближе. Хочу иметь возможность помочь ей, помочь с тем, что её беспокоит. Но… наверное, стоит подождать окончания экзаменов. Может быть, когда весь этот стресс закончится, она повеселеет. Если да, то мне

больше не придётся об этом переживать.

А если нет — что ж, тогда… Преодолею это пропасть между нами, когда представится возможность.

Поблагодарив Юко за совет, я вернулся в свою комнату.

Может, здесь я смогу, наконец, сконцентрироваться на подготовке.

Глава пятнадцатая Фантомные боли

Я вышел из класса, только что закончив писать последний из экзаменов. Из груди сам собой вырвался вздох облегчения. Как я и надеялся, экзамены оказались не такими уж и сложными. Почти все дались мне легко, за исключением английского. Да и там всё было более-менее.

Интересно, как справилась Эми? И, что более важно, как она себя чувствует? Во время ланча она выглядела просто ужасно. То есть, она, конечно, была рада, наконец, вылезти из этого кресла, но вид у неё был очень усталый. Что-то очень сильно угнетало её, и я уже всерьёз начал сомневаться, что это были экзамены. Но стоило ли мне пытаться обсудить это с ней?

Похлопывание по плечу прервало мои размышления.

— Эй, Хисао. Найдётся минутка? — раздался у меня над ухом голос учителя. Любопытно, как он, обладая такими габаритами, умудряется совершенно неслышно подкрадываться ко мне? Или это я, когда думаю, ничего не вижу и не слышу?

— Ага, даже две. Никуда пока не тороплюсь, ничего такого, — подтвердил я наличие свободного времени.

Муто вопросительно приподнял бровь, будто сомневаясь в моих словах, а затем пригласил меня обратно в класс.

— Мне хотелось бы узнать твоё мнение, если можно. Я понимаю, что моя программа была рассчитана не совсем на твой уровень знаний… — осторожно начал учитель. Мне почему-то захотелось его подбодрить.

— Ничего страшного. Собрания кружка естественных наук мне весьма помогли, — горячо заверил я, нисколько при этом не покривив душой.

— Хмм, правда? Вообще-то это я как раз и хотел обсудить. Как считаешь, стоили ли эти собрания потраченного времени? Я просто для себя интересуюсь, — уточнил учитель, рассеяно вертя в руках карандаш, и рассматривая меня.

— Конечно, это отличный способ выйти за рамки того, что мы изучали на уроках. Время мы точно потратили не зря, — кивнул я. Ощущать себя под микроскопом чужого взгляда… непривычно. Так тщательно меня даже моя девушка не осматривала.

Муто, кажется, был доволен моим ответом.

— Здорово! Как раз то, на что я и рассчитывал! Знаешь, Хисао, я очень рад, что ты попал сюда. Всегда приятно, когда встречается ученик, который по-настоящему интересуется предметом, который ты преподаёшь. В некотором роде это помогает работать и с другими учениками. И ещё ты очень

способный мальчик. На наших уроках ты себя чувствовал, как рыба в воде и даже лучше.

— Эмм, спасибо. Вы мне здорово помогли. Особенно в выборе колледжа, — с поклоном поблагодарил я.

— Ещё один момент Хисао. Небольшой совет одного учёного другому, — улыбнулся Муто.

— Какой?

— Какова задача учёного? — хитро прищурился он.

— Наблюдать окружающий его мир.

— Именно. Хорошо. Этот простой вопрос вызывает сомнения у большинства людей. Это и есть сущность учёного, Хисао. Мы наблюдаем события и пытаемся разобраться в них. А если мы наткнёмся на что-либо, в чём не сможем разобраться? Что делает учёный, когда он не в состоянии что-либо пронаблюдать? К примеру, как мы можем рассуждать о кварках, если никто и никогда не видел их? Или о чёрных дырах, прямое наблюдение которых абсолютно невозможно?

— Ну, есть довольно продвинутое научное оборудование…

Муто нетерпеливо отмахнулся от моего ответа.

— Нет, это совсем не то. Это инструменты, а я пытаюсь рассказать тебе о философии. Думай. Если не можешь наблюдать непосредственно, то как можешь?

— Э-э, наверное, могу предположить?

— И как? Как ты угадаешь движение кварка? На чём будет строиться твоё предположение? — учитель прищурился ещё сильнее, словно подсказывая мне что-то своим выражением лица.

Ну конечно! Как же я раньше об этом не подумал!

— На его влиянии на окружающие объекты, — уверенно заявил я.

Муто победно всплеснул руками.

— Да, именно. Хорошо. Запомни это, Хисао. Если ты не в состоянии наблюдать что-либо напрямую, то это потому, что ты смотришь не с той стороны. Если хочешь добраться до истины, нужно посмотреть на вещи по-другому. А если сама суть опять ускользнёт от тебя, то обрати внимание на то, что этот объект оставляет за собой. Вот в чём состоит квинтэссенция науки. Мы, учёные, никогда не остановимся в поисках ответов. Никогда не примем что-либо как должное. Наблюдай, экспериментируй и снова наблюдай. В мире есть много вещей, смысл которых никому не понятен, Хисао. Твоя задача — открыть этот смысл и донести его до людей. Если что-то и стоит запомнить из наших уроков, так именно эти слова.

— Хорошо, я запомню. — Действительно, очень глубокая и стоящая мысль.

Он удовлетворённо улыбнулся.

— Блеск. А теперь иди, наслаждайся отдыхом. Ты его заслужил.

Я вышел из кабинета в раздумьях. К чему всё это было? Хотя… Может ли быть, что я не с той стороны смотрю на всю эту ситуацию с Эми? Если она не собирается мне рассказывать, то может, есть какой-то другой способ? Этот вопрос продолжал крутиться у меня в голове, даже когда я добрался до своей комнаты.

А что если она разозлится? И ещё, вдруг овчинка выделки не стоит? Может, её беспокоит сущий пустяк. А если я приду к Эми и откажусь уходить, пока она не расскажет мне, что стряслось, не покажется ли ей, что я слишком приставучий?

Не хочу устраивать скандал из-за чего-то подобного. Может, стоит просто опустить эту тему и подождать до завтра? Посмотрю, как она, а там уже что-нибудь решу. А если ничего не делать вообще, настолько ли это плохо? Не похоже, что нас тяготит общество друг друга. Но, как бы странно это ни звучало, я действительно хочу… помочь ей. Но я не знаю в чём, не знаю даже, есть ли что-то такое, с чем бы я мог ей помочь. Но я хочу.

Неожиданный стук в дверь отвлёк меня от раздумий. И кому это я так срочно понадобился?

Я открыл дверь и увидел Кэндзи.

— А, это ты.

— «Это ты»? И всё? — воскликнул мой беспокойный сосед. — Мужик, если б ты знал, через что я прошёл, ты бы встречал меня поприветливее. Я про то, что это была эпичнейшая фигня из разряда больше-мы-не-увидимся-прощай-навсегда-братан. А ты тут ведёшь себя, как будто я в магазин за молочком сгонял! Ты хладнокровный мужик, Хисао. Респект тебе.

— Эмм, ну, спасибо… наверное, — кивнул я, не очень понимая, что тот вообще имеет в виду.

— А это умно, знаешь ли. Не показывай никаких эмоций и будешь в безопасности. Держи карты ближе к груди. Пока не придёт время открываться. Если у тебя хорошие карты, конечно же. Иначе придётся сбрасывать их или забирать то, что уже выиграл. Понимаешь? — подмигнул мне Кэндзи. То есть, я решил, что он мне всё-таки подмигну, судя по движению его брови — самих его глаз я так ни разу и не рассмотрел за всё время нашего знакомства. Я даже не знал, какого цвета глаза у этого парня!

— Ага, ясно как божий день. Полагаю, эм, миссия прошла успешно? — сделал вид я, что интересуюсь его делами. Не то, чтобы мне и в самом деле была любопытна это его

антифеминисткая теория, но разговор поддержать было надо. В конце концов, так уж вышло, что Сэто — чуть ли не единственный парень в школе, с которым я общаюсь. С одноклассниками всё как-то незаметно свелось к уровню — «привет-пока-передай-пожалуйста-распечатку».

— Вау, ты что-то страшно любопытный, а? — хмыкнул Кэндзи. И тут же посуровел. — Нельзя просто так болтать о таких вещах! И тем более на такой деликатной стадии. Один неверный шаг и БУУМ! Вторжение увенчается успехом!

— А я думал, ты собираешься вывести заговорщиков на чистую воду.

— Там всё оказалось гораздо более масштабным, чем я предполагал. Мне нужно будет обновить расчёты. И, наверное, сменить парочку марионеток. Помочь не хочешь? У меня тут завалялась бутылочка виски из… неважно, откуда. Заодно расскажешь, что нового удалось узнать в ходе твоего расследования.

— Лучше не надо. Я… договорился сегодня с ней встретиться. Надо идти. Нельзя вызывать подозрение, — поспешно отказался я. Если у него и в самом деле есть виски, то пить с ним я не собирался в любом случае. Во-первых, это было бы слишком опасно — кто знает, каково поведение Кэндзи в нетрезвом виде? Да и мы, японцы, к крепкому алкоголю непривычны. Во-вторых, я подозревал, что виски и мои таблетки от аритмии никак не сочетаются друг с другом, и проверять это не было ни малейшего желания. В-третьих, у меня не было причин пить с ним.

Кэндзи одобрительно кивнул.

— Всё держишь карты близко к груди? Хорошо, мужик, уважаю. Ни пуха.

— Эм, спасибо.

Притворюсь-ка я для сохранения собственной вменяемости, что он желает мне удачи в разговоре с Эми. А если говорить его словами, то эти аналогии с карточными играми здесь вполне подходят. Пора раскрыть все карты. Или хотя бы попытаться заставить Эми сделать это.

Чувствуя важность надвигающегося момента, я бодрым шагом отправился к Эми. Резво протопав по ступенькам, я поднялся к ней на этаж и постучал в дверь.

— К-кто там? — слегка растеряно раздалось изнутри. Хм. Странно. Какой-то сдавленный у неё голос.

— Эй, это я. Проходил мимо и решил зайти, — как обычно оригинальностью я не блистал. Парень *случайно* проходил по коридору женского общежития на третьем этаже. Хорошая

отмазка, ничего не скажешь, Хисао.

— Хисао? Заходи!

Я толкнул дверь и понял, что она заперта. Всё интереснее и интереснее…

— Эээ, у тебя дверь заперта.

— О, точно, прости. Погоди чуток.

Спустя пару минут дверь распахнулась, являя мне улыбающееся лицо Эми.

— Прости, пришлось надевать протезы. Вздремнула немного, — пояснила свою задержку девушка.

Несмотря на её улыбку, что-то с ней определённо было не так. Глаза у Эми выглядели слегка покрасневшими — похоже, она недавно плакала.

— Да ладно. Ты в порядке? — спросил я, стараясь не пропускать волнение в голос.

— А? Ага, всё в норме, — как ни в чём ни бывало отозвалась чемпионка.

— Просто выглядишь, как будто только что плакала…

Ну да, Хисао. Шикарное начало разговора, просто блеск. Ты как обычно образец такта и красноречия.

— Что? Не, со мной всё в порядке. Просто рада тебя видеть.

Свои слова она подчеркнула долгим поцелуем, который продолжался и после того, как за нами с грохотом захлопнулась дверь. Я прекрасно понимал, чего она сейчас хочет. Осознавал я и то, насколько сильно хочу того же, но…Героическим усилием воли я прервал поцелуй.

— Эй, погоди.

В глазах Эми читалось замешательство.

— Мм? Подождать чего?

— Нам надо поговорить, — со вздохом произнёс я.

— Стоп, мне казалось, что так должна говорить девушка парню, или нет? — слегка нахмурилась бегунья. — И никогда ничего хорошего после таких слов не бывает, так?

Что-то в этом есть. Обычно после этих слов расстаются. Или очень сильно ссорятся.

— Может, в этот раз будет иначе. Ну, я на это надеюсь, по крайней мере, — развёл я руками. Бодрость, нахлынувшая на меня после разговора с Кэндзи, теперь столь же стремительно отступала, и я уже чувствовал, что устаю. Не физически — морально.

— У… угу. Давай хотя бы на кровать сядем. Я на этих штуках первый день после кресла, всё ещё привыкаю. Плюс фельдшер сказал, что мне надо как можно реже их надевать, а то ноги от бега и так устают, — попросила Эми.

— С этим не поспоришь.

Конечно же, это была ловушка. Мы оба знали это, и нас обоих это не беспокоило. Но опять же, очень сложно разозлиться на что-либо, когда сидишь на кровати рядом с объектом своих желаний, так что, в этом есть доля здравого смысла. Я помог Эми спустить ноги с кровати и сел рядом с ней, обняв её за плечи. Некоторое время мы просто наслаждались вновь обретённой возможностью сидеть вот так рядом, в тишине. А потом, конечно, я начал говорить и разрушил эту идиллию.

— Слушай, я знаю, что… что тебе в последнее время было тяжело. И я хочу тебе помочь. Я думал, в этом виноваты экзамены, но тут я прихожу к тебе в комнату, а ты плачешь. Меня это убивает. Но я ничего не могу с этим поделать, ведь ты не говоришь ни слова.

— Сказала же, всё в порядке, — пробурчала девушка.

— Нет, не в порядке, — мягко возразил я. — Тебя явно что-то тревожит. Мне-то можно рассказать, ты знаешь.

Эми слегка повысила голос.

— Почему моих слов, что всё в порядке, тебе недостаточно? Ты заботишься обо мне, я уже поняла. Это классно. Но у меня всё хорошо. Ничего такого, о чём тебе стоило бы волноваться…

— Ага, не спишь, постоянно отключаешься от реальности… даже чаще, чем Рин. По мне, так это нисколько не «в порядке», — скептически покачал я головой. — Пойми я просто…. Просто хочу помочь.

— Угу.

— Мне не нравится, когда я вижу тебя такой подавленной. Я хочу, чтобы ты была счастлива, понимаешь? — высказал я свою позицию. Что-то подсказывало мне, что Эми поняла меня неправильно.

Бегунья смерила меня холодным пронзающим взглядом.

— Значит, хочешь меня исправить, Хисао? — Вот теперь она действительно разозлилась. — Хочешь прискакать на белом коне и спасти? Прекратить кошмары и фантомные боли в отсутствующих ногах? Восстановить утраченное?

Слова застревали у неё в горле, а вместо них наружу рвались слёзы.

— Что ж, это у тебя **не получится**. Ни у кого не получится. Никто не станет этого делать, — твёрдо и вместе с тем отчаянно заявила чемпионка.

Я был настолько шокирован её резкими словами, что даже не мог рта раскрыть. Некоторое время мы сидели молча. К моему удивлению, Эми не пыталась отодвинуться подальше от меня, а наоборот, прижималась всё сильнее. Сделав глубокий вдох, она

вновь начала говорить.

— Послушай, мне очень жаль. Просто… всё дело в кошмарах. Об аварии.

Ох. Та авария. И как я не догадался… В ней она как-никак потеряла обе ноги, хотя между нами это ни разу не обсуждалось.

— И обычно я с ними прекрасно справляюсь, потому что могу бегать. Бег прочищает мне голову как ничто другое. Когда бежишь, не нужно ни о чём беспокоиться. Я просто сосредоточена на дыхании или поддержании темпа. Так легче. Легче жить. Просто двигаться вперёд. Не думать ни о чём, кроме следующего поворота. А за ним идёт ещё один поворот, потом ещё и ещё, пока я не почувствую, что больше не могу бежать, или думать, или вообще что-либо делать, пока не останется только снизить темп и пойти шагом, восстанавливая дыхание. После такого не думается ни о чём. Но я слишком долго торчала в этом проклятом кресле. Вот и не было возможности. Сегодня всё просто слегка… накопилось.

— Знаешь, ты могла бы мне рассказать обо всём этом. Тебе не нужно справляться со всем в одиночку, — вновь попытка с моей стороны предложить свою помощь. И вновь безуспешная.

Эми печально улыбнулась, будто пытаясь втолковать ребёнку, что любой огонь может обжечь.

— Я справилась. Всегда справляюсь.

— Но почему? Почему ты пытаешься продолжать всё взваливать на себя? Почему ты не доверишься мне и не позволишь тебе помочь? — взмолился я. Я решительно не мог понять её, и это приводило меня в отчаяние.

Опять эта печальная улыбка. Эми наклонилась и почти по-матерински поцеловала меня в щёку. Подвинувшись ближе к моему уху, она открыла мне эту тайну.

— Потому, Хисао. У меня уже однажды украли всё, что я любила и знала. Не знаю, что со мной будет, если так выйдет снова.

Девушка умолкла, не уверенная, стоит ли рассказывать дальше.

Такое чувство, будто у меня внутри всё скручивается в узел.

Она продолжила.

— Поэтому, я не могу на тебя полагаться, Хисао. И на фельдшера тоже. Вообще ни на кого. Только на себя. Вот как всё должно быть.

Закончив эту коротенькую речь, бегунья опустила голову и прикрыла рот тыльной стороной ладони. Совершенно ясно, что разговор окончен. Я пытался подобрать какие-то слова, но тщетно.

— Я… Я, наверное, пойду пока. У меня… дела, — неловко выдохнул я. В очередной раз несу чушь, в очередной раз у меня не нашлось нужных слов. Но что я мог сказать в ответ на это?

Эми даже не подняла голову. В её голосе слышалась усталость… или облегчение. Не знаю, что именно.

— Хорошо, Хисао. Иди, разберись со своими делами. Завтра увидимся.

Я сполз с кровати и поплёлся к выходу, на мгновение замерев в дверях.

— Эй, Эми…

— А?

Тысячи вопросов так и рвались с языка. Но я был настолько запутан, что не мог выбрать ни один из них. После того, как она признала, что никогда не подпустит меня ближе, я чувствовал, будто меня лишили целого мира, **моего** мира.

Что случилось в той аварии? Знаю, она потеряла ноги, но её это, вроде бы, никогда особо не волновало. Что же там произошло? Что может напугать девушку настолько, что она откажется от любой помощи, даже предложенной её возлюбленным?

Не знаю. Но я хочу знать. Хочу знать настолько сильно, что невозможность добиться ответа на этот вопрос кажется хуже ножа в животе.

— Хисао? Ты что-то сказал? — слегка встревоженно переспросила девушка.

Я всё ещё стоял на пороге. Как полный кретин.

— … нет, ничего. Не обращай внимания.

И я закрыл за собой дверь. И пошёл по коридору. Вниз по лестнице. На улицу. В темноту.

Каким-то чудом я добрёл до своей комнаты. Мои мысли бежали со скоростью раненого зверя, быстро заходя в тупик.

Я не мог понять, как разобраться со всем этим.

Мне казалось, что двигаться вперёд — здравая мысль. Меньше вспоминать прошлое, которое я не могу изменить. Жить настоящим и смотреть в будущее. Но после этого… инцидента с Эми я уже не знал, правильно ли это. Она верно сказала, что проще смотреть на следующий поворот, игнорируя уже пройденный путь. Не думать о сопернике, глотающем пыль позади. Не обращать внимания на толпы зрителей. И, к сожалению, не останавливаться, чтобы помочь отстающим товарищам по команде.

Я без сил упал на кровать и смотрел в потолок, будто ожидая, что там вот-вот появятся ответы на все мои вопросы. Но с этим мне, само собой, не повезло. Потолок всеми силами уклонялся от

судьбоносной роли оракула.

Она в буквальном смысле убегала от чего-то, но не поступал ли я точно так же, изо всех сил пытаясь забыть о времени, проведённом в больнице? Мне было уже гораздо лучше, но здоровье само себя не поправит. Вместо моей единственной проблемы с сердцем у Эми их было целых две… Но и они сами себя не вылечат. Кто знает, может, наше здоровье лучше уже не станет.

В комнате становилось всё темнее и темнее, пока я наконец не перестал различать, где кончался потолок и начинались стены. А потом как-то незаметно в комнате начало светлеть, и я понял, что ночь кончилась.

Слишком быстро пришло утро после целой ночи без сна. Вот, значит, как Эми проводит свои ночи? Уставившись взглядом в потолок или стену. Пытаясь перестать думать о чём бы то ни было.

В моем случае — о ней.

То сдавленное чувство в груди ещё со мной.

«Я не могу на тебя полагаться».

Так спокойно, словно мимоходом сказанные слова. Будто она меня дразнила или укоряла за предположение о том, что Земля плоская.

«Вот как всё должно быть».

Хреново это, если вот так всё должно быть. Я настолько паршиво себя чувствовал, что едва не решил пропустить пробежку. Но это было бы просто глупо. Я делал это не только для того, чтобы увидеться с ней. Это, конечно, всегда было основной причиной, но теперь было кое-что более важное.

Мне стал нравиться сам бег. Не самый плохой способ разогнать кровь. Никогда не думал, что скажу это после первой недели, но… Я чувствовал себя гораздо лучше после пробежки, как будто было неважно, что я совершу в оставшийся день, но хотя бы одно дело я уже сделал. И ещё бег помогал окончательно проснуться. К тому же Эми говорила, что он здорово прочищает ей мозги… Может быть, и мне поможет?

Очень на это надеюсь.

Утро сегодня было прохладное и ясное, хотя и сырое. Похоже, лето давало о себе знать.

Когда я подошёл к стадиону, Эми уже разминалась там, а увидев меня, улыбнулась и помахала рукой.

— Эй, Хисао!

Видеть Эми такой бодрой и оживлённой после того, что было — как пинок промеж ног. Ну как она могла быть такой радостной после вчерашнего? Я вяло махнул ей рукой и сильно удивился,

получив в ответ объятия.

— Слушай, насчёт вчерашнего… — немного неуверенно начала спортсменка, не отпуская меня.

Оп-па, началось. В этот момент я как никогда ранее желал провалиться сквозь землю. Ну или хотя бы метров на триста углубиться в земную кору.

— Хотела сказать спасибо. Я всё-таки немного поспала, впервые за долгое время, и я думаю, что это всё благодаря нашему разговору. Так что спасибо, — шепнула Эми.

И как это наш разговор помог ей выспаться? Она же мне чуть ли не в лоб сказала, что не подпустит ближе. И это помогло ей заснуть? Прошу прощения, но какого хрена? Эми моё недоумение то ли не заметила, то ли сделала вид, что не заметила. По ней уже не скажешь точно.

— О, да нет проблем. Рад, что смог помочь, — яд, готовый вот-вот просочиться в мои слова, мне пока что удавалось сдерживать, но, думаю, лучше бы уже начать забег, пока я не сделал какой-нибудь глупости.

Эми, кажется, тоже рвалась вперёд, и спустя пару минут мы уже мчались по стадиону. Могу с уверенностью заявить, что она выглядела более спокойной. Её бег вновь наполнился той грациозностью, которая так впечатлила меня, когда я впервые увидел, как она бежит. Это ярко контрастировало с тем, как жестоко и безрассудно она заставляла себя носиться по стадиону в последнее время.

Похоже, наша беседа ей и впрямь помогла. А вот мне, к сожалению, не очень.

Я вошёл в темп, вспоминая, как раньше я не мог позволить себе сосредоточиться на чём-либо, кроме ровного дыхания и работы ног. Видимо, эти времена прошли. Ну, по крайней мере, первую пару кругов мне так казалось. Я увеличил темп, недовольный тем, что мысли никак не уходили из головы.

Ага, вот и она, жгучая боль в ногах. Дыхание стало отрывистым, сердце бешено колотилось. Его, кстати, лучше было бы всё-таки пока поберечь. Но оно явно стало сильнее. Я чувствовал, как оно толкало кровь по моим жилам. Стук в ушах усилился, но вместо того, чтобы запаниковать, как в тот зимний день, я почувствовал, что меня переполняет восторг.

Да, работает! Моё сердце, имеющее смертельно опасный изъян, из-за которого я здесь очутился, шло на поправку. Уже сейчас я мог продолжать бег, и, может быть, однажды я, наконец, смогу совсем перестать волноваться о нём. Прямо сейчас меня не волновало даже то, что я не знал, как быть нам с Эми. Всё, что сейчас имело значение, — это ритмичные движения моих рук и

ног. Больше ничего.

Обогнув последний поворот, я напомнил себе, что бег и правда помогает мне, хоть и не так сильно, как хотелось бы. Сейчас я чувствовал себя гораздо лучше, и, пройдя пару кругов шагом, чтобы остыть, начал думать о прошлой ночи в гораздо более спокойной манере.

Эми хочет держать меня на расстоянии. Но я так просто не смогу. Должен же быть какой-то способ избежать всего этого, решение, которое устроит нас обоих. Только вот что это за решение, я понятия не имел. Чёрт, а ведь я уже почти настроился на позитивный лад.

— Отлично пробежал, Хисао! У тебя стало получаться гораздо лучше! — весело воскликнула Эми, показывая мне большой палец.

Отлично пробежал, значит, да? Это всё, на что я могу теперь рассчитывать? Поздравляю, Хисао. Ты просто жалок. Пора менять своё отношение к этому, иначе ты ничего не добьёшься.

— Ну, я вообще-то довольно классный, знаешь ли, — заявил я с сарказмом, надеясь, что она примет его за браваду. И всё равно я продолжаю говорить не то, что думаю. Кто знает, может быть ещё немного, и я начну скрывать свои проблемы так же, как и Эми.

— Мне тоже нравится так думать, — улыбнулась чемпионка.

Ну почему она так со мной поступает? Почему говорит такие слова, да ещё с такой нежностью и неподдельной привязанностью в голосе, что у меня сердце наружу выпрыгивает…? На самом деле, она так не считает. Не может.

Похоже, что справляться с эмоциями у меня получалось хуже, чем я думал, потому что моя девушка вдруг бросила на меня пристальный взгляд.

— Эй, ты в порядке? Может, стоит к фельдшеру сходить, а? — в её голосе звучало искреннее беспокойство, которому я уже боялся доверять.

— Ага, не хотелось бы опять при тебе свалиться, — пробурчал я.

Эми слегка шокировал мой мрачный ответ.

— Не говори так! Один раз такое уже было, если помнишь, — воскликнула она.

Ну почему же она пытается казаться такой нежной и любящей? Ей же абсолютно всё равно. Мне казалось, она ясно дала это понять. Но, несмотря на всё это, мне в итоге пришлось извиниться, хотя я и не должен бы. Да и вообще, она, скорее всего, просто прикидывалась.

— Извини. Пошли к фельдшеру зайдём.

Всё это время я не мог заставить себя успокоиться.

Каждый раз, когда мне казалось, что я мысленно справился с событиями прошлой ночи, Эми говорила, что-то с такой нежностью и привязанностью, что я опять возвращался к тому, с чего начал.

Перед глазами постоянно вертелось то, как она закончила разговор… Это было словно последний поворот кинжала в ране, который лишил меня всякой надежды на то, что у нас с Эми может получиться нечто большее. А кто мы друг для друга сейчас? Всё равно что друзья, которым время от времени случается перепихнуться. Да и вообще, мне очень даже нравится то время, что провожу с ней. Я об этом думал на днях. Получается, что я ничего и не планировал на её счёт, просто поймал попутный ветер, да и понёсся, куда глаза глядят?

Вот с такими мыслями в голове я и пришёл в себя перед кабинетом фельдшера, который всё ещё осматривал Эми. Вскоре чемпионка выскочила оттуда, быстро поцеловала меня и унеслась прочь, надо полагать, в душ.

А фельдшер тем временем помахал мне рукой, давая понять, что пришла моя очередь. Когда я зашёл внутрь, он начал разговор со своего традиционного…

— Что-нибудь беспокоило сегодня?

— Не-а. Я сегодня даже посильнее, чем раньше выложился, и вроде бы ничего страшного, — покачал я головой. Причин приходить в медкабинет кроме желания моей девушки (а моей ли?) у меня не было.

— Не ожидал от тебя такого рискованного поведения, Хисао, — слегка покачал головой Судзуки-сан. — Ты слишком много общаешься с Эми. Это на тебе, несомненно, сказывается, причём зачастую не лучшим образом.

При упоминании её имени я не смог сдержаться и нахмурился, несмотря на все попытки держать себя в руках.

— Ну-ка, ну-ка. Вот это уже кое-что новенькое, а? Как я заметил, твоей стандартной реакцией на её имя обычно была широкая довольная улыбка, а не такое хмурое лицо. Что у вас там стряслось? — насторожился фельдшер, и тут же пояснил свою мысль. — Просто на Эми, похоже, это совсем не сказывается. Более того, она выглядела не такой напряжённой, как в предыдущие несколько недель, а для этого времени года ей это совершенно несвойственно.

— Что вы имеете в виду? — уточнил я всё с тем же выражением лица.

— Под чем? — хитро подмигнул он.

— Под «этим временем года». Я всё пытаюсь выяснить, что её

так тревожит, но она уходит в себя, как только я касаюсь этой темы. А ещё прошлым вечером она сказала…

— Дай-ка угадаю, — прервал меня фельдшер. — Она тебе не расскажет, потому что не может тебя доверять? А теперь ты разбит и подавлен, потому что считал, что вы являетесь чем-то большим, чем ей кажется?

— Ну, как-то так. Чёрт, как вы угадали? — скрипнул я зубами. Не сказать, чтобы мне очень понравилось, как он влёт просчитал ситуацию. Не так быстро.

— Хисао, я же фельдшер. Знать такие вещи — часть моей работы. Кроме того, я знаю Эми достаточно долго, чтобы понять, что она попытается выкинуть нечто подобное; это очень в её духе, — он сказал это таким полурасслабленным-полураздражённым тоном, который был бы более уместен, если бы у него изо рта торчала сигарета. На данный момент, ему, похоже, было неплохо и с ручкой вместо неё. — Слушай, ты не будешь против, если я дам тебе небольшой совет?

Что там вчера сказал Муто? Если не могу наблюдать что-то непосредственно, нужно обратить внимание на то, что происходит вокруг? Стоит попробовать. Бьюсь об заклад, фельдшер знает Эми лучше, чем я.

— Конечно, с радостью выслушаю. — согласился я. — Если честно, я немного запутался. Понятия не имею, как разобраться со всем этим.

— А по тебе не скажешь. — Судзуки-сан сказал это с хитрой улыбкой. Пошутил, наверное. — Слушай, дело вот в чём: Эми очень… упёртая. Ты и сам, наверное, уже заметил, а если нет, то ты довольно невнимателен, поэтому осмелюсь предположить, что ты всё-таки не настолько безнадёжен.

— Вот уж спасибо, — вздохнул я. Это было вовсе не то подбадривание, на которое я хотел бы рассчитывать. Разница между «хорош» и «не так уж плох» довольно ощутима.

— Как бы то ни было, если она решила, что не хочет рассказывать о случившемся, то она не скажет ни слова. Она хоть что-нибудь говорила про то, что её беспокоит? Хотя бы намекнула?

— Ну, она говорила, что её мучают кошмары, связанные с той аварией…

— Серьёзно? — удивился фельдшер. — Значит, ты делаешь успехи. Это хорошо. Ну что ж, думаю, смогу просветить тебя на этот счёт, не нарушая при этом своё самое строгое правило в отношении Эми: не вмешиваться, когда она принимает глупые решения. Скоро будет годовщина катастрофы. В это время она обычно очень подавлена, потому что для неё это было

сильнейшим ударом, если учитывать, что именно она потеряла.

— Вот ещё один вопрос. Она вела себя так, будто потеряла гораздо большее, нежели свои ноги. Что именно? — попытался я вызвал своего собеседника на откровенность.

— Стоп! Нет уж, в такие дебри я не полезу, — предостерегающе выставил он руки перед собой. — Спроси лучше кого-нибудь другого: здесь уже целый мешок тараканов, и я его развязывать не буду. Если Эми посчитает, что тебе стоит об этом знать, она сама тебе расскажет. В своё время. Тебе просто надо подождать.

— А почему вы мне вообще помогаете? — спросил я.

— Потому что ты положительно влияешь на неё. Она доверяет тебе, даже если ты считаешь, что это не так. И у тебя больше всего шансов в этой школе помочь ей в это время года. Она отказывается от моей помощи, но, возможно, примет твою, если ты не облажаешься. Так что не ошибись, понял?

Не успеваю я сказать и слова, как нас прервал стук в дверь.

— Эй, ребята, вы всё ещё там? — раздался слегка обеспокоенный голос Эми.

Фельдшер внезапно подмигнул мне и отозвался, имитируя тяжёлое дыхание:

— Один момент, Эми. Дай нам пару минут, хоть штаны наденем.

Штаны? Судзуки-сан, это не смешно! Я буду протестовать!

Дверь с треском распахнулась, и Эми бросила на фельдшера убийственный взгляд.

— Дурак, — выдохнула она.

— Не хотел тебя обнадёживать, — туманно ответствовал Судзуки-сан.

— Эй, а можно… можно меня в это не втягивать? — поднял я руку. — Ладно, так что случилось, Эми? Что-то забыла?

Заговорив с ней, я постарался придать голосу более радостный тон. Не стоило её расстраивать. Можно и поиграть в «у нас всё хорошо».

— Вообще-то да, я забыла у тебя кое-что спросить, — неожиданно обратилась ко мне бегунья.

— Да? И что же? — полюбопытствовал я. Похоже, вопрос у неё возник пока мы тут с фельдшером беседовали.

— Хочешь, сходим ко мне домой? — предложила Эми. — Мама будет готовить обед, и я решила узнать, не желаешь ли ты к нам присоединиться?

— Ну конечно же, я с удовольствием пойду, — немедленно отозвался Судзуки-сан, не давая мне ни секунды на обдумывания. Эй, вопрос-то мне задали!

Эми в шутку ткнула фельдшера в плечо.

— Да не вы, балда. Вы на прошлой неделе приходили. Я обращалась к Хисао.

— Вот оно как? Интересно! Встреча с родителями! — воскликнул он и с энтузиазмом потёр руки. Так, мне пора реагировать, пока он ещё что-нибудь не учудил.

— Я с радостью приду, Эми. Спасибо, — улыбнулся я девушке, всем своим видом выражая согласие.

Фельдшер удивлённо поднял брови, но промолчал.

— Отлично! Я буду у себя в комнате, загляни после того, как примешь душ и переоденешься, и мы поймаем автобус! — просияла чемпионка.

— Договорились. Скоро увидимся!

Теперь настал мой черёд наклониться, чтобы быстро поцеловать Эми и умчаться к себе в комнату.

Какое интересное развитие событий.

Может, мы всё же становимся ближе друг к другу? А может, Эми, наконец-то стала чуть более открытой. Или она просто играет в вежливость и решила, что пригласить меня на обед, чтобы извиниться за прошлую ночь — хорошая идея? Прекрасно. Теперь я даже не знаю, радоваться мне, нервничать или расстраиваться.

Решив, что можно всё это скомбинировать, я отправился в душ.

* * *

Не думаю, что мне нравится ездить в автобусах. На самом деле можно даже принять это за факт. Они сильно раскачиваются, странно пахнут, и ты чувствуешь каждую кочку на дороге. Мне это действительно не нравилось.

К тому же ноги Эми издавали странный лязгающий звук, который привлекал внимание всех пассажиров автобуса. Она опять была в шортиках, но на этот раз она натянула на протезы длинные носки, так что те выглядели вполне нормально. Но время от времени Эми всё равно ловила один-два недоумевающих взгляда, когда её ноги ударялись друг о друга с довольно заметным стуком.

Я взволнованно поёрзал на сидении, и Эми вопросительно вкинула брови. Ей были безразличны взгляды пассажиров, или же она их просто не замечала. Я думаю, за свою жизнь она успела поймать кучу таких взглядов. Со временем девушка, скорее всего, просто перестала обращать на них внимание. Но даже если я

сейчас спрошу её об этом, она всё равно не скажет.

А ещё одним фактом являлось то, что беспокоился я не только из-за поездки в автобусе.

Я всё никак не мог свыкнуться с мыслью о том, что Эми, похоже, изо всех сил пыталась одновременно и оттолкнуть меня от себя, и подпустить ближе. Фельдшер сказал, что она мне верит, даже если и не показывает этого. Но вот не знаю, могу ли я верить ему. Он всегда был на стороне Эми, как и я. А если бы меня что-нибудь про неё спросили, то я, скорее всего, постарался ответить бы так, чтобы показать её в хорошем свете. Так что, вероятно, он это и сделал. И всё же, Судзуки-сан так искренне удивился, когда Эми пригласила меня домой… Может, вчерашняя вечерняя беседа и помогла больше, чем я рассчитывал, но я всё равно волновался.

Встреча с родителями — дело серьёзное, не так ли? Не то, чтобы я раньше не виделся с мамой Эми, но тогда это было просто знакомство. И рядом была Рин, одним своим присутствием убивающая всякую официальность. Теперь это будет знакомство в роли парня Эми со всеми вытекающими.

Я чувствовал, как бьётся в груди сердце; отголоски случившегося тем заснеженным утром так давно, будто в другой жизни. С той разницей, что тогда я не знал, что происходило; да и препаратов, чтобы вернуть ситуацию под контроль, у меня не было. Я проделал длинный путь с точки зрения своего здоровья, и во второй раз за сегодня я чувствовал, что смогу жить нормально или по крайней мере настолько нормально, насколько это возможно. Если бы только теперь мне удалось разобраться с отношениями так же хорошо, как и с сердцем, я был бы в прекрасной форме.

— Что ж, вот мы и приехали, — Эми схватила меня за руку, как только мы вышли из автобуса, и без промедления повела меня вниз по улице. — Давай же, до моего дома ещё пара кварталов.

— Что? А, ладно.

Я шёл по улице вслед за Эми, глядя на её уверенную походку. Она задала довольно бодрый темп для простой прогулки. Думаю, она хотела поскорее попасть домой.

— И часто твоя мама устраивает такие званые обеды? — спросил я, мысленно поставив себе в плюс то, что не запыхался от быстрой ходьбы. Это было хорошо.

— Да нет, не слишком часто, — покачала головой спортсменка. — Маме никогда не нравилось изображать из себя хозяйку.

— Правда?

— Да, мой отец подталкивал её к тому, чтобы она больше общалась с людьми.

Эта неожиданная отсылка к её отцу выбила меня из колеи. Судя по лицу Эми, я был не уверен, что она хотела его упоминать. Кажется, я лишь однажды слышал, как она говорила о нём. Единственное, что я помню, — как мама Эми сказала, что его больше нет с ними.

— Да? Так твоя мама предпочитает одиночество? — вопросительно изогнул я бровь, старательно не замечая её оговорки.

Эми засмеялась: то ли от облегчения, что я не спросил её об отце, то ли моё утверждение действительно показалось ей смешным.

— Вовсе нет! Именно благодаря ей я такая общительная, знаешь ли! Просто она предпочитает быть гостьей больше, чем хозяйкой: забот меньше, как она говорит.

— Очевидно, она никогда не ходила на обед к матери своей девушки, — хмыкнул я. Да уж, Хисао, блестяще. Наука этого не одобряет.

Эми опять залилась смехом и с издёвкой проговорила:

— Что, Хисао, волнуешься? А не должен! В этом нет ничего такого! Просто обед в моём доме, вот и всё!

— Да, но ты когда-нибудь приводила домой парня? — с лёгким сомнением в голосе спросил я.

Признаюсь, какая-то моя часть боялась услышать ответ на этот вопрос. Я знал слишком мало про прошлые отношения Эми — я даже не знаю, были ли они вообще. И я не горел особым желанием узнавать о них… только если эта информация не могла помочь мне с Эми *сейчас*.

— Нет, думаю, что не приводила, — задумалась девушка. — Слушай, а ведь это, наверное, и правда, важная встреча…

— Отлично, теперь я нервничаю в два раза больше.

Хотя, по правде говоря, я был очень рад услышать, что я первый, кто побывает у неё дома. Может быть, в наших отношениях есть всё-таки что-то особенное. Воодушевлённый этими новыми мыслями, я успешно справился с нервами к тому моменту, как Эми постучалась в дверь.

— Эй, мам, открывай! Это мы!

Дверь распахнулась, и за ней мы увидели Ибарадзаки-сан, с улыбкой смотрящую на свою дочь. И улыбка, кстати, очень напоминала улыбку Эми. Ну, или наоборот.

Я никогда к этому не привыкну.

— Знаешь, обычно люди ждут пару минут, прежде чем начинают кричать под дверью, — шутливо выговорила Эми

Мейко-сан.

— А большинство матерей сразу здороваются со своими дочерями, вместо того, чтобы сразу же бранить их, — невозмутимо парировала та. Один-один.

— Да, конечно. Добро пожаловать домой, дорогая. Я скучала по тебе.

Мама Эми ласково обняла её, и мы вошли внутрь, и только тогда она, кажется, вспомнила, что я тоже здесь.

— Привет и тебе, Хисао. Как ты? — обратилась ко мне Мейко-сан.

— Всё нормально, спасибо — поклонился я. — Хорошо, что теперь хоть на некоторое время не надо заботиться об успеваемости.

— Ах, да, вы же сдали экзамены, не так ли? — припомнила она. — Это должно быть настоящим облегчением для вас обоих.

— Как гора с плеч, это точно, — подтвердил я.

— У меня тоже! Думаю, вчера ночью я впервые за несколько недель спала спокойно, — добавила чемпионка с едва слышным облегчением в голосе.

Если эта новость и была сюрпризом для мамы Эми, то она этого не показала. И всё же её реакция вызывала интерес.

— Правда? Очень рада слышать это, Эми. Ты же знаешь, что я всегда очень волнуюсь, когда ты так переживаешь по поводу… ну, экзаменов.

Она определённо знала что-то, неизвестное мне; или, скорее, она не знала, что Эми рассказала мне про свои кошмары.

Интересно было наблюдать, как мама Эми старалась ей помочь. Своего рода защитный инстинкт, суть которого — не дать мне узнать больше того, что Эми сама готова мне рассказать. Похоже, у Эми с кварками гораздо больше общего, чем я предполагал. Быстро носится туда-сюда, не поддаётся анализу с помощью прямого наблюдения, но влияет на всех, с кем вступает в контакт. Интересно, поймёт ли её мама, что я знаю про её кошмары? А может, она просто старается держать в секрете вообще всё?

— Ага, в этом году всё не так плохо, как в прошлом. Хисао мне очень помог, — довольно сказала Эми.

Да, но я знал, что это всё не так. Она даже отказалась встречаться вне школы на экзаменационной неделе! Но… в течение дня мы всё же виделись. И она мне много раз говорила, что единственное, чего она каждый раз с нетерпением ждала — это наши утренние пробежки. Так что, вероятно, в её словах была доля правды. Так или иначе, мне стало чуточку лучше, когда я услышал, что помог ей, просто будучи рядом.

Услышав это, мама Эми удивлённо подняла бровь. Непонятно, то ли она ей не поверила, то ли была так же удивлена, как и я.

— Ну что ж, мне кажется, что вам идёт на пользу то, вы стали так близки. Я бы тебе посоветовала хорошенько заботиться о моей дочери, Хисао, но, похоже, ты и так это делаешь.

На это Эми улыбнулась, довольная тем, как легко я смог заработать доверие её матери.

— Вообще-то, я бы сказал, что это ваша дочь обо мне заботится. Она меня вытащила на улицу и помогла начать бегать. С того момента, как я её встретил, моя жизнь стала даже активней, чем была, когда-либо, даже до…

Я, вообще-то никогда особо не переживал из-за этого, но и ничего весёлого в этом не находил. Даже до приступа я вёл не особо активный образ жизни. Случайные игры в футбол не в счёт, потому что они случались слишком редко. Но сейчас я точно знаю, что у меня слабое сердце, и именно **сейчас** я стал бегать каждый день, испытывая удачу и надеясь на свои лекарства.

Я тихонько хихикнул и понял, что так и не закончил фразу.

— Ну, до моего сердечного приступа и до того, как я оказался в этой школе.

Вот так просто сказал — и всё. А ведь когда-то я подумал бы дважды, прежде чем обсуждать свою болезнь. А теперь? Теперь мне казалось глупым зацикливаться на этом, тем более, в присутствии Эми и её мамы. Если уж Эми могла пренебрегать своим недугом, значит, могу и я.

Я вдруг вспомнил соревнования по бегу, когда Эми сказала, что она — самая быстрая в мире бегунья без ног. Её, казалось, никогда не волновал этот очевидный факт, по крайней мере, на людях. Я прекрасно понимал, как недовольна она была тем, что снова оказалась в инвалидном кресле. Но даже с этим она справилась самостоятельно, несмотря на все мои усилия, прикладываемые к тому, чтобы помочь ей.

— У Эми есть способность выявлять в людях наиболее активные стороны характера. Но я никогда не понимала, как она это делает, — весело сообщила Мейко-сан.

А я, кажется, знаю. Для начала стоит упомянуть эти её щенячьи глазки…

— Я не удивлена, что ей удалось увлечь тебя занятиями спортом. Если бы Рин не была настолько упрямой, я уверена, что Эми смогла бы растормошить и её тоже и заставить её бегать вместе с вами.

— О, точно! Рин же передавала привет! — моментально оживилась спортсменка.

Мать с дочерью переключились на разговор между собой, пока мы направлялись в столовую. Запах стоял замечательный, чувствовалось, что мама Эми здорово готовит.

— Ого, ты столько наготовила, что можно накормить целую армию! — удивлённо присвистнула Эми, глядя на накрытый стол.

— Разве это много? — усомнилась Ибарадзаки-сан. — Тогда вы можете взять что-нибудь с собой, когда будете уходить.

— Звучит здорово! В последнее время я ем в столовой, так что домашняя еда может внести определённое разнообразие, — оживился я, под аккомпанемент собственного желудка.

— В яблочко. Спасибо, мама.

На вкус еда была столь же хороша, как и на запах, и пока мы ели, беседа на время смолкла.

Эми поглощала еду с обычным для неё аппетитом, и я поймал себя на том, что тоже начал активнее работать челюстями.

— Итак, Хисао, я слышала, что у вас с моей дочерью установились весьма близкие отношения, хмм? — игриво подмигнула мне Мейко-сан.

Желание сказать нечто вроде «не совсем» было столь сильно, что я открыл рот, чтобы произнести это, но взял себя в руки. Мы близки, и от этого никуда не денешься. Эми же привела меня сюда, не так ли? К счастью, Эми и её мать расценили мою реакцию так, будто я был застигнут врасплох, а не как попытку возразить.

— Хех, думаю да. Всему виной утренние пробежки, — хмыкнул я.

— Ты говоришь так, будто в этом есть что-то плохое, Хисао, — слегка нахмурилась спортсменка.

— А для меня слышать такое — облегчение, — отозвалась её мама.

— Почему?

— Эми всегда пользовалась популярностью, но у неё никогда не было близких друзей, — пояснила Мейко-сан.

Это было для меня новостью. Я частенько видел Эми, общающуюся с одноклассниками на переменах. И, конечно, вся команда по бегу её обожала, но в то же время она предпочитала проводить большие перемены с Рин и со мной. Как бы то ни было, такого не ожидаешь от популярной девушки. Опять же, я на собственной шкуре ощутил, как неохотно она сближается с людьми, так что, нельзя сказать, что я был удивлён.

— У меня начали появляться сомнения, — продолжала мама Эми.

Эми закатила глаза к потолку и проворчала что-то, чего я не смог разобрать.

— А?

— Что?

— Что ты только что сказала? — уточнил я свой интерес.

— Ничего, — девушка слегка надулась.

Ибарадзаки-сан чуть не подавилась со смеху.

— Слишком много ты общаешься с фельдшером, Эми. Нужно будет провести с ним воспитательную беседу на тему развращения моей дочери.

— Не думаю, что это сработает, — покачал я головой. Вот если бы с ним провели воспитательную беседу по поводу глупых и неуместных шуточек… хотя это вряд ли сработает.

— Как бы то ни было, большую часть я переняла от тебя. Не от фельдшера, — заявила чемпионка.

— Не слушай её, Хисао. Она прирождённая лгунья, — парировала Мейко-сан.

— Пфф. Чёрта с два! — хмыкнула её дочь.

— Не знаю, не знаю, Эми. Мне кажется, твоя мать права, — с лёгкой усмешкой на губах поддразнил я свою девушку.

— Что? Ах ты, предатель! Ты должен быть на моей стороне!

— Да, но ты же солгала о своей ноге после встречи… ой! — Меня прервал пинок пластиковой ступнёй под голень, но слишком поздно: брови её матери уже поползли вверх.

— А что там насчёт твоих ног? — ласково спросила она, внимательно глядя на дочку.

— Ничего страшного. Просто я… ээ… немногопобылавинвалидномкресле, — использовала спортсменка свою старую уловку со скоростным вываливанием информации на человека. Но та, похоже, в очередной раз дала осечку.

Мать Эми быстро расшифровала последнюю пробормоченную фразу — подозреваю, у неё был обширный опыт в такого рода вещах — и на её лице появилось обеспокоенное выражение.

— Так вот почему он избегал отвечать на мои звонки… О, Эми, я знаю, как ты ненавидишь быть в инвалидной коляске. Неудивительно, что в последнее время ты в таком настроении! — воскликнула она.

— Да, если можно так сказать, на своих ногах она гораздо счастливее, — подтвердил я, размышляя о том, кто же это посмел игнорировать звонки Ибарадзаки-сан. Уж не фельдшер ли?

— Ну конечно! Сразу после аварии она провела немало времени в инвалидной коляске.

— Протезы она получила не сразу? — удивился я.

— Нет, сперва ей нужно было закончить лечение, прежде, чем они начали терапию для адаптации к такого рода вещам. Главным образом потому, что она хотела на них бегать, —

объяснила Мейко-сан.

— Я не знал.

— Ага, полный отстой. Кстати, а ты видела на фестивале фреску Рин? — вмешалась бегунья.

Столь неожиданная смена темы заставила меня запоздало осознать, что Эми нервничала на протяжении всего того времени, что мы с её матерью беседовали.

Я должен был заметить, как она настораживается, когда речь заходит об аварии. Даже когда говорит с матерью.

— Нет, на фестиваль я так и не попала, забыла? Хотя одним глазком я видела её, когда у тебя были соревнования. По-моему, выглядит довольно странно, — задумалась Ибарадзаки-сан.

— Думаю, это более-менее то, чего она добивалась. Рин много говорила о том, что фреска получается похожей на сон. Или что она пытается сделать её такой, — ответила Эми.

— Картины Рин — одна из тех вещей, которые, кажется, я никогда не смогу понять.

— Это неудивительно. Не думаю, что Рин стремится быть понятой. Однажды она рассказала мне, что искусство позволяет людям понять то, что иначе понять не удаётся, но всё же она не уверена, что так и есть.

Меня удивило, что Эми обсуждала это с Рин настолько всесторонне, что теперь даже имеет по этому поводу в точности такую точку зрения, что и она. Хотя я был уверен, что Рин, окажись она в подобной ситуации, не смогла бы перенять мнения Эми. Если, конечно, Эми намеренно не держала меня в полном неведении относительно всего; что вполне возможно, хотя эта мысль мне и неприятна.

Я на время выключился из беседы, уйдя в себя из-за этой неприятной череды мыслей.

— Послушай, Эми, я хотела спросить… — осторожно начала Мейко-сан.

— А? — откликнулась девушка.

— Ты собираешься в этом году проведать отца?

По тому, как она это произнесла, можно было подумать, что речь шла о погоде. По тому, как Эми отреагировала, стало понятно, что речь точно не о погоде. Бегунья вздрогнула, слегка отдёрнув голову, будто ей дали пощёчину.

— Может, поговорим об этом позже? — Она произнесла это натянуто, дрожащим голосом. Такое впечатление, будто она была сильно потрясена вопросом.

Похоже, мама Эми ошиблась при оценке уровня нашей с Эми близости. Определённые темы в моём присутствии, видимо, лучше было не затрагивать. Её отец — одна из таких тем. Авария,

из-за которой она лишилась ног — вероятно, другая такая тема, насколько можно было судить по реакции Эми на предыдущий разговор между мной и её матерью.

Матери Эми не потребовалось много времени, чтобы понять, что она сказала лишнее.

— Конечно, мы сможем, дорогая. Прости, что завела этот разговор, просто я хотела спросить, чтобы строить планы…

— Всё нормально. Не волнуйся об этом. — Эми нервно поёрзала на стуле, будто смущённая собственной реакцией. Признаюсь, её реакция привела меня в замешательство.

Только сегодня она упомянула при мне своего отца! Всего-то пару часов назад! Почему простой вопрос о том, когда она посетит отца, вызывает такую бурную реакцию? Разве что, то спокойствие, которое она, по её словам, обрела после нашего разговора прошлым вечером, внезапно испарилось. Или он не помог настолько, насколько она думала. Или сказала.

— Я, э-э, сейчас вернусь. Мне нужно посетить комнату для девочек, — чемпионка внезапно встала из-за стола и ушла, оставляя нас с её матерью наедине.

Меня терзали противоречия. Пойти за ней или лучше остаться? Очевидно, Эми ушла не потому, что ей понадобилось посетить туалет. Что-то беспокоило её, и я должен был узнать, что именно. Как мне поступить? После того, как Эми убежала, возникла неловкая тишина. Я не знал, что и сказать. Мать Эми вздохнула, нарушая тишину.

— Прошу прощения, Хисао. Иногда я забываю, что Эми чувствительна к некоторым темам. Да и об инвалидной коляске я говорила…

— Мне сходить за ней? — с готовностью привстал я из-за стола.

— Ради всего святого, нет! — поспешила остановить меня Ибарадзаки-сан. — Понимаешь, она ушла, чтобы не продолжать разговор.

— Но если она взволнована, разве ей не нужно помочь? — склонил я голову набок.

— Если бы это был кто-то другой, я бы согласилась, — вздохнула моя собеседница. — Но моя дочь упряма как ослица, и, если она хочет побыть одна, лучше позволить ей побыть одной. Иначе она может сказать что-то, о чём потом пожалеет, что даст тебе повод сказать что-то, о чём пожалеешь ты, а я не хочу, чтобы обед закончился тем, что один из вас или вы оба унесётесь из дома. Это будет значить, что я плохая хозяйка, верно? Сегодня я и так уже наделала глупых ошибок.

— Всё в порядке, по-видимому, мне не стоило заводить

разговор об инвалидной коляске.

Мать Эми нахмурилась, очевидно, обеспокоенная недомолвками Эми куда больше, чем могло показаться с первого взгляда.

— Хотелось бы, чтобы она так не поступала. Понимаешь, из-за этого я только ещё больше переживаю.

— Часто с ней такое случается? — спросил я.

— Что, внезапные уходы в туалет? — в голосе женщины послышался лёгкий сарказм. — Не могу сказать, что часто. Скрытие ран от собственной матери? Ну, это случается несколько чаще. Каждый раз, когда я вот так уличаю её во лжи, она уверяет, что не рассказала мне только потому, что случай ерундовый.

— Если это вас утешит: уверен, я узнал об этом только потому, что вижу её каждый день, — сокрушённо признался я.

Это вызвало сдержанный смешок с другой стороны стола. Мама Эми с лёгкой грустью вздохнула.

— Всё ещё не решается сближаться с людьми? Я надеюсь, она со временем сможет перебороть себя. Если честно, это странно. Она так хорошо оправилась после аварии во многих смыслах… Но, полагаю, некоторые вещи не меняются.

Судя по всему, эти проблемы до сих пор волновали в том числе и её. Похоже, ей немного более удобно говорить об аварии, когда Эми нет рядом.

— Простите, могу я вам задать один вопрос? — решился я.

— Да? — подбодрила меня Ибарадзаки-сан.

— Чего ещё Эми лишилась в той аварии? Фельдшер сказал, что такой она становится по мере приближения очередной годовщины, а со мной она говорить не хочет… — я умолк на полуслове, вопросительно глядя на свою собеседницу.

— И ты подумал, что расскажу я, мм? — усмехнулась та.

— Э-э, да. Надеюсь. — И кажется, зря.

— Понимаешь ли, с этой просьбой есть одна загвоздочка, — досадливо цыкнула зубом Мейко-сан.

— Дайте угадаю: вы обещали Эми, что не будете рассказывать никому то, о чём она не хотела бы распространяться, и вы не знаете, хочет ли она, чтобы я об этом знал? — со вздохом предположил я самое очевидное.

— Что-то типа того, — согласилась она. — Я пообещала Эми, что она сама будет рассказывать людям обо всём этом.

— Но разве это не важно? В смысле, ясно, что авария оставила глубокий след в её душе, раз она даже после стольких лет так себя ведёт.

— Это так. Авария оказала на неё глубокое влияние. И от некоторых последствий она, наверное, никогда не оправится. —

На мгновение по лицу мамы Эми пробежала глубокая печаль, будто её тревожила старая рана. — Полагаю, кое от чего не смогу оправиться даже я.

Она издала ещё один сдержанный смешок и, тряхнув головой, прогнала наваждение.

— Послушай, ты обязательно должен понять кое-что о том, как Эми воспринимает аварию.

— Что именно? — подобрался я, чувствуя важность момента.

— Авария не так уж важна.

Мне каким-то образом удалось не открыть рот в изумлении, но это потребовало от меня определённых усилий. Это, должно быть, самая нелепая вещь, которую я когда-либо слышал.

— Прошу прощения?

— Ладно, может, это не так просто, зато довольно точно отражает суть. Эми считает, что авария, как и всё, чего она лишилась в тот день, не оказала на неё влияния. Она не «та девочка, которая лишилась ног», она «Быстрейшая Без Ног». Её оптимизм и энергия пережили ту катастрофу без царапинки, по крайней мере, она так думает.

— Но ведь на самом деле всё гораздо сложнее? — пытливо воззрился я на неё. — Понимаете, вчера вечером, она отказалась довериться мне, потому что в таком случае терять меня будет слишком больно.

— Не совсем так, — покачала головой Ибарадзаки-сан. — Ты упомянул, что она не рассказывает тебе об аварии, даже, несмотря на то, что ты просил её об этом и раньше. Причина, по которой она не отвечает на твои вопросы — она считает, что тебе необязательно знать об этом. Даже если бы она не боялась сближаться с людьми, она всё равно отказалась бы говорить об этом.

— Она боится сблизиться со мной? — с болью в голосе произнёс я.

— Боже мой, да. Говоря о том, что она осталась невредимой после аварии, не стоит забывать о том, что она получила жуткое знание о том, как быстро всё может кончиться. Поэтому она не хочет позволять людям сближаться с ней, и она, конечно, будет обижаться на любые сомнения в том, что она не сможет решить свою проблему сама, — сказала Мейко-сан.

— Но я не думаю, что она **сможет,** — печально покачал я головой. Эми отвратительно справляется с этим в одиночку, я видел.

— Неужели? Ты уверен, что встречаешься с моей дочерью, а не с кем-нибудь ещё? — прищурилась Ибарадзаки-сан. — Поверь мне, Хисао, она сможет справиться сама.

— Но у неё кошмары, она не высыпается и… — начал было возражать я.

— И так происходит каждый год. Скажи мне, если бы она не могла справиться сама, была бы она ещё жива? Она убила бы себя или сделала что-нибудь не менее глупое, — твёрдо заявила мама Эми.

— Так что, мне не нужно пытаться ей помочь? — мрачно спросил я. Такое предложение мне никак не могло понравиться.

— Я этого не говорила! — горячо возразила она. — Я терпеть не могу видеть свою дочь в таком состоянии, а осознание того, что она может положиться на кого-то, помогло бы мне расслабиться. Тебе просто нужно понять, что принятие помощи идёт в разрез со всеми представлениями Эми о себе и об окружающем мире. Если ты всё ещё хочешь предложить ей помощь, то, полагаю, это будет только твоим решением. Честно говоря, я хочу, чтобы ты сделал это, но было бы глупо не предупредить тебя о том, что это будет нелегко. Тебе нужно быть терпеливым с ней. Она уже ближе к тебе, чем к кому-либо ещё в «Ямаку».

— Ну, это совершенно не похоже на очень близкие отношения, — досадливо поморщился я.

— Хорошо, это облегчает мне задачу. — Голос Эми едва не довёл меня до сердечного приступа. Оказалось, что девушка уже вошла в комнату и стояла позади меня.

— А-а! Я и не слышал, как ты вернулась, Эми, — обернулся я к ней.

— Как удачно, — прошипела она. Если раньше я иногда сравнивал свою девушку с кошкой, то теперь передо мной была разъярённая тигрица.

— Постой, ты подслушивала? — вскинулся я.

— Не-а. Полагаю, мне просто повезло вернуться в нужный момент, — ядовито отозвалась спортсменка. Выражение её лица было неописуемым.

— Эми, Хисао только… — попыталась что-то сказать Ибарадзаки-сан.

Эми подняла вверх палец, прерывая свою мать.

— Уже собрался уходить? Ага, я знаю. — Теперь Эми дрожала от ярости и выглядела так, словно её предали.

— Эми не делай глупостей, мы только… — уговаривала её Мейко-сан.

— Ты **обещала!** — буквально простонала девушка.

Боль, вложенная в последнее слово, невыносима. Мысль о том, что я мог так сильно её обидеть, была подобна удару под дых.

Мать Эми тоже казалась ошарашенной такой постановкой вопроса.

— И я сдержала обещание! Послушай, нет причины выгонять людей из дома.

Кажется, она была недовольна одновременно из-за вспышки эмоций у дочери, и смущена тем, что я стал её свидетелем. Думаю, тут возможно лишь одно решение этой проблемы. Тем более, что Эми только что подсказала мне его.

— Всё в порядке, я уйду, — с каменным лицом я поднялся из-за стола и сделал шаг в сторону двери.

— Не стоит, право, это уже лишнее… — сделала попытку меня остановить Мейко-сан.

— Не волнуйтесь. Благодарю за обед Ибарадзаки-сан и за советы, — поклонился я на прощание.

— Не стоит благодарности Хисао. Сожалею, что мы так и не добрались до десерта.

— Ничего страшного. Мне всё равно нужно следить за диетой. До свидания, Ибарадзаки-сан.

Официальность тона нашего разговора в сочетании с тем, что я собрался уйти, свела гнев Эми на нет.

— Нет, подожди. Я была… и после вчерашнего вечера я подумала… Тебе не нужно уходить, я беру свои слова обратно, всё в порядке… — быстро заговорила девушка, путаясь в фразах.

Я не мог удержаться от лёгкой улыбки. Она с трудом выговаривала слова, и я очень хотел бы остаться… Но вряд ли я смогу. Мне нужно было подумать над тем, что сказала её мать, и тем, как нам быть. Я также не хотел случайно снова рассердить Эми в её текущем состоянии.

— Нет. Думаю, мне лучше уйти. Ты, кажется, вся на нервах, да и я, пытаясь тебе снова помочь, опять заведусь, — грустно покачал я головой. — Я знаю, что ты бы предпочла, чтобы я даже не пытался этого делать, так что я просто удалюсь.

— Но… — открыла бегунья рот.

— Эй, всё нормально. Ты ведь не хочешь рыцаря на белом коне, верно? — напомнил я ей о её же словах. А ведь на рыцаря-то я ни при каком раскладе не тяну. Максимум — на того самого белого коня, который послушен воле всадника. — Только пообещай мне кое-что.

— Что?

— Не сердись на свою маму, хорошо? Она просто дала мне несколько советов, только и всего.

Эми нерешительно кивнула, словно эта простая мысль — всё, что она могла извлечь из произошедшего. Она была ужасно взвинчена, но прямо сейчас я ничего не мог с этим поделать.

— Хорошо, — наконец согласилась она.

— Увидимся завтра, ладно? Утром — тренировка. Не забудь!

Я видел, что своим решением уйти обидел Эми. Но сейчас я ничем не мог ей помочь, и я знал, что она слишком упряма, и не признается, что хочет, чтобы я остался.

Пока Эми пыталась понять, что случилось, на её лице отображались различные эмоции. Вскоре вернулся и спокойный вид, и голос, которому она изо всех сил стремилась придать беззаботные нотки, прямо как прошлым вечером.

— Конечно, Хисао. Увидимся.

В этот момент мы из последних сил сдерживали свои эмоции, и мне это удавалось всё с большим трудом, поэтому я развернулся и вышел за дверь.

Я медленно закрыл её за собой, на мгновение оставив руку на дверной ручке, пока не щёлкнул замок.

Глава шестнадцатая Шёпот прошлого

Принял ли я сейчас верное решение? Не следовало ли мне остаться и попытаться во всём разобраться? Я решил, что нет. Не перед её матерью. Несмотря ни на что, я бы предпочёл уберечь мать Эми от того гнева, которым её дочь воспылала вчера вечером. Пусть даже, она, вероятно, привыкла к этому, какие-то защитные инстинкты побуждали меня сохранить образ Эми как весёлой девушки.

Для начала я осознал, что моя кисть всё ещё лежала на дверной ручке. Я убрал руку, сунул её в карман и направился вниз по медленно темнеющей улице.

Из моей груди вырвался глубокий вздох. Ожидание наступления завтрашнего утра обещало быть непростым. В любом случае мне нужно было подумать, что сказать Эми. Я должен был извиниться и как-то достучаться до неё.

Поэтому большую часть пути до общежития у меня в голове вертелась одна мысль.

Письмо с извинениями от Иванако. Когда я его получил, я был так занят своей новой жизнью, что даже не озаботился тем, чтобы нормально его прочитать. Теперь, когда я оказался в похожем положении, моё любопытство снова проснулось. Что же она так сильно хотела до меня донести? Что, как не её мысли, способно помочь мне разобраться со своими?

Я помню, что куда-то его бросил. Чёрт, куда же я его дел? Ни на столе, ни в прикроватной тумбочке приметного конверта не оказалось. Я проверил под столом. Там тоже ничего не было, так что я начал искать в более труднодоступных и менее очевидных местах. В плане искомого — безрезультатно, но зато теперь я знаю, куда делся тот потерявшийся носок. Тем не менее, письма так и не нашлось.

Когда я попытался провести рукой под тумбочкой, то почувствовал что-то мятое, застрявшее между ней и стеной. Ворча от усердия, я дотянулся до моей находки и вскоре ухитрился извлечь её на свет. Есть!

Я сел за стол и расправил мятую бумагу. Резким движением включил настольную лампу. Пропуская пустые любезности, я искал то место, на котором остановился в прошлый раз. Ага, вот оно.

Я хочу сказать тебе ещё кое-что. Я пишу это письмо,

потому что есть вещи, о которых мне следовало сказать после того случая зимой. Я очень сожалею, что не сказала этого тебе лично и у меня нет тому никаких оправданий.

Честно говоря, когда ты был в больнице, я сильно за тебя переживала. Я не имею в виду твоё здоровье. Ты становился всё более отрешённым и подавленным. Это вполне естественно, я понимаю, но ещё у меня сложилось впечатление, что ты утратил веру во что-то. Может, веру в счастье?

Утратил веру в счастье… Звучит до боли знакомо.

Я хотела как-то выразить свои чувства, но так и не нашла подходящих слов. Я ничем не могла тебя успокоить. Ты мне так нравился, а я не смогла тебя поддержать, когда ты в этом так нуждался. Мне очень жаль. Но хотя бы теперь я могу в этом признаться.

Если бы я могла вернуться в те тихие февральские и мартовские дни, я бы попросила тебя не сдаваться, продолжать верить в себя. Да, именно такими словами хотела бы я поддержать тебя. Возможно, ты не отдалился бы так сильно, если бы я хоть что-то тогда сказала. Надеюсь, ты всё-таки сумел нащупать почву под ногами.

Теперь, когда между нами пролегли ещё и немалые расстояния, кажется, что обратного пути уже нет. Интересно, встретимся ли мы когда-нибудь снова? Наверное, будет к лучшему, если не встретимся. И всё же, если захочешь переписываться со мной, то обязательно ответь мне. Я хотела бы узнать, как у тебя дела, как тебе новая школа. Желаю тебе всего наилучшего.

С уважением. Иванако.

Закончив чтение, я тщательно разгладил письмо и отложил его на край стола.

Спасибо, Иванако. Я хотел ответить «да» на твой вопрос в тот снежный зимний день, но мне это так и не удалось. А когда мы встретились вновь, было уже слишком поздно. Точнее, это я так считал. Что могло бы произойти, поступи я иначе в той унылой стерильной больничной палате? Прости. Сейчас нет смысла размышлять об этом, но и в том, чтобы попытаться забыть, смысла нет тоже.

Я такой, какой есть, благодаря тому, что случилось в прошлом, и тому, что мне предстоит. Настоящее, будущее и прошлое. И прошлое, возможно, только что преподало мне

важный урок.

* * *

Звук будильника неожиданно ворвался в столь тяжело мне давшийся сон. Сомневаюсь, что я спал дольше часа или двух. В голове стоял полнейший кавардак. Сделал ли я правильный выбор, уйдя вчера из дома? Смог ли я заставить Эми понять, насколько она была неправа? Я вообще смогу когда-нибудь заставить её вести себя разумно? В тот день мама Эми помогла мне посмотреть на всё с другой точки зрения, но я до сих пор не был уверен, что эта точка зрения верна. К тому же Эми задело, что я вчера ушёл. Я знал, что при любом раскладе мне придётся извиниться. Правильно это было или нет, но я обидел её.

Я поспешил на беговую дорожку, сгорая от нетерпения поговорить с Эми. Думаю, я знаю, что скажу. Сперва попрошу прощения за то, что ушёл, и дальше по ситуации. Если, конечно, Эми вообще появится.

Как я подсознательно и опасался, бегунья на стадионе так и не появилась. Похоже, что её сегодня не будет. Я пришёл пятнадцать минут назад, а её до сих пор нет. Она никогда не опаздывала на пробежки, разве что плохо себя чувствовала, а это маловероятно. Скорее всего, Эми просто не хотела сейчас меня видеть.

Чтобы отвлечься от раздумий, я сделал привычную разминку и начал пробежку. Мысли чудесным образом прояснились; те полчаса, что я бегал, я не думал ни о чём, кроме бега. И всё же Эми так и не появилась, даже когда я закончил тренировку… Я начинаю беспокоиться. Наверное, фельдшер знает, где она, а если и нет, то интересно, что он посоветует мне делать дальше.

* * *

— Как я понимаю, вчера вечером всё прошло не слишком гладко, — заявил Судзуки-сан, как только я закрыл за собой дверь его кабинета.

— А? Вы уже в курсе? — вяло отозвался я. Говорить о вчерашнем особого желания не было. Зачем, если он и так всё знает?

— У меня есть свои источники, да и как бы я мог не заметить отсутствие твоей спутницы сегодня утром? — хмыкнул он.

— Полагаю, не смогли бы, — пришлось согласиться, а заодно

и усомниться в степени информированности моего собеседника. Нельзя же отказывать людям в банальной логике и наблюдательности.

— Так что случилось? — полюбопытствовал фельдшер, не сводя с меня глаз.

— А вы ещё не знаете? — переспросил я.

— Возможно, но я могу ошибаться. Пожалуй, я бы хотел узнать твой взгляд на произошедшее до того, как давать советы, — Судзуки-сан постарался придать своему лицу более серьёзное выражение. Нельхя сказать, чтобы это ему удалось полностью, но хотя бы улыбаться он на время перестал.

Я торопливо посвятил фельдшера в события прошлого вечера. Он выслушал, не ведя и бровью. Ничего из рассказанного его не удивило, кроме того, что я не отправился вслед за Эми.

— Решил поговорить с её мамой, да? Разумно, но похоже, в итоге это обернулось для тебя не лучшим образом.

— Не знаю… Вроде бы Эми было стыдно, когда я ушёл, или, по крайней мере, она так выглядела до тех пор, пока снова не ушла в оборону. — Я уставился в одну точку. А может быть, стоило всё разрешить ещё вчера?

Фельдшер вздохнул и успокаивающе развёл руками.

— Если честно, я удивлён, что она её вообще ослабила. Держать её она здорово научилась. Наверняка ты от неё больше ничего не добьёшься.

— Я вам не верю, — упрямо возразил я и с мрачной решимостью посмотерл в его глаза. Он, что, нарочно меня провоцирует?

— Правда? И ты думаешь, она тебе всё расскажет? — Клянусь, в это момент его глаза сверкнули. Выражение его лица не изменилось, но он плавно наклонился ко мне.

— Думаю, она бы мне всё рассказала, если бы я спросил её об этом, а не вёл себя как идиот, — твёрдо завил я, сам до конца не веря себе.

В ответ фельдшер таинственно улыбнулся и пожал плечами. Думаю, он уже несколько переигрывает.

— В этом вся соль, не так ли? Ты уверен, что знаешь, как правильно подойти к этому вопросу? Могу поручиться, что Эми из кожи вон вылезет, но и виду не подаст, что вчера что-то случилось. Для вас двоих это будет ужасно неловкая ситуация, но это лучше, чем снова просить её всё рассказать. Сейчас это может сделать только хуже. Ты готов к чему-то подобному?

Это прозвучало как вызов, как будто он и не допускал мысли, что я отважусь на это. Мне даже немного стало обидно, что Судзуки-сан не совсем верит в меня.

— Коненчно готов! Я люблю её! — воскликнул я.

На мой вырвавшийся ответ он только приподнял бровь.

— Тогда ладно. Удачи. Расскажешь потом, как всё прошло.

Несмотря на то, что он вставил своё замечание с обычной ухмылкой, мне показалось, что фельдшер хотел, чтобы у меня всё получилось.

Я еле сдержался от того, чтобы направиться прямо в комнату Эми, чтобы доказать неправоту фельдшера. До этого я поступал необдуманно, и результаты были не слишком выдающимися. Если я собираюсь сделать это, мне нужно определиться, что и как я буду говорить. Будет о чём подумать в классе. Скорее всего, до большой перемены я придумаю, что сказать. Я смогу это сделать.

* * *

Прозвенел звонок, я захватил свой ланч и полетел вверх по ступенькам, чтобы быть там первым. Мне нужно будет попросить Рин уйти, и ещё мне нуж…

— Привет, Хисао! Извини, что не смогла побегать с тобой сегодня утром! Я проспала!

Почему-то Эми и Рин пришли на крышу раньше меня. Стоп, проспала? Неожиданно.

— Да без проблем. Полагаю, вчерашний день был несколько… выматывающим, — осторожно отозвался я, памятуя о вчерашней вспышке чемпионки.

Выражение на лице Эми ни капли не изменилось.

— Да, извини! А потом у меня было такое странное утро!

— Ммм, правда?

Всё оставшееся время Эми продолжала беспечно молоть языком. Я еде успевал вставить хоть слово, и вскоре понял, что участвую во всё той же пустой болтовне, что была характерна для нашего раннего общения. Очевидно, я не приближусь к решению этой проблемы на большой перемене. Но я понимал: Эми, конечно, не хотела ненароком втягивать в это Рин, что хорошо. Не думаю, что Рин было до всего этого дело, но я с уважением отнёсся к деликатности Эми в этом вопросе.

Попоробую подойти с другой стороны.

— Слушай, Эми, а чем ты после уроков занимаешься? Может, сходим куда-нибудь пообедать, а? — предложил я.

Бегунья выглядела полной раскаяния.

— Прости, Хисао! Я обещала капитану команды, что задержусь после тренировки и помогу другим ребятам! Как-нибудь в другой раз.

— Ладно, без проблем… — я постарался ничем не выдать своего разочарования.

Честно говоря, я не представлял, что мне теперь делать. Похоже, поднимать эту тему на следующий же день было плохой идеей. Возможно, она ещё злилась и просто не показывала этого. Кроме того, раз у неё есть свои обязательства перед командой, пусть пока займётся ими, верно?

На следующий день я мысленно проработал несколько вариантов разговора. И на следующий. Я просыпался, шёл на пробежку с Эми (в течение которой она отказывалась говорить о чём бы то ни было, кроме бега и своих вечерних занятий) и потом на крышу, есть ланч и болтать до самого звонка.

Её новые обязанности не позволяли мне видеться с ней вне школы. Возможно, просто как предположение, я не препятствовал этому, потому что этот путь был наиболее безопасным, как и говорил фельдшер.

Пусть он и был более безопасным, но я чувствовал себя всё более и более несчастным. Всякий раз, когда я её видел, Эми выглядела неважно; под её глазами пролегали тёмные круги, и она как будто всё больше отстранялась, а я не мог заставить себя просто поинтересоваться, что происходит, потому что каждый раз момент казался неподходящим.

Я просто жалок.

* * *

Наступила очередная большая перемена. Я плёлся по лестнице на крышу, словно приговорённый к смертной казни. Рин уже там, но Эми ещё не было. Я начал беспокоиться, не случилось ли с ней чего-нибудь. Вдруг она слегла из-за недосыпания или чего похуже? После утренней пробежки она выглядела очень уставшей. Быть может, она заснула и даже не пошла на уроки.

— Привет, Рин. А где Эми? — поздоровался я с художницей с лёгкой улыбкой.

В ответ она бросила на меня пронзительный взгляд и, кажется, слегка нахмурилась.

— Эта информация так уж важна? — не понял, это что ещё за реакция?

— Думаю, да. Она же обычно тут с тобой, разве нет? — слегка насторожено пожал я плечами.

— Не знаю. Я ни в чем не могу быть уверена, — ответила Рин в чуть более мрачной манере, чем обыкновенно. Да что это с ней?

— Могу подтвердить, всё именно так: она обычно здесь, с

тобой, когда сюда прихожу я.

— Ну, а сейчас её нет. Это тебя беспокоит? — спросила меня художница с несвойственной ей агрессией.

— Ну да, немного, — ответил я, всем своим видом показывая, сколько для меня значит это «немного».

— Хм, — отозвалась девушка, кажется, чуть более благосклонно.

На этом наш разговор закончился, да и тема потеряла актуальность, поскольку в дверь, ведущую на крышу, с присущей ей энергией влетела Эми.

— Хисао о тебе в некотором роде волнуется, Эми. Не знаю, точно ли он в это уверен, а может, просто я ему не верю, но я собираюсь пойти куда-нибудь, где не такая неловкая атмосфера.

Я был настолько удивлён необычной прямотой Рин, что мне оставалось только в ошеломлении смотреть, как она выходит за дверь. Эми была поражена в не меньшей степени, причём её лицо наливалось краской, пока она стояла и с открытым ртом смотрела на меня. До меня дошло, что неплохо было бы хоть что-нибудь сказать, лишь бы нарушить внезапно окутавшее нас неловкое молчание.

— Ну, тебя же не было, когда мы пришли. Вот я и… э-э-э… Беспокоился, — наконец выдавил я из себя несколько подходящих слов.

— Почему? — удивилась спорсменка, недоумевающе глядя на меня.

— Ты ведь обычно уже здесь, когда я поднимаюсь, вот я и волновался, не случилось ли с тобой чего, — пожал я плечами. Ксо, я снова отступаю, снова делаю шаг назад!

— Ну, знаешь ли, это не первое моё опоздание. И ты каждый раз так переживал? — слегка усмехнулась она. По-доброму усмехнулась, без малейшего намёка на яд или сарказм.

— Ну… не совсем, — признал я, тоже с лёгкой усмешкой.

Мой ответ, кажется, слегка позабавил Эми. Не знаю почему, но это немного вывело меня из себя.

— И почему же этот раз стал исключением?

Может, это из-за лёгкого дразнящего тона, которым был задан этот вопрос, может, ещё из-за чего, но что-то заставило меня ответить ей начистоту, хотя и не без подначки.

— Да потому, что я себе места не нахожу с того самого ужина у тебя дома, вот почему! — воскликнул я, всплеснув руками.

Ну вот. Тема снова открыта. Глаза у Эми стали похожи на два блюдца, да и выглядела девушка так, будто боролась с желанием убежать отсюда подальше. Но она всё же пересилила себя.

— А, ты всё никак не перестанешь об этом думать, я

погляжу, — со вздохом сказала бегунья.

— А что, думаешь, я просто взял и забыл про это? Ты меня выставила за дверь! И мы уже почти неделю ходим с таким видом, будто ничего не случилось!

— Но я что-то не заметила, чтобы ты эту тему поднимал, знаешь ли.

— Знаю, и очень сожалею об этом. Нам нужно это обсудить, или всё так и останется на той же непонятной стадии, что и сейчас. Ты в курсе, что у меня последнее время сердце сжимается, когда я вижу, как ты выглядишь? Эти круги под глазами, этот отвлечённый блуждающий взгляд… Конечно же, я волнуюсь, не моя ли в этом вина, — я закусил губу и не отрываясь смотрел ей в глаза.

— Не твоя. Поверь мне, — Эми прикрыла глаза и отрицательно покачала головой, что меня нисколько не успокоило.

— Даже если так, я ничем тебе не помог. Только подталкивал к разговорам, на которые ты не была готова пойти; может, я и был неправ, когда попросил помощи у твоей мамы, но, пойми же, я так беспокоился, что места себе не находил и не мог придумать ничего лучше, — я протянул к ней руки в мольбе.

— Ну, больше не волнуйся обо мне, ладно? Думаю, предельно ясно, что мы не подходим друг другу, поэтому, может, нам лучше… прекратить всё это. — Эти слова Эми произнесла с перекошенным лицом, будто не хотела этого делать, но всё же заставила себя. Проклятье, да она едва не плачет!

— Ты ведь не хочешь этого, так? — требовательно спросил я. Только не отступать, не снижать напор! Всё должно решиться прямо сейчас. — Блин, да ты еле можешь заставить себя заговорить об этом! Так или иначе, я от этого не стану меньше переживать за тебя. Ты для меня слишком важна, чтобы можно было взять и по команде остановиться. Не хочешь говорить в чём дело? Хорошо, но я от этого не перестану пытаться помочь тебе, даже если вся моя помощь будет заключаться только в том, что я буду рядом с тобой.

— Прекрати! — крикнула чемпионка.

Эми уже всю трясло, а в её взгляде читались страх, раздражение и ещё миллион разных чувств сразу. Я медленно окачал головой и подхожу на несколько шагов ближе.

— Знаешь, что мне сказала твоя мама? Она сказала, что ты никогда не стала бы просить о помощи, потому что считаешь себя достаточно сильной, чтобы справляться со всеми трудностями самостоятельно… Но это ведь не вся правда, не так ли?

Её глаза расширились от изумления, и она отступила на шаг

назад. Я продолжал говорить, поскольку мне казалось, что я наконец всё понял, а глубоко внутри ярко горело осознание того, что лучшего шанса может и не быть. Я и так слишком долго это откладывал.

— Нет ничего страшного в том, что тебе кто-нибудь помогает, если только ты, конечно, нуждаешься в этой помощи. Ты ведь наугана, так? Из-за…

Я задумался, потому что я не знал всех подробностей случившегося с отцом Эми, а делать необоснованные выводы мне не хотелось. В этом случае и точно угадывание, и промах могли мне только помешать.

— Ну, неважно, из-за чего, но бояться совсем не зазорно. Ты так долго убегала, и от своих страхов, и от меня, хотя и знала, что в конце концов тебе придётся обернуться и столкнуться со всем лицом к лицу. И, когда ты это сделаешь, я буду здесь, рядом с тобой, и помогу тебе. Я не остановлюсь, потому что не думаю, что ты бы этого хотела. Тебе ведь понятна подобная решимость, не так ли?

Я видел, что мои слова до неё дошли, но Эми вновь ответила мне со злостью, пытаясь оттолкнуть от себя.

— Опять за старое, Хисао? На белом коне гарцуешь? Хочешь помочь несчастной калеке с её личными проблемами? Да что ты знаешь обо мне и о том, с чем мне уже пришлось столкнуться лицом к лицу?! Думаешь, весело было два месяца заново учиться ходить? Но я справилась, а потом мне пришлось…

На мгновение мне показалось, что она вот-вот продолжит свою мысль, но Эми оборвала себя на полуслове.

— И после всего этого, ты считаешь, что не справишься со своим страхом? — поймал я её на слове, и тут же продолжил, мягко, но настойчиво. — Эми, я и помыслить не могу, через что тебе пришлось пройти… Но ты ведь смогла это сделать и стала такой, какая ты есть сейчас. А это значит, что ты сильнее, чем тебе кажется. Так что я помогу тебе не из-за того, что ты в этом нуждаешься. Я не хочу быть рыцарем на белом коне, спасающем бедную даму, но ведь даже рыцари помогали друг другу, знаешь ли. Пойми, я хочу помочь тебе, даже зная, что ты прекрасно справишься и без меня.

Долю секунды Эми выглядела так, словно вот-вот окончательно выйдет из себя, но этого не произошло. По её щекам внезано заструились слёзы, но она смотрела на меня не отрываясь.

— Почему ты так стараешься помочь мне? — в голосе девушки была такая мука, что не ответить было бы смертным грехом.

— Я, конечно, могу сказать, что это в благодарность за твою помощь при первой нашей встрече, но это не будет правдой. На самом деле я просто хочу, чтобы ты была счастлива, потому что люблю тебя, — вздохнув, признался я.

Говорил ли я эти слова раньше? Мы были близки, и было очевидно, что я её люблю, но произносил ли я это когда-либо вслух?

— Что ты сказал? — чуть дыша переспросила меня девушка.

Я вновь повторил эти три заветные слова, наслаждаясь тем, что вообще могу сказать кому-то такое от всего сердца. Эми, кажется, была в шоке.

— Я сказал, что люблю тебя, Эми. Я тебя люблю. Только тебя. И поэтому я хочу быть рядом независимо от того, с чем тебе придётся столкнуться, — произнёс я со всей нежностью, на которую был в тот момент способен.

Я тут же оказался заключён в пламенные объятия Эми, которая зарыдала, уткнувшись мне в грудь.

— Прости меня! Прости, пожалуйста! Прости меня за всё, но я так боюсь, Хисао, так до ужаса боюсь потерять тебя, потому что тоже люблю, но просто не переживу, если потеряю тебя, да и просто… прости меня!

Я молча обнял её, нашёптывая ласковые слова, пока она не успокилась. Она отступила, выглядя чуточку увереннее.

— Сходишь со мной завтра? Ко мне домой? Мне нужно показать тебе кое-что, если я всё-таки решусь, — робко попросила спортсменка.

— Конечно, схожу. Может, на этот раз, мы уйдём вместе, а не раздельно, как тогда. — уверенно кивнул я в ответ.

Улыбка, появившаяся на лице Эми, засияла как лучик света в тёмном царстве последних недель, искренняя и радостная.

— Ага, может быть.

Прозвенел звонок на урок, и я тотчас проклял умение Вселенной выбирать самый неподходящий момент.

— Ты сегодня вечером свободна? Мы ведь сможем подробнее всё обсудить, да? — взяв свою девушку за руку и доверительно заглядывая ей в глаза спросил я.

Бегунья покачала головой.

— Извини, Хисао, но я всё ещё помогаю команде по бегу. И я считаю, что будет лучше, если мы не будем обсуждать это сегодня вечером. Я буду слишком уставшей, чтобы размышлять трезво, и вряд ли смогу рассказать тебе всё так, чтобы ничего не испортить. Ты ведь подождёшь, правда?

Даже сейчас в её голосе была нотка страха. Я улыбнулся и положил руку ей на плечо.

— Хорошо. Я подожду, — надеюсь, что она уловила в моих словах веру в неё.

Эми быстро меня поцеловала, прежде чем направиться к лестнице.

— Спасибо, Хисао. Увидимся завтра утром.

— Непременно.

Я спускался по лестнице, до сих пор чувствуя тепло её губ. Внезапно я понял, как сильно скучал по этому ощущению. Надо не забыть поблагодарить Рин за то, что заставила нас поговорить друг с другом. Вполне возможно, что она даже не осознавала того, что сделала. Но, если бы не она, сомневаюсь, что смог бы поговорить с Эми снова.

Кажется, я нуждался в помощи больше, чем думал. Но всё же завтра мне придётся столкнуться с тем, что Эми так долго готовилась мне сказать.

Я буду готов к этому. Надеюсь.

* * *

Утреннее солнце ярко светило в открытое окно. Звук будильника быстро заставил меня подняться. Этой ночью мне спалось на удивление хорошо и спокойно от осознания того, что у меня есть ещё один шанс с Эми.

Если я смогу удержаться от того, чтобы не натворить глупостей, может быть я выясню, что же её так гложет в последнее время. У меня было несколько догадок, но ничего конкретного. И, конечно, ничего такого, что я мог сказать ей; я бы предпочёл, чтобы она сама мне всё рассказала.

Также я постоянно вспоминал, что фельдшер предупредил меня о том, что мне может не понравиться то, что она хочет мне сказать. Действительно ли я так сильно хотел это знать? Быть может, это что-то ужасное, что могло оттолкнуть меня от неё? Мог ли я сказать, что готов выдержать всё, что она скажет, независимо от того, что это будет? Эми сказала, что хочет рассказать мне всё «так, чтобы ничего не испортить». Что она имела в виду? Что можно испортить?

Полагаю, что от излишнего беспокойства толку мало. Всё скоро прояснится. Кажется, сегодня мне действительно нужна пробежка, чтобы очистить голову от ненужных мыслей.

Эми ждала меня, как и обещала. Она выглядела слегка осунувшейся, но, несмотря на это, весёлой и бодрой. Намного более весёлой и бодрой, чем всю предыдущую неделю.

— Хисао! Ты опоздал! — весело воскликнула спортсменка,

едва увидела меня.

Я пренебрежительно махнул рукой.

— Ерунда! Просто ты пришла рано.

Эми ответила ухмылкой, и возникло такое ощущение, что наши отношения вновь вернулись на круги своя. Но теперь не только я, но и Эми хотела сделать ещё один шаг вперёд. Хотя частичка меня боялась, что она отступит в последнюю секунду.

— Хисао, поторопись размяться! Я не хочу опоздать на автобус!

— Автобус? — опешил я. Вот чего-чего, а этого я не ожидал.

— Я говорила, что хотела, чтобы ты ещё раз пришёл ко мне домой, помнишь? И я обещала маме, что мы успеем к ланчу, так что поторопись! — велела чемпионка.

— Ранний старт, а? — подмигнул я.

— Это больше для удобства моей мамы, — ответила она.

— Ну, тогда всё нормально.

Ещё пару секунд я безуспешно пытался угадать, что же Эми запланировала, а затем понял, что это не так уж и важно. Я быстро размялся, пока Эми нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. Она и правда хотела начать побыстрее.

Пробежка закончилась так быстро, что я с трудом поверил в то, что не упал замертво. Эми задала стремительный темп, и я, по своей глупости, бежал с ней наравне. Ну, кроме нескольких последних кругов. Мне пришлось на всякий случай замедлиться. Но ничего страшного в этом не было, да и Эми терпеливо ждала, пока я закончу. Настолько терпеливо, насколько умела, конечно.

— Закончил? Отлично! Пошли! — Она схватила меня за руку и практически потащила в сторону медкабинета. Что-то это мне напоминает… Но только с сердцем у меня на сей раз всё в порядке.

— Ты, видно, торопишься, Эми. Пытаешься успеть на самый ранний автобус? — подмигнул ей фельдшер, встретив нас на пороге кабинета. Похоже, он был осведомлён о планах Эми больше меня. Пускай. Всё равно я скоро всё узнаю.

— Ага, я сказала маме, что приеду к ланчу, — согласно кивнула спортсменка.

— Хорошо, тогда я сперва займусь тобой, — Судзуки-сан сделал мне жест покинуть кабинет и подождать в коридоре. Не тут-то было.

— Но Хисао тоже едет со мной! — горячо возразила моя девушка, схватив меня за руку.

В ответ на это фельдшер приподнял бровь и с любопытством на нас посмотрел.

— Серьёзно? Сегодня, да?

В ответ Эми кивнула и удивительно робко улыбнулась.

— Хорошо. Тогда мы должны закончить побыстрее.

Эми зашла в медкабинет, а я терпеливо ждал снаружи, пока они закончат, задаваясь вопросом, почему фельдшер был так удивлён заявлением Эми. Мне казалось, что я не понимаю какой-то шутки или значимости этого дня. Кроме того, что этот день почему-то без сомнения был важен. В подтверждение своих слов, фельдшер отпустил Эми на удивление быстро, и, после обещания встретиться у главных ворот, я занял её место.

Судзуки-сан измерил мой пульс и прислушался.

— Твоё сердце бьётся чаще, чем обычно. Опять загонял себя, да?

— Ну, Эми, похоже, слишком спешила закончить с бегом и… — развёл я руками. В мои планы не входил пункт «препираться с фельшером на пустом месте», особенно когда меня ждала моя девушка.

— Хм, я не удивлён. Сегодня очень важный для неё день, знаешь ли, — заметил он.

— Я подозревал, что в этом всё дело, но я не представляю, что особенного в этом дне, — ответил я.

— Она не рассказала тебе? Интересно, — фельшер обхватил рукой подборок и усмехнулся.

— Значит, и вы не собираетесь мне этого рассказывать? — не то, чтобы я не догадывался об этом, но хотелось бы уточнить…

— Нет. Я подозреваю, что у Эми есть план, как всё тебе объяснить, и я не хочу в это вмешиваться. Ты сам всё скоро узнаешь, так что, к чему спешить? А теперь по поводу твоего сердца: я бы посоветовал не перенапрягаться в течение дня. Никаких спонтанных забегов или чего-то в таком духе, понял? — погрозил фельдшер мне пальцем. Как мне показалось — в чисто профилактических целях.

— Понял. Она всё равно не будет надевать свои беговые протезы, так ведь? — пожал я плечами.

— Нет. Но не мечтай, что это её остановит…

— Тоже верно, — с этим трудно было спорить.

— Вряд ли, конечно, сегодня это будет играть какую-то роль, но всё же.

Если он пытался меня успокоить, то его усилия были тщетны. Более того, они привели к совершенно противоположному эффекту. Я начал всё сильнее и сильнее переживать из-за того, что сегодня произойдёт. Например, я узнаю, что Эми состоит в каком-то культе или что-то в этом роде.

В то же время, если сегодняшний день имеет настолько большое значение, и Эми хотела, чтобы я был рядом, может, она

действительно хотела стать ко мне ближе. Возможно, это будет ответом на все загадки, на все бессонные ночи и внезапные смены настроения.

Я едва не забыл поблагодарить фельдшера и добрался до своей комнате так быстро, как только смог. Принял душ, накинул на себя достойно выглядящую одежду. Если сегодня настолько важный день, то я должен быть одет подобающе.

Эми, конечно, подтвердила обратное, как только я добрался до главных ворот. На ней были обычные топ и шорты. Ну, теперь я хотя бы знал, что это мероприятие, чем бы оно ни было, неофициальное.

— Ты рано, Хисао.

— Не так рано, как ты. Не терпится, так ведь?

Эми задорно показала мне язык.

В этот час на автобусной остановке было не так много народу, что, кажется, обрадовало Эми, и мы даже успели немного расслабиться, пока ждали. Какое-то время мы оба молчали, но я был уверен, что Эми пыталась собраться с силами и что-то сказать. Мне самому сказать было нечего, поэтому я сидел и ждал, пока она заговорит. И ждал недолго.

— Ну, я уверена, что тебе интересно узнать, почему федьдшер подумал, что то, что я беру тебя с собой сегодня — странно… — начала бегунья не слишком-то уверенным голосо.

— Есть немного, но если ты не готова мне рассказать… — сделал я предостерегающий жест. Не желаю её ни к чему сейчас принуждать, особенно, когда она сама готова открыться.

Эми приложила палец к моим губам, не давая закончить предложение.

— Не искушай меня, Хисао. Я хочу рассказать тебе, но не уверена, как правильно к этому подойти. Я не хочу откладывать это дальше. Я просто хочу иметь возможность рассказать это.

— Так расскажи.

— Знаешь, для меня это не так просто, Хисао, — вздохнуда девушка.

— Подойди к этому, как к бегу, — предложил я. — Начни разогреваться с чего-то незначительного и отталкивайся от него. Но не делай этого слишком быстро, ладно? Я терпеливый человек, я могу и подождать, пока ты соберёшься с мыслями.

Чемпионка, кажется, обдумывала мои слова, соизмеряя их с желанием покончить со всем побыстрее. Признаюсь, несмотря на то, что я продолжал убеждать её, чтобы она не торопилась, я также не был против, если бы она поскорее со всем этим закончила. Но я нутром чуял, что Эми, чтобы всё объяснить, вероятно, нужно было больше времени, чем одна поездка на

автобусе.

— Да, возможно, ты прав. В любом случае автобусная остановка, наверное, не самое лучшее место для подобных вещей. Чтобы ты не думал, что я уклоняюсь от данного слова, скажу вот что. — Она сделала глубокий вдох, выдохнула, и, спустя ещё мгновение, произнесла тихим голосом. — Сегодня мы повидаемся с моим отцом.

Слова повисли в воздухе, и я видел, что Эми боялась, что я запаникую и исчезну, услышав это. И часть меня действительно хотела так поступить. Но было бы глупо отступить или внезапно нарушить обещание быть рядом с Эми, когда она нуждается во мне.

Фельдшер считал странным, что она взяла меня с собой. Она не брала никого с собой, или, готов поспорить, никогда не брала до сегодняшнего дня. День приобретал всё большую значимость. На что же пришлось пойти Эми, чтобы зайти так далеко?

— А. — И почему это лучшее, что я могу сказать в ответ?

— Ага.

— Я, эм, не знаю, что я должен сказать, — честно предупредил я. Уж лучше так, чем потом выглядеть идиотом.

— Думаю, что ничего. Просто пообещай, что поедешь со мной, — мягко попросила чемпионка.

— Конечно! Ты же знаешь, что я поеду, — ободряюще сжал я её руку.

Эми тускло улыбнулась и выглядела при этом чуть спокойнее.

— Хорошо. В таком случае нам пора.

Едва она закончила предложение, как подъехал автобус.

Поездка прошла в молчании. Не слишком тягостном, но имеющем какой-то торжественный оттенок.

Как только я вышел из автобуса, в голову пришли смутные воспоминания о моей первой поездке, но, к сожалению, они оказались слишком смутными, чтобы от них была хоть какая-то польза. Я честно признался, что не очень хорошо помню, как пройти к дому Эми, и поэтому позволил ей меня вести. Она, кажется, была довольна тем, что мы шли молча, а у меня не было ни одной идеи о том, что ей сказать, и мы добрались до её дома так и не проронив ни слова с того момента, как вышли из автобуса.

Мать Эми открыла нам дверь и не выглядела удивлённой, увидев меня рядом со своей дочерью. Я догадался, что Эми позвонила заранее и предупредила маму об изменениях в планах.

— Эми, Хисао, вы как раз вовремя! Ланч скоро будет готов, — приветствовала нас Ибарадзаки-сан.

— Отлично! Я боялась, что мы опоздаем, — с облегчением выдохнула бегунья.

— Если учесть, с какой скоростью ты делала всё этим утром, я вообще сомневаюсь, что был хоть малейший шанс опоздать, — заметил я на это.

— Я очень надеюсь, что она не сильно беспокоила тебя, Хисао. Она начинает слегка страдать паранойей, когда в деле замешана еда, — как бы между прочим сообщила Мейко-сан.

— А я-то и не заметил, — делано изумился я, подмигивая своей девушке.

Это стоило мне шлепка по руке от Эми, которая, несмотря на всю серьёзность разговора на автобусной остановке и прогулку в задумчивом молчании, внезапно снова стала жизнерадостной. Возможно, чтобы её мама не волновалась о том, что она собирался рассказать мне позже.

Ибарадзаки-сан проводила нас внутрь, и через пару мгновений мы уселись за стол и принялись поглощать ланч. Я даже не представлял, насколько проголодался, пока не сел за стол. На этот раз я, кажется, ел столько же, сколько и Эми.

— Господи, как же хорошо, что я так много наготовила. Вы так жадно набросились на мою стряпню, будто не ели несколько дней! — оценила наш аппетит мама Эми.

— Я утром не позавтракал, — извиняясь за свою прожорливость, объяснил я.

— Я тоже, — кивнула Эми.

— Торопились на автобус, я полагаю?

— Да, и я догадывалась, что ты наготовишь так много, что я вполне смогу позволить себе пропустить завтрак, — согласилась с ней дочь.

— Хорошо знать, что я предказуема. — пошутила Мейко-сан.

Эми с энтузиазмом кивнула, и общение затихло, пока мы очищали стол от съестного. Еды было так много, что мы оказались не в состоянии съесть всё.

Я со вздохом откинулся в кресле и поблагодарил Ибарадзаки-сан за еду.

— Я рада, что тебе понравилось, Хисао, — довольно сказала она. — Эми сказала тебе, куда мы пойдём?

— Ага, в общих чертах. Это далеко?

— Не особо, но мы едем на машине — так быстрее, — вставила спортсменка. — Оно рано закрывается.

Я понимающе кивнул и встал, готовый ехать.

— Ну что ж, не пора ли нам?

Ибарадзаки-сан кивнула мне в ответ и вышла из комнаты за ключами от машины. Я заметил, что Эми начинает нервничать.

— Сомневаешься? — понимающе спросил я.

Эми натянуто улыбнулась и пожала плечами. Она снова молчала, что, скорее всего, говорило о том, что я был прав и она начала жалеть, что взяла меня с собой. Не могу её винить; после того, как она так сильно старалась отшить меня, сомневаюсь, что она легко мне откроется. Если честно, я боялся, что она слишком торопится.

Но, пока мы ждали автобус, она сказала, чтобы я не давал ей шанса отступить, и, поскольку я всё равно пообещал, что поеду с ней, похоже, у неё не осталось выбора. Я не мог отступиться от своего обещания, а она — от своего.

Я лишь надеялся, что мы оба готовы к этому.

— Выходим! — раздался голос Мейко-сан.

Мама Эми достаточно быстро прошла через столовую, забрала нас и быстрым темпом направилась к дверям. Теперь я знаю, в кого Эми такая.

* * *

Автомобиль уже подъезжал к воротам кладбища, когда я почувствовал, как напряглась Эми, сидевшая рядом со мной. Я успокаивающе сжал её руку, и она немного расслабилась.

Мама Эми не пошла вместе с нами, объясняя это тем, что она предпочитает посещать могилу в одиночку. Эми прошла в ворота и обернулась, будто хотела убедиться, что я ещё здесь. Мы зашли на кладбище.

Я чувствовал себя некомфортно на кладбищах. Разбросанные в беспорядке надгробия служили напоминанием о людях, которые были когда-то живы. Как много из них умерли молодыми? Как много умерло в моём возрасте? Когда я скончаюсь, оставив после себя такую же метку? Сколько мне ещё осталось?

Сама идея того, что я могу не проснуться и больше не увидеть Эми, явно была не самой радостной. Она пугала меня, и я почти был готов развернуться и выйти с кладбища.

Я не желал ходить среди мёртвых людей, я не желал видеть эти надгробия и думать о том, кем они были и кем они могли бы стать, имей они хоть чуточку больше времени. Затем я поглядел на девушку, идущую рядом со мной, и смелость вернулась ко мне. Эми с ясным взглядом целеустремлённо шагала по дорожке, фактически бежала трусцой. Похоже, она думала, что чем быстрее мы придём, тем лучше.

— Мы пришли, — сказала бегунья и замерла в молчании.

Надгробный камень, поросший травой, и в целом ничем не

примечательный, кроме имени, которое на нём выгравировано. Имя её отца. Взгляд Эми был прикован к этому камню. Через пару секунд она повернулась ко мне, на удивление спокойная, хотя и мрачная.

— Знаешь, вообще-то я не люблю розовый, — неожиданно сообщила чемпионка напряжённым тоном.

— Э, что? — опешил я. Это-то тут причём? Лучшего способа ошеломить меня Эми выбрать не могла.

— Я разминаюсь перед главным, — в том же духе продолжила она.

— А…

— Люди думают, что я люблю розовый. Наверное, это потому, что я люблю клубнику, и неважно, что она красного цвета, они считают, что розовый — подходящий цвет для клубники. И что это мой любимый цвет. Но это не так. Я слишком вежливая, чтобы кому-то сказать, что это не так, да и это совсем не та вещь, из-за которой стоит переживать, но я могу поспорить, что даже ты считал, что мой любимый цвет — розовый. Синий. Вот мой любимый цвет. Мои мама и папа — единственные, кто об этом знали. Теперь и ты тоже знаешь. — Всю эту речь бегунья проговорила чётко и медленно, слегка прикрыв глаза.

— Спасибо, что рассказала мне, — слегка склонил я голову, показывая, что польщён. С одной стороны — мелочь, но с другой — знак доверия.

— Не за что.

Повисла небольшая пауза, пока Эми решала, что сказать дальше, и делала быстрый вдох.

— Я не смогу чисто спеть даже под угрозой смерти. Я могу напевать под нос, но я никогда не могла действительно спеть песню. Для меня это и не важно, в любом случае я не фанат караоке.

— Ну, одну потенциальную идею для свидания теперь можно выбросить, — отметил я.

— Люди считают, что я действительно популярна и очень дружелюбна, но у меня всего лишь несколько близких друзей, — та-ак, а вот теперь, моя девушка начала говорить действительно важные вещи. — Возможно потому, что я никого к себе не подпускаю, или же из-за боязни потерять близкого друга. Не так много людей достойны подобного риска. Я не умею говорить «прощай».

— Иногда мне кажется, что я бегаю просто потому, что это то, чем я занималась вместе со своим отцом, — продолжала Эми печальным голосом.

И ожидаемо, и неожиданно.

— Ты не первый мой парень. На втором году обучения в «Ямаку» я встречалась парнем, но в итоге мы расстались, потому что я не хотела подпускать его ближе. Он не смог смириться с отдалённостью между нами.

Скорость, с которой она произносит слова, немного увеличивается, как будто это последний рывок перед финишной прямой. И хотя я благодарен ей за такую откровенность, но *эту* информацию желал бы получить не сейчас.

— На самом деле, я на год старше тебя. Все думают, что я младше, потому что я маленькая, но мне пришлось пропустить год из-за аварии.

Вот. Самое главное. То, о чём Эми прежде старательно избегала говорить. Я обратился в слух.

— Когда меня вытащили из разбитой машины, они думали, что я парализована. К тому моменту я уже лишилась ног, но они боялись, что я не смогу использовать даже то, что от них осталось. После операции стало ясно, что они ошибались. Я не могла чувствовать ноги из-за шока. Кратковременный паралич из-за других полученных мной травм. Моё восстановление было самым быстрым из всех, которые которые они когда либо видели, по крайней мере, они мне так сказали. Я никогда не узнаю, говорили ли они это серьёзно или говорят это всем, кто заново учится ходить. Я…

Она остановилась на секунду, собираясь перед последним рывком.

— Восемь лет назад в этот день я потеряла свои ноги. И своего отца. Он умер по дороге в больницу. Я не была на похоронах. Я смогла попасть на кладбище только два месяца спустя.

— Мне очень жаль, — тихо сказал я. Это было лучшее, что мне пришло в голову. Я не мастер ораторского искусства и часто не умею молчать, когда это нужно. Но сейчас, слава ками, такой ошибки я не совершил.

— Не стоит, — махнула рукой Эми. — Все говорят, что им очень жаль. Надоело постоянно это слышать. Как будто кто-то мог что-то сделать, чтобы всё это изменить. Знаешь, какие слова принесли мне наибольшее облегчение? «Такое иногда случается». Я даже не помню, кто это сказал, но, похоже, он не придумал ничего лучшего.

Но ведь это правда. Такие вещи иногда случаются, и ты ничего с этим поделать не можешь. Их нельзя запланировать, они не всегда плохие и не всегда хорошие, они просто случаются. И я приняла решение, что буду жить, не заботясь о будущем. И, чтобы мне никогда больше не приходилось говорить «прощай», я

решила, что никого не буду подпускать близко.

В конце концов, их могут забрать у меня в любую минуту. И знаешь что?

Чемпионка рассмеялась. Её смех слегка отдавал горечью. Её глаза начали наполняться слезами, и я сделал шаг вперёд, чтобы обнять её, но она подняла руку, чтобы остановить меня.

— Я не закончила. — Бегунья сделала глубокий вдох и продолжила. — И у меня прелестно получалось! Пока я не встретила тебя и не увидела, как ты пытаешься привыкнуть к школе, и я подумала, что помогу тебе, а ты был так мил, и я не смогла с собой справиться, я просто…

Слёзы уже текли ручьём из её глаз, и в этот раз она приняла мои объятия. Окончание предложения Эми произнесла уткнувшись мне в грудь.

— Я пыталась не влюбиться в тебя, но влюбилась. Я пыталась удержать тебя на расстоянии, как в случае с первым парнем, но не смогла. Я была так напугана, потому что не хочу тебя терять, но могу потерять в любую секунду…

— Эй, я всё ещё здесь, не так ли? Может, я и не вечен, но тебе не кажется, что будет весело, пока это будет продолжаться? Мы оба могли не пережить этот день. Автобус мог разбиться или ещё что-нибудь могло произойти, но до тех пор, пока я с тобой, не думаю, что это важно, — нежно прошептал я ей.

Мне в голову пришла внезапная мысль, и я не смог сдержать смех. Я настолько сильно боялся умереть из-за своего состояния, что схватился за первую же возможность жить подольше, которую мне презентовала Эми. Но если бы не Эми, была бы у меня мотивация не бросать бег? Внезапно я понял, что Эми — та причина, по которой я хочу бегать каждый день, чтобы проводить с ней как можно больше времени. Эми растерянно подняла на меня глаза.

— Будем жить столько, сколько удастся прожить. А в конце будем знать, что провели время вместе, и я не хотел бы провести его как-то иначе. Потому что я люблю тебя Эми, и сейчас для меня этого достаточно, — заявил я, не выпуская свою любимую из объятий.

Эми улыбнулась сквозь слёзы и отошла от меня.

— Знаешь, это забавно.

— Что именно?

— Я думала, что лучший способ жить текущим моментом — это проживать его одной. Но сейчас мне тоже кажется, что по-другому нельзя. Я рада, что встретила тебя, Хисао.

— Ну, такое иногда случается, — пожал я плечами.

Какое-то время мы стояли возле могилы, пока Эми отдавала

дань памяти отцу. Когда она закончила, мы вышли с кладбища бок о бок.

Мама Эми отвезла нас обратно в «Ямаку». Всю дорогу мы молчали. Когда машина отъехала, мы помахали ей на прощание, и я бросил взгляд на девушку, висящую на моей руке.

— Как ты? — заботливо поинтересовался я.

Эми уклончиво пожала плечами.

— Я буду в порядке. Пошли.

Мы остановились у входа в женское общежитие, и я, готовый попрощаться, обернулся к бегунье.

— Почему бы тебе не зайти ненадолго ко мне? — вдруг спросила она меня.

— Хорошо, — согласился я, стараясь не показывать своего удивления.

По дороге мы молчали. Я не знаю, с чего я взял, что она попрощается со мной прямо у дверей общежития. Я просто полагал, что она захочет побыть одна. Её мама, фельдшер — чёрт, да все, кто знал о том, что значит для неё сегодняшний день, — кажется думали, что лучше оставить Эми одну. Но она взяла меня с собой на кладбище. Она рассказала мне историю о том, что случилось в тот день, когда она лишилась ног.

Она хотела, чтобы я был рядом. Мысль о значимости этого не покидала меня.

Эми открыла дверь и вошла в свою комнату, не особо заботясь о том, чтобы пригласить меня; она просто держала дверь открытой и ждала. Я вошёл, и дверь захлопнулась.

— Эй, я могу попросить тебя об одолжении? — спросила меня чемпионка.

— Конечно. Не могу гарантировать, что выполню его, но… — улыбнулся я.

Эми захихикала, притянула меня к себе, и одарила поцелуем, который начался просто как ласковый, но вскоре наполнился страстью.

— Останься со мной. Пожалуйста. — Её голос перешёл в шёпот, я еле мог расслышать его за звуком собственного дыхания.

Было что-то в том, как она произнесла это: нерешительность, тихий голос, и, мне показалось, она имела в виду не только эту ночь. Нет, она имела в виду именно то, что сказала: «Останься со мной». Не «сегодня» или «навсегда», потому что мы оба знали, что нет такой сущности как вечность.

Не было временных рамок её просьбы, была просто просьба. Мольба. Могу ли я это сделать? Могу ли я остаться с ней?

— Конечно, — мой голос звучал нежно и уверенно. По-другому и быть не могло.

Мы снова сплелись в объятиях. Эми повела меня к постели, аккуратно отступая назад, пока не села на её край. К этому моменту она уже сняла с меня рубашку, а я с неё — топ, бюстгальтер и прочее. Последними с неё слетели шорты. С отточенной лёгкостью девушка отстегнула свои ноги и притянула меня к себе на край кровати. Моя рука нежно опустилась по её гладкому плечу.

Я смотрю на её лицо, спускаюсь по щеке, следуя до округлостей груди, а после наклоняю голову, осыпая её поцелуями и слушая сбивчивое дыхание, в то время как её рука сползает всё ниже и ниже по моей груди. И, пока я поднялся вверх, к её шее, я почувствовал, как её руки работают над моим ремнём, возятся немного с пряжкой, расстёгивают сначала пуговицу, затем молнию, после чего брюки упали на пол.

Её трусики в определённом месте заметно потемнели, показывая, что мои ласки принесли свои плоды.

Я быстро отступил назад, сбрасывая трусы и возвращаясь обратно, в то время, как Эми потянулась к ящику тумбочки и вытащила оттуда маленький пакетик. Спортсменка открыла его зубами, резко дёрнув, и потянулась вниз, чтобы применить защиту по назначению, из-за чего у меня, как и всегда, немного перехватило дыхание.

Выражение её лица внезапно изменилось, когда она посмотрела на меня.

— Погоди-ка. Ты всё ещё в носках?

Я остановился и посмотрел на ноги. Отрицать было бессмысленно. Носки там присутствовали.

— Эмм, да. Это важно? — осторожно осведомился я. В тот момент я мог думать только об Эми, и столь презренные мелочи бытия были вне сферы моего сознания.

— Сними их, — велела бегунья. — Странно, что ты до сих пор этого не сделал.

— Знаешь, ты тоже до сих пор в носках, — хмыкнул я.

— Да, но мои ноги не надеты, так что это не считается.

Не в силах спорить с её логикой и желая поскорее закончить разговор, я быстро снял с себя предмет конфликта.

Мне так не терпелось вернуться к Эми, что я практически запрыгнул на неё, шутя прижимая её к кровати. Смешки и ёрзанье Эми быстро закончились, сменившись удовлетворённым вздохом, когда я вошёл в неё. Глубоко дыша и наслаждаясь ощущениями, она сжала руками простыни.

Я принялся двигаться в ней, и дыхание Эми участилось, а её уста шептали нежные слова. При этом она страстно покусывала мою шею и губы. Мои бёдра двигались настолько интенсивно, что

начали раскачивать кровать. Часть моего мозга задалась вопросом, не стоит ли мне сбавить темп, прежде чем я поддамся волнам удовольствия, быстро поднимающимся по позвоночнику.

Низ живота Эми напрягся, когда она приблизилась к развязке. Наши тела блестели от пота, и ощущение времени размылось. Звуки моего дыхания смешивались с тяжёлыми вздохами Эми, и я приготовился к финальному рывку, перед тем как отдамся надвигающейся волне наслаждения.

Тело Эми задрожало, она яростно вскрикнула, её пальцы впились мне в спину, и я тоже потерял контроль над собой. Выгнувшись и больше не сдерживаясь, я почувствовал, как оргазм волной прокатился по моему телу.

Я упал рядом с Эми, которая практически сразу же с улыбкой обвилась вокруг меня. Я был весьма признателен ей за то, что она коротко стрижёт ногти, иначе, думаю, она расцарапала бы меня до крови.

Я ненадолго встал, чтобы избавиться от использованного презерватива, и лёг обратно к Эми, которая, в свою очередь, ппривodила себя в порядок.

Мы недолго лежали в тишине, наслаждаясь тем, что мы вместе. Эми начала говорит первой.

— Эй, Хисао.

— Ммм? — лениво отозвался я. Было слишком хорошо, чтобы говорить что-то более осмысленное.

— Спасибо, что поехал сегодня со мной, — нежно прошептала чемпионка.

Я улыбнулся и поцеловал её в лоб.

— Не за что.

Эми прижалась ко мне сильнее, и я почувствовал, что её дыхание успокаивается по мере того, как она начала засыпать. Почти уснув, чемпионка вырвалась из объятий сна, чтобы пробормотать одну-единственную фразу:

— Я люблю тебя, Хисао.

Затем она заснула оставляя меня наедине с ощущением, будто я на вершине мира. Я крепче прижал её к себе, натянул на нас одеяло и уснул, чувствуя себя таким счастливым, как никогда ранее.

* * *

Утреннее солнце освещало комнату Эми значительно больше, чем мою. Из-за этого я пробудился ото сна раньше, чем проснулся бы, вернувшись прошлым вечером к себе, как у нас до этого было

заведено. Только этим утром до меня дошло, что мы ещё ни разу не проводили ночь вместе.

Небольшое движение со стороны всё ещё спящей девушки, заставило меня посмотреть в её сторону.

Эми, лицо которой закрывали распущенные волосы, продолжала мирно спать, свернувшись калачиком. Немного странно было видеть её без привычных хвостиков, но я к такому вполне мог привыкнуть. Из-за маленького размера кровати чемпионка была вынуждена прижиматься и обнимать меня, но я был совершеннейшим образом уверен, что она делала бы это и просто так. Одеяло было фактически натянуто ей на голову, и я улыбнулся, когда её нос дёрнулся, из-за одинокой пряди волос.

Неспособный устоять, я ещё немного прижал мою любимую к себе. Она, похоже, была совершенно не против. От её спокойного дыхания по моей груди пробежали мурашки. Я больше не чувствовал себя уставшим, но и двигаться тоже не хотел. Тепло тела спящей рядом Эми отбивало желание двигаться.

Я глядел в потолок, размышляя о том, как же мы до такого дошли. Наши отношения длились уже некоторое время, но настолько близки мы ещё не были. Кажется, она только вчера врезалась в меня в коридоре и, извинившись, решила поинтересоваться моим самочувствием. Но всё это переросло в нечто, чего я совсем не ожидал. В одном я был уверен точно: обретя Эми, я приложу все усилия, чтобы её не потерять.

Мои утренние размышления были прерваны движениями Эми.

Её глаза открылись, и на секунду она казалась удивлённой моему присутствию в своей кровати, как и состоянию своей одежды, то есть её полному отсутствию. Затем бегунья счастливо улыбнулась и села на кровати, глядя на меня сверху вниз.

— Доброе утро, Хисао.

— Доброе. Хорошо спалось? — в свою очередь поприветствовал я её ласковой улыбкой.

— Ага. Довольно неплохо. Трудный был денёк вчера, — вздохнула чемпионка.

Я немедленно вспомнил вчерашнюю поездку на кладбище. Не сказать, чтобы за ночь я её забыл, но сейчас в памяти всплыли все подробности. Нелёгкий, но приятный был вчера день.

— Да уж. Приятно слышать, что ты выспалась.

— А ты? — с лёгким беспокойством спросила девушка и пристально посмотрела на меня, словно ища на моём лице признаки грусти или усталости.

— Тоже неплохо, хоть ты и перетягивала на себя одеяло… — задумчиво протянул я, желая своей шуткой показать, что всё в

порядке.

В ответ на это я получил лёгкий тычок. Эми показала мне язык и захихикала. Я тоже усмехнулся, и мы оба ненадолго умолкли. Я думал над тем, как же всё-таки хорошо просыпаться рядом с Эми, даже ютясь вдвоём в тесной односпальной постели. А к хорошему быстро привыкаешь.

— Эй, Хисао… — несмело начала моя девушка.

— Мм? — вопросительно изогнул я бровь.

— Спасибо, что остался, — тихо выдохнула она.

— Да нет проблем. Хоть идти к себе не пришлось, — в шутку пожал я плечами. Я всё понимал, но не считал свои заслуги чем-то из ряда вон выходящим. Разве не должен любой нормальный парень поддерживать любимую девушку всем, чем может?

Она опять хихикнула, но затем выражение её лица вновь стало серьёзным.

— Нет, правда. Я постоянно пыталась отдалиться от тебя, считая, что поступаю правильно, а ты остался со мной. Несмотря ни на что. Ты от меня здорово натерпелся, но всё равно не бросил. Спасибо тебе. Спасибо за всё. — Свои слова бегунья подчеркнула лёгким поцелуем и взглядом, полным обожания.

Я взъерошил ей волосы, широко улыбаясь. Дуракам везёт, и в особенности мне. Пройти через сердечный приступ, реабилитацию, перевод в «Ямаку»… чтобы встретить эту девушку. Чудеса всё же случаются.

— Для тебя — всегда пожалуйста, Эми, — нежно улыбнулся я.

Я бы не смирился с мыслью о том, что придётся оставить тебя.

— Я могу оставаться с тобой и дальше, если ты не против, — моё предложение несмотря на игривость больше походило на ультиматум. Сейчас никакая сила не могла заставить покинуть меня постель самой красивой девушки в мире. Моей девушки. Ну, разве что, её присутствие в другом месте?

— Идёт, — радостно согласилась Эми, крепко меня обнимая.

Значит, решено. Не знаю, надолго ли ещё хватит моего сердца, не знаю даже, что я буду делать после того, как этот учебный год закончится. Кроме, конечно, поступления в университет. Но, пока я рядом с ней, всё будет в порядке. Мне удалось помочь ей, а Эми, в свою очередь, помогла мне. Если мы и дальше будем продолжать в том же духе, то всё будет хорошо.

— Хисао?

— А?

— Чем займёмся сегодня?

notes

Примечания

1

Сердце в Клетке (англ.)